ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

Ю. Н. ДАНИЛОВА

б. Ген. Квартирмейстера Штаба
Верховнаго Главнокомандующаго

Почто Телеграмма

Князю Г. Н. Трубецкому

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ

Великая Княгиня и я сердечно благодаримъ Васъ и Княгиню за поздрав
леніе съ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія .

Николай. —

23 Апрѣля I925 года

Шато Шуаньи

Сантени

Николай

Ю. Н. ДАНИЛОВЪ

б. Ген. Квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

IMPRIMERIE DE NAVARRE

ПАРИЖЪ - 1930

17/20

Юрий Данилов

5/I-30
Париж

ГЛАВА I-ая.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Великій Князь Николай Николаевичъ! Кто не слышалъ объ этомъ имени? Кто не судилъ о его дѣятельности, иногда вкривь и вкось! — Первый русскій Верховный Главнокомандующій въ періодъ участія Россіи въ міровой войнѣ. — Лицо, стоявшее во главѣ огромной пяти-милліонный арміи; человѣкъ, имѣвшій на своей отвѣтственности задачу защиты огромнаго государства, составлявшаго 1/6 часть всей суши земного шара. — Черезъ ряды этой арміи, за время командованія ею Великимъ Княземъ, прошли по крайней мѣрѣ еще столько же милліоновъ людей, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Подчиненную ему армію онъ умѣлъ вести къ великимъ побѣдамъ; ея достоинство онъ сумѣлъ сохранить и въ періодъ тяжкихъ неудачъ.

Окончательное сужденіе о немъ принадлежитъ, конечно, исторіи, для выводовъ которой мы всѣ еще очень близки къ событіямъ. Но на нашей обязанности и отвѣтственности лежитъ сборъ и сохраненіе обо всѣхъ историческихъ лицахъ современной намъ эпохи подробностей ихъ жизни и дѣятельности, такъ какъ только въ этомъ случаѣ образъ и значеніе этихъ лицъ могутъ быть впослѣдствіи воспроизведены съ наибольшей точностью и безпристрастностью.

По внутреннему смыслу всѣхъ русскихъ законовъ, высшее начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими силами, предназначенными для военныхъ дѣйствій, могло ввѣряться особому Верховному Главнокомандующему только въ томъ случаѣ, если царствовавшій Императоръ не выразитъ желанія принять на себя предводительствованіе войсками лично.

Отсюда и самое названіе: «Верховный Главнокомандующій», подъ которымъ надлежало понимать лицо, облеченное, въ отношеніи

командованія арміями особымъ довѣріемъ носителя Верховной власти. Въ силу этого довѣрія, никакое правительственное учрежденіе или лицо въ Имперіи не могло ему давать никакихъ предписаній, какъ равно не могло и требовать отъ него отчетовъ.

Таковы были основныя указанія русскаго «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время». Они строго отвѣчали существовавшему до войны монархическому строю Россійскаго государства. Предполагалось, что, въ случаѣ большой войны, угрожавшей существованію или достоинству русскаго государства, Русскій Царь станетъ во главѣ своихъ вооруженныхъ силъ и тѣмъ объединитъ для предстоящей борьбы силы и средства всей страны.

Однако, царствовавшій въ 1914-мъ году Императоръ Николай II-й не обладалъ данными, необходимыми для крупнаго военноначальника. Повидимому, онъ отдавалъ себѣ самъ въ этомъ отчетъ, хотя, въ соотвѣтствіи со своимъ характеромъ и изъ-за опасенія причинить ущербъ своему положенію, оставлялъ вопросъ о Верховномъ командованіи, въ случаѣ войны съ Центральными Державами, въ недостаточно опредѣленномъ положеніи. Кромѣ отсутствія необходимыхъ теоретическихъ знаній и твердой воли, Императоръ Николай II-й долженъ былъ считаться также и съ отсутствіемъ у него личнаго опыта въ предводительствованіи хотя бы въ мирное время крупными вооруженными силами. Произошло это изъ-за ранняго вступленія на престолъ по смерти своего отца Императора Александра III-го. Не могъ онъ также внутренне, передъ самимъ собой, не сознавать, что личный авторитетъ его былъ въ извѣстной части русскаго общества поколебленъ роковой внутренней политикой его царствованія, неудачей въ Русско-Японской войнѣ и революціонными переживаніями страны 1905-го года, поставившими очень остро вопросъ о переходѣ страны къ конституціонному строю и о дополнительномъ надѣленіи крестьянскаго населенія землею.

Тѣмъ не менѣе масштабъ возникшей войны требовалъ въ монархическомъ государствѣ самаго ближайшаго участія въ ней хотя бы членовъ Императорскаго дома. Таковое же могло полнѣе всего выразиться въ назначеніи Государемъ себѣ замѣстителя въ Дѣйствующей Арміи по должности Верховнаго въ лицѣ одного изъ старшихъ по возрасту и наиболѣе близкихъ Арміи Великихъ Князей.

За подобное рѣшеніе была и традиція предшествовавшей русско-турецкой войны 1877-го года, въ которой Главнокомандующими на Европейскомъ и Азіатскомъ театрахъ войны являлись, какъ извѣстно, старшіе по возрасту и авторитету Великіе Князья эпохи Императора Александра II-го.

При вопросѣ, поставленномъ именно такъ, въ разгорѣвшейся войнѣ 1914-го года не могло быть иного кандидата на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, кромѣ Великаго Князя Николая Николаевича. — Несомнѣнно, что среди всѣхъ членовъ Царствовавшаго Дома онъ былъ наиболѣе крупной, яркой и своеобразной личностью, и что поэтому онъ и являлся наиболѣе достойнымъ представителемъ дома Романовыхъ въ тяжелый періодъ міровой войны.

Эти данныя, выдѣлявшія Великаго Князя Николая Николаевича изъ среды остальныхъ членовъ Императорской фамиліи, одновременно служили предметомъ личной къ нему зависти и ревности однихъ, преклоненія и почитанія другихъ, въ особенности принимая во вниманіе его высокое положеніе въ арміи.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной небольшой, но очень характерной сценки:

— Зачѣмъ Вы, Ваше Высочество, будучи простужены, вздумали выѣхать на Крещенскій парадъ, при 15 градусномъ морозѣ, отечески выговаривалъ мой пріятель — воспитатель, одному изъ Великихъ Князей, который по степени родства стоялъ много ближе къ царствовавшему Императору, чѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

— Не могъ же я заявить, о своемъ нездоровьи, когда меня пригласилъ ѣхать съ собою такая «великая персона», какъ Николай Николаевичъ, — отвѣтилъ спрошенный.

Великокняжеская молодежь называла его «Грознымъ Дядей», выражая этими словами не столько боязнь къ его подчасъ рѣзкому и жестокому слову, сколько чувство почитанія и подсознанія его превосходства. Это поклоненіе особенно ясно подчеркивалось въ «Ставкѣ», во время наѣздовъ туда членовъ Императорскаго дома, державшихся всегда въ отношеніи Великаго Князя съ нѣкоторымъ чувствомъ подобострастія.

Великій Князь Николай Николаевичъ поражалъ всѣхъ, впервые его видѣвшихъ, прежде всего своей выдающейся царственной внѣшностью, которая производила незабываемое впечатлѣніе. Чрезвычайно высокаго роста, стройный и гибкій, какъ стебель, съ длинными конечностями и горделиво поставленной головой, онъ рѣзко выдѣлялся надъ окружавшей его толпой, какъ бы значительна она ни была. Тонкія, точно выгравированныя, черты его открытаго и благороднаго лица, обрамленнаго небольшой сѣдѣющей бородкой — клиномъ, съ остро-пронизывающимъ взглядомъ его глазъ, дополняли его характерную фигуру. Порывистыя же движе-

нія и нервная, но всегда глубоко-искренняя рѣчь зачаровывали собесѣдника, который легко подпадалъ подъ вліяніе его словъ.

Во всемъ его всегда благородномъ и рѣшительномъ обликѣ сконцентрированы были всѣ тѣ внѣшнія черты, которыя всегда подчеркивались въ царствовавшихъ лицахъ дома Романовыхъ и которыя такъ нравились и притягивали къ этимъ лицамъ многихъ и многихъ русскихъ людей!

Но у Великаго Князя Николая Николаевича, кромѣ его внѣшнихъ качествъ, были и свои, одному ему присущія внутреннія данныя, дѣлавшія его желательнымъ на посту Верховнаго Главнокомандующаго въ минувшую войну. — Званіе Главнокомандующаго русской арміей во время войны являлось въ его колѣнѣ до нѣкоторой степени какъ-бы преемственнымъ. Мы должны здѣсь вспомнить, что его отецъ Великій Князь Николай Николаевичъ (Старшій), нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ являлся Главнокомандующимъ Русскими войсками въ Турецкую войну 1877-78 г. г. на Европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Война эта въ свое время являлась очень популярной и имя Великаго Князя Главнокомандующаго глубоко врѣзалось въ памяти не только русскихъ людей, но и народовъ Балканскаго полуострова.

Это обстоятельство должно было имѣть большое значеніе при избраніи Верховнаго Главнокомандующаго въ войну 1914-го года, такъ какъ несомнѣнно, что эта война, въ отношеніи западныхъ славянъ, имѣла тотъ же характеръ войны «освободительной». Дѣятельность сына Великаго Князя Николая Николаевича (Старшаго), продолжающаго дѣло своего отца, должна была привлечь къ нему сердца всѣхъ западныхъ славянъ и создать его имени широкую популярность, особенно послѣ изданныхъ имъ воззваній къ славянскимъ народамъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Великій Князь Николай Николаевичъ, будучи молодымъ офицеромъ, впрочемъ и самъ принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ 77-78 годовъ, показавъ этимъ свое горячее участіе къ дѣлу освобожденія славянъ. Въ теченіе этой войны онъ пріобрѣлъ боевой опытъ и получилъ свои первыя боевыя награды.

Ко всему этому надо еще добавить полученіе имъ какъ солиднаго высшаго военнаго образованія, такъ и значительнаго опыта, путемъ окончанія Военной Академіи и долголѣтней выдающейся службы въ арміи. Великій Князь почти наканунѣ турецкой войны 77-78 годовъ блестяще окончилъ курсъ Академіи Генеральнаго Штаба съ серебряной медалью и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ проявлялъ склонность къ военной службѣ, близко сроднившись съ вой-

скамн. Въ ихъ рядахъ онъ прошелъ отвѣтственныя должности Командира полка и Начальника дивизіи. Затѣмъ, въ должности Генерала-Инспектора Кавалеріи, онъ руководилъ боевою подготовкою русской конницы, и самые злѣйшіе враги Великаго Князя не могутъ ему отказать въ признаніи за нимъ исключительныхъ заслугъ, которыми ознаменовалось его пребываніе во главѣ русской кавалеріи.

Въ 1905-мъ году, въ самый разгаръ революціонныхъ волненій, онъ былъ назначенъ на отвѣтственную должность Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа; съ каковой должностью онъ совмѣщалъ одно время и постъ Предсѣдателя вновь образованнаго тогда Совѣта Государственной Обороны. Въ этотъ періодъ времени ему пришлось очень близко изучить вопросъ о причинахъ существовавшаго въ странѣ недовольства и опредѣленно высказаться о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы спасти положеніе въ государствѣ.

Извѣстно, что призванный Царемъ графъ Витте находилъ единственнымъ выходомъ изъ положенія переходъ къ конституціонной системѣ управленія страной. — Впрочемъ имъ указывался и другой путь — путь облеченія особо довѣреннаго лица полнотою диктаторской власти, для подавленія «до конца» всяческихъ стремленій къ установленію свободнаго образа жизни. Но, говорилъ графъ Витте, для этого надо найти лицо, вѣрящее въ спасительность этой мѣры. Самъ же онъ ей не вѣрилъ и поэтому этотъ второй путь считаетъ для себя непріемлемымъ.

Вполнѣ очевидно, что обязанность тушителя волненій въ этомъ случаѣ должна была пасть на Великаго Князя Николая Николаевича, по его положенію Главнокомандующаго войсками столичнаго округа. Но послѣдній рѣшительно высказался противъ этого. Онъ находилъ, что военная диктатура неосуществима, вслѣдствіе недостаточности и разстройства войскъ, вызванныхъ едва закончившейся войной съ Японіей, и опредѣленно указалъ, что его личное сочувствіе на сторонѣ точки зрѣнія графа Витте. Императоръ Николай II, какъ извѣстно, принужденъ былъ уступить. Такимъ образомъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, о которомъ шла молва, какъ о реакціонерѣ, въ дѣйствительности, въ рѣшительный періодъ жизни русскаго народа, оказался на его сторонѣ, сумѣвъ отречься отъ ему привитыхъ съ ранняго дѣтства самодержавныхъ тенденцій.

Находясь въ должности Предсѣдателя Совѣта Госуд. Обороны, Великій Князь имѣлъ возможность близко подойти также къ цѣлому ряду обще-государственныхъ дѣлъ; будучи же вмѣстѣ съ

тѣмъ Предсѣдателемъ Высшей Аттестаціонной Комиссіи, онъ успѣлъ близко ознакомиться и съ высшимъ командным составомъ почти всей русской арміи.

Осенью 1902-го года Великій Князь Николай Николаевичъ былъ предназначенъ Императоромъ Николаемъ II къ командованію войсками «Германскаго» фронта, на случай войны съ Центральными Державами. Предназначеніе это сохранялось въ силѣ примѣрно до 1908-го года, и оно было сдѣлано въ предположеніи, что Государь приметъ, въ этомъ случаѣ, Верховное Главнокомандованіе, а Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ — Главнокомандованіе «Австро-Румынскимъ» фронтомъ.

Наконецъ, въ январѣ 1904-го года, въ представленный Государю Императору Николаю II Военнымъ Министромъ Генералъ-Адъютантомъ Куропаткинымъ списокъ лицъ, которыя могли бы командовать Маньчжурской арміей, по случаю предстоящей войны съ Японіей, было внесено и имя Великаго Князя Николая Николаевича. Впослѣдствіе это имя было вычеркнуто, вѣроятно въ виду желанія Государя имѣть вблизи себя лицо, могущее замѣнить на посту Главнокомандующаго столичнымъ округомъ, много болѣвшаго уже въ то время, Великаго Князя Владиміра Александровича.

Однако, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года (послѣ неудачи при Ляоянѣ и на Шахэ), когда возникли опасенія за конечную судьбу Русско-Японской войны, а русское общество постигло разочарованіе въ успѣхахъ стратегіи Генерала Куропаткина, рекомендовавшаго «терпѣніе и терпѣніе», слухи о предстоящемъ назначеніи Великаго Князя Главнокомандующимъ въ Манчьжуріи возникли снова. Они имѣли нѣкоторое основаніе, и Великій Князь уже сталъ подбирать среди близкихъ къ нему лицъ нѣкоторыхъ штабныхъ сотрудниковъ.

По мѣрѣ назначенія Великаго Князя на болѣе отвѣтственныя должности, имя его становилось постепенно все болѣе извѣстнымъ не только въ Россіи, но и заграницей. Этому послѣднему способствовали частые наѣзды въ столицу и ея окрестности членовъ другихъ царствовавшихъ Домовъ при посѣщеніи ими Русскага Императора. Кромѣ того, незадолго до войны, Великій Князь, окруженный блестящей свитой, посѣтилъ и самъ Францію, гдѣ сумѣлъ произвести сильное впечатлѣніе и гдѣ на него установился взглядъ, какъ на будущаго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, въ случаѣ войны съ Центральными Державами.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, создали въ Русской

Арміи такое впечатлѣніе, что къ началу міровой войны Великій Князь Николай Николаевичъ признавался ею единственнымъ неоспоримымъ кандидатомъ на постъ Верховнаго Главнокомандующаго. — Другого имени Русская Армія не знала.

Наоборотъ, въ придворныхъ сферахъ Великаго Князя не всѣ любили. Вѣрнѣе, боялись его популярности и не довѣряли ему, памятуя ту позицію, которую онъ занялъ въ 1905-мъ году. Эти обстоятельства явились причиной того, что въ періодъ мобилизаціи, когда выяснилась вѣроятность войны и когда состоялось рѣшеніе Государя, подсказанное ему Совѣтомъ Министровъ, остаться внѣ Дѣйствующей Арміи, былъ выставленъ въ качествѣ второго кандидата на постъ Верховнаго Военный Министръ Генералъ-Адъютантъ Сухомлиновъ.

Это былъ человѣкъ умный, способный, но крайне легкомысленный, почти до преступности, принимая во вниманіе его высокое служебное положеніе. Я не имѣю никакихъ данныхъ, подтверждающихъ предъявленныя ему въ свое время обвиненія въ государственной измѣнѣ, и скорѣе склоненъ согласиться съ мнѣніемъ, что его паденіе являлось одною изъ искупительныхъ жертвъ за грѣхи старой Россіи. Но все же не могу пройти равнодушно мимо мысли о томъ, что существовала возможность видѣть это лицо, лишенное чувства моральной отвѣтственности, во главѣ русской арміи въ столь серьезное для Россіи время, какъ война 1914-17 годовъ.

Конечно, русская армія имѣла много болѣе достойныхъ именъ, чѣмъ имя В. А. Сухомлинова, но кто же полнѣе Великаго Князя Николая Николаевича отвѣтилъ бы всей совокупности тѣхъ требованій, которымъ долженъ былъ обладать русскій Верховный Главнокомандующій во внезапно надвинувшейся войнѣ?

Такого лица не было, и 2-го августа 1914-го года, т. е., на слѣдующій день по объявленіи Германіей войны Россіи, Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Русской арміей.

Но внизу находился еще 170-милліонный народъ. — Приметъ ли онъ его? Назоветъ ли его «своимъ» вождемъ?

Вопросъ далеко не праздный. Современная война требуетъ сочувственнаго участія въ ней народныхъ массъ и потому наличія наверху «народнаго» вождя.

Я думаю, что едва ли ошибусь, сказавъ, что до войны, Великаго Князя Николая Николаевича, внѣ придворныхъ политическихъ и военныхъ круговъ, знали только по наслышкѣ. Въ обществѣ ходили разнаго рода анекдотическіе разсказы о его слу-

жебной требовательности, порывистости, даже нѣкоторой рѣзкости. — Разсказы эти распространялись въ гостиныхъ всего больше военною же молодежью, но, въ общемъ, они служили Великому Князю больше на пользу, придавая ему обликъ человѣка съ твердой волей и непреклоннымъ характеромъ. — Такъ какъ война есть дѣло прежде всего «волевое», то приписывавшіяся Великому Князю черты характера только поднимали его на извѣстную высоту, какъ военачальника.

Крайнія оппозиціонныя партіи, которыя со времени революціи 1905-го года не переставали быть активными, считали его твердымъ охранителемъ «старыхъ» порядковъ. Такое мнѣніе объяснялось самимъ происхожденіемъ Великаго Князя, кромѣ того его крутымъ характеромъ, значительно, однако, сгладившимся съ теченіемъ времени, и еще тѣмъ, что, стоя во главѣ столичнаго военнаго округа, Великій Князь долженъ былъ нести на себѣ бремя подавленія народныхъ безпорядковъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, переполненныхъ рабочими и матросами. Войскамъ Гвардіи пришлось, къ тому же, принимать рѣшающее участіе въ усмиреніи возстаній въ Москвѣ и Прибалтійскомъ краѣ.

Однако, въ противовѣсъ этимъ обстоятельствамъ, въ обществѣ были широко распространены слухи объ активномъ вмѣшательтельствѣ Великаго Князя въ пользу дарованія Государемъ Императоромъ населенію Россіи акта 17-го октября 1905-го года. — Рѣшеніе о созывѣ Государственной Думы не безъ основанія открыто приписывалось вліянію графа Витте и Великаго Князя Николая Николаевича. Подтвержденіемъ тому какъ бы служило, то тайное недовѣріе, которое съ тѣхъ поръ безусловно образовалось по отношенію къ Великому Князю при Дворѣ. — Изъ какихъ бы чувствъ это недовѣріе въ дѣйствительности ни происходило, оно, при оппозиціонномъ настроеніи массы населенія и русской общественности, только способствовало созданію вокругъ имени Великаго Князя извѣстнаго ореола.

Что касается массы простого народа, по преимуществу русскаго крестьянства, то вѣрнѣе всего предположить, что имя Великаго Князя Николая Николаевича до войны едва-ли доходило до его слуха вообще. Въ до-военное время это крестьянство стояло очень далеко отъ государственной жизни. Разъединенное большими разстояніями и плохими сообщеніями, оно жило только своими хозяйственными нуждами и его интересы едва-ли шли далѣе горизонта, очерченнаго «мѣстной колокольней».

Возможно впрочемъ, что о высокомъ служебномъ положеніи въ арміи, выдающейся внѣшней фигурѣ и суровой требователь-

ности Великаго Князя отдѣльные разсказы и доходили до деревни, вслѣдствіе комплектованія арміи лучшими, въ физическомъ отношеніи, людьми со всѣхъ концовъ безбрежной Россіи.

Но съ наступленіемъ войны и назначеніемъ Великаго Князя Николая Николаевича на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, популярность его въ арміи и въ странѣ стала расти сразу не по днямъ и даже не по часамъ.

Война требуетъ красочныхъ фигуръ, и вліянія ихъ на солдатскую массу и простой народъ огромно — Толпа охотно награждаетъ своихъ избранниковъ всѣми тѣми данными, въ наличіи которыхъ воплощается ея представленіе о качествахъ истиннаго вождя. Что въ томъ, что ея герои не всегда являются дѣйствительнымъ отраженіемъ людей, съ которыхъ они списываются! Важно вѣдь, чтобы, подъ ихъ водительствомъ, легче было идти на страданія и смерть!

Не разъ приходилось слышать легендарные разсказы, создававшіеся о Великомъ Князѣ въ рядахъ арміи. — Въ воорбаженіи солдатъ и даже рядового офицерства, онъ всегда появлялся въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ боя, привозилъ въ своемъ поѣздѣ недостававшіе войскамъ снаряды и патроны, «разносилъ» неспособныхъ генераловъ и строго слѣдилъ за солдатскимъ благополучіемъ. И всегда и всюду онъ являлся защитникомъ интересовъ Арміи, а въ предѣлахъ послѣдней — «сѣрой солдатской шинели». Это ли не настоящая народная популярность въ періодъ большой и опасной войны!

Замѣчательно при этомъ то, что народная популярность не измѣнила Великому Князю даже тогда, когда русская армія, лишенная необходимаго боевого снабженія и пополненій, принуждена была, подъ напоромъ соединеннаго германо-австрійскаго натиска, лѣтомъ 1915-го года, начать свой отходъ изъ Галичины, а потомъ изъ Польши. Въ этомъ тяжкомъ несчастіи винили всѣхъ, но не его.

Мною было уже упомянуто, что активное вмѣшательство Великаго Князя Николая Николаевича въ пользу предоставленія въ 1905-мъ году населенію Россіи конституціонныхъ началъ создало ему при Дворѣ массу враговъ и недоброжелателей. — Одни обвиняли его въ излишней слабости передъ грозно надвинувшимися событіями, другіе — въ честолюбивыхъ замыслахъ овладѣть трономъ, третьи — въ склонности къ «либерализму». Для насъ важно отмѣтить лишь самый фактъ присоединенія Великаго Князя

къ мнѣнію графа Витте о необходимости уступокъ народнымъ желаніямъ и то благородное достоинство, съ которымъ Великій Князь себя держалъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя работали противъ него; эти обстоятельства во многомъ способствовали въ періодъ самой войны измѣненію отношенія къ Великому Князю даже оппозиціонныхъ круговъ.

Къ тому же въ періодъ войны, войдя въ болѣе близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностью и испытывая все возраставшую тревогу за самую возможность, при создавшихся условіяхъ, довести войну до благополучнаго конца, Великій Князь Николай Николаевичъ имѣлъ основаніе еще болѣе утвердиться въ мысли о необходимости принятія мѣръ къ возбужденію во всемъ русскомъ народѣ необходимаго «пафоса», путемъ закрѣпленія за нимъ дарованныхъ ему политическихъ правъ и сближенія власти съ общественными силами.

Оставаясь убѣжденнымъ сторонникомъ преимуществъ для Россіи монархическихъ началъ, и повидимому, поколебленный лишь въ святости «самодержавнаго» строя, Великій Князь Николай Николаевичъ былъ глубоко потрясенъ іюньскимъ погромомъ 1915-го г. въ Москвѣ, во время котораго открыто бросались угрозы и оскорбленія по адресу царствовавшихъ особъ и того внутренняго режима, который все настойчивѣе проводился въ Россіи, подъ вліяніемъ окружившихъ престолъ «темныхъ силъ». — Желая сдѣлать попытку спасенія положенія, Великій Князь Николай Николаевичъ открыто высказался въ пользу теченія, уже давно возникшаго въ предѣлахъ Совѣта Министровъ и находившаго необходимымъ кореннымъ образомъ измѣнить взятую политику, путемъ привлеченія къ власти общественныхъ силъ и духовнаго сближенія съ народомъ. — Движеніе это, какъ извѣстно, возглавлялось Главноуправляющимъ Земледѣліемъ А. В. Кривошеинымъ и поддерживалось Министромъ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ.

Въ этотъ періодъ времени положеніе на фронтѣ было очень тяжелымъ и всѣми сознавалась необходимость найти новыя силы, для возможности успѣшнаго продолженія войны. Въ Ставкѣ къ этой скромной программѣ добавляли еще необходимость обезпеченія тѣсной внутренней связи между фронтомъ и тыломъ.

Несмотря на то, что одновременно вокругъ Верховной власти работали и другія теченія, Императоръ Николай II-й на сей разъ, повидимому, склонился на сторону тѣхъ совѣтчиковъ, которые являлись отголоскомъ общественныхъ желаній.

Первымъ доказательствомъ этого поворота явилась замѣна наиболѣе непопулярныхъ министровъ новыми, болѣе пріемлемыми.

Затѣмъ блеснулъ еще болѣе яркій лучъ надежды. День 27-го іюня 1915-го года составилъ памятную дату въ жизни Ставки. Въ это число въ ней должно было состояться, подъ Предсѣдательствомъ Императора, соединенное совѣщаніе частично обновленнаго Совѣта Министровъ съ высшими чинами Верховнаго Главнокомандованія. Это была первая встрѣча Совѣта Министровъ, въ полномъ составѣ, съ Верховнымъ Главнокомандующимъ Русской Арміей. То, что должно было случиться въ первые же дни войны, имѣло мѣсто почти только черезъ годъ, или немногимъ менѣе. Подробности этого знаменательнаго дня читатель найдетъ далѣе, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ книги. — Здѣсь же достаточно будетъ отмѣтить, что въ результатѣ этого совѣщанія, рѣшено было возможно скорѣе созвать Государственную Думу, «дабы выслушать голосъ земли русской», и призвать общественные элементы къ тѣсному сотрудничеству съ властью въ области снабженія.

Резолюція эта, хотя и достаточно растяжимая по формѣ, трактовалась тогда, какъ торжественное обѣщаніе Государя измѣнить реакціонный курсъ правительственной политики.

Однако, данныя обѣщанія весьма скоро оказались иллюзорными. Наиболѣе передовые Министры, настаивавшіе на необходимости примиренія власти съ общественными силами и совмѣстной работѣ съ Государственной Думой, принуждены были постепенно оставить свои посты. Вскорѣ и Великій Князь долженъ былъ оставить ввѣренный ему постъ Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміи, и Россію съ новой силой сталъ тянуть злой рокъ къ той пропасти, которая окончательно развернулась передъ нею въ 1917 году.

О вынужденномъ уходѣ Великаго Князя на Кавказъ искренно горевали всѣ, не исключая союзниковъ; вступленіе же въ командованіе всей арміей Императора Николая II-го было встрѣчено съ недовѣріемъ и уныніемъ. — Такова была вѣра въ ушедшаго.

Военные успѣхи 1916-го года, достигнутые русскими войсками надъ турками, подъ водительствомъ прибывшаго на Кавказскій театръ новаго Главнокомандующаго, еще болѣе увеличили популярность Великаго Князя въ Россіи. Будучи Командующимъ одной изъ армій на Европейскомъ театрѣ, я лично видѣлъ, еще въ 1917-мъ году, уже въ революціонный періодъ, портреты Великаго Князя въ простыхъ крестьянскихъ избахъ. — Народное сознаніе не хотѣло разстаться съ нимъ, какъ съ признаннымъ вождемъ Русской Арміи.

Наконецъ, въ томъ же 1917-мъ году, когда былъ поставленъ вопросъ объ отреченіи Императора Николая II-го отъ престола, Великій Князь цѣликомъ присоединился къ мнѣнію всѣхъ высшихъ въ арміи командующихъ лицъ о необходимости, въ интересахъ доведенія войны до побѣднаго конца, этого акта. Тотъ, кто зналъ Великаго Князя, хорошо можетъ оцѣнить, какихъ внутреннихъ страданій стоило ему это мнѣніе! Тѣмъ не менѣе благо Россіи, связывавшееся въ то время съ актомъ отреченія Царя, вновь заставило его отречься отъ собственныхъ ощущеній и идти въ направленіи общаго желанія. Общимъ голосомъ старшихъ военныхъ начальниковъ имя Великаго Князя Николая Николаевича было снова выдвинуто въ качествѣ неоспоримаго кандидата на постъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Послѣднимъ актомъ послѣдняго Русскаго Монарха было подписаніе указа о назначеніи на названную должность Великаго Князя Николая Николаевича.

Съ нимъ во главѣ, Русская армія пожелала вступить въ новый періодъ русской исторіи.

Великій Князь, не отвернулся отъ предложеннаго ему креста. Онъ выразилъ готовность служить Русскому народу въ тѣхъ условіяхъ, которыя были ему предложены. Съ этимъ интереснымъ для характеристики Великаго Князя моментомъ читатель ознакомится болѣе подробно при описаніи исторіи одного заговора.

Лишь отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича отъ Всероссійскаго Престола, прекратившее царствованіе династіи Романовыхъ въ Россіи, сдѣлало, въ глазахъ Временнаго Правительства и революціонной демократіи, невозможнымъ пребываніе лица Царскаго корня во главѣ Арміи.

Великій Князь, находясь уже въ «ставкѣ», и на этотъ разъ подчинился обстановкѣ. — Любовь къ Россіи превозмогла всѣ остальныя въ немъ чувства. Онъ добровольно принялъ рѣшеніе и удалился въ изгнаніе....

Изложенныя данныя даютъ твердое основаніе констатировать тотъ фактъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ пріобрѣлъ въ теченіе войны въ русскомъ народѣ огромную популярность, которую не поколебали не только наступившія въ 1915-мъ году военныя неудачи, но и позднѣйшія внутреннія переживанія Россіи, въ концѣ концовъ вылившіяся въ революцію 1917-го года.

Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ разгадка этого на первый взглядъ непонятнаго явленія, заключающаяся въ томъ, что популярность родившаяся въ періодъ строгаго царствованія въ Россіи

самодержавнаго монархизма, не только не уменьшилась, но даже упрочилась въ періодъ нарастанія недовольства этимъ строемъ, недовольства, доведеннаго до пріятія русскимъ народомъ въ цѣляхъ борьбы съ этимъ строемъ болѣзненныхъ революціонныхъ формъ.

Я полагаю, что разгадка эта лежитъ несомнѣнно въ личности самого Великаго Князя, находившейся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ переломнымъ періодомъ русской исторіи, въ теченіе котораго данному лицу пришлось находиться въ первыхъ рядахъ дѣйствующихъ лицъ.

Міровая война несомнѣнно лежала на грани двухъ періодовъ новѣйшей русской исторіи, періодовъ до-военнаго и послѣ-военнаго, весьма разнообразныхъ по своей внутренней сущности. Первый изъ этихъ періодовъ характеризуется въ общемъ постепеннымъ изживаніемъ остатковъ — если позволено будетъ такъ выразиться — прошлаго «крѣпостничества». — Въ теченіе этого періода, конечно, были еще очень сильны «самодержавныя» настроенія, выражавшіяся въ необыкновенной, доходившей до самозабвенія любви къ Монарху, какъ Помазаннику Божію и лицу, воплощавшему въ себѣ мощь и величіе Родины. — Любить Родину, это значило любить ея Монарха, такова была упрощенная форма патріотизма большинства русскихъ людей того времени. — Высшимъ носителемъ этихъ настроеній былъ Императоръ Александръ III-й.

Въ этотъ то періодъ времени и началъ складываться въ опредѣленную величину Великій Князь Николай Николаевичъ. Принадлежа къ составу Царской семьи, воспитанный въ духѣ религіи и высокаго обожанія Монарха, высоко одаренный задатками всѣхъ рыцарскихъ достоинствъ, Великій Князь впиталъ и сохранилъ въ себѣ самую возвышенную преданность монархическому принципу. Но, съ другой стороны, Великій Князь видѣлъ и умаленіе этого принципа, послѣдовавшее въ періодъ послѣдняго царствованія и происходившее изъ-за окруженія Верховной власти недостойными людьми. Эти люди, пользуясь самодержавнымъ характеромъ власти, направляли ее во вредъ народу. Великій Князь, въ силу своего рыцарскаго характера и превалировавшей въ немъ надъ всѣми остальными чувствами любви къ Родинѣ, не могъ не откликнуться на заявленное русскимъ народомъ законное право распоряженія собственной судьбой. Его отзывчивость, хотя и сдерживаемая полученнымъ воспитаніемъ, которое связывало Великаго Князя всѣми нитями его жизни съ прошлыми настроеніями, выражалась во всѣхъ тѣхъ стремленіяхъ и поступкахъ, которые давали право считать его въ придворныхъ кругахъ опаснымъ оппозиціонеромъ, и которыя, на-

оборотъ, привлекали къ нему симпатіи и популярность русскаго народа.

Великій Князь, глубоко благородный, съ заложеннымъ стремленіемъ къ справедливости, беззавѣтно преданный своей Родинѣ, внутренне чувствовалъ наступленіе *новаго* времени, въ которомъ высшею властью должна была стать воля народа. — Въ этомъ смыслѣ онъ былъ человѣкомъ своего *переходнаго* времени.

Только тотъ, кто самъ перешелъ, подъ вліяніемъ жизненной реальности отъ дѣтски-наивной вѣры въ чистоту самодержавнаго монархизма, отожествлявшагося съ величіемъ Родины, къ постепенному признанію за народомъ права распоряжаться собственной судьбой, даже внѣ зависимости отъ фактической пользы такого распоряженія, только тотъ вполнѣ подготовленъ овладѣть пониманіемъ личности Великаго Князя Николая Николаевича и точно объяснить себѣ его позицію, полную страданій по старымъ разбитымъ идеаламъ и внутренней борьбы между уходящимъ старымъ и народившимся новымъ. Русскій народъ инстинктомъ уловилъ въ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ колебаніе этихъ струнъ и въ этомъ разгадка его популярности.

— Объ этомъ рыцарѣ-человѣкѣ, для котораго превыше всего было счастье горячо любимой имъ Родины, Русскій народъ и впредь сохранитъ благодарное воспоминаніе.

ГЛАВА II-я.

МОЛОДОСТЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

1. Его семья.

Будущій Верховный Главнокомандующій Русской Арміей былъ внукомъ Императора Николая I и старшимъ сыномъ Великаго Князя Николая Николаевича (Старшаго), отъ брака его съ Великой Княгиней Александрой Петровной, рожденной принцессой Ольденбургской. — Николай Николаевичъ-отецъ, или «Старшій», какъ ему повелѣно было именоваться царствовавшимъ Императоромъ, былъ третьимъ сыномъ Императора Николая 1-го. Онъ занималъ съ 1856-го года должность Генералъ-Инспектора по инженерной части, а съ 15-го августа 1864-го года Генералъ-Инспектора Кавалеріи и одно время Командующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Въ періодъ Турецкой войны 1877-78 г.г., онъ былъ Главнокомандующимъ Русскими войсками на Европейскомъ театрѣ и, подъ его водительствомъ, русскія войска, въ февралѣ 1878 года, подошли къ Константинополю.

Семья Ольденбургскихъ много лѣтъ проживала въ Петербургѣ. Отецъ принцессы Александры Петровны, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своею дѣятельностью, много лѣтъ стоя во главѣ учебнаго и благотворительнаго Вѣдомства Императрицы Маріи; равнымъ образомъ и одинъ изъ его сыновей — принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій — проявилъ много искреннягю стремленія послужить Россіи, сначала на военной службѣ, занимая послѣдовательно рядъ должностей, отъ Командира Л.-Гв. Преображенскаго полка до Командира Гвардейскаго корпуса включительно, затѣмъ по филантропической части, и, наконецъ, во время міровой войны — въ создан-

ной, повидимому, спеціально для него должности Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части.

Человѣкъ онъ былъ глубоко честный, безгранично преданный тому дѣлу, которое ему поручалось, но съ крайне бурнымъ, почти сумасброднымъ характеромъ. — Эти черты характера являлись у него фамильными и, несомнѣнно, что та несдержанность и строптивость, которая замѣчалась у Великаго Князя Николая Николаевича (Младшаго), и которая всегда подчеркивалась его недоброжелателями, была наслѣдственной чертой, унаслѣдованной имъ со стороны матери, вмѣстѣ со многими прекрасными и благородными чертами, проявлявшимися въ теченіе всей его долгой жизни.

Великій Князь Николай Николаевичъ родился 19-го ноября 1856-го года*). У него былъ только одинъ братъ, Великій Князь Петръ Николаевичъ, здравствующій и до нынѣ. Наружныя отношенія ихъ были неодинаковы: Петръ Николаевичъ боготворилъ брата; нѣжно о немъ заботился и не покидалъ его во время войны, ни въ Ставкѣ, ни на Кавказѣ. Что касается Николая Николаевича, то, если можно такъ выразиться, онъ «позволялъ себя любить», все же нуждаясь, повидимому, въ моральномъ одобреніи своихъ поступковъ братомъ. Любовь Петра Николаевича къ старшему брату была глубоко трогательной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцовой, въ томъ именно смыслѣ, что никогда и нигдѣ Петръ Николаевичъ не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ оффиціально-служебную часть жизни своего брата, оставаясь его личнымъ другомъ лишь въ области внутренней, то есть, именно тамъ, гдѣ Великій Князь болѣе всего могъ чувствовать свою изолированность. — Въ этомъ смыслѣ Петръ Николаевичъ обладалъ удивительнымъ тактомъ, вызывавшимъ къ нему уваженіе всѣхъ тѣхъ, кто его зналъ, въ особенности, во время міровой войны.

Семейная жизнь Великаго Князя Николая Николаевича (Старшаго) не сложилась. Семьѣ его пришлось испытать и моральныя разочарованія и матеріальныя затрудненія. Даже дворецъ, принадлежавшій Великому Князю Николаю Николаевичу (Старшему) и спеціально, по случаю женитьбы, для него выстроенный, пришлось, въ концѣ концовъ, уступить казнѣ, пріобрѣвшей его для Ксеніинскаго женскаго института. Пока росли дѣти, семья кое-какъ еще держалась, но съ годами у Александры Петровны, женщины очень религіозно настроенной, явилось убѣжденіе въ необходимости измѣнить

*) Всѣ числа по новому стилю.

свою жизнь кореннымъ образомъ. Она долго колебалась въ выборѣ рѣшенія, отвѣчавшаго ея міровоззрѣнію, и лишь случай помогъ ей найти достойный выходъ. — Общеизвѣстно религіозное значеніе Кіева для русскаго народа. Старинная Кіево-Печерская Лавра, за стѣнами которой на протяженіи вѣковъ проживалъ рядъ многочисленныхъ и высоко почитавшихся угодниковъ, являлась всегда средоточіемъ русской православной мысли и центромъ народнаго паломничества. — Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ разсказовъ кіевскихъ іерарховъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ, тяготившуюся свѣтской жизнью Великую Княгиню захватила мысль о подвижничествѣ. Слѣдуя этому влеченію, она разсталась навсегда со столицей, переѣхала въ Кіевъ и стала во главѣ основаннаго ею же Покровскаго Монастыря. — Прекрасный Соборъ, больница, общежитіе и рядъ другихъ полезныхъ учрежденій были ею основаны и выстроены на крутомъ берегу Днѣпра, въ исторической мѣстности, именуемой «Щекавицей», по имени одного изъ трехъ братьевъ (Кій, Щекъ и Хоривъ), основавшихъ, по преданію, южную столицу Руси, расположившуюся при сліяніи Днѣпра съ рѣкой Лыбедью, нынѣ уже высохшею, но когда-то красивою и могучею, получившей свое названіе по имени единственной сестры трехъ названныхъ братьевъ — основателей Кіева. — Тамъ, въ этомъ монастырѣ, Великая Княгиня Александра Петровна, много лѣтъ спустя, и закончила свое земное существованіе. Тамъ она и похоронена, будучи наречена въ иночествѣ Анастасіей.

Сыновья Великой Княгини, оказывавшіе ей всю жизнь знаки глубокая почитанія, были, повидимому, въ семейныхъ неладахъ на сторонѣ матери. Для болѣе экспансивнаго изъ нихъ, Великаго Князя Николая Николаевича, этотъ разладъ, насколько приходилось слышать, былъ одною изъ причинъ его нѣсколько холодныхъ отношеній къ отцу. Не разъ ему приходилось отстаивать положеніе матери передъ слишкомъ открытымъ игнорированіемъ ее лицами, вновь окружившими его отца — человѣка слишкомъ слабой воли и легко подпадающаго подъ чужое вліяніе. Зная объ этой позиціи Великаго Князя Николая Николаевича (Младшаго) лишь по разсказамъ, я, впрочемъ, былъ уже самъ очевидцемъ того уваженія и вниманія, которыя оказывались имъ, въ періодъ міровой войны, родному брату его матери, принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Послѣдній, обуреваемый всегда лучшими стремленіями, но не сдерживаемый никѣмъ въ своемъ не знавшемъ преградъ характерѣ, обыкновенно вихремъ врывался въ размѣренную рабочую жизнь Ставки, требуя исключительнаго вниманія къ волновавшимъ его вопросамъ,

въ общемъ, второстепеннымъ, съ точки зрѣнія масштаба тѣхъ дѣлъ, которыя озабочивали Ставку. И всегда Верховный Главнокомандующій выслушивалъ его со вниманіемъ и терпѣніемъ!

Со времени переѣзда Великой Княгини Александры Петровны въ Кіевъ, оба ея сына весьма часто навѣщали ее въ новомъ мѣстѣ жительства. Будучи уроженцемъ Кіевской губерніи и часто, въ молодости, бывая въ этомъ городѣ, я хорошо припоминаю на фонѣ кіевскаго ландшафта, двѣ стройныя молодыя высокія фигуры Великихъ Князей, которыя можно было встрѣтить проѣзжавшими въ экипажѣ по улицамъ этого исключительно живописнаю города. Люди, служившіе вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, также разсказываютъ о томъ, что всякій разъ, когда Николаю Николаевичу доводилось бывать поблизости Кіева, онъ неизмѣнно заѣзжалъ навѣстить въ этотъ городъ свою мать. Надо думать, что отъ нея же шла та исключительная религіозность, которую Великій Князь сумѣлъ сохранить до самой своей смерти.

Великій Князь Николай Николаевичъ (Младшій) былъ смолоду зачисленъ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ и въ Гвардейскій саперный батальонъ. — Будучи съ головы до ногъ прирожденнымъ воиномъ, онъ оказался въ юношескихъ годахъ уже настолько хорошо подготовленнымъ въ своихъ общихъ и военныхъ знаніяхъ, что легко поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Это былъ первый случай поступленія Великаго Князя въ высшее военно-учебное заведеніе, примѣръ, — которому лишь черезъ рядъ лѣтъ послѣдовалъ его двоюродный братъ, Великій Князь Николай Михайловичъ. — Окончивъ съ малой серебряной медалью Академію и записанный въ ней на мраморную доску, Великій Князь Николай Николаевичъ былъ зачисленъ въ списокъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и получилъ званіе флигель-адъютанта покойнаго Императора Александра II-го.

Открывшаяся вслѣдъ за тѣмъ Освободительная война 1877-78 г.г. съ Турціей дала ему возможность уже на практикѣ примѣнить и провѣрить теоретически пріобрѣтенныя имъ познанія.

2. Великій Князь — участникъ войны 1877-78 г.г.

Уже 11 апрѣля 1877-го года молодой Великій Князь Николай Николаевичъ прибылъ, въ свитѣ Императора Александра II-го, въ Кишиневъ — главный городъ Бессарабіи, откуда должно было начаться движеніе русскихъ войскъ черезъ Румынію къ Дунаю.

Какъ извѣстно, его отецъ, Великій Князь Николай Николаевичъ (Старшій), съ объявленіемъ Россіей войны Турціи, былъ призванъ на постъ Главнокомандующаго Россійской Дѣйствующей Арміей на Европейскомъ театрѣ. Вслѣдствіе этого, онъ въ первой половинѣ мая выѣхалъ изъ Кишинева въ небольшой румынскій городишко Плоешты, гдѣ должна была обосноваться на первое время Главная Квартира. Русскія войска въ это время находились уже въ движеніи къ Дунаю. — На сей разъ, въ свитѣ Главнокомандующаго находился и его сынъ, молодой Великій Князь Николай Николаевичъ.

Послѣ ряда торжествъ и участія въ поѣздкѣ Главнокомандующаго въ Бухарестъ, для отдачи визита румынскому Князю Карлу и присутствованія на празднествахъ въ память 11-й годовщины вступленія послѣдняго на румынскій престолъ, для Великаго Князя началась боевая жизнь.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня онъ уже сопровождаетъ своего отца и его Начальника Штаба, Генерала Непокойчицкаго, въ совершенно секретной развѣдкѣ этими лицами участка р. Дуная, намѣчавшагося для производства на немъ русскими войсками переправы черезъ эту серьезную рѣчную преграду, шириною отъ 700 до 1200 с. — Развѣдка эта представлялась не только крайне отвѣтственной, но до нѣкоторой степени и опасной, въ виду нахожденія турецкихъ войскъ на южномъ берегу Дуная.

Пунктомъ для переправы первоначально была выбрана мѣстность близь г. Систово, противъ котораго, на сѣверномъ берегу рѣки, лежало небольшое румынское селеніе Зимница. Въ этомъ мѣстѣ у Зимницы, за узкимъ протокомъ, лежалъ рядъ острововъ, способствовавшихъ расположенію на нихъ артиллеріи и скрывавшихъ до извѣстной степени спускъ понтоновъ на воду и посадку на нихъ русскихъ войскъ. Однако, низменное расположеніе этихъ острововъ и весенній разливъ Дуная вызывали нѣкоторое сомнѣніе въ возможности производства здѣсь переправы; поэтому, въ видѣ дополнительнаго варіанта былъ намѣченъ для переправы и другой пунктъ, противъ Никополя.

Личной развѣдкѣ Главнокомандующаго предстояло, такимъ образомъ, рѣшить окончательно вопросъ о мѣстѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, и въ выборѣ пункта переправы, конечно, сыграло не послѣднюю роль мнѣніе Великаго Князя Николая Николаевича — молодого офицера Генеральнаго Штаба, лишь недавно блестяще окончившаго Военную Академію и имѣвшаго честь носить на лѣвой сторонѣ своего кителя академическій значекъ.

Рѣка Дунай, подъ Никополемъ, течетъ въ одномъ руслѣ, мѣстность здѣсь представляется вполнѣ открытой, а самый Никополь спѣшно укрѣплялся турками. Въ силу этихъ неблагопріятныхъ условій, было принято окончательное рѣшеніе о производствѣ переправы на участкѣ Систово, почему къ Зимницѣ и были направлены тѣ войска, которыя предназначались для переправы въ первую очередь. При нихъ же слѣдовали необходимые для данной операціи средства и матеріалы.

Какъ извѣстно, трудная переправа черезъ Дунай на виду у непріятеля, совершенная при крайне неблагопріятной вѣтренной погодѣ, была блестяще выполнена въ ночь на 28-е іюня. Ближайшее руководство ею принадлежало извѣстному русскому генералу Драгомірову, командующему 14-й пѣх. дивизіей. Уже къ вечеру того же числа русскія войска прочно занимали командующія высоты праваго берега р. Дуная. Турки сопротивлялись отчаянно и не разъ доводили дѣло до штыковъ. Тѣмъ не менѣе, они были принуждены къ отступленію, частью на Тырновъ, большею же частью на Рущукъ.

Потери русскихъ были свыше 700 человѣкъ, изъ нихъ большинство пришлось на первые эшелоны понтоновъ, среди которыхъ нѣсколько понтоновъ затонуло отъ массы полученныхъ ружейныхъ пробоинъ.

Интересно отмѣтить, что на головномъ понтонѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Іолшинымъ и генеральнаго штаба капитаномъ Мальцевымъ, находился также маіоръ германской службы фонъ-Лигницъ. Всѣ названныя лица высадились въ числѣ первыхъ на турецкій берегъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ на все время переправы былъ прикомандированъ, вмѣстѣ съ генераломъ Скобелевымъ, къ генералу Драгомирову. Неся при отрядѣ обязанности офицера генеральнаго штаба, онъ безотлучно оставался на берегу Дуная, слѣдя за посадкой людей на понтоны. Съ послѣднимъ эшелономъ головной дивизіи онъ и самъ переправился на правый берегъ рѣки.

Въ такомъ видѣ представляется участіе молодого Великаго Князя Николая Николаевича въ переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай — одной изъ труднѣйшихъ и отвѣтственнѣйшихъ операцій на протяженіи всей Турецкой войны.

На другой день по выполненіи русскими войсками переправы, Великій Князь Николай Николаевичъ былъ награжденъ за свое

участіе въ ней Государемъ Императоромъ Александромъ II-мъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Со времени операціи переправы черезъ Дунай у Великаго Князя установились чувства особаго почитанія къ генералу Драгомірову, впослѣдствіи извѣстному Начальнику Николаевской Академіи Генеральнаго штаба, а съ 1889-го года — Командующему войсками Кіевскаго военнаго округа. — Генералъ этотъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ военныхъ писателей въ Россіи, стоявшихъ за индивидуальное развитіе бойца и его моральныхъ качествъ. Естественнымъ слѣдствіемъ проводившейся имъ системы обученія должны были быть наступательный образъ дѣйствій и штыковой ударъ. — Излишнее увлеченіе огнемъ, онъ пренебрежительно называлъ: «огнепоклонничествомъ». Такая система воспитанія, сохраняя свою жизненность, какъ педагогическій пріемъ до извѣстной степени и по настоящее время, находилась въ то время въ полномъ соотвѣтствіи со свойствами тогдашняго малосовершеннаго огнестрѣльнаго оружія. Будучи связана съ порывомъ впередъ, столь свойственнымъ натурѣ молодого Великаго Князя, система эта плѣнила его, и онъ, незамѣтно для себя, хотя и въ другомъ родѣ оружія, сталъ впослѣдствіи однимъ изъ талантливѣйшихъ послѣдователей М. И. Драгомірова.

То уваженіе, которое Великій Князь питалъ къ ген. Драгомірову выражалось въ неизмѣнномъ посѣщеніи его каждый разъ, когда Великій Князь бывалъ впослѣдствіи въ Кіевѣ, а также въ той радости и въ томъ почетѣ, съ которымъ Великій Князь неизмѣнно принималъ у себя въ Петербургѣ умнаго чудака «Михаила Ивановича».

Бывшій Командующій войсками Кіевскаго военнаго округа, суровый и требовательный по службѣ генералъ Драгоміровъ былъ у себя дома чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ и необыкновеннымъ «хлѣбосоломъ». Онъ очень любилъ хорошую кухню и не отказывался за ѣдой отъ стакана добраго вина. Его супруга, милѣйшая и добрѣйшая Софія Абрамовна Драгомірова была въ соотвѣтствіи со вкусомъ своего мужа не только прославленною хозяйкой и руководительницей обширнаго дома, но и извѣстной, едва ли не всей Россіи, составительницей особой «Кулинарной» книги. Великій Князь, отличавшійся также исключительнымъ гостепріимствомъ и въ свою очередь обладавшій искусствомъ составленія тончайшихъ меню, легко могъ поспорить съ нею въ этихъ своихъ зва-

ніяхъ, — и угостить старика Драгомірова такъ, чтобы онъ остался доволенъ, было для него истиннымъ удовольствіемъ.

Въ дальнѣйшій періодъ Турецкой войны Великій Князь несъ нѣкоторое время обязанности офицера генеральнаго штаба въ отрядѣ генерала Князя Святополкъ-Мирскаго. Отрядъ этотъ долженъ былъ атаковать Шипкинскій перевалъ со стороны Габрова и такимъ образомъ участіе Великаго Князя въ боевой работѣ этого отряда дало ему возможность ознакомиться на практикѣ съ трудными условіями горной войны.

За участіе въ переходѣ черезъ Балканы Великій Князь получилъ золотое оружіе съ подписью «за храбрость»...

Затѣмъ, вплоть до отбытія Великаго Князя Главнокомандующаго изъ арміи, имѣвшаго мѣсто въ концѣ апрѣля 1878-го года, его Августѣйшій сынъ, Великій Князь Николай Николаевичъ (Младшій), оставался при главной квартирѣ, выполняя отъ времени до времени тѣ порученія, которыя ему ввѣрялись. Онъ имѣлъ, вслѣдствіе этого, достаточную возможность, чтобы на дѣлѣ, въ боевой обстановкѣ, ознакомиться съ бытомъ войскъ и съ качествами офицеровъ и солдатъ русской арміи, во главѣ которой черезъ 36 лѣтъ ему пришлось стать, въ періодъ небывалой міровой войны. Чуткій и воспріимчивый по натурѣ, Великій Князь до тонкости изучилъ ихъ свойства и потребности, — знаніе, которое въ большой мѣрѣ содѣйствовало укрѣпленію того обаянія, которымъ впослѣдствіи было окружено его имя.

ГЛАВА III-я.

ЗАСЛУГИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЪ ДѢЛѢ СОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ РУССКОЙ КОННИЦЫ.

1. Время службы Великаго Князя въ Л.-Гвардіи Гусарскомъ Его Величества полку. Командованіе полкомъ.

Послѣ войны 1877-78 г.г. молодой Вел. Кн. Николай Николаевичъ вернулся въ Петербургъ и вступилъ въ ряды Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, въ которомъ онъ числился почти отъ рожденія и который стоялъ въ Царскомъ Селѣ, въ 23 верстахъ отъ столицы. Въ полку Великій Князь командовалъ сначала 2-мъ эскадрономъ, причемъ несъ службу наравнѣ съ прочими офицерами. — Онъ сразу занялъ положеніе блестящаго кавалерійскаго офицера, пунктуально выполнявшаго всѣ свои обязанности и заботливо относившагося ко ввѣреннымъ его попеченію людямъ и лошадямъ эскадрона. Затѣмъ нѣкоторое время Великій Князь занималъ должность штабъ-офицера въ полку, а въ 1884-мъ году принялъ въ командованіе тотъ-же Л.-Гв. Гусарскій полкъ отъ своего прежняго командира — генерала барона Мейендорфа. Въ должности командира полка Великій Князь непрерывно состоялъ вплоть до конца 1890-го года, то есть, въ теченіе почти полныхъ 6-ти лѣтъ. Уже въ это время стали развертываться его выдающіяся способности кавалерійскаго начальника. Въ рукахъ молодого и энергичнаго 28-ми лѣтняго командира, полкъ, въ которомъ служили офицерами члены лучшихъ русскихъ фамилій, сталъ выдающимся явленіемъ въ исторіи русской конницы того времени.

Надо замѣтить, что періодъ командованія Великимъ Княземъ полкомъ совпалъ съ періодомъ крайняго упадка, можно сказать даже маразма, всей русской кавалеріи.

Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи состоялъ Великій Князь Ни-

колай Николаевичъ Старшій, уже больной, рѣдко показывавшійся передъ войсками и ничѣмъ не проявлявшій своей постепенно угасавшей инициативы. — Старая школа Императора Николая 1-го крѣпко держалась въ русской конницѣ, со всею ея рутиною. Зимою ѣздили только въ манежѣ — рысью или укороченнымъ галопомъ, доводя скорость послѣдняго едва ли не до скорости пѣхотнаго шага. — Обращали вниманіе только на оттягиваніе каблука внизъ и колѣна назадъ. — Лѣтомъ, хотя и оставляли манежъ, но на открытомъ воздухѣ выбирали совершенно ровное поле, гдѣ занимались только плацъ-парадными ученіями. — Высшимъ искусствомъ считалось умѣнье произвести ученье «на пятачкѣ», а предѣломъ лихости считалось движеніе карьеромъ, на разстоянія однако не свыше 100-150 шаговъ.

Командиры эскадроновъ, покровительствуемые сверху, больше всего берегли «тѣла» лошадей. Шагъ на походѣ и рысь при перестроеніи считались вполнѣ нормальными аллюрами и, при малѣйшемъ усиліи конной части, лошади, какъ невтянутыя въ работу, задыхались и покрывались усиленнымъ потомъ. Въ полкахъ кавалеріи служило много офицеровъ, которыхъ привлекала въ этотъ родъ оружія только красивая форма обмундированія, но которые въ сущности не любили и не знали лошади; офицеры эти садились въ сѣдло рѣдко, только по необходимости и при томъ крайне неохотно. Приходилось встрѣчаться даже съ такимъ явленіемъ, что у нѣкоторыхъ кавалерійскихъ начальниковъ въ арміи не было собственныхъ лошадей; въ рѣдкихъ же случаяхъ служебной необходимости они выѣзжали въ строй на казенныхъ строевыхъ лошадяхъ. Личный составъ кавалеріи, какъ впрочемъ и въ другихъ родахъ оружія того времени, не отсѣивался; при отсутствіи тренировки онъ преждевременно старился, съ годами терялъ свои знанія и ко времени полученія высшихъ должностей оказывался вполнѣ непригоднымъ, какъ для пониманія современныхъ требованій, такъ и тѣмъ болѣе для проведенія ихъ въ жизнь. — Вырабатывался типъ особаго командира — «ремешка», какъ тогда называли, или просто «каптенармуса», который считалъ своею главною обязанностью — «сбереженіе казеннаго имущества», въ цѣляхъ простого накопленія полковыхъ суммъ, а иногда и просто — собственнаго обогащенія. Совсѣмъ недалеко было то время, когда командованіе частью, и въ особенности конною, считалось извѣстнаго рода «кормленіемъ»...

Великій Князь прежде всего, сразу и круто, измѣнилъ систему воспитанія офицеровъ своего полка. На полковыя средства были за-

ведены собаки, и офицеры полка были выведены изъ манежа на просторъ царскосельскихъ полей. Начались охоты «по звѣрю» и «искусственному слѣду», къ которымъ привлекались всѣ офицеры полка. — Послѣдніе пошли навстрѣчу своему командиру, щеголяли передъ другими полками своими кровными лошадьми и душою отдались кавалерійскому спорту. Я хорошо помню, какъ съ тѣхъ поръ сѣрыя гусарскія лошади и блестящіе всадники въ темносинихъ венгеркахъ, съ золотыми шнурами, были наиболѣе частыми фигурами, побѣдоносно мелькавшими на всѣхъ конныхъ праздникахъ и ристалищахъ.

Глядя на нихъ, подтягивались конечно офицеры и другихъ полковъ.

Самъ Великій Князь имѣлъ прекрасную конюшню и въ строй чаще всего выѣзжалъ на крупныхъ, выводныхъ изъ Англіи гунтерахъ, которые такъ шли къ его высокой и статной фигурѣ. На все Красное Село извѣстенъ былъ его безукоризненно бѣлый молодой 6-ти вершковый выводной гунтеръ, не отказывавшійся ни отъ какихъ препятствій, горделиво взлетавшій на артиллерійскіе брустверы и безъ колебаній бросавшійся оттуда, со своимъ смѣлымъ всадникомъ, внизъ. Держалъ Великій Князь конечно для себя и упряжныхъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ всегда въ шорной запряжкѣ. Въ Царскомъ Селѣ его чаще всего можно было видѣть въ шарабанѣ, причемъ нерѣдко онъ самъ правилъ лошадьми; въ Петербургѣ же — онъ ѣздилъ въ небольшой каретѣ. — Русской упряжи онъ повидимому не любилъ, и русская троечная упряжка употреблялась имъ только въ лагерѣ въ Красномъ.

Одновременно съ любовью къ полевой ѣздѣ, самъ Великій Князь былъ также и тонкимъ знатокомъ манежа. Офицерской ѣздой въ полку онъ руководилъ лично, какъ въ полѣ, такъ и въ манежѣ.

Великій Князь офиціальную часть своей жизни обосновалъ въ районѣ расположенія полка, въ такъ называвшемся Командирскомъ домикѣ, гдѣ онъ принималъ по службѣ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло. Нерѣдко, раза 2-3 въ недѣлю, онъ завтракалъ въ офицерскомъ собраніи, что давало ему возможность ближе знакомиться съ офицерскимъ составомъ полка. За завтракомъ, общимъ для всхъ офицеровъ, Великій Князь выпивалъ обычную рюмку водки и стаканъ какого нибудь легкаго вина, не позволяя себѣ никакихъ излишествъ, чтобы сохранить силы для дальнѣйшей дневной работы.

Такимъ образомъ всѣ разсказы о безмѣрномъ употребленіи Великимъ Княземъ въ молодости спиртныхъ напитковъ въ значительной мѣрѣ преувеличены. Въ молодыхъ годахъ Великій Князь лю-

билъ не столько «вино», сколько *общее* «веселье», — что составляетъ одну изъ очень характерныхъ чертъ русской широкой натуры: «пей, да ума не пропей»... Въ болѣе пожилыхъ годахъ, напримѣръ, въ бытность въ Ставкѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ почти что ничего не пилъ. Но радушіе, гостепріимство и любовь «попотчивать гостя» чѣмъ либо особеннымъ, у него остались навсегда.

Въ бытность свою въ полку эскадроннымъ командиромъ, Великій Князь, въ соотвѣтствіи со своимъ служебнымъ полковымъ положеніемъ, сближался нѣсколько короче лишь со старшими офицерами полка, сходясь иногда съ ними на «ты». Но вполнѣ близкихъ дружескихъ отношеній у него въ полку не было, что облегчило ему въ будущемъ переходъ на должность командира полка.

Надо однако замѣтить, что въ названномъ полку привыкли къ довольно частымъ назначеніямъ командирами полковъ своихъ же старшихъ полковниковъ, причемъ, благодаря такту офицеровъ, это не препятствовало вновь назначенному командиру становиться сразу въ свое новое положеніе. — Тѣмъ легче оказался такой переходъ для Великаго Князя. По отзывамъ его однополчанъ, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія Великаго Князя въ полку, между нимъ и полкомъ выработалась нѣкоторая какъ бы общность психологіи, которая въ концѣ концовъ спаяла полкъ съ его командиромъ въ одну общую монолитную массу.

По должности командира полка, Великій Князь выбралъ на освободившуюся вакансію полкового адъютанта ротмистра Крупенскаго, который оставался въ этомъ званіи во весь періодъ пребыванія Великаго Князя во главѣ полка.

Офицеръ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Великаго Князя Николая Николаевича и, съ оставленіемъ послѣднимъ полка, перешелъ къ нему на должность личнаго адъютанта. — Впослѣдствіи, въ бытность Великаго Князя Верховнымъ Главнокомандующимъ, М. Е. Крупенскій былъ при немъ генераломъ для порученій. Великій Князь очень благоволилъ къ нему, говорилъ ему «ты», и въ моихъ ушахъ еще до сихъ поръ слышится ласковый по интонаціи и рѣзкій по тембру голосъ Верховнаго, зовущаго въ вагонѣ-столовой своего преданнаго бывшаго полкового адъютанта уменьшительнымъ окрикомъ: «Крупа»!..

М. Е. Крупенскій исполнялъ у Великаго Князя обязанность какъ бы оберъ-гофмаршала. — Онъ былъ одимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Великому Князю лицъ и дольше другихъ сумѣлъ сохранить къ себѣ привязанность Великаго Князя.

Оставшись послѣ революціи въ Россіи, М. Е. Крупенскій очень бѣдствовалъ и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, умеръ въ большой нуждѣ.

Въ обращеніи съ офицерами полка Великій Князь былъ по большей части сдержанъ, подавляя въ себѣ «ольденбургскую» кровь и никогда не позволялъ себѣ оскорбляющихъ рѣзкостей.

Непослушная горячая кровь отъ времени до времени все же прорывалась, но чаще всего это было въ пылу какихъ либо строевыхъ ученій, или по поводу ихъ, почему вскорѣ все забывалось, тѣмъ болѣе, что послѣ ученія, въ офицерскомъ собраніи, Великій Князь никогда не пропускалъ случая загладить непріятный осадокъ какой либо шуткой или другимъ какимъ либо знакомъ вниманія къ офицеру, оказавшемуся причиной раздраженія.

На каждаго изъ офицеровъ Великій Князь смотрѣлъ, какъ на человѣка, добросовѣстно выполняющаго свой долгъ, что и обязывало его оказывать всѣмъ должное довѣріе и уваженіе. Лишь встрѣчаясь съ невыполненіемъ требованій службы, или — что еще было хуже — безразличнымъ къ ней отношеніемъ, онъ пользовался своей командирской властью, карая провинившихся, но всегда лишь въ мѣрѣ важности проступка. Въ этихъ случаяхъ ни для кого у него не было пощады и даже самые старшіе офицеры полка не могли разсчитывать на какое либо снисхожденіе. Но ни къ кому у него не оставалось злобы, какъ не было у него и любимчиковъ. Лишь одного офицера, крайне неисправнаго по службѣ, онъ прогрессивно росшими взысканіями вынудилъ оставить полкъ.

Для характеристики времени, надо замѣтить, что въ тѣ отдаленные годы, о которыхъ идетъ рѣчь, полковыхъ судовъ «чести» въ русской арміи еще не существовало. Въ гвардейскихъ частяхъ обязанность быть блюстителемъ чести полкового мундира лежала на старшемъ по чину офицерѣ полка (старшій полковникъ). Въ нужныхъ случаяхъ послѣдній собиралъ негласно совѣтъ старшихъ офицеровъ полка, которымъ и принадлежало сужденіе о поступкѣ, вызвавшемъ въ данномъ случаѣ какое либо сомнѣніе. Такимъ образомъ командиръ полка, въ большинствѣ случаевъ назначавшійся изъ состава очередныхъ кандидатовъ не своего полка, былъ облегчаемъ въ своихъ обязанностяхъ по наблюденію за частной жизнью офицеровъ полка, легко въ своихъ подробностяхъ ускользавшею въ огромномъ морѣ большого столичнаго города.

Заботливость Великаго Князя къ своимъ офицерамъ проглядывала во всѣхъ мелочахъ.

Мнѣ разсказывали такой мелкій, но характерный случай. Въ

полку служилъ офицеръ, который, по состоянію своего здоровья, не могъ выносить вина. Чтобы имѣть возможность участвовать въ пирушкахъ, устраивавшихся на общихъ собраніяхъ, офицеръ этотъ, вмѣсто вина, потягивалъ изъ кружки черный шведскій портеръ, какъ извѣстно, лишенный почти всякаго алкоголя. — Приближался полковой праздникъ, обычно праздновавшійся во всѣхъ полкахъ русской арміи чрезвычайно торжественно. По обычаю, за общимъ столомъ, во время обѣда, командиръ полка предлагалъ поочередно офицерамъ выпить «чару зелена вина» изъ полкового серебрянаго ковша, весьма часто внушительныхъ размѣровъ.

— Посмотримъ, какъ то ты выйдешь изъ положенія, — подсмѣивались надъ непьющимъ его товарищи! Отказываться вѣдь не полагается: командиръ самолично подноситъ чару, а кругомъ всѣ офицеры подпѣваютъ:

«Чарочка моя серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная»... и т. д.

И вотъ насталъ день полкового праздника.

За обѣдомъ Великимъ Княземъ подносится чара непьющему. Офицеръ, съ тревогой за свое здоровье, поднимается, скрѣпя сердце беретъ изъ рукъ командира огромную «чару» и вдругъ съ благодарностью видитъ, что она наполнена не виномъ, а безвреднымъ для его здоровья портеромъ...

Онъ выпиваетъ «чару» за полкъ до дна. Обычай соблюденъ и здоровье офицера сохранено... Столь тонкое, скажу чарующее вниманіе къ окружающимъ было характерной чертой Великаго Князя.

Что касается полковыхъ хозяйственныхъ заботъ, то Великій Князь предпочиталъ оставлять ихъ на попеченіи своего помощника по хозяйственной части. Счастливая случайность дала ему возможность дѣлать это безъ ущерба полку и дѣлу. Въ лицѣ полковника графа Т., Великій Князь, по отзыву служившихъ въ то время въ полку, имѣлъ твердаго, независимаго и рачительнаго помощника, который не нуждался ни въ указаніяхъ, ни въ наблюденіи. Обстоятельство это конечно очень облегчало Великаго Князя въ командованіи полкомъ и позволяло ему сосредотчить всѣ силы и все вниманіи на строевой подготовкѣ полка.

Тактическими занятіями въ то время въ русской арміи не интересовались и на нихъ не смотрѣли серьезно. Занятія эти велись

очень нудно и для выполненія ихъ спеціально пріѣзжалъ изъ штаба дивизіи особый офицеръ генеральнаго штаба. Въ обученіе къ нему и поступали на время занятій офицеры полка. Главная сущность кавалерійскаго искусства, какъ это уже отмѣчалось, полагалась въ тѣсномъ маневрированіи войсковой части въ сомкнутомъ строю.

Разумѣется впослѣдствіи все это измѣнилось. — Но для этого нужны были годы и энергичныя усилія.

Періодъ эскадронныхъ ученій, вслѣдствіе столь упрощенныхъ требованій, проводился полкомъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ имѣлось огромное учебное поле — Софійскій плацъ. Въ Красносельскій лагерь полкъ выступалъ поэтому очень поздно, примѣрно, въ концѣ іюня, на полковой сборъ и выше.

Этотъ-то періодъ времени и былъ самымъ горячимъ въ смыслѣ проявленія Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ своей кипучей дѣятельности. Здѣсь онъ показалъ себя выдающимся учителемъ, не шедшимъ ни въ какое сравненіе съ другими командирами кавалерійскихъ полковъ.

Въ первые годы Великій Князь на полковыхъ ученіяхъ ставилъ себѣ цѣлью только усовершенствованіе существовавшихъ требованій. Но послѣ своей заграничной поѣздки въ Австро-Венгрію и Италію (Пиньероль), для ознакомленія съ постановкой кавалерійскаго дѣла, онъ вернулся съ новой программой и съ твердымъ убѣжденіемъ, что «мы никуда не годимся». Сдѣлавъ подробный докладъ Императору Александру III и сумѣвъ его убѣдить въ необходимости коренныхъ реформъ въ кавалеріи, онъ горячо взялся за проведеніе ихъ у себя въ полку, не стѣсняясь разрушать до основанія все прежнее, устарѣлое.

Конечно, такая коренная ломка не могла не отражаться въ первое время на состояніи конскаго состава и матеріальной части полка, къ которымъ предъявлялись невиданныя требованія, но такова уже судьба всякаго новаторства! Съ другой стороны Великій Князь, заручившись поддержкой Императора Александра III-го, получилъ конечно извѣстную свободу дѣйствій. Командованіе же имъ гвардейскимъ полкомъ, въ которомъ служили офицеры съ большими средствами, во многомъ облегчало проведеніе реформъ.

Въ раіонѣ Красносельскаго лагеря полкъ занималъ 4 деревни, располагаясь своимъ штабомъ и двумя первыми эскадронами въ д. Русской Капорской. Остальные четыре эскадрона размѣщались въ трехъ ближайшихъ деревняхъ. Для себя Великій Князь выстроилъ при штабѣ небольшой домъ-дачу, въ которой почти безотлучно

проживалъ, окончательно сливаясь съ жизнью полка. Въ эти періоды времени онъ полностью переходилъ на довольствіе въ офицерское собраніе.

Полковыя ученія, производившіяся Великимъ Княземъ, были полны поучительности и интереса. Всегда короткія — не свыше часа-полтора, но быстрыхъ аллюрахъ и съ полнымъ напряженіемъ.

Полкъ забылъ о ровномъ полѣ. Великій Князь водилъ его по пересѣченной мѣстности, не избѣгая ни овраговъ, ни кустовъ, ни лѣсовъ. — Люди должны были умѣть обходить засѣянныя поля, заборы, болота, прыгать черезъ канавы и затѣмъ быстро возстанавливать фронтъ, не теряя связи. Вполнѣ очевидно, что въ первое время было много лошадей съ хромотой и наколотыми ногами. Но это лишь по началу. — Постепенно лошади втянулись въ работу, потеряли лишній жиръ и стали въ рабочемъ тѣлѣ.

Для быстраго прохожденія большихъ пространствъ вырабатывался новый аллюръ: galop allongé, впослѣдствіи извѣстный въ Россіи подъ названіемъ «полевой галопъ», но вначалѣ окрещенный скептиками и завистниками «палевымъ» галопомъ. Для атаки требовалось умѣть дать сначала версты 2-2½ такого галопа и только затѣмъ карьеръ не менѣе чѣмъ на полверсты. — Какъ далеко это требованіе отходило отъ прежняго!

Великій Князь умѣлъ зажигать своимъ неугасавшимъ порывомъ окружающихъ, причемъ самъ онъ горѣлъ больше другихъ. Въ дѣло онъ вкладывалъ всего себя и его примѣръ почти гипнотически дѣйствовалъ на офицеровъ и солдатъ, готовыхъ идти за своимъ молодымъ блестящимъ командиромъ въ огонь и въ воду!

Такъ какъ кавалерійскіе полки Красносельскаго сбора стояли по деревнямъ вокругъ военнаго поля, то для прибытія къ мѣсту ученія имъ приходилось проходить разстоянія въ нѣсколько километровъ, на что при аллюрѣ «шагомъ» тратилось по часу и больше времени. Столько же и послѣ ученія при возвращеніи домой. Великій Князь первый завелъ манеру прохожденія этихъ пространствъ болѣе быстрыми аллюрами, справедливо указывая, что лошади гораздо полезнѣе быть на полтора часа меньше подъ сѣдломъ, чѣмъ то же время плестись шагомъ, подъ палящимъ солнцемъ.

Въ 1886-мъ году вышелъ новый строевой полковой уставъ. Въ немъ уже получили отраженіе нѣкоторыя новшества. Великій Князь до тонкости изучилъ его и зналъ лучше всѣхъ, терпѣливо указывая на малѣйшія ошибки и безпощадно карая всѣхъ безъ различія при ихъ повтореніи.

Въ то время въ большую моду вошли ученья «въ нѣмую» — по знакамъ командира полка, находившагося на разстояніи, или по движенію его лошади. Ученія эти развивали вниманіе и «совкость» части. — Въ своемъ полку Великій Князь довелъ эти ученія до совершенства, чему не мало способствовала его монументальная фигура, рѣзко выдѣлявшаяся на фонѣ мѣстности.

По его знаку, взятому имъ направленію, аллюру и даже взгляду, всѣ шесть эскадроновъ полка дѣлали перестроенія, мѣняли аллюры, развертывали фронтъ, разсыпались врозь, снова собирались, и все это безъ одного слова командира и въ полной тишинѣ.

Съ такою же осмысленностью Великій Князь училъ свой полкъ развѣдкѣ. Разводя одну часть полка отъ другой верстъ на 20-25, онъ давалъ разъѣздамъ различныя задачи въ запечатанныхъ конвертахъ.

Словомъ, въ каждое ученіе непремѣнно вкладывалась извѣстная мысль, и эта-то осмысленность возбуждала къ себѣ живой интересъ въ исполнителяхъ.

Безъ всякаго преувеличенія должно сказать, что своими требованіями и настойчивостью Великій Князь въ строевомъ отношеніи поднялъ командуемый имъ полкъ на небывалую высоту; вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ своего имени онъ создалъ ореолъ блестящаго кавалерійскаго начальника. Ему стали подражать, отчасти же завидовать, указывая на то, что успѣхомъ своихъ новаторскихъ идей онъ обязанъ «безотвѣтственности» своего положенія, при которомъ только и возможно рисковать «порчею» казеннаго конскаго состава. — Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, несомнѣнно, была нѣкоторая доля правды. Но едва-ли слѣдуетъ забывать, что главная сущность вопроса заключалась вовсе не въ томъ, лучше или хуже другого командира полка самъ Великій Князь, и не въ сохраненіи одного-двухъ десятковъ лошадей, а въ томъ, чтобы пробить рутину и проложить впередъ дорогу живымъ идеямъ.

Конечно были и въ полку нѣкоторыя слабыя стороны въ обученіи. Къ числу ихъ относилось недостаточное вниманіе къ рубкѣ, обученіе которой носило еще въ то время характеръ безполезнаго маханія холоднымъ оружіемъ по воздуху въ стороны и впередъ. — Въ загонѣ были также такъ называемыя ученія въ «пѣшемъ строю», хотя собственно къ стрѣльбѣ изъ винтовки Великій Князь относился уже со вниманіемъ. Но, при сужденіи обо всемъ описанномъ, надо имѣть въ виду, что дѣло происходило почти полвѣка тому назадъ, и что въ то время требованія отъ кавалеріи были не столь разносторонни, какъ нынѣ.

Съ началомъ дивизiонныхъ ученiй разница въ обученiи полковъ становилась еще болѣе отчетливой для всѣхъ. Неудачныхъ ученiй и маневровъ въ Лейбъ-Гусарскомъ полку просто не было, и въ то время какъ въ другихъ частяхъ дѣло часто не клеилось, у гусаръ все проходило гладко. — Великiй Князь всегда выдѣлялся среди другихъ начальниковъ своею рѣшительностью, порывомъ и тактическимъ пониманiемъ, а командуемый имъ полкъ своимъ обученiемъ и способностью къ маневрированiю.

Только осенью, послѣ лагернаго сбора и возвращенiя на зимнюю стоянку, начинался отдыхъ. — Великiй Князь обыкновенно уѣзжалъ изъ столицы, пользуясь этимъ временемъ для любимой имъ охоты.

Въ 1889-мъ году, когда бывшему Наслѣднику Цесаревичу минуло 21 годъ, онъ поступилъ на дѣйствительную службу въ полкъ. Въ этомъ рѣшенiи Императора Александра III-го нельзя было не видѣть высокой оцѣнки дѣятельности Великаго Князя, какъ командира полка, у котораго было чему поучиться.

6-го мая всѣ офицеры полка были приглашены въ Александровскiй Дворецъ, гдѣ представлены новому однополчанину. Послѣ этого дня Наслѣдникъ несъ въ полку рядовую службу младшаго офицера по осень того же года. — Въ теченiе лагернаго сбора, онъ жилъ въ Русскомъ Капорскомъ, въ особо выстроенномъ для него небольшомъ домикѣ. — Затѣмъ въ слѣдующемъ 90-мъ году Цесаревичъ Николай провелъ лѣто на службѣ въ полку уже въ качествѣ Командира перваго Лейбъ эскадрона, причемъ принялъ съ полкомъ участiе въ большихъ маневрахъ, на которыхъ присутствовалъ Императоръ Германскiй Вильгельмъ.

Будущiй Императоръ Всероссiйскiй отличался большой аккуратностью въ несенiи службы. — Не будучи особо красивымъ всадникомъ, онъ проявлялъ необыкновенную выносливость въ верховой ѣздѣ. — Для него нерѣдко было отправляться вечеромъ верхомъ въ Новый Петергофъ къ Августѣйшимъ родителямъ изъ Русской Капорской, дѣлая 21 версту немедленно же послѣ коннаго ученiя или очередного маневра на Красносельскомъ военномъ полѣ, до котораго отъ того же Капорскаго приходилось сдѣлать верхомъ въ оба конца еще верстъ 10-11. — Переходъ отъ Русской Капорской до Новаго Петергофа онъ обычно совершалъ верхомъ на извѣстномъ бѣломъ забайкальскомъ конькѣ, на которомъ сотникъ Забайкальскаго войска Пѣшковъ совершилъ свое знаменитое путешествiе верхомъ отъ

Читы до Петербурга. — Конь этотъ поднесенъ былъ сотникомъ Пѣшковымъ въ даръ Наслѣднику престола.

По общимъ отзывамъ, отношенія Августѣйшаго дяди къ племяннику и обратно были въ то время самыя корректныя и предупредительныя, что вполнѣ отвѣчало строго монархическимъ взглядамъ Великаго Князя.

Затѣмъ, въ періодъ нахожденія Великаго Князя Николая Николаевича во главѣ Лейбъ-Гусаръ, въ полку также нѣкоторое время командовалъ эскадрономъ младшій братъ Императора Александра III-го Великій Князь Павелъ Александровичъ.

Въ тотъ же періодъ времени въ Россію съ визитомъ къ царствовавшему Императору пріѣзжалъ дважды Императоръ Германскій Вильгельмъ II. Это было въ 1888-мъ и въ 1890-мъ годахъ, оба раза въ лагерное время.

Въ первый разъ въ честь высокаго гостя, лишь недавно ставшаго Императоромъ Германіи, въ Красномъ Селѣ былъ устроенъ смотръ всей гвардейской кавалеріи, въ которомъ участвовало до 50 эскадроновъ. — Всю эту массу конницы велъ въ нѣмую Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Его сынъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій находился, какъ командиръ полка, во главѣ Лейбъ-гусаръ.

Вдругъ, по знаку Генералъ-Инспектора фуражкой, вся эта конница, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, шедшая галопомъ, спѣшилась, какъ одинъ. — Люди ловко и быстро выстроились по сторонамъ своихъ коней. — Гробовое молчаніе. — Когда пронеслась туча поднятой пыли, былъ поданъ второй знакъ, по которому люди снова сѣли на своихъ коней и стройно помчались впередъ тѣмъ же галопомъ.

Картина вышла потрясающей...

Во второй пріѣздъ Императоръ Вильгельмъ присутствовалъ на маневрахъ Петербургскаго округа. Послѣ окончанія маневровъ, полки проходили церемоніальнымъ маршемъ. Во главѣ Лейбъ-Гусаръ шелъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Нѣкоторые эскадроны полка были пропущены карьеромъ, во время котораго одинъ изъ офицеровъ, командовавшихъ эскадрономъ, оказался, вслѣдствіе путаницы въ сигналахъ, позади эскадрона. Ко времени прохожденія этого эскадрона мимо царской стоянки все успѣло выровняться и всякій прошелъ тамъ, гдѣ ему полагалось. — Раздалось царское «спасибо», но зоркій глазъ Августѣйшаго командира усмотрѣлъ без-

порядокъ и виновникъ его штабъ-ротмистръ М. немедленно былъ посаженъ имъ на гауптвахту.

Отъѣздъ Императора Германскаго съ маневреннаго поля былъ отмѣченъ случаемъ, едва не закончившимся трагически. Обыкновенно, въ концѣ маневровъ, послѣ сигнала «отбой», въ полѣ накрывался для Высочайшихъ особъ и лицъ ихъ свиты завтракъ, къ которому приглашались офицеры ближайшихъ къ Царской Ставкѣ войсковыхъ частей. Таковыхъ офицеровъ, въ виду любопытства возбужденнаго присутствіемъ высокаго иностраннаго гостя, оказалось чрезвычайно много, и ихъ желаніемъ было привѣтствовать послѣ завтрака громкимъ «ура» отъѣздъ своего Верховнаго Вождя Императора Александра III-го. Подали «тройку», замѣнявшую въ то время автомобиль. Офицеры сгрудились вокругъ нея.—Въ коляску сѣли оба Монарха. — По слову Императора Александра III-го, обращенному къ кучеру «пошелъ», вырвалось громкое «ура» окружившихъ коляску офицеровъ. Испугавшись криковъ, лошади заупрямились. Коренникъ всталъ на дыбы, пристяжныя рванули въ стороны. Тройка не сдвинулась съ мѣста. Вслѣдствіе этого Императоръ Александръ III-й долженъ былъ просить офицеровъ прекратить крики и только тогда, послѣ ряда усилій успокоить взволновавшихся лошадей, коляска съ обоими Императорами бѣшено прыгнула впередъ и помчалась по ровной дорогѣ... Объ этомъ инцидентѣ въ свое время много говорили въ столицѣ, въ виду личной несимпатіи Императора Александра III къ своему гостю.

Между Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и Императоромъ Вильгельмомъ II никогда не существовало близкихъ отношеній. Я могу объяснить это тѣмъ общимъ недовѣріемъ, которое существовало въ Россіи по отношенію къ молодому Германскому Императору. — Удаленіе Князя Бисмарка, прекращеніе дѣйствій конвенцій 87 года, а также торжественно обставленное путешествіе Императора Вильгельма на Востокъ предопредѣлили неблагопріятное для Россіи направленіе новаго политическаго курса въ Германіи. Съ другой стороны экономическія соображенія Россіи, требовавшія для ея развитія привлеченія иностранныхъ капиталовъ, вызывали все настойчивѣе необходимость сближенія Россіи съ Франціей и Англіей, противъ которой собственно и было направлено жало новой германской политики.

Основаніемъ къ политической перегруппировкѣ европейскихъ государствъ послужилъ собственно союзный договоръ между Германіей и Австро-Венгріей, начало которому было положено въ 1879-мъ году. Прошло однако еще около 12-ти лѣтъ прежде чѣмъ для Россіи

вырисовалась окончательно неизбѣжность полнаго разрыва съ прошлымъ и заключеніе новаго франко-русскаго союза. — Извѣстно, что обмѣнъ мнѣніями по этому вопросу произошелъ между правительствами Россіи и Франціи лишь во второй половинѣ 1891 года. Но только въ слѣдующемъ году состоялось, наконецъ, подписаніе соотвѣтственнаго проэкта военной конвенціи Начальниками Генеральныхъ Штабовъ обоихъ вышеназванныхъ государствъ. — Наконецъ, еще черезъ 10 лѣтъ, въ 1902-мъ году, состоялось Высочайшее назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича при войнѣ на Западѣ Главнокомандующимъ войсками Германскаго фронта.

Всѣ эти данныя, лишь постепенно развернувшіяся на протяженіи многихъ лѣтъ, конечно, мало способствовали установленію сколько нибудь довѣрчивыхъ отношеній между обоими названными выше лицами, имѣвшими вѣроятіе оказаться въ будущемъ военными противниками.

Тѣмъ не менѣе Императоръ Германскій Вильгельмъ назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича Шефомъ 10-го Магдебургскаго гусарскаго полка. Депутація этого полка пріѣзжала въ Петербургъ и была радушно и гостепріимно принята Великимъ Княземъ и Л.-Гв. гусарскимъ полкомъ въ Русской Капорской, — лѣтней резиденціи полка близь Краснаго Села.

Великій Князь и самъ, по приглашенію Императора Вильгельма, былъ въ Германіи на маневрахъ германскихъ войскъ. — Присутствуя въ свитѣ Императора, онъ, конечно, не могъ многаго видѣть, но, по своемъ возвращеніи восхищался стройностью и порядкомъ передвиженія нѣмецкихъ войскъ. Восхищался онъ также тѣми лошадьми, которыя были подведены ему и лицамъ его свиты, для присутствованія на маневрахъ.

Въ послѣдній годъ командованія полкомъ, Великій Князь, широко зарекомендовавшій себя блестящимъ кавалеристомъ, былъ командированъ на большіе маневры подъ Ровно войскъ Варшавскаго военнаго округа, составившими сѣверный отрядъ противъ войскъ Кіевскаго округа, выдѣлившихъ Южный отрядъ. Великому Князю было поручено командованіе кавалеріей Сѣвернаго отряда, долженствовавшей дѣйствовать противъ Южной конницы, которой командовалъ также извѣстный кавалеристъ того времени генералъ Струковъ. Старшимъ руководителемъ этого маневра былъ Николай Николаевичъ (Старшій).

Молодой Великій Князь, широко раскидывавшій свои части до боя и умѣвшій ихъ быстро сосредоточивать къ періоду боевого

столкновенія, пріобрѣталъ почти всегда ко времени боя преимущества надъ своимъ противникомъ. Это вызывало скрытое недовольство не только командовавшаго войсками Кіевскаго военнаго округа Генералъ-Адъютанта Драгоміровa (М. И.), ревниво относившагося къ боевой подготовкѣ войскъ своего округа, но и недружелюбное отношеніе къ вводимымъ новшествамъ стараго Генералъ-Инспектора Кавалеріи Николая Николаевича (Старшаго), видѣвшаго въ нихъ до извѣстной степени осужденіе имъ охранявшейся рутины.

Великій Князь Николай Николаевичъ не могъ не замѣтить этого къ себѣ недружелюбія со стороны лицъ старшаго, такъ сказать, поколѣнія, но, преклоняясь передъ талантами и воспитательными пріемами Драгомірова, онъ все же сумѣлъ сохранить по отношенію къ послѣднему до самой его кончины хорошія чувства и добрыя отношенія.

За то молодежь отнеслась къ Великому Князю восторженно и возвращеніе его послѣ маневровъ въ полкъ было для него въ извѣстной мѣрѣ тріумфомъ.

1. Во главѣ 2-й Гвардейской кавалерійской дивизіи.

Въ самомъ концѣ 1890-го года Великій Князь Николай Николаевичъ сдалъ полкъ и черезъ нѣкоторое время получилъ въ командованіе 2-ю гв. кав. дивизію, расположенную въ окрестностяхъ столицы.

Весною того же 1891-го года скончался отецъ Великаго Князя Николай Николаевичъ (Старшій) и должность Генералъ-Инспектора Кавалеріи была упразднена; разработка же всѣхъ вопросовъ касающихся кавалеріи была сосредоточена въ особой Кавалерійской части, при Главномъ Штабѣ. Эти обстоятельства позволили молодому Великому Князю болѣе свободно вести полки своей дивизіи по новому пути, глубоко отличному отъ прежняго рутиннаго.

Уже съ зимы стали въ полкахъ этой дивизіи проводиться всѣ подготовительныя требованія, вылившіяся къ этому времени въ стройную программу, благодаря опыту, произведенному ранѣе въ Лейбъ-Гусарскомъ полку. — Конечно, дѣло не обходилось безъ треній, кое-гдѣ втихомолку роптали, по-прежнему опасаясь порчи конскаго состава, но все же къ лѣту требованіе легкаго и быстраго маневрированія эскадроновъ и полковъ на пересѣченной мѣстности было достигнуто. Много работы было проявлено и въ дѣлѣ развѣдки, въ результатѣ чего въ концѣ лѣта, на двухстороннихъ маневрахъ,

дивизія, которою командовалъ Великій Князь Николай Николаевичъ замѣтно выдѣлилась своею подготовкою, по сравненію съ другими кавалерійскими частями.

Не обходилось безъ курьезовъ. Случайное появленіе какого нибудь небольшого разъѣзда отъ частей 2-й гв. кав. дивизіи въ тылу или на флангѣ противной стороны вызывало маневренную панику: «Гусары уже въ тылу! Мы обойдены!!»... передавалось изъ устъ въ уста. «Опять неудачный для нашей стороны маневръ!»..

Преимущества въ боевомъ отношеніи тѣхъ принциповъ, которые были положены въ основаніе обученія полковъ 2-й гв. кав. дивизіи настолько били въ глаза, что постепенно ихъ стали проводить и въ полкахъ 1-й гв. кав. дивизіи. Вначалѣ это подражаніе казалось трудно осуществимымъ, въ виду того, что полки 1-й гв. кав. дивизіи были кирасирскими и, какъ таковые, комплектовались болѣе рослыми людьми и лошадьми. Необходимо было поэтому побороть новое предубѣжденіе о невозможности предъявленія одинаковыхъ требованій къ обѣимъ дивизіямъ. Вскорѣ однако дѣйствительность показала противное и втянутые въ работу рослые кирасиры на своихъ дромадерахъ галопировали и маневрировали на пересѣченной мѣстности за умѣлымъ и опытнымъ вождемъ съ одинаковымъ почти успѣхомъ, какъ и легкіе гусары или уланы.

Гвардейская кавалерія получила, такимъ образомъ, общій толчокъ въ новомъ направленіи.

Командованіе дивизіей было чрезвычайно полезнымъ этапомъ для молодого Великаго Князя на пути его дальнѣйшаго служебнаго движенія. Въ лицѣ Начальника Штаба командуемой имъ дивизіи полковника Палицына, онъ получилъ чрезвычайно осторожнаго и систематическаго сотрудника, ознакомившаго его съ хозяйственно-административными распорядками, принятыми въ Военномъ Министерствѣ, и систематизировавшаго всѣ его мысли по вопросу объ обученіи конницы. Трудно было въ началѣ представить себѣ какъ могли ужиться и сработаться эти двѣ столь различныя фигуры. Одинъ пылкій, излишне горячій, порывистый, другой — осторожный, медленный, слишкомъ можетъ быть даже теоретичный. Тѣмъ не менѣе, совмѣстная работа у нихъ наладилась: Великій Князь училъ конныя части въ полѣ, — его Начальникъ Штаба, на основаніи результатовъ этихъ работъ, подготовлялъ разнаго рода приказы, инструкціи, чертежи и схемы, которые получали неофиціальное распространеніе не только во всей гвардейской кавалеріи, но и въ тѣхъ армейскихъ полкахъ, во главѣ которыхъ стояли болѣе воспріимчивые и дѣятельные командиры. — Такъ какъ весьма мно-

тими полками командовали офицеры, проведшіе свою первоначальную службу въ гвардейскихъ частяхъ или въ Генеральномъ Штабѣ, то пріемы и навыки, рекомендуемые Великимъ Княземъ, стали распространяться во всей арміи довольно широко.

Существовавшіе въ то время офиціальные уставы кавалерійской службы и наставленія къ нимъ страдали къ тому же слишкомъ большою общностью указаній, которыя оставались часто неуловимыми для начальниковъ средней руки. Онѣ требовали самостоятельной разработки деталей, каковая работа была непосильна большинству тогдашнихъ кавалерійскихъ начальниковъ. Въ результатѣ этого многіе отдѣлы обученія какъ бы обходились, причемъ особенно страдали вопросы организаціи развѣдки въ широкихъ размѣрахъ и употребленія боевыхъ порядковъ крупныхъ частей кавалеріи (свыше полка). Между тѣмъ, въ то время въ Россіи существовали не только кавалерійскія дивизіи, но пользовалась вниманіемъ также идея сведенія дивизій въ отдѣльные кавалерійскіе корпуса. — Кромѣ того, свойства новыхъ образцовъ артиллеріи и винтовки требовали также измѣненія уставныхъ формъ.

Въ сущности вся предварительная работа по пересмотру дѣйствовавшихъ уставовъ производилась въ штабѣ 2-й гв. кав. дивизіи, подъ руководствомъ ея энергичнаго и свѣдущаго начальника и, какъ я сказалъ, уже задолго до появленія новыхъ уставовъ, по рукамъ ходили литографированные листки, составленные по опыту обученія частей 2-й гв. кав. дивизіи въ штабѣ этой дивизіи. Самые же уставы, по которымъ начала учиться вся русская кавалерія, вышли нѣсколько позднѣе, а именно, въ 1896-мъ году, когда Великій Князь Николай Николаевичъ занялъ уже должность Генералъ-Инспектора всей кавалеріи. Это были: а) Уставъ кавалерійской службы (три части) и б) Наставленіе для веденія занятій въ кавалеріи.

Въ тотъ же періодъ времени стало входить въ употребленіе рѣшеніе въ полѣ разнаго рода тактическихъ задачъ, путемъ маневрированія противъ обозначеннаго противника, также передвигавшагося по указаніямъ особаго лица, получавшаго соотвѣтственныя указанія отъ старшаго руководителя.

3. Новый Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи.

Весьма скоро по восшествіи на россійскій престолъ Императора Николая II-го, должность Генералъ-Инспектора Кавалеріи была

возстановлена и на нее въ 1895-мъ году назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Великій Князь оставался въ этой должности 10 лѣтъ и такимъ образомъ, при его кипучей энергіи, личное вліяніе его на развитіе русской конницы вылилось въ совершенно исключительныя формы.

Должность Генералъ-Инспектора, при наличіи въ Россіи командующихъ войсками въ округахъ, на которыя была подѣлена вся территорія Россіи, съ непосредственнымъ подчиненіемъ названнымъ лицамъ всѣхъ войскъ, находящихся на ней, несомнѣнно, должна была представлять извѣстныя тактическія трудности. Излишнее вмѣшательство въ подборъ личнаго состава и въ порядокъ веденія занятій несомнѣнно могло вызывать разнаго рода непріятныя тренія съ Командующими войсками; напротивъ, при уклоненіи отъ такого вмѣшательства, Генералъ-Инспекторъ не могъ разсчитывать добиться въ полной мѣрѣ проведенія своихъ требованій, въ особенности если онѣ находились не въ полномъ согласіи со взглядами мѣстнаго начальства.

Великій Князь взялъ въ этомъ отношеніи среднюю линію. Въ отношеніи занятій онъ предоставлялъ наблюденіе за всѣмъ ходомъ ихъ въ теченіе зимняго періода — мѣстному начальству; его объѣзды поэтому начинались лишь въ періодъ эскадронныхъ ученій въ кавалеріи, и продолжались вплоть до осени, то есть, до конца спеціальныхъ кавалерійскихъ сборовъ. Впослѣдствіи же онъ ограничивался даже провѣркою строевыхъ и тактическихъ занятій только въ періодъ спеціальныхъ кавалерійскихъ сборовъ, оставляя впрочемъ за собою право провѣрки въ эти же періоды и тѣхъ эскадроновъ, которые почему либо выдѣлялись въ ту или другую сторону. — Въ общемъ эти провѣрки давали ему матеріалъ для сужденія о качествѣ всего личнаго состава кавалеріи.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ бывшихъ начальниковъ кавалерійскихъ дивизій сдѣланное ему однажды испытаніе:

«Лично моему единенію съ конемъ Великій Князь сдѣлалъ экзаменъ, проскакавъ со мною болѣе трехъ верстъ до того мѣста, съ котораго онъ хотѣлъ видѣть порядокъ дебушированія полковъ на военное поле по данному имъ указанію.

Теряю ли я при этомъ дыханіе, онъ провѣрялъ, бросая по дорогѣ тѣ или другіе вопросы, на которые я долженъ былъ отвѣчать. — Командира корпуса мы на скачкѣ потеряли, а Командующій войсками наблюдалъ вообще издали, чтобы не стѣснять Великаго Князя и не принимать участія въ столь быстрыхъ передвиженіяхъ, при его раненой въ колѣно ногѣ».

Приведенный примѣръ — образецъ экзамена только на свѣжесть силъ и выносливость начальника. Но рѣшеніе тактическихъ задачъ путемъ маневра двухсторонняго или противъ обозначеннаго противника, давало матеріалъ для сужденія и о болѣе серьезныхъ внутреннихъ достоинствахъ испытуемаго, какъ кавалерійскаго начальника.

Получавшіяся данныя о начальникахъ по окончаніи объѣзда суммировались и служили матеріаломъ для ихъ служебныхъ аттестацій.

Во время производства смотровъ чаще всего и проявлялась та горячность Великаго Князя, о случаяхъ которой ходило столько легендарныхъ разсказовъ. Не отрицая таковыхъ случаевъ, я все же долженъ привести въ извиненіе ихъ: во-первыхъ, слишкомъ большую косность и неподготовленность нѣкоторыхъ начальниковъ того времени, во вторыхъ — искреннее горѣніе въ дѣлѣ, вызывавшемъ непріятную сцену, самого Великаго Князя, который ничего не видѣлъ кромѣ самого дѣла и только по поводу его и горячился, и въ третьихъ — столь же искреннее раскаяніе и стремленіе загладить свою крикливую выходку какимъ либо примиряющимъ словомъ или жестомъ.

— Неужели я опять накричалъ? — спрашивалъ онъ сопровождавшихъ его лицъ.

— Чортъ возьми, — сердился онъ на себя, узнавъ о своей новой вспышкѣ несдержанности. — Надо какъ нибудь исправить дѣло!

И за общимъ завтракомъ или обѣдомъ, который давали въ его честь, или который отъ его имени гостепріимно предлагался офицерству, онъ неизмѣнно спѣшилъ загладить свою вину, иногда даже прямымъ извиненіемъ.

Надо при этомъ замѣтить, что разносъ учинялся всегда въ полѣ, гдѣ повышенный голосъ являлся часто необходимостью, и что у Великаго Князя самый тембръ голоса и манера чеканить слова производила всегда нѣсколько рѣзкое впечатлѣніе, усугублявшееся нервной жестикуляціей его длинныхъ и тонкихъ рукъ. — Бывали впрочемъ и такіе начальники, которые обидами на рѣзкость Великаго Князя стремились прикрыть свой уходъ со службы, объясняемый попросту полнымъ ихъ ничтожествомъ и несоотвѣтствіемъ къ занимаемой должности.

Во всякомъ случаѣ я долженъ сказать, что Великій Князь въ этомъ смыслѣ усиленно работалъ надъ собою и что, съ теченіемъ

времени, эта его несдержанность сглаживалась все больше и больше. За весь періодъ пребыванія Великаго Князя въ должности Верховнаго Главнокомандующаго, я, видѣвшій его ежедневно и въ самой различной обстановкѣ, былъ свидѣтелемъ лишь одной его вспышки. Я привожу ее ниже въ главѣ VI-ой полностью съ той цѣлью, чтобы читатель могъ самъ судить по ней, о какихъ качествахъ Великаго Князя эта сцена больше должна говорить безпристрастному судьѣ.

Зато какъ онъ умѣлъ захваливать въ случаяхъ положительныхъ и особенно при разумномъ проявленіи частной инициативы!

— Двѣнадцать балловъ такому то, — кричалъ онъ на все поле своимъ рѣзкимъ голосомъ, за то-то и то-то!

— Карьеромъ къ такому то эскадрону; передать ему мое восхищеніе такимъ то рѣшеніемъ, — кричалъ онъ своему адъютанту. — Я не могу подать «сигналъ благодарности», такъ какъ на него отвѣтитъ весь маневрирующій отрядъ. — И громкое «рады стараться», несется издали въ отвѣтъ на посланное привѣтствіе черезъ нѣсколько секундъ головоломной скачки адъютанта, передававшаго благодарность.

«Чудо-богатыри», «сверхъ-богатыри», — все это эпитеты, которыми онъ, Верховный Главнокомандующій Русской арміи, неизмѣнно награждалъ войсковыя части, ожидавшія признанія имъ своей доблести!

Но начальствующихъ лицъ надо было въ годы мира не только провѣрять, но и учить. И вотъ съ этой цѣлью съ 1897-го года, по почину Инспекціи Кавалеріи, начались полевыя поѣздки со старшими кавалерійскими начальниками, кандидатами на командировъ полковъ, бригадъ и начальниковъ дивизій. Впослѣдствіи для этого рода занятій было выработано особое положеніе и эти поѣздки пріобрѣли систематическій характеръ.

Весьма важнымъ элементомъ въ кавалеріи является, конечно, лошадь. — Конное хозяйство составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, факторъ большого значенія въ народномъ хозяйствѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, Великій Князь обратилъ особое вниманіе на правильность ремонтированія арміи лошадьми. — Въ прежнее время, до вступленія Великаго Князя въ должность Генералъ-Инспектора Кавалеріи, ремонтированіе это производилось особыми ремонтерами на коммерческомъ правѣ. Способъ этотъ былъ далеко неудовлетворительнымъ для арміи и представлялся невыгоднымъ для развитія коннозаводства. Вслѣдствіе этого, по иниціативѣ Инспекціи и ея трудами, было выработано новое положеніе о ремонтированіи арміи лошадьми,

въ каковомъ положеніи были приняты существенныя мѣры, какъ для улучшенія сорта лошадей, поступающихъ въ армію, такъ и для расширенія зонъ производства въ странѣ ремонтныхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ вредный способъ единоличной закупки лошадей ремонтерами, взамѣнъ котораго было установлено пріобрѣтеніе лошадей специальными ремонтными комиссіями непосредственно отъ коневодовъ и коннозаводчиковъ, по особымъ расцѣнкамъ, съ правомъ выдачи подъ поставляемыхъ лошадей особыхъ авансовъ. — Установлена была также закупка тѣми же комиссіями верховыхъ лошадей для офицеровъ кавалеріи и генеральнаго штаба.

Положеніе о ремонтированіи арміи лошадьми вышло въ 1901-мъ году, а уже въ слѣдующемъ году Великій Князь лично объѣхалъ цѣлый рядъ ремонтныхъ комиссій, знакомясь съ ихъ дѣятельностью.

При этомъ объѣздѣ онъ впервые побывалъ на Кавказѣ и проѣхалъ по Военно-Грузинской дорогѣ, любуясь ея красотами.

Въ вопросѣ о вооруженіи кавалеріи, Великій Князь былъ вначалѣ ярымъ противникомъ пики. Существовавшее въ русской кавалеріи горячее увлеченіе искусствомъ рубки шашкой разнаго рода предметовъ (лоза), смѣнившее прежнее безполезное маханіе шашкой по сторонамъ, отрицало полезность пики. –– Однако, именно на этомъ примѣрѣ можно ясно видѣть отсутствіе у Великаго Князя какого либо упрямства въ его убѣжденіяхъ, или просто предубѣжденія. Когда пика стала входить вновь въ вооруженіе кавалеріи многихъ иностранныхъ армій, то и наша инспекція не только не обнаружила стремленія къ наложенію на этотъ вопросъ своего veto, но даже отнеслась къ предположенной мѣрѣ о введеніи пики на вооруженіе всей нашей конницы очень заботливо, содѣйствуя ея осуществленію.

Съ особой горячностью Великій Князь стремился къ улучшенію техническаго снабженія нашихъ конныхъ частей. Особенно привлекали его вниманіе средства связи и переправы. — Рядомъ съ испытаніемъ послѣднихъ, обращено было также особое вниманіе на обученіе частей плаванію, и я лично былъ свидѣтелемъ переправы вплавь цѣлаго полка черезъ такую серьезную преграду, какъ Днѣстръ въ предѣлахъ бывшей Россіи.

Вниманіе Генералъ-Инспектора привлекало также искусство стрѣльбы изъ винтовокъ и пулеметовъ. Вначалѣ къ оружейному огню въ нашей кавалеріи относились «презрительно». Но когда въ немъ наши конныя части укрѣпились и вслѣдствіе этого повѣрили въ его силу

тогда явилось убѣжденіе и въ пользѣ дѣйствій кавалеріи въ спѣшенномъ строю. Пренебреженіе тѣмъ, чего не знаютъ, — обычное явленіе въ нашемъ военномъ дѣлѣ.

Дѣятельность Великаго Князя распространялась и на казачьи части, которыя онъ любилъ и въ боевыя качества которыхъ вѣрилъ. Особое пристрастіе онъ питалъ къ кавказскимъ казачьимъ войскамъ. Такъ какъ казаки, по существовавшему положенію, выходили на службу на своей собственной лошади то естественно по отношенію къ нимъ у Великаго Князя являлась меньшая требовательность. Особенно его увлекалъ казачій способъ дѣйствія «лавой», дававшій свободу проявленія самостоятельности каждому рядовому казаку.

Стремленіе Великаго Князя, не только провѣрять, но и учить командный составъ, особенно рельефно выражалось во вниманіи къ организаціи офицерской кавалерійской школы, находившейся въ его подчиненіи, какъ Генералъ-Инспектора Кавалеріи. Школа эта была капитально реорганизована въ 1896-7 г. г. и заботамъ о ней Великій Князь посвящалъ много времени.

Къ концу пребыванія Великаго Князя въ должности Генералъ-Инспектора кавалеріи, эта школа состояла изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, преслѣдовавшихъ каждый свою спеціальную задачу.

Главнымъ отдѣломъ въ ней былъ отдѣлъ молодыхъ офицеровъ (такъ называемый перемѣнный составъ), составлявшійся изъ командировавшихся отъ кавалерійскихъ полковъ въ школу на два года, для обученія выѣздкѣ молодыхъ лошадей въ полкахъ и совершенствованія въ искусствѣ владѣнія оружіемъ. Для руководства обученіемъ этими тонкими спеціальностями были изъ заграницы (Италія и Франція) выписаны лучшіе мастера и знатоки этихъ спеціальностей. Независимо отъ того, при этомъ же отдѣлѣ была организована учебная кузница, выпускавшая въ полки солдатъ-спеціалистовъ по кузнечному дѣлу.

Засимъ существовалъ особый отдѣлъ эскадронныхъ и сотенныхъ командировъ, гдѣ собирались на зимній періодъ кандидаты на указанныя должности. Тактическое развитіе и уставная часть составляли главные предметы этого курса.

Наконецъ, для втягиванія въ полевую работу кандидатовъ на должность полковыхъ командировъ, соотвѣтственные чины собирались въ концѣ лѣта или въ началѣ осени для систематическаго прохожденія курса парфорсныхъ охотъ.

Въ цѣляхъ ихъ организаціи, въ имѣніи графа Пржездецка-

го «Поставы» были выстроены соотвѣтствующіе бараки для офицеровъ и людей, а также помѣщенія для звѣря и собакъ. Самыя охоты производились по «искусственному слѣду», пользуясь для сего обширными пространствами (до 80 т. десятинъ) луговъ, лѣсовъ, болотъ и другихъ пустопорожнихъ мѣстъ имѣнія. Этотъ курсъ, имѣвшій не только учебный, но и испытательный характеръ, былъ чрезвычайно полезенъ для русской кавалеріи, какъ устранявшій, почти механически, тѣхъ офицеровъ отъ продвиженія на командныя должности, которые не сохранили обязательной для службы въ кавалеріи свѣжести. Само собой разумѣется, что всѣ организуемыя охоты были строго расчитаны съ силами средняго всадника и производились на вполнѣ наскоканныхъ лошадяхъ школы, легко и охотно бравшихъ препятствія.

Наконецъ, та-же школа служила для производства всякаго рода испытаній предметовъ техническаго снабженія, введеніе которыхъ въ кавалерію могло представлять какія либо выгоды. Съ этой цѣлью при школѣ содержался эскадронъ офицерской школы, комплектовавшійся на общемъ основаніи.

Прекраснымъ помощникомъ Великаго Князя по всѣмъ вопросамъ кавалерійской школы былъ, впослѣдствіи по войнѣ громко извѣстный генералъ Брусиловъ, состоявшій долгое время начальникомъ ея.

ГЛАВА IV-ая.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ — ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ ГВАРДІИ И ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА. — ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОВАНІЕ ЕГО ВЪ СОВѢТѢ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ.

Il faut aller en devant des évènements et non les suivre (Napoléon).

Великій Князь Николай Николаевичъ уже въ бытность Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи пользовался большимъ авторитетомъ у царствовавшаго Императора Николая II-го. Поэтому въ особо трудныхъ или деликатныхъ случаяхъ къ нему обращались многіе государственные дѣятели за содѣйствіемъ. — Графъ Витте, напримѣръ, въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что Великому Князю Николаю Николаевичу, совмѣстно съ тогдашнимъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ графомъ Ламсдорфомъ, пришлось принять участіе въ очень щекотливомъ дѣлѣ по ликвидаціи противорѣчившаго русскому соглашенію съ Франціей Бьеркенскаго соглашенія 1905-го года Императора Николая съ германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ. — Великій Князь твердо и опредѣленно высказалъ Государю свое мнѣніе о необходимости уничтоженія названнаго договора, или въ крайности о замѣнѣ его другимъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ договоромъ Россіи съ Франціей.

Какъ ни трудно было Императору Николаю II-му сознаться въ ошибочности своего шага, но, подъ вліяніемъ словъ Великаго Князя, онъ принужденъ былъ согласиться на предоставленіе графу Ламсдорфу права найти для улаженія конфликта соотвѣтственныя дипломатическія средства.

Однако, во Франціи этотъ поступокъ Императора Николая оставилъ по себѣ надолго горькій осадокъ и еще въ 1917-мъ году министру иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства П. Н. Милюкову пришлось объясняться по этому вопросу:

«Мнѣ кажется, телеграфировалъ П. Н. Милюковъ, 19-го апрѣля 17-го года русскому послу въ Парижѣ, что разъ въ нашей печати появились разоблаченія о договорѣ 1905-го года, необходимо немедленно же сообщить французскому и англійскому правительствамъ, какъ содержаніе договора, такъ и подробныя обстоятельства всего дѣла, свидѣтельствующія о всегдашней лояльности отвѣтственныхъ руководителей внѣшней русской политики по отношенію къ Франціи. Подобное сообщеніе въ сущности не можетъ особенно компрометировать въ глазахъ Франціи отрекшагося Императора, котораго можно упрекнуть не въ двоедушіи, а лишь въ крайней слабости воли, ибо поддавшись внушеніямъ Императора Вильгельма онъ искренно вѣрилъ въ возможность привлечь къ договору французское правительство. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ Англіи, противъ коей былъ направленъ договоръ, но не слѣдуетъ забывать, что въ то время Англія всецѣло находилась на сторонѣ нашихъ враговъ и что начало къ сближенію съ нею положено было лишь два года спустя».

Авторитетъ Великаго Князя при Царѣ достигъ своего апогея къ 1905-му году, когда внутреннее положеніе страны ухудшилось настолько, что порядокъ могъ быть сдерживаемъ въ ней только войсками. Великій Князь Николай Николаевичъ, всегда считался однимъ изъ самыхъ твердыхъ военноначальниковъ, и потому Императору Николаю II-му естественно было видѣть въ немъ для себя опору и защитника династіи, принимая тѣмъ болѣе во вниманіе его принадлежность къ Императорской Фамиліи.

При такихъ исключительныхъ условіяхъ неудивительно, что когда надъ Россіей нависли черныя тучи первой революціи, Великому Князю Николаю Николаевичу пришлось сыграть выдающуюся роль въ исторіи Россіи.

Наступала осень 1905-го года. — Внутреннее положеніе становилось до нельзя напряженнымъ. — Въ войнѣ съ Японіей, одна неудача слѣдовала за другой: Лаоянъ, Шахэ, сдача Портъ-Артура, Мукденъ — таковы печально звучавшія имена сухопутныхъ пораженій. Наконецъ, на морѣ — трагическая Цусима. — Всѣмъ было ясно, что маленькая Японія побѣдила Русскаго Великана. Спѣшно открылись въ Портсмутѣ морально тяжелые для Россіи, мирные переговоры.

Хотя въ русско-японской распрѣ приняла участіе едва третья часть русскихъ вооруженныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, война эта внесла полное разстройство въ организацію всей арміи. Это обстоятельство явилось результатомъ неправильной системы комплектованія маньчжурскихъ армій, для которыхъ изъ войсковыхъ частей,

оставшихся въ Россіи, безсистемно выхватывались офицеры, кадровые нижніе чины и разнаго рода специалисты; изъ запасовъ же военнаго времени бралось для пополненія матеріальной части все то, въ чемъ оказывалась нужда на театрѣ войны. — Подъ конецъ же войны, по настоянію начальства Маньчжурскихъ армій, для коренного улучшенія состава послѣднихъ, изо всѣхъ частей войскъ, остававшихся въ Россіи, были выдѣлены и отправлены на Дальній Востокъ всѣ люди младшаго возрастнаго призыва, что окончательно разстроило эти части и свело многіе полки къ столь ничтожному составу, при которомъ стало невозможнымъ ни правильное обученіе, ни несеніе гарнизонной службы.

Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, случаи вмѣшательства вооруженной силы во внутреннюю жизнь страны, значительно возрасли, вслѣдствіе все разроставшейся революціонной пропаганды. — Въ сущности, къ указанному времени вся Россія была объята волненіями; нѣкоторыя же окраины находились въ открытомъ возмущеніи. — Жестокое возстаніе разразилось въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, революціонная пропаганда не ограничилось населеніемъ; она стала проникать и въ казарму. — Особенно неспокойно становилось во флотѣ; команды на берегу и на корабляхъ были почти полностью захвачены революціоннымъ броженіемъ.

Въ началѣ октября стало останавливаться желѣзнодорожное движеніе; забастовали телеграфъ, почта. Въ Петербургѣ потухло электричество и явилась угроза остановки даже водопровода... Страну охватило состояніе паралича.

Рядомъ съ безвластнымъ правительствомъ, авторитетъ котораго сталъ неизмѣнно падать, выросло новое учрежденіе: «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ», который успѣлъ въ самое короткое время укрѣпиться и разрастись въ своемъ значеніи. Его исполнительный органъ, по объему власти, становился день ото дня все сильнѣе и потому опаснѣе для правительства.

Въ столь трудное время въ оперативную часть Главнаго Штаба сталъ все чаще захаживать, для сбора различнаго рода справокъ, часто секретныхъ, генералъ Палицынъ, занимавшій должность начальника штаба генералъ-инспектора кавалеріи. — Занимая въ то время должность начальника оперативнаго отдѣленія, я вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, испросить у своего начальства указаній, могу ли я удовлетворять пожеланія генерала Палицына. Получивъ утвердительный отвѣтъ я изъ него могъ усмотрѣть, что генералъ Палицынъ выполняетъ какое-то порученіе, остающееся пока секретнымъ. — Я не выразилъ поэтому особаго удивленія, когда вскорѣ

прочелъ въ одномъ изъ Высочайшихъ приказовъ объ учрежденіи должности начальника Генеральнаго Штаба, о чемъ много говорили тогда, и о назначеніи на эту должность генерала Палицына, съ выдѣленіемъ въ его вѣдѣніе нѣсколькихъ отдѣленій Главнаго Штаба, вѣдавшихъ вопросами оперативными, желѣзнодорожными и топографическими. Нѣсколько позднѣе въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба перешла также мобилизаціонная часть.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что, вмѣстѣ съ учрежденіемъ должности начальника Генеральнаго Штаба, послѣдній, по примѣру Германіи, былъ изъятъ изъ подчиненія военнаго министра и, такимъ образомъ, по вопросамъ подвѣдомственнымъ начальнику Генеральнаго Штаба, онъ являлся прямымъ докладчикомъ у Государя Императора. — Порядокъ этотъ не далъ, однако, у насъ въ Россіи ожидавшихся результатовъ и весьма скоро начальникъ Генеральнаго Штаба, выдѣленный изъ состава военнаго министерства, оказался совершенно оторваннымъ отъ жизни и безсильнымъ въ проведеніи тѣхъ мѣръ, которыя казались ему необходимыми. Настоящимъ хозяиномъ дѣла продолжалъ оставаться военный министръ, въ вѣдѣніи котораго оставалось распоряженіе бюджетомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наличіе двухъ докладчиковъ по военнымъ дѣламъ лишь излишне должно было стѣснять Государя, въ особенности въ случаѣ разногласій между ними. По этимъ соображеніямъ, уже въ 1908 году Главное Управленіе Генеральнаго Штаба было вновь введено въ составъ военнаго министерства. Начальникъ Генеральнаго Штаба былъ подчиненъ военному министру и за нимъ было оставлено лишь право личнаго доклада Государю въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ присутствіи военнаго министра. Въ такомъ именно видѣ положеніе о начальникѣ Генеральнаго Штаба продержалось въ Россіи до войны 1914-го года.

Назначеніе на должность начальника Генеральнаго Штаба, генерала Палицына, многолѣтняго сотрудника Великаго Князя Николая Николаевича, ясно указывало, что въ гору идетъ вліяніе послѣдняго. И, дѣйствительно. — Почти одновременно съ новымъ назначеніемъ генерала Палицына былъ учрежденъ Совѣтъ Государственной Обороны, во главѣ котораго оказался Великій Князь Николай Николаевичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшно вызванный изъ деревни въ Петербургъ онъ замѣнилъ одновременно и Великаго Князя Владиміра Александровича, дядю Императора Николая II-го, на посту Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. — Этотъ послѣдній постъ, въ виду положенія, создавшагося въ

Россіи, въ частности въ Петербургѣ, получилъ къ тому времени исключительную важность, такъ какъ въ руки лица, находившагося во главѣ войскъ столичнаго округа, по существу, передавалась судьба столицы, а съ нею и всей Имперіи.

Общеизвѣстно, что графъ Витте, недавно вернувшійся изъ С. Америки, послѣ заключенія мира съ Японіей, усиленно совѣтовалъ въ интересахъ общаго успокоенія даровать странѣ конституціонныя начала, во измѣненіе никого не удовлетворившаго закона о «Булыгинской» Думѣ, которымъ предусматривалось «непремѣнное сохраненіе основныхъ законовъ Имперіи». Названное лицо, такимъ образомъ, являлось вдохновителемъ идей, положенныхъ въ основу манифеста 17-го октября и новыхъ основныхъ законовъ, пріуроченныхъ къ нему. И хотя, установленныя новыя положенія заключали въ себѣ много неопредѣленностей, недомолвокъ и даже противорѣчій, тѣмъ не менѣе, едва ли однако серьезно можно оспаривать то положеніе, что съ утвержденіемъ ихъ, — Россія должна была считаться Государствомъ, вступившимъ на конституціонный путь.

«Никакой законъ, говорилось въ одной изъ статей новыхъ основныхъ законовъ, не можетъ воспріять силы безъ одобренія Думы».

Правда, графъ Витте намѣчалъ также возможность другого пути, заключавшагося въ предоставленіи особо довѣренному лицу диктаторскихъ полномочій, для подавленія всякихъ попытокъ къ установленію болѣе свободнаго образа жизни. Но въ прочность этого пути, какъ я уже говорилъ, самъ Витте не вѣрилъ.

«Казни и потоки крови, выражался онъ въ одной изъ своихъ записокъ, только ускорятъ взрывъ. За ними наступитъ дикій разгулъ, неизмѣнный спутникъ человѣческихъ страстей».

Конституціонныя идеи, проводившіяся С. Ю. Витте, вначалѣ не встрѣтили особаго сочувствія при Дворѣ. Онѣ шли въ разрѣзъ также интересамъ правящихъ круговъ, хранившихъ убѣжденіе въ томъ, что только самодержавіе есть наилучшій способъ управленія Россіей. Поэтому, довольно многочисленныя записки графа Витте, касавшіяся даннаго вопроса, подвергались неоднократной критикѣ въ разнаго рода высшихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ, въ составъ которыхъ даже не всегда привлекался самъ авторъ названныхъ записокъ. — Наиболѣе горячимъ противникомъ идей графа Витте явился И. Л. Горемыкинъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ — старый государственный дѣятель, являвшійся, какъ мы увидимъ дальше, и въ будущемъ вѣрнымъ стражемъ всѣхъ охранительныхъ тенденцій. И если, тѣмъ не менѣе, въ 1905 году побѣдило ли-

беральное теченіе, то этой побѣдѣ, несомнѣнно, способствовала та позиція, которую занялъ въ данномъ вопросѣ Великій Князь Николай Николаевичъ. Призванный въ это время на постъ Главнокомандующаго войсками столичнаго округа, онъ, повидимому, и предназначался на роль того диктатора, который, въ случаѣ отказа отъ дарованія странѣ конституціи, долженъ былъ подавить въ народѣ «до корня» всякое стремленіе къ установленію болѣе современныхъ началъ жизни.

Великій Князь Николай Николаевичъ, однако, на себя этой роли не принялъ. Онъ твердо заявилъ, что лично находитъ уступки необходимыми, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредилъ, что военная диктатура вообще неосуществима, вслѣдствіе недостаточности войскъ и полнаго разстройства ихъ, явившагося въ результатѣ только что законченной войны съ Японіей.

Говорятъ, что и другое, приближенное къ Государю лицо, Д. Треповъ, рекомендовавшій вначалѣ политику: «Патроновъ не жалѣть», — посовѣтовалъ Царю «уступки».

Эти уступки выразились въ изданномъ манифестѣ 17-го октября, каковымъ актомъ имѣлось въ виду придать дарованнымъ свободамъ характеръ лично исходившихъ отъ Государя Императора.

Разсказываютъ, что у Великаго Князя, въ дни предшествовавшіе 17-му октября, было свиданіе, имѣвшее рѣшающее значеніе, съ однимъ изъ видныхъ представителей рабочаго движенія, нѣкіимъ Ушаковымъ. — Ушаковъ былъ самъ рабочимъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Наблюдая все, происходившее кругомъ, онъ вынесъ твердое убѣжденіе въ необходимости уничтоженія самодержавія, путемъ дарованія «самимъ Царемъ» странѣ конституціи. Въ такомъ актѣ онъ усматривалъ наиболѣе дѣйствительный способъ замиренія русскаго народа и борьбы съ республиканскими вѣяніями.

— Русскій народъ за сотни лѣтъ привыкъ къ монархическому принципу, говорилъ онъ, и едва ли желаетъ въ этомъ смыслѣ измѣненія, но онъ не удовлетворенъ существующими способами управленія Россіей и стоитъ за то, чтобы ему была дана возможность принимать участіе въ выработкѣ законовъ и вообще въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ.

Объ этомъ Ушаковѣ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Ю. Витте, который также свидѣтельствуетъ о фактѣ свиданія названнаго рабочаго съ Великимъ Княземъ.

Будучи вызванъ въ Петербургъ Императоромъ, Великій Князь

только что пріѣхалъ въ столицу. Зная, что ему предстоитъ съ Царемъ вести бесѣду о происходящихъ событіяхъ и желая поближе познакомиться съ ихъ сущностью, онъ выразилъ согласіе на свиданіе съ Ушаковымъ, пріобрѣвшимъ довольно громкую извѣстность своею освѣдомленностью и положеніемъ въ рабочихъ кругахъ. Приглашенный въ домъ Великаго Князя, на Михайловской площади, Ушаковъ сталъ развивать передъ Великимъ Княземъ свои взгляды и убѣждать его повліять на Царя пойти на уступки.

Въ началѣ Великій Князь выразилъ полное несогласіе со взглядами своего собесѣдника.

— Я старый солдатъ и вѣрный слуга своего Государя; только самодержавный образъ правленія, по моему мнѣнію, можетъ Россіи гарантировать пользу. — При этомъ Великій Князь, по разсказу Ушакова, проявлялъ крайнее возбужденіе и даже съ сердцемъ откинулъ стулъ, мѣшавшій его обычной нервной жестикуляціи. Но съ развитіемъ бесѣды и доводовъ въ пользу уступокъ, онъ сталъ успокаиваться. Ушаковъ говорилъ, что вода въ рѣкѣ не стоитъ на мѣстѣ, а течетъ впередъ, что противъ ея напора ничто не устоитъ, что расчеты на солдатскій штыкъ не надежное средство, ибо солдатъ — тотъ же крестьянинъ или рабочій, а офицеры, будучи преданы монарху, все же видятъ недостатки существующаго управленія, и еще въ началѣ 19-го столѣтія наиболѣе передовые изъ нихъ стали проявлять склонность къ конституціи. Великій Князь, какъ лицо, близко стоящее къ Верховному Главѣ Государства и пользующееся его довѣріемъ, обязанъ при такихъ условіяхъ открыть Царю глаза, чѣмъ можетъ быть спасенъ самый монархическій принципъ, къ которому русскій народъ привыкъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Великій Князь, по существующему разсказу, въ глубокомъ раздумьи произнесъ:

— Все это гладко на словахъ, но какъ провести эти идеи въ жизнь!... Хорошо, добавилъ онъ, наконецъ, рѣшительно, я попытаюсь сдѣлать, что могу. Я всегда счастливъ служить Государю и Отечеству...

Я не могу, конечно, ни отрицать, ни утверждать достовѣрность этой бесѣды. Но я могу съ полнымъ убѣжденіемъ отмѣтить, что, если этой бесѣды и не было, то она «могла быть», до такой степени она соотвѣтствуетъ внутреннему облику Великаго Князя. Тутъ все есть: и его доступность, и безконечная преданность монархическому принципу, какъ таковому, и его горячность въ началѣ разговора, и его

отзывчивость къ убѣжденно сказанному разумному и логическому слову и, наконецъ, его безпредѣльная любовь къ отечеству, которая превалировала надъ всѣми остальными чувствами, какъ-бы эти послѣднія въ немъ ни были заложены.

Фактъ несомнѣненъ,что подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій 1905 года, въ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ совершился весьма значительный внутренній политическій сдвигъ: изъ сторонника крайняго, мистически-религіознаго самодержавнаго монархизма или даже «царизма», онъ сталъ на путь «конституціонализма». Этотъ сдвигъ стоилъ ему, конечно, большой внутренней борьбы; его религіозно настроенная натура, быть можетъ, и впослѣдствіи вела его въ этомъ вопросѣ зигзагами, но несомнѣнно, что, въ общемъ, онъ намѣтилъ для Россіи дальнѣйшій политическій путь, указывавшійся ей народнымъ желаніемъ. — Это-то обстоятельство, несомнѣнно, и дало ему впослѣдствіи популярность въ народѣ.

Въ воспоминаніяхъ графа Витте, касающихся обстоятельствъ, сопровождавшихъ подписаніе Императоромъ Николаемъ II манифеста 17-го октября, говорится, что при обратномъ возвращеніи на пароходѣ изъ Петергофа въ Петербургъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, обратившись къ автору воспоминаній, сказалъ: «Сегодня 17-е число — это знаменательное число. Второй разъ въ это число спасается Императорская семья!..» Этой фразой Великій Князь опредѣленно указывалъ на чудесное избавленіе всей Императорской семьи отъ желѣзнодорожной катастрофы близъ станціи Борки и на его убѣжденіе въ томъ, что дарованный въ этотъ день конституціонный актъ былъ единственнымъ въ то время средствомъ спасти въ Россіи монархію и династію.

Но безбрежный разволновавшійся океанъ никогда сразу не входитъ въ берега. Въ декабрѣ разразилось возстаніе въ Москвѣ. — Весною 1906-го года — волненія охватили Прибалтійскій край. — Въ усмиреніи этихъ мѣстностей приняли рѣшительное участіе войска, подвѣдомственныя Великому Князю. — Страну необходимо было оберечь отъ крайностей.

Рѣшившись на уступки, власть должна была поставить имъ предѣлъ. Этимъ объясняется та твердость, съ которою дѣйствовали, послѣ манифеста 17-го октября, войска при подавленіи дальнѣйшихъ безпорядковъ. Эта непреклонность дѣйствій вызвала со стороны соціалистовъ-террористовъ организацію ряда покушеній на жизнь Великаго Князя. Особенно угрожающъ былъ актъ, подготовлявшійся такъ называемой «группой семерыхъ», пресѣченіемъ котораго по-

лиція обязана, какъ говорятъ, дѣятельности Азефа, извѣстнаго въ свое время провокатора. Между тѣмъ, только проявленной твердостью болѣе тѣмъ на десятилѣтіе была отсрочена гибель страны. Паденіе Россіи быть можетъ было бы окончательно предупреждено, если бы, рядомъ съ этой твердостью, шло разумное использованіе данной передышки, путемъ укрѣпленія и развитія однажды дарованныхъ свободъ.

Къ несчастью, событія въ Россіи пошли другимъ путемъ.

2. Предназначеніе Великаго Князя на случай войны съ Центральными Державами.

Мною уже было отмѣчено, что Великій Князь Николай Николаевичъ еще въ ноябрѣ 1902-го года былъ предназначенъ Императоромъ Николаемъ II, въ случаѣ войны съ Центральными Державами, Главнокомандующимъ войсками, предназначенными для дѣйствій на германскомъ фронтѣ.

Это было время, когда, вслѣдствіе роста русской арміи, требовалось намѣтить на военное время нѣкую промежуточную инстанцію между Командующимъ арміями и общимъ Главнокомандующимъ. При этомъ союзъ Германіи съ Австро-Венгріей представлялся въ Россіи столь тѣснымъ, что въ русскомъ военномъ министерствѣ уже съ давнихъ поръ сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что, при военныхъ осложненіяхъ на западѣ, намъ придется имѣть дѣло не съ одной Германіей или Австро-Венгріей, но съ обѣими Центральными Державами, поддержанными, быть можетъ, еще Румыніей. Въ этомъ случаѣ, русскимъ арміямъ пришлось бы дѣйствовать на столь огромномъ фронтѣ, который исключалъ возможность управленія однимъ Главнокомандующимъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, рѣшено было, въ случаѣ войны на западѣ, имѣть два болѣе или менѣе автономныхъ фронта: германскій и австро-румынскій, какъ тогда называли юго-западный фронтъ, считая, что и Румынія примкнетъ къ Державамъ Тройственнаго Союза. Во главѣ каждаго фронта (правильнѣе группы армій), состоявшаго изъ нѣсколькихъ армій, намѣчалось имѣть особыхъ Главнокомандующихъ, подчиненныхъ Верховному Главнокомандующему всѣми вооруженными силами. Какъ сказано выше, Императоръ Николай II намѣтилъ для Главнокомандованія германскимъ фронтомъ Великаго Князя Николая Николаевича, а для австро-румынскаго фронта военнаго министра того времени генералъ-адъютанта Куропаткина. При этомъ секретнымъ рескриптомъ на имя послѣдняго, даннымъ въ фев-

ралѣ 1903-го года, было указано, что, въ случаѣ военнаго столкновенія Россіи съ европейскими Державами, Государь приметъ на себя лично Верховное Главнокомандованіе.

По поводу сдѣланныхъ предназначеній, Государъ Императоръ неоднократно говорилъ генералъ-адъютанту Куропаткину:

— Я твердо остановился на Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ и на Васъ, какъ на будущихъ Главнокомандующихъ фронтами въ случаѣ войны. Мое довѣріе къ Вамъ обоимъ у меня полное. Надѣюсь, что на мой вѣкъ Васъ хватитъ.

Но съ теченіемъ времени эти слова были, однако, столь же твердо забыты: Великому Князю, послѣ 1905-го года, пришлось нести на себѣ внутреннее недовѣріе Монарха, а А. Н. Куропаткину, испортившему свою военную репутацію въ теченіе Русско-Японской войны, начинать войну 1914-18 г.г. въ роли командира Гренадерскаго корпуса, да и то послѣ большихъ съ его стороны хлопотъ.

Равнымъ образомъ вывѣтрилось и содержаніе февральскаго рескрипта 1903-го года, съ которымъ было знакомо лишь очень ограниченное число лицъ.

Сообщая о состоявшихся предназначеніяхъ, Государь писалъ въ 1902-мъ году Великому Князю, что дѣйствовавшее въ то время мобилизаціонное расписаніе № 18 должно оставаться безъ перемѣнъ, и что измѣненія въ планѣ дѣйствій, которыя признаетъ нужнымъ внести Великій Князь, могутъ найти себѣ отраженіе лишь при составленіи новаго расписанія № 19-го.

«Наиболѣе тревожитъ меня предвзятость, повидимому, мнѣнія Николая Николаевича относительно того плана, который онъ предложилъ Государю». — Такъ пишетъ въ своемъ дневникѣ А. Н. Куропаткинъ. — «Я всего болѣе боюсь, что это будетъ рѣшеніе для насъ невыгодное — отдать безъ борьбы весь передовой театръ и, не принимая боя на Наревѣ или у Бѣлостока, или на Червонно-Борской позиціи, отступить къ Барановичамъ или Минску».

Заботы того времени объ организаціи высшаго управленія, на случай войны съ Центральными Державами, вовсе не имѣли тогда подъ собою какой либо задней политической мысли, въ смыслѣ подготовки къ внезапной войнѣ. Напротивъ, находясь наканунѣ возникновенія затрудненій на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей, Россія не могла желать и, конечно, не желала никакихъ осложненій на западномъ фронтѣ. И даже болѣе того, она стремилась заручиться миролюбивыми завѣреніями Германіи и Австро-Венгріи, причемъ, для скорѣйшаго мирнаго улаженія возникшей въ то время македонской

смуты бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламсдорфъ спеціально ѣздилъ въ столицу Австріи, въ Вѣну.

Можно думать, что подъ вліяніемъ тѣхъ же миролюбивыхъ заданій и для обезпеченія невмѣшательства въ наши, осложнившіяся войной, Дальневосточныя дѣла, нами былъ заключенъ съ Германіей въ тотъ же, примѣрно, періодъ времени, невыгодный для Россіи торговый договоръ. Не является ли также лично подписанный Императоромъ Николаемъ II-мъ оборонительный договоръ между Россіей и Германіей, заключенный въ противорѣчіе съ основнымъ франко-русскимъ соглашеніемъ и съ надеждой «на привлеченіе къ таковому впослѣдствіи, усиліями Россіи, Франціи», еще однимъ доказательствомъ излишней уступчивости главы русскаго государства своему западному сосѣду?

О договорѣ этомъ мнѣ уже пришлось упоминать. Какъ извѣстно, онъ былъ заключенъ въ Бьоркѣ, 11-го іюля 1905-го года. — Иниціатива его принадлежала Императору Вильгельму II-му, мечтавшему въ то время объ изолированіи Англіи. Заключеніе же этого договора являлось единоличнымъ актомъ Императора Николая II-го, который подписалъ договоръ безъ предварительнаго обсужденія его содержанія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и заставилъ скрѣпить таковой тутъ же находившагося морского министра, адмирала Бирилева.

Болѣе чѣмъ когда либо на этомъ фактѣ оправдалась впослѣдствіи сказанная Императоромъ Николаемъ II-мъ фраза, — что въ Россіи политика ведется лично Императоромъ!

Осенью 1903-го года Великій Князь Николай Николаевичъ совершилъ, по своей новой обязанности будущаго Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ (германскимъ) фронтомъ, объѣздъ линіи средняго Нѣмана, Бобра и Нарева, послѣ чего съ настойчивостью сталъ доказывать необходимость превращенія Гродны въ крѣпость, высказываясь за безцѣльность расходованія на Сѣверо-Западномъ фронтѣ какихъ либо денежныхъ средствъ ранѣе выполненія этой задачи. Такимъ образомъ опасенія генерала Куропаткина сбылись лишь отчасти. Какъ извѣстно, мысль о созданіи вокругъ Гродны крѣпости стала осуществляться много позже и Гродненская крѣпость оказалась еще незаконченной къ началу міровой войны.

Хотя крѣпости въ эту войну потеряли вообще значительную часть своего прежняго значенія, тѣмъ не менѣе изъ изложеннаго нельзя не видѣть, что стратегическіе взгляды Великаго Князя вполнѣ сходились съ основными мыслями нашихъ позднѣйшихъ

оперативныхъ предположеній, согласно которыхъ удержанію Гродна-Бѣлостокскаго раіона придавалось исключительно важное значеніе и которыми также устанавливалась необходимость инженерной подготовки государства, начиная изъ глубины театра, а не отъ окраинъ. Такого способа работъ требовала благоразумная осторожность. О борьбѣ на Наревѣ и средней Вислѣ представлялось возможнымъ думать, лишь прочно себя чувствуя въ горловинѣ Русско-Польскаго (передового) театра.

Только подъ давленіемъ тѣхъ соображеній, что С.-З. фронтъ долженъ своимъ расположеніемъ прикрывать тылъ арміи. имѣвшей задачу наступленія отъ Холма въ Австрію, Великій Князь соглашался на укрѣпленіе, а значитъ и оборону линіи р. Бобра и ср. Нарева, давая тѣмъ самымъ прообразъ той формы стратегическаго развертыванія противъ Германіи, которое было осуществлено въ дѣйствительности въ 1914-мъ году.

Въ то время вторженіе въ Восточную Пруссію намѣчалось осуществить преимущественно при помощи кавалеріи, которая для этого собиралась въ массѣ на Наревскомъ фронтѣ и была уже въ мирное время соединена въ кавалерійскіе корпуса. -- Расчитывалось использовать тѣ качествѣ, которыя были привиты этому роду оружія Великимъ Княземъ по должности Генералъ-Инспектора кавалеріи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, изучались и проектировались рейды по образцу тѣхъ, которые производились въ войну сѣвера и юга въ Америкѣ. Введена была шестичасовая мобилизація, кавалерія была пріучена къ самостоятельной работѣ и установлено было для выигрыша времени, что объявленіе мобилизаціи надлежитъ считать моментомъ объявленія войны.

Однако, съ теченіемъ времени, выяснилось, что германское военное министерство еще въ мирное время разработало рядъ очень дѣйствительныхъ мѣръ по защитѣ своихъ границъ въ первые же часы мобилизаціи отъ набѣга русской конницы. Это обстоятельство дѣлало успѣхъ дѣйствій нашей конницы проблематичнымъ, почему мало по малу мысль о выполненіи набѣга была оставлена. Къ тому же къ 1911-му году опредѣленно выяснилось требованіе французскаго генеральнаго штаба о необходимости наступленія въ Восточную Пруссію съ такими силами, которыя способны были бы приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ. Это заданіе требовало уже наступленія большихъ пѣхотныхъ силъ.

Въ періодъ пребыванія на посту военнаго министра генерала Сухомлинова (1909-1914 г. г.), отчасти по причинамъ недру-

желюбія, отчасти же въ виду измѣнившагося служебнаго положенія, Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ Главнокомандующій войсками Петербургскаго военнаго округа, былъ предназначенъ на случай войны занять должность Командующаго 6-й (отдѣльной) арміей, съ оставленіемъ за нимъ почетнаго званія Главнокомандующаго этой арміей. Служебное положеніе это являлось, хотя и важнымъ, но менѣе высокимъ чѣмъ положеніе Главнокомандующаго фронтомъ. Названная армія должна была, вмѣстѣ съ флотомъ, прикрывать, на случай высадки непріятельскихъ войскъ на Балтійскомъ побережьи или въ глубинѣ Финскаго залива, подступы къ столицѣ и поддерживать порядокъ въ Финляндіи. — Считалось, что Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ, арміи котораго подлежали развертыванію противъ Германіи, долженъ быть Командующій войсками Варшавскаго военнаго округа, а главнымъ начальникомъ войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ Австро-Венгріи (Юго-Западный фронтъ), — Командующій войсками Кіевскаго военнаго округа. Но и въ этотъ періодъ времени Великій Князь не лишенъ былъ возможности ни близко быть освѣдомленнымъ о работахъ по подготовкѣ къ войнѣ на всѣхъ фронтахъ, ни апеллировать, въ случаѣ несогласія съ ними. — Командующіе войсками въ округахъ держались въ курсѣ всѣхъ главнѣйшихъ мѣропріятій по подготовкѣ къ войнѣ и вліяніе ихъ мнѣній было настолько учитываемо, что, напримѣръ, въ частности, составъ 6-й арміи, первоначально задерживавшійся въ раіонѣ столицы, былъ опредѣленъ въ соотвѣтствіи съ требованіями начальства этого округа. Эту армію, освобождавшуюся лишь послѣ сформированія второочередныхъ частей и возложенія на нихъ задачи прикрытія столицы, приходилось считать какъ бы резервомъ Верховнаго Главнокомандующаго.

3. Командованіе войсками столичнаго округа.

Великій Князь Николай Николаевичъ стоялъ во главѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа весь періодъ времени отъ окончанія Русско-Японской войны до начала войны съ Центральными Державами (1905-1914 г.г.).

Я уже имѣлъ случай отмѣтить то разстройство, которое вызвала Русско-Японская война во всей русской арміи. Это разстройство коснулось въ нѣкоторой части и гвардіи, изъ состава которой весьма значительное число офицеровъ, движимыхъ патріотическимъ чувствомъ, перевелось на время войны въ армейскія и казачьи части Дальняго Востока.

Между тѣмъ волненія, происходившія въ этотъ періодъ времени въ раіонѣ столицы, гдѣ оказались сгруппированными многочисленные заводы, и въ Кронштадтѣ — центрѣ Балтійскаго флота, а также необходимость удержать порядокъ въ Финляндіи и въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ также было неспокойно, требовали усиленныхъ нарядовъ и большихъ отъ войскъ напряженій: моральныхъ и физическихъ. — Положеніе столичнаго военнаго начальства осложнялось еще необходимостью командировать гвардейскія части въ Москву, гдѣ въ безпорядкахъ, предшествовавшихъ извѣстному возстанію, приняли участіе также войска мѣстнаго гарнизона. Надо было также бороться съ усиленной агитаціей крайнихъ элементовъ, которые направили свои усилія на войска, не исключая гвардію — этотъ послѣдній оплотъ порядка и династіи. Въ ежедневныхъ заботахъ по принятію соотвѣтственныхъ этимъ обстоятельствамъ мѣръ прошелъ весь 1906-й, седьмой и даже часть восьмого года.

— Армія не учится, а служитъ только Вамъ, говорилъ въ Совѣтѣ Министровъ еще въ 1908-мъ году русскій военный министръ генералъ Редигеръ, обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Но Русско-Японская война 1904-05 г.г., приведшая въ столь большое разстройство войска, обнаружила также значительную отсталость въ организаціи и боевой подготовкѣ русской арміи. — Отсутствіе пулеметовъ, тяжелой артиллеріи и разнаго рода предметовъ новѣйшаго техническаго снабженія вызывало заботы по ихъ заведенію и формированію соотвѣтственныхъ частей. — Являлась также необходимость пополненія всякаго рода запасовъ, изъ которыхъ удовлетворялись боевыя потребности Маньчжурскихъ армій. Какъ мы видѣли, безопасность на нашихъ западныхъ границахъ была пріобрѣтена не только заключеніемъ съ Германіей въ 1904-мъ году невыгоднаго для Россіи торговаго договора, но и общей готовностью Императора Николая II-го согласовать политику Россіи съ задачами Германіи, желавшей во что бы то ни стало изолированія Англіи. — Эти уступки дали въ свою очередь Россіи возможность въ теченіе всей войны съ Японіей безболѣзненно черпать не только живыя, но и матеріальныя силы для веденія войны изъ частей войскъ и военныхъ складовъ, оставшихся въ Россіи. Несомнѣнно, что этотъ способъ позаимствованія значительно сокращалъ непосредственные расходы на войну, но онъ тяжело далъ себя почувствовать послѣ войны, когда для возстановленія боевой готовности потребовалось пополненіе израсходованныхъ запасовъ. Лишь очень постепенно и съ большими затрудненіями Россіи удалось къ началу 1914-го года довести свою матеріальную боевую готовность до то-

го скромнаго уровня, на которомъ она находилась къ началу Японской войны.

Одновременно съ задачею по возстановленію запасовъ, къ 1910-му году былъ составленъ проектъ почти полной реорганизаціи русской арміи, примѣнительно къ тѣмъ выводамъ, которые дала война 1904-05-го года. Конечно, не всѣ требованія ея оказались осуществимыми, многія реформы пришлось по недостатку средствъ только намѣтить, но и этотъ сокращенный проектъ реорганизаціи потребовалъ огромной внутренней работы въ области переустройства войскъ, измѣненія ихъ дислокаціи, пересмотра мобилизаціи и болѣе точнаго согласованія съ новыми оперативными предположеніями инженерной подготовки всѣхъ возможныхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Наконецъ, потребовалось много трудовъ и энергіи, чтобы двинуть впередъ вопросъ о поднятіи на высоту современныхъ требованій воспитанія и боевой подготовки русскихъ войскъ. Вопросы воспитанія пріобрѣтали особо важное значеніе, какъ наиболѣе дѣйствительное средство противъ антигосударственныхъ теченій, оставленныхъ намъ въ наслѣдіе отъ революціоннаго времени. Потребность же улучшенія собственно обученія войскъ вызывалась тѣми недочетами, которые выяснились въ минувшую войну и самимъ усложненіемъ военнаго дѣла вообще.

Вся эта огромная программа, затрагивавшая рѣшительно всѣ стороны жизни русской арміи, конечно, потребовала для своего осуществленія отъ командующихъ войсками въ округахъ исключительной энергіи и настойчивости, которыя они и должны были проявить въ теченіе ряда лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за окончаніемъ Русско-Японской войны.

Великій Князь Николай Николаевичъ, стоя во главѣ столичнаго округа и руководя его жизнью, обратилъ особое вниманіе на вопросы воспитанія и обученія войскъ. Онъ призналъ необходимымъ начать свою работу съ первоначальнаго обновленія начальствующаго персонала.

Вслѣдствіе этого были приняты мѣры къ привлеченію въ округъ генераловъ, особенно выдвинувшихся въ періодъ минувшей войны. Генералы Ивановъ, Никитинъ, Лечицкій, Лешъ, Некрасовъ и др. появились на петербургскомъ горизонтѣ. Чтобы оцѣнить смѣлость и рѣшительность этой мѣры, надо знать о той замкнутости, которая практиковалась въ предѣлахъ Петербургскаго военнаго округа при назначеніи на открывающіяся въ немъ должности. Попасть въ Петербургъ, да еще на командную должность въ Гвардей-

скомъ корпусѣ, не числясь предварительно въ кандидатскомъ спискѣ этого округа и въ особенности не принадлежа, по своей первоначальной службѣ, къ составу какой-либо гвардейской части, считалось шагомъ почти совершенно невѣроятнымъ.

Но Великій Князь пошелъ еще дальше въ пренебреженіи всѣми неоправдывавшимися пользою службы предубѣжденіями. — Вопреки всякихъ традицій, на должности даже командировъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ стали привлекаться выдающіеся командиры армейскихъ полковъ, хотя бы никогда не служившіе въ строевыхъ частяхъ, не только гвардіи, но и столичнаго округа. Правда, большинство таковыхъ командировъ были изъ офицеровъ, окончившихъ академію генеральнаго штаба, то есть получившихъ высшее образованіе, но были и такіе, которые не имѣли академическаго значка и вся предварительная служба которыхъ протекла на далекихъ окраинахъ.

Начавъ службу въ артиллеріи, я, послѣ окончанія академіи генеральнаго штаба, командовалъ въ гвардіи лишь батальономъ. Такъ какъ впослѣдствіи мое командованіе армейскимъ полкомъ сложилось особо благопріятно, то и я былъ зачисленъ кандидатомъ на полученіе гвардейскаго пѣхотнаго полка.

Объ этой кандидатурѣ я узналъ лишь тогда, когда въ 1908-мъ году былъ вторично приглашенъ на службу въ Петербургъ въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

— А мы васъ ждали въ скоромъ времени къ себѣ, — сказалъ мнѣ Великій Князь, когда я ему представлялся по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Я отвѣтилъ благодарностью за довѣріе и какой то фразой о готовности служить вездѣ, гдѣ моя служба будетъ признана полезной.

Состоя въ должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Великій Князь Николай Николаевичъ приложилъ много заботъ къ улучшенію быта офицеровъ. Въ его время было расширено зданіе собранія арміи и флота, при которомъ находилась гостиница для пріѣзжавшихъ изъ провинціи офицеровъ и столовая, а также выстроено новое прекрасное зданіе, въ которомъ были размѣщены многочисленные магазины офицерскаго экономическаго общества, снабжавшіе офицеровъ и ихъ семьи всѣми необходимыми предметамя обмундированія и домашняго обихода по крайне доступнымъ цѣнамъ.

Но вниманіе Великаго Князя Николая Николаевича привлекало не одно только удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ офицеровъ. Широкое развитіе получило при немъ также «Общество ревнителей военныхъ знаній», почетнымъ Предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Исторія этого общества чрезвычайно интересна. Оно образовалось инициативою частнаго кружка офицеровъ, преданныхъ идеѣ внѣшкольнаго самообразованія. Чрезвычайно характерную для прежняго режима картину рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ учредителей этого кружка. Кружокъ этотъ въ первые годы своего существованія былъ заподозрѣнъ въ опасномъ по тому времени свободомысліи и на одномъ изъ научныхъ засѣданій его неожиданно былъ опознанъ агентъ тайной полиціи! Можно себѣ представить сколькихъ трудовъ и хлопотъ стоила затѣмъ офиціальная легализація кружка!

Одинъ изъ войсковыхъ начальниковъ, напримѣръ, къ которому обратились за покровительствомъ, чистосердечно возразилъ: «Да гдѣ же вы найдете глупцовъ, которые будутъ посѣщать ваши лекціи!»

Тѣмъ не менѣе энергія самоотверженно преданныхъ дѣлу инициаторовъ побѣдила всѣ препятствія и осенью 1898-го года военный министръ генералъ Куропаткинъ утвердилъ уставъ общества, представленный ему бывшимъ Главнокомандующимъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, предшественникомъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Съ тѣхъ поръ общество стало крѣпнуть. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ открывались его филіальныя отдѣленія и, въ общемъ, число членовъ этого общества достигло цифры нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, по числу членовъ занявъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ вообще научныхъ обществъ. Цѣлью общества — явилось впослѣдствіи распространеніе не только военныхъ, но и общихъ знаній. — Особенностью же его была свобода отъ всѣхъ разсадниковъ официальной науки, каковая независимость въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ военное, нерѣдко приводила къ пересмотру и обновленію устарѣлыхъ казенныхъ доктринъ.

Интересная подробность. — Послѣ революціи и вынужденной эмиграціи лицъ, не желавшихъ подчиниться большевистской власти, стараніями нѣкоторыхъ военныхъ элементовъ удалось воскресить идею общества, и нынѣ въ столицѣ Сербіи — Бѣлградѣ, служащей центромъ новаго кружка, издается даже особый военный журналъ, носящій названіе: «Военнаго Сборника», — въ память

издававшагося подъ такимъ же именемъ военнаго журнала въ Петербургѣ.

Вліянію Великаго Князя приписывалось внезапное рѣшеніе Государя отмѣнить уже налаженную, зимою 1910-11 года, въ Петербургѣ военную игру высшихъ войсковыхъ начальниковъ: командующихъ войсками въ округахъ и начальниковъ ихъ штабовъ. Игра эта имѣла своею цѣлью ознакомить названныхъ лицъ съ наиболѣе вѣроятной обстановкой, въ случаѣ военныхъ осложненій на западѣ и совмѣстно обсудить тѣ рѣшенія, которыя могли бы вытекать изъ этой обстановки. Были сдѣланы широкія приготовленія, и въ заранѣе опредѣленный день и часъ въ Зимнемъ Дворцѣ, предназначенномъ для занятій, собрались уже всѣ чины Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, привлеченные къ участію въ военной игрѣ. Какъ вдругъ пришло телефонное сообщеніе объ отмѣнѣ занятій. Съ большимъ конфузомъ возвращались мы къ себѣ черезъ площадь въ Главное Управленіе... Что такое, въ чемъ дѣло?

Опредѣленнаго отвѣта мы такъ и не получили. — Разобиженный военный министръ подалъ въ отставку, но послѣдняя Государемъ принята не была; для удовлетворенія же его самолюбія отмѣненная военная игра была замѣнена какимъ то совѣщаніемъ. — Генералъ Сухомлиновъ приписывалъ этотъ странный поворотъ въ рѣшеніи Государя злому вліянію Великаго Князя Николая Николаевича, который, якобы, во что бы то ни стало желалъ нанести уронъ его престижу, какъ военнаго министра. — Но я не думаю, чтобы мотивомъ вмѣшательства въ это дѣло Николая Николаевича было личное нерасположеніе его къ генералу Сухомлинову. Вѣрнѣе думать, что Великій Князь явился передъ Государемъ лишь выразителемъ общаго мнѣнія командующихъ войсками, видѣвшихъ въ этомъ занятіи умаленіе собственнаго достоинства, а въ дѣйствительности опасавшихся подвергнуть свои знанія провѣркѣ передъ самимъ Царемъ. — Чтобы побороть это предубѣжденіе, необходимо было еще свыше трехъ лѣтъ, и лишь весною 1914-го года намѣченная военная игра состоялась, но уже не въ Петербургѣ, а въ Кіевѣ.

Что касается до непріязненныхъ отношеній, установившихся между Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и генераломъ Сухомлиновымъ, то они существовали въ дѣйствительности и начало ихъ, повидимому, слѣдуетъ отнести къ 1905-му году. Генералъ Сухомлиновъ, занявшій къ тому времени, вмѣсто генерала Драгомірова, постъ Командующаго войсками Кіевскаго военнаго окру-

гу, обладалъ довольно язвительнымъ языкомъ и, какъ онъ самъ признавался, очень зло подшучивалъ надъ реформаторской дѣятельностью генерала Палицына въ области переустройства высшаго управленія Военнаго Министерства. Насмѣшки эти, повидимому, доходили до Великаго Князя и, видимо, очень его задѣвали.

Дѣло было въ томъ, что наблюденіе за боевою дѣятельностью нашихъ войскъ въ войнѣ съ Японіей выявило рядъ недочетовъ въ устройствѣ арміи, наличіе которыхъ неискушенныя административнымъ опытомъ лица старались объяснить, между прочимъ, неправильностями военнаго управленія вооруженными силами въ мирное время. — Великому Князю Николаю Николаевичу, въ то время пользовавшемуся большимъ военнымъ авторитетомъ у Государя, поручено было послѣднимъ ознакомиться съ положеніемъ нашей Дѣйствующей Арміи на Дальнемъ Востокѣ и высказаться по существу необходимыхъ реформъ, о которыхъ говорили кругомъ. — Одною изъ необходимѣйшихъ мѣръ являлась давно уже назрѣвшая необходимость разгрузить отъ непосильной работы Начальника Главнаго Штаба, путемъ раздѣленія подчиненнаго ему Штаба на два отдѣльныхъ управленія: Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, съ Начальникомъ Генеральнаго штаба во главѣ, и собственно Главный штабъ, или вѣрнѣе Организаціонно-Административное управленіе.

Естественно, что детали всей этой сложной работы сосредоточились у генерала Палицына, Начальника Штаба Великаго Князя Николая Николаевича по званію Генералъ-Инспектора кавалеріи и многолѣтняго сотрудника Великаго Князя.

Генералъ Палицынъ былъ лицомъ теоретически хорошо образованнымъ, прекрасно освѣдомленнымъ во всѣхъ заграничныхъ военно-литературныхъ теченіяхъ и имѣлъ своихъ почитателей, среди которыхъ считался готовымъ кандидатомъ на высокоотвѣтственный постъ перваго русскаго Начальника Генеральнаго Штаба. Къ сожалѣнію, предложенныя имъ въ порядкѣ управленія Военнымъ Министерствомъ реформы оказались далеко не удовлетворительными.

Намѣтивъ для себя должность независимаго отъ военнаго министра Начальника Генеральнаго Штаба, генералъ Палицынъ, увлеченный теоретическими разсужденіями, предложилъ также образованіе особаго Совѣта Государственной обороны и учрежденіе ряда независимыхъ отъ Военнаго Министерства Генералъ-Инспекторовъ. Этимъ было положено начало вредному, въ русскихъ условіяхъ, многоголовію въ предѣлахъ Военнаго Министерства. Незави-

симый отъ Военнаго Министра Начальникъ Генеральнаго Штаба оказался весьма скоро въ роли почетнаго консультанта по военнымъ вопросамъ, котораго слушали лишь постолько, посколько хотѣли. Должности же Генералъ-Инспекторовъ явились по существу только вредными синекурами, пригодными для замѣщенія ихъ, по мѣткому выраженію тогдашнихъ критиковъ, «безработными» Великими Князьями, жаждавшими положенія и власти. — Эти генералъ-Инспекторы въ высшей степени затрудняли отвѣтственную работу командующихъ войсками въ округахъ. Имѣя личные доклады у Государя, они нерѣдко ставили въ очень деликатное положеніе Военнаго Министра, затрудненнаго во многихъ случаяхъ въ проведеніи необходимѣйшихъ мѣропріятій.

Трудно, однако, возлагать на Великаго Князя Николая Николаевича, не имѣвшаго, конечно, достаточнаго военно-административнаго опыта, отвѣтственность за неудачную реформу управленія Военнымъ Министерствомъ, неудовлетворительность которой онъ впослѣдствіи испыталъ на себѣ же, по должности Предсѣдателя вновь учрежденнаго Совѣта Государственной обороны. — Виновниками неудачи слѣдуетъ скорѣе признать генерала Палицына и генерала Редигера, бывшаго Начальника Канцеляріи Военнаго Министерства и профессора военной администраціи, который, совмѣстно съ генераломъ Палицынымъ, счелъ возможнымъ осуществленіе этой реформы, и который занялъ впослѣдствіи должность министра въ реформированномъ министерствѣ. — Въ оправданіе же Великаго Князя Николая Николаевича можно привести еще и тотъ фактъ, что, убѣдившись въ нецѣлесообразности существованія Совѣта Государственной Обороны, въ отведенныхъ этому совѣту рамкахъ, онъ выразилъ осенью 1908-го года свое полное согласіе на его упраздненіе.

4. Учрежденіе Совѣта Государственной Обороны.

При образованіи этого высшаго государственнаго учрежденія имѣлось въ виду осуществить объединеніе управленія арміей и военнымъ флотомъ, а также достигнуть согласованія въ работѣ всѣхъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя соприкасаются съ вопросами государственной обороны. — Задача, по существу, чрезвычайно важная и заслуживавшая самаго внимательнаго къ ней отношенія.

Въ самомъ дѣлѣ. — Подготовка къ современной войнѣ не можетъ быть уложена въ рамки дѣятельности какого либо одного министерства. Она требуетъ прежде всего извѣстной общности программы со стороны министерствъ, которыя вѣдаютъ организаціей

и подготовкой отдѣльныхъ частей вооруженныхъ силъ (сухопутныхъ, морскихъ, а нынѣ и воздушныхъ), а затѣмъ и общаго согласованія съ этой программой дѣятельности тѣхъ министерствъ, въ рукахъ которыхъ находится политика государства, его финансы, экономика, а также и всѣ другія стороны народной жизни. Столь широкое пониманіе вопроса объ оборонѣ государства вытекаетъ изъ того соображенія, что война въ настоящее время далеко выходитъ за предѣлы состязанія однѣхъ вооруженныхъ силъ и требуетъ для успѣшнаго доведенія ея до конца крайняго напряженія рѣшительно всѣхъ силъ и средствъ націи.

Такимъ образомъ, вполнѣ очевидно, что только общими усиліями всего, такъ сказать, правительственнаго коллектива и за общею отвѣтственностью возможно достиженіе наиболѣе полныхъ результатовъ въ дѣлѣ современной подготовки государства къ оборонѣ.

Такъ рѣшенъ нынѣ, послѣ войны 1914-го года, этотъ вопросъ во Франціи. Въ этой странѣ отвѣтственность за подготовку къ войнѣ (и ея веденіе), по новому закону объ организаціи націи на случай войны, возложена на правительство страны въ его цѣломъ Очевидно, что правительство это въ данномъ примѣрѣ и выполняетъ функціи Совѣта Государственной обороны. Порядокъ этотъ, по мнѣнію французскихъ законодателей, не долженъ въ военное время стѣснить самостоятельность полководца, обязанности котораго ограничиваются лишь веденіемъ военныхъ операцій. Въ установленіи прочныхъ взаимоотношеній съ правительствомъ этотъ главнокомандующій долженъ черпать опору для своего авторитета и силу для своихъ дѣйствій.

Возможно впрочемъ представить себѣ и болѣе узкое пониманіе функцій, которыя могли бы быть довѣрены Совѣту Государственной обороны. Это — согласованіе программы только тѣхъ министерствъ, которыя вѣдаютъ различными отдѣлами вооруженныхъ силъ, и детальная разработка оперативныхъ плановъ на случай войны, въ соотвѣтствіи съ предположеніями будущихъ руководителей сей послѣдней. Характеръ этихъ работъ долженъ предопредѣлять и составъ самого Совѣта, который въ данномъ случаѣ могъ бы состоять изъ Предсѣдателя Совѣта — будущаго Верховнаго Главнокомандующаго, соотвѣтственныхъ министровъ: военнаго, морского и воздушныхъ силъ (гдѣ имѣется), такъ какъ на этихъ лицахъ въ военное время останется забота по снабженію дѣйствующихъ вооруженныхъ силъ всѣмъ необходимымъ, начальниковъ сухопутнаго и морского генеральныхъ штабовъ и главнокомандующихъ группами армій, отдѣльными арміями и эскадрами.

Приблизительно въ такомъ составѣ и съ такими функціями организованы въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ учрежденія, носящія названіе « Военныхъ Совѣтовъ».

Что касается Совѣта Государственной обороны, сформированнаго въ 1905-мъ году въ Россіи, то, по составу своему, онъ не соотвѣтствовалъ ни первому, ни второму заданію. Въ этомъ совѣтѣ принимали участіе, въ качествѣ членовъ, инспекторы многочисленныхъ родовъ оружія, и другія вполнѣ безотвѣтственныя лица, съ мнѣніями которыхъ естественно никто изъ отвѣтственныхъ лицъ считаться не желалъ. — Вслѣдствіе этого въ Совѣтъ Государственной обороны «сплавлялись» изъ всѣхъ министерствъ разныя дѣла, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться или рѣшеніе которыхъ хотѣли отложить «ad calendas graecas». — Въ немъ разбирались всякіе фантастическіе проекты. Собирались разнаго рода статистическія и другія свѣдѣнія и, наконецъ, были весьма обрадованы образованію при Совѣтѣ Государственной обороны высшей военно-аттестаціонной комиссіи, которая и занялась разсмотрѣніемъ аттестацій на кандидатовъ, предоставлявшихся на высшія командныя должности въ арміи. — На этихъ узкихъ обязанностяхъ и успокоились.

Подобная безполезная дѣятельность коснулась Предсѣдателя Совѣта Государственной обороны лишь частично. Великій Князь Николай Николаевичъ, въ бытность свою главой этого Совѣта, приглашался персонально во всѣ наиболѣе важныя государственныя совѣщанія, причемъ его мнѣніе выслушивалось всегда съ большимъ вниманіемъ.

Уже въ одинъ изъ первыхъ же дней вступленія Великаго Князя Николая Николаевича въ должность Предсѣдателя Совѣта Государственной обороны, его посѣтилъ, напримѣръ, С. Ю. Витте, назначенный на постъ главнаго уполномоченнаго по веденію мирныхъ переговоровъ съ Японіей.

Въ длинной бесѣдѣ Великій Князь обстоятельно изложилъ своему собесѣднику, торопившемуся съ отъѣздомъ въ Америку, что русская армія въ Маньчжуріи подошла къ предѣлу своей такъ сказать упругости и не въ состояніи болѣе вынести пораженія, подобнаго Лаоянскому или Мукденскому; что, при благопріятныхъ условіяхъ и дальнѣйшемъ усиленіи этой арміи, возможно даже ожидать отъ нея оттѣсненія японцевъ до Квантунскаго полуострова и за р. Ялу, но что для этого потребуется много времени, а также денегъ и жертвъ человѣческими жизнями. Дальнѣйшіе успѣхи ея будутъ, однако, неизбѣжно задержаны отсутствіемъ флота, почему Японія будетъ вполнѣ свободна занять Сахалинъ и даже часть

Приморской области. — Эти заключенія, сдѣланныя съ предварительнаго доклада ихъ Государю, и были положены въ основу рѣшенія о безусловной безполезности дальнѣйшаго веденія войны, которая не могла привести къ положительнымъ результатамъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ принималъ затѣмъ участіе въ разработкѣ новыхъ основныхъ законовъ, пріуроченныхъ къ Манифесту 17-го октября, въ рѣшеніи вызвавшаго большія препирательства въ Государственной Думѣ вопроса о порядкѣ ежегоднаго опредѣленія числа новобранцевъ, подлежащихъ призыву, равно и въ другихъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, причемъ неизмѣнно пользовался исключительнымъ вліяніемъ на всѣ рѣшавшіяся совмѣстно съ нимъ дѣла. Надо однако твердо отмѣтить, что вліяніе это являлось плодомъ не предсѣдательствованія въ безполезномъ Совѣтѣ Государственной обороны, а въ результатѣ многихъ личныхъ свойствъ Великаго Князя. — Что же касается Совѣта Государственной обороны, то таковой лѣтомъ 1908-го года былъ упраздненъ, а весною слѣдующаго 1909-го года, вмѣсто генерала Редигера, не сумѣвшаго защитить въ Государственной Думѣ армію отъ несправедливыхъ нападеній на нее, былъ назначенъ военнымъ министромъ незадолго передъ тѣмъ занявшій должность Начальника Генеральнаго Штаба генералъ Сухомлиновъ.

Съ его вступленіемъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ должности большинства генералъ-инспекторовъ были упразднены, а еще раньше Начальникъ Генеральнаго Штаба вновь подчиненъ Военному Министру. Единство управленія Военнымъ Министерствомъ было, такимъ образомъ, возстановлено.

Съ появленіемъ во главѣ Военнаго Министерства генерала Сухомлинова, роль и значеніе Великаго Князя Николая Николаевича значительно уменьшилась. Личность его была затемнена тѣмъ вліяніемъ, которымъ успѣлъ заручиться новый министръ у Государя.

5. Командированіе Великаго Князя Николая Николаевича во Францію.

Въ сентябрѣ 1912-го года Великій Князь Николай Николаевичъ, во главѣ многочисленной свиты, въ которую въ числѣ другихъ входили начальникъ штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и спеціалисты различныхъ родовъ оружія, былъ командированъ во Францію на маневры, происходившіе въ западномъ раіонѣ названнаго государства. Хотя Великій Князь въ дѣйствительности никогда не былъ въ мирное время официально предназна-

чаемъ на должность Верховнаго Главнокомандующаго Русской арміей на случай войны, тѣмъ не менѣе предсѣдательствованіе имъ въ бывшемъ Совѣтѣ Государственной Обороны и то высокое положеніе, которое онъ занималъ въ русской арміи вообще, заставляли во Франціи его разсматривать какъ будущаго Верховнаго Вождя Русской арміи, въ случаѣ войны съ Центральными Державами. Этому взгляду какъ бы соотвѣтствовала та свита, которая съ нимъ прибыла во Францію. Встрѣча Великаго Князя Николая Николаевича въ Парижѣ носила весьма торжественный характеръ. Прибывъ въ столицу Франціи на Сѣверный вокзалъ 11 сентября въ 5 часовъ дня въ спеціально высланномъ для него на границу поѣздѣ, Великій Князь былъ привѣтствованъ на перронѣ отъ имени президента республики и встрѣченъ всѣми находившимися въ Парижѣ министрами. Отбывъ съ вокзала посреди восторженныхъ криковъ огромной толпы народа, въ одной коляскѣ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Пуанкарэ, Великій Князь направился прямо въ Елисейскій Дворецъ, съ офиціальнымъ визитомъ къ Президенту Республики Фальеру.

Маневры продолжались съ 11-го по 17-ое сентября и происходили въ мѣстности Touraine и Poitou. Войска были подраздѣлены на двѣ стороны: синихъ и красныхъ, и во главѣ ихъ находились лучшіе французскіе генералы того времени: Галліени, будущій военный губернаторъ города Парижа, иниціаторъ наступленія изъ Парижа на р. Уркъ и генералъ Marion. — Командующимъ генераламъ предоставлена была на маневрахъ широкая иниціатива. Въ составъ маневрирующихъ войскъ были включены въ значительномъ числѣ аэропланы, что было тогда еще новинкой, и на одной сторонѣ находилась резервная дивизія изъ шести полковъ, сплошь составленная изъ резервистовъ; во главѣ этой дивизіи состоялъ генералъ, тоже призванный изъ резерва. — Войска маневрировали на берегахъ рѣки Vienne и особенно поучительна была переправа, совершенная одной изъ сторонъ, перебросившей на другой берегъ рѣки по мосту, наведенному въ темнотѣ, цѣлую дивизію.

Великій Князь, избѣгавшій посѣщенія крупныхъ городовъ, во избѣжаніе шумныхъ овацій, жилъ во все время маневровъ въ поѣздѣ, стоявшемъ посреди чудеснаго лѣса, къ которому была подведена спеціальная вѣтка. — Около поѣзда былъ разбитъ красивый палаточный лагерь. — 14-го сентября въ честь высокаго гостя французскими властями былъ устроенъ банкетъ, а въ заключеніе маневровъ прибывшій на поле дѣйствій Президентъ Республики далъ блестящій завтракъ, въ теченіе котораго Великій Князь, отвѣчая на привѣтствіе главы Франціи Фальера, отмѣтилъ особымъ словомъ

«индивидуальную инициативу» французскаго солдата, живымъ наблюдателемъ которой ему пришлось быть.

Всѣ присутствовавшие оцѣнили наблюдательность Великаго Князя и были въ восхищеніи отъ его манеры держать себя съ царственной осанкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ удивительной простотой. — Особенно поразилъ всѣхъ ростъ Великаго Князя, выдѣлявшійся среди всѣхъ присутствовавшихъ и составлявшій разительный контрастъ по сравненію съ небольшимъ ростомъ тогдашняго французскаго военнаго минитра А. Мильерана.

Въ періодъ пребыванія Великаго Князя во Франціи, нѣкоторые члены его свиты успѣли побывать на французскихъ военныхъ заводахъ и убѣдиться въ совершенствѣ матеріальной части той арміи, которая, въ случаѣ войны съ Центральными Державами, должна была стать рядомъ съ русской арміей.

6. Частная жизнь Великаго Князя въ этотъ періодъ времени.

Послѣ Русско-Японской войны, Великій Князь въ 1907-мъ году женился на сестрѣ жены своего брата Петра Николаевича, Великой Княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ, рожденной княжнѣ Черногорской.

Великая Княгиня воспитывалась въ Петербургѣ, въ Смольномъ Институтѣ, и была первымъ бракомъ замужемъ за принцемъ Георгіемъ Лейхтенбергскимъ. Бракъ ея съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ явился бездѣтнымъ.

Въ бытность свою Главнокомандующимъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Великій Князь проживалъ первые годы въ пріобрѣтенномъ имъ небольшомъ домѣ на Михайловской площади, рядомъ со зданіемъ Дворянскаго Собранія. Впослѣдствіи же имъ былъ выстроенъ для себя болѣе комфортабельный домъ-дворецъ на Петербургской сторонѣ, близъ Троицкаго моста, на набережной Невы.

Въ нѣкоторыхъ источникахъ можно встрѣтить намеки, что Великая Княгиня Анастасія Николаевна и ея младшая сестра Милица, жена брата Николая Николаевича — Великаго Князя Петра Николаевича, были настроены въ религіозныхъ вопросахъ крайне мистически и, между прочимъ, служили поставщиками для Императорской четы разныхъ полуграмотныхъ «старцевъ», монашекъ и «святыхъ» лжепророковъ, которыхъ на Руси, вслѣдствіе народной темноты, было «не перечесть» сколько! Въ числѣ такого рода людей ко Двору попалъ и извѣстный Григорій Распутинъ, или «Но-

вый», какъ его назвалъ Наслѣдникъ Престола Цесаревичъ Алексѣй. Слишкомъ извѣстна роль этого лица въ ходѣ исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Николая II-го, чтобы на немъ нужно было здѣсь останавливаться долго!

Воспользовавшись настроеніемъ Императрицы, вѣрившей въ то, что истинная русская мудрость таится только въ народѣ и что все, что стоитъ между этимъ народомъ и русскимъ Царемъ является вреднымъ средостѣніемъ, Распутинъ, въ напоминаніе своего крестьянскаго происхожденія, никогда не снималъ народнаго по покрою костюма, хотя и ходилъ въ шелкахъ и дорогихъ шубахъ, равно какъ щеголялъ своей колоссальной безграмотностью и невѣжествомъ. Обладая несомнѣнно особою магнетическою силою, онъ взялъ на себя также роль знахаря-цѣлителя по отношенію къ Наслѣднику, отвѣчая тѣмъ самымъ нѣжнымъ и тонкимъ струнамъ ея материнской души.

— Пока я съ Вами, ничего дурного случиться не можетъ, — обыкновенно говорилъ онъ, укрѣпляя тѣмъ свое положеніе при Дворѣ.

Въ силу моей неосвѣдомленности, я не могу читателя разувѣрить въ томъ, что слухи о проникновеніи Распутина въ царскій Дворецъ черезъ посредство жены Великаго Князя невѣрны. Но все же долженъ, на сей разъ уже съ полнымъ знаніемъ, заявить о полномъ презрѣніи Великаго Князя Николая Николаевича къ этому человѣку, въ періодъ войны. О пріѣздѣ Распутина въ Ставку, во время нахожденія во главѣ арміи Великаго Князя Николая Николаевича, разумѣется, не могло быть и рѣчи, какъ не могло быть рѣчи и о вліяніи его на ходъ военныхъ событій.

Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что такіе люди, какъ Распутинъ, около которыхъ обыкновенно лѣпятся опасные авантюристы и малочестные дѣльцы, обыкновенно появляются лишь въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ на нихъ обнаруживается спросъ. При Дворѣ не онъ былъ первый, не онъ, вѣроятно, былъ бы и послѣднимъ, при иномъ ходѣ событій. Перелагать лично на нихъ всю отвѣтственность за происшедшія событія, конечно, неправильно. Въ здоровой атмосферѣ Распутинъ быстро потухъ бы, какъ это видно изъ послѣдующихъ отношеній къ нему Николая Николаевича, и его сила расцвѣла махровымъ цвѣтомъ лишь вслѣдствіе окружавшей его въ стѣнахъ Царскаго Дворца больной атмосферы.

Главный ужасъ распутинскаго времени былъ въ томъ, что онъ оказался не въ одиночествѣ. Его весьма быстро захватили въ тѣсное кольцо разнаго рода авантюристы, вліяніемъ которыхъ и расшаты-

вался авторитетъ центральной власти, вѣнчавшейся Русскимъ Монархомъ.

Люди искренніе и независимые сами отходили отъ власти; на мѣсто же ихъ приходили льстецы и угодники, потакавшіе ошибкамъ Императора и не желавшіе своевременно открыть ему глаза на происходившее кругомъ.

Великій Князь былъ большимъ любителемъ всякаго рода построекъ и въ этомъ отношеніи онъ унаслѣдовалъ страсть своего дѣда Императора Николая I-го. Онъ самъ прекрасно комбинировалъ и вычерчивалъ схемы деревенскихъ хозяйственныхъ сооруженій, которыя и осуществлялись имъ въ его подгородномъ имѣніи «Беззаботномъ». Это «Беззаботное» лежало подъ Петербургомъ, между Стрѣльной и Краснымъ Селомъ, въ 8-10 верстахъ къ югу отъ Стрѣльны. Въ немъ было земли всего лишь около 240 десятинъ; для жизни былъ выстроенъ обыкновенный деревянный небольшой домъ, но дополнительныхъ затѣй было много. — Великій Князь Николай Николаевичъ страстно любилъ животныхъ и однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій его была забота по разведенію у себя улучшенныхъ породъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, собакъ и всякаго рода птицы. Все это жило и кормилось частью въ «Беззаботномъ», частью въ другомъ его имѣніи «Першино» Тульской губерніи.

Въ «Беззаботномъ» главной отраслью хозяйства было разведеніе какой то особой породы сѣрыхъ козъ, дававшихъ вкусное, легко усвояемое и особо питательное молоко. Этотъ видъ молочнаго хозяйства былъ у него поставленъ образцово. Я помню съ какимъ увлеченіемъ и искренней гордостью Великій Князь разсказывалъ намъ въ Ставкѣ, въ минуты отдыха, о способахъ промывки посуды, отнимавшей у козьяго молока особый присущій ему непріятный привкусъ. Видѣнъ былъ сразу тонкій и много читавшій сельскій хозяинъ. Очевидно, что весь удой былъ нарасхватъ, разбирался на мѣстѣ; все же высоко-культурное хозяйство, въ конечномъ счетѣ, кромѣ убытка ничего не давало. Но его веденіе служило источникомъ наслажденія для его хозяина; въ него онъ вкладывалъ, какъ это ни странно звучитъ, свою нѣжную душу. Разумѣется, что теперь это имѣніе, какъ водится, разграблено начисто.

Козамъ «Беззаботнаго» и мое «спасибо», а ихъ хозяину, Великому Князю Николаю Николаевичу — глубокая душевная признательность за тонкое ко мнѣ въ прошломъ вниманіе и деликатную обо мнѣ заботу. — Занимая должность Генералъ-Квартирмейстера въ Ставкѣ, я зимою 14/15 г. заболѣлъ, на почвѣ переутомленія,

нервной экземой лѣвой руки. Болѣзнь была очень упорной и мучительной при перегруженности работой. Кромѣ всякаго рода медицинскихъ средствъ, мнѣ прописана была строжайшая молочная діэта, и я не могъ отказаться отъ настойчиваго почти требованія Великаго Князя перейти на молочное довольствіе ему принадлежавшихъ козъ «Беззаботнаго». Ежедневно, съ пассажирскимъ поѣздомъ, мнѣ доставлялась оттуда суточная порція безподобнаго свѣжаго козьяго молока, пользованіе которымъ, конечно, ускорило мое выздоровленіе. Но независимо отъ этого, я успѣлъ убѣдиться на самомъ себѣ въ томъ, какъ Великій Князь могъ быть тонко внимателенъ и заботливъ къ людямъ, которые его окружали и работали вмѣстѣ съ нимъ. Съ безконечною благодарностью я вспоминаю объ этомъ трогательномъ эпизодѣ, оставившемъ во мнѣ неизмѣнную память о необыконвенно душевномъ и заботливомъ человѣкѣ, какимъ по существу былъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Другое имѣніе Великаго Князя «Першино» находилось въ Тульской губерніи. Вначалѣ оно состояло также изъ небольшого количества десятинъ, затѣмъ кое что было прикуплено, но въ общемъ, по размѣрамъ, это имѣніе всегда оставалось имѣніемъ средняго русскаго помѣщика. Въ немъ имѣлся небольшой домъ и рядомъ нѣсколько флигелей, въ которыхъ останавливались гости и жили служащіе имѣнія. Въ этомъ своемъ имѣніи Великій Князь бывалъ только осенью, послѣ лагерныхъ сборовъ и маневровъ, отдаваясь въ немъ своей страсти къ псовымъ охотамъ. Жилъ онъ тамъ вполнѣ скромно, ничѣмъ не выдѣляясь изъ круга помѣщиковъ средняго достатка. Собирались у него для участія въ охотѣ только его близкіе знакомые — не великосвѣтскіе гости, а просто сосѣди-помѣщики и пріятели-офицеры, съ которыми хозяина ближе сводили случай, или судьба. Для охоты арендовались дополнительныя «мѣста» и содержалась свора «борзыхъ». Этими борзыми Великій Князь охотно снабжалъ отъ себя и кавалерійскіе полки, съ возмѣщеніемъ лишь стоимости провоза собакъ и провожатыхъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ былъ не только страстнымъ любителемъ охоты съ борзыми, такъ отвѣчавшей его пылкой и стремительной натурѣ. Онъ былъ также отличный стрѣлокъ и любилъ ружейную охоту. Въ виду его страсти къ охотѣ, онъ всегда приглашался на царскія охоты въ Бѣловѣжъ и Скверневицы, что особенно сблизило его съ Польскимъ краемъ.

Я хорошо помню въ его петербургскомъ кабинетѣ на стѣнѣ надъ столомъ изумительную по размѣрамъ пару роговъ огромнаго оленя, убитаго на одной изъ охотъ двумя послѣдовательными выстрѣлами,

произведенными имъ и, кажется, княземъ Кочубеемъ. Первымъ выстрѣломъ Кочубея звѣрь былъ раненъ, но продолжалъ уходить; его догналъ второй выстрѣлъ Великаго Князя, которымъ звѣрь и былъ убитъ наповалъ. По обоюдному согласію, голова лося съ его рогами стала собственностью Кочубея; послѣдній же, въ свою очередь, подарилъ Великому Князю на память дубликатъ изъ какой то искусственной массы.

Охота для Великаго Князя была удовольствіемъ и забавой; какъ я сказалъ, она отвѣчала его страстной кипучей натурѣ.

Подобно тому, какъ въ «Беззаботномъ», першинская усадьба была такъ же полна всякаго рода животными. Кромѣ разсадника собакъ, тамъ производились, подъ руководствомъ спеціалистовъ, опыты скрещиванія различныхъ породъ лошадей (арденны), съ цѣлью полученія типа хорошей рабочей лошади, а также выращивались особыя породы коровъ и овецъ. Все кругомъ было чистопородное и полно жизни; все было сыто, выхолено, хотя безъ излишней роскоши, и довольно. Наличіе въ животныхъ извѣстнаго аристократизма породы и всеобщаго довольства доставляло Великому Князю истинное удовольствіе; въ этомъ сознаніи онъ видѣлъ радость жизни.

У отца Великаго Князя, Николая Николаевича (Старшаго) когда то были огромныя лѣсныя угодья въ раіонѣ города Борисова (Минской губерніи). Постепенно они перешли въ удѣлы, или въ частныя руки — хорошо не знаю — вслѣдствіе постоянной нужды въ деньгахъ. Великій Князь Николай Николаевичъ (Младшій) сумѣлъ еще до войны эти угодья выкупить. Когда въ 1915-мъ году, подъ вліяніемъ военной обстановки, Ставкѣ пришлось отходить изъ Барановичей на востокъ, то квартирьеры, посланные для выбора мѣста подъ новую Ставку, остановили свой выборъ на Борисовѣ, въ которомъ имѣлись существенныя удобства для размѣщенія Ставки. Великій Князь, однако, категорически воспротивился переходу Ставки въ Борисовъ, изъ чувства внутренней деликатности, опасаясь, чтобы не сказали, что Главнокомандующій живетъ у себя въ имѣніи. Ставка поэтому перешла въ менѣе удобный Могилевъ, какъ извѣстно, лежавшій въ сторонѣ отъ главныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Государь, принявшій на себя впослѣдствіи обязанности Верховнаго Главнокомандованія дѣйствующими войсками, все время стремился переѣхать изъ Могилева, не то въ Смоленскъ, не то прямо въ Москву.

Въ воспоминаніе о своемъ борисовскомъ имѣніи, Великій Князь, выѣхавъ заграницу, проживалъ офиціально во Франціи подъ скромной фамиліей «Борисова».

ГЛАВА V-я.

ВЪ ОЖИДАНІИ ВОЙНЫ.

1. Степень вліянія Великаго Князя на внѣшнюю политику Россіи наканунѣ войны.

Съ именемъ Великаго Князя Николая Николаевича, у многихъ, особенно въ Германіи, связано представленіе, какъ о лицѣ, мощно вліявшемъ на русскую внѣшнюю политику въ годы, предшествующіе войнѣ. Часть германскаго общества приписываетъ даже его, якобы, настойчивому вліянію на Царя и даже на французское правительство созданіе такой обстановки, которая дѣлала возникновеніе войны съ Германіей въ 1914-мъ году неизбѣжнымъ.

Усвоивъ столь предвзятую точку зрѣнія, эти лица на основаніи только того факта, что Великій Князь Николай Николаевичъ лично не питалъ симпатій къ до-военной политикѣ Германіи и, наоборотъ, являлся убѣжденнымъ сторонникомъ дружбы съ Франціей, ищутъ доказательствъ своего мнѣнія въ предположеніи о наличіи какой то особой миссіи, выполненной Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ періодъ посѣщенія имъ въ 1912-мъ году Франціи, равно въ содержаніи тѣхъ мимолетныхъ бесѣдъ, которыя президенту французской республики г. Пуанкарэ пришлось вести съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, во время пребыванія перваго въ Россіи въ 1914-мъ году, наканунѣ войны. Великому Князю приписывается также роль какого-то тайнаго воинствующаго инспиратора въ переговорахъ, которые были вполнѣ естественны между случайно встрѣтившимися министрами иностранныхъ дѣлъ двухъ дружественныхъ и союзныхъ націй.

Я рѣшаюсь категорически опровергнуть это предвзятое мнѣніе.

Прежде всего, въ объясненіе личныхъ ощущеній Великаго Князя Николая Николаевича, напомню, что онъ достигъ зрѣлаго воз-

раста въ періодъ царствованія Императора Александра III-го, который нашелъ необходимымъ, въ интересахъ своей страны, отойти отъ прежней традиціонной политики его предшественниковъ, заключавшейся въ поддержаніи тѣсныхъ дружескихъ отношеній съ Центральными Державами Европы. Извѣстенъ знаменательный тостъ Императора Александра III-го за здоровье Князя Черногорскаго — «единственнаго друга Россіи», которымъ Русскій Царь вѣроятнѣе всего хотѣлъ подчеркнуть ту мысль, что Россія едва ли можетъ имѣть въ Европѣ большое число благожелателей. Независимо отъ этого, Александръ III, какъ это всѣмъ извѣстно, лично не симпатизировалъ германскому Императору Вильгельму II-му и его манерѣ держать себя во время пріѣздовъ въ Россію. Результатомъ этихъ государственныхъ соображеній и личныхъ настроеній къ концу девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія и былъ наконецъ окончательно скрѣпленъ союзъ Россіи съ Франціей, культуру которой уже давно полюбило и привыкло уважать русское общество. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ условіяхъ ближайшій родственникъ русскаго Царя, пользовавшійся къ тому же его довѣріемъ, выросъ и впиталъ въ себя тѣ же чувства къ западному сосѣду Россіи, что и Александръ III-й! При всемъ томъ это чувство никогда не переходило въ недружелюбіе или слѣпую ненависть къ нѣмецкому народу вообще, что видно хотя бы изъ факта наличія въ ближайшемъ окруженіи Великаго Князя многихъ весьма почтенныхъ людей съ нѣмецкими фамиліями и нѣмецкаго происхожденія. Наконецъ, въ организмѣ самого Николая Николаевича текла «ольденбургская» то есть нѣмецкая кровь! Вообще терпимость и уваженіе ко всѣмъ почти націямъ была одной изъ самыхъ отличительныхъ чертъ его характера. И если въ смыслѣ отношенія къ нѣкоторымъ народностямъ, во время пребыванія Великаго Князя въ должности Верховнаго Главнокомандующаго, и совершались какія либо несправедливости, то вина этому заключалась лишь въ усердіи «не по разуму» нѣкоторыхъ его сотрудниковъ и въ излишнемъ довѣріи со стороны Великаго Князя къ ихъ безпристрастности и справедливости.

Что касается командированія во Францію въ 1912-мъ году Великаго Князя, то этой поѣздкой преслѣдовалась лишь общая задача, вытекавшая изъ необходимости отъ времени до времени подогрѣвать дружескія чувства и демонстрировать передъ Европой мощь и силу Согласія, противополагавшагося союзу трехъ Центральныхъ Державъ. Французскому обществу, можетъ быть, дѣйствительно хотѣлось бы видѣть въ этомъ пріѣздѣ — посѣщеніе ихъ

страны лицомъ долженствовавшимъ стоять во время войны во главѣ русской арміи, въ случаѣ Европейской войны, но этотъ фактъ, если онъ и существовалъ, долженъ быть объясненъ нѣсколько повышеннымъ темпераментомъ французской націи вообще и болѣе всего личнымъ обаяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ Великаго Князя, вполнѣ очаровавшихъ французовъ.

Посѣщеніе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Франціи, подобно посѣщенію генераломъ Фошемъ Россіи, носило исключительно военный характеръ и съ его пребываніемъ во Франціи неправильно связывать наличіе какихъ либо опредѣленныхъ замысловъ противъ Центральныхъ Державъ. Никакой дипломатической миссіи Великій Князь не имѣлъ. Это лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что мысль о командированіи Великаго Князя Николая Николаевича возникла въ предѣлахъ Военнаго Вѣдомства и Русское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, на сдѣланный ему запросъ, отвѣтило лишь признаніемъ этой поѣздки желательной, какъ я уже сказалъ, по соображеніямъ общаго порядка. Среди многочисленной свиты Великаго Князя не было поэтому ни одного лица изъ состава дипломатическаго вѣдомства, командированнаго распоряженіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и сама краткость пребыванія Великаго Князя въ Парижѣ, въ теченіе котораго могли происходить свиданія его съ государственными людьми этой страны, доказываетъ отсутствіе въ его пріѣздѣ какихъ либо дипломатическихъ заданій. Наконецъ, отсутствіе необходимости со стороны русскаго правительства поручать ихъ веденіе Великому Князю еще лучше доказывается обстоятельствомъ пріѣзда въ томъ же году Предсѣдателя Совѣта Французскихъ Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ г. Пуанкарэ въ Россію. Очевидно, что, если бы существовала какая либо надобность въ особо довѣрительныхъ переговорахъ, то таковые были бы пріурочены къ пребыванію г. Пуанкарэ въ Петербургѣ.

Еще менѣе имѣютъ подъ собой почву предположенія, которыми приписывается Великому Князю активная роль въ существѣ тѣхъ бесѣдъ, которыя, якобы, велись въ 1914-мъ году, наканунѣ войны, въ Петербургѣ между главами обоихъ государствъ Франціи и Россіи и ихъ Министрами Иностранныхъ Дѣлъ Вивіани и Сазоновымъ.

Прежде всего я долженъ напомнить читателю, что въ визитѣ новаго Президента французской республики г. Пуанкарэ въ Россію въ 1914-мъ году не было вообще ничего необычайнаго. Со времени начала дружественныхъ отношеній между Россіей и Франціей эти посѣщенія вошли въ обычай и всѣ бывшіе Президенты Франціи:

Феликсъ Форъ, Лубэ, Фальеръ и, наконецъ, Пуанкарэ, считали своей обязанностью по одному разу побывать въ Россіи, чтобы этимъ оказать вниманіе Русскому Царю и удостовѣрить личную ихъ вѣрность Двойственному союзу. Не былъ Казиміръ Перье, который вообще оставилъ постъ президента до окончанія срока.

Со всѣми перечисленными президентами пріѣзжали и лица, занимавшія ко времени поѣздки ихъ должность Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Таковъ былъ общепринятый ритуалъ, по силѣ котораго главу государства всегда сопровождаетъ въ заграничной поѣздкѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ. Исключеніе составляли только случаи Высочайшихъ посѣщеній, по причинамъ семейнаго характера, каковыхъ случаевъ вообще, при общеніяхъ съ Франціей, очевидно быть не могло. Нарушенія вошедшаго въ обычай порядка были крайне рѣдки и за послѣднія десятилѣтія припоминается лишь одинъ пріѣздъ Русскаго Императора въ Берлинъ, безъ бывшаго въ то время Русскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова, — не помню въ которомъ году, — гдѣ Императору предстояло встрѣтиться съ Англійскимъ Королемъ Георгомъ, сопровождавшимся его Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Но это отступленіе было сдѣлано съ исключительной цѣлью не поставить въ неловкое положеніе дружественную Францію. Такимъ образомъ и въ сопровожденіи г. Пуанкарэ тогдашнимъ Предсѣдателемъ Французскаго Совѣта Министровъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Вивіани ничего исключительнаго не было.

Правда, въ этотъ періодъ времени уже ощущалось довольно ясно, что столкновеніе между Центральными Державами и государствами Согласія не за горами. Франція, изъ опасенія нападенія на нее, ввела у себя въ 1913-мъ году непопулярный въ населеніи законъ о трехлѣтней военной службѣ. Россія подготовляла такъ называемую «большую военную программу».Но эти мѣры служили лишь отвѣтомъ на слишкомъ активную политику германскаго Императора, клонившуюся къ всесвѣтной гегемоніи, для установленія которой усиливались въ Германіи не только флотъ и армія, но утверждалось вліяніе нѣмцевъ въ Константинополѣ, и на путяхъ къ Персидскому заливу. Словомъ, создавалась обстановка, при которой «заряженныя винтовки сами начинаютъ стрѣлять».

Весьма естественными въ такихъ условіяхъ являлись бесѣды Вивіани съ Сазоновымъ, въ теченіе которыхъ не могли не подвергнуться обзору всѣ вопросы, интересовавшіе обѣ дружественныя державы. Эти бесѣды были тѣмъ болѣе необходимы, что въ Россіи существовалъ, небольшой правда, кругъ лицъ, тѣмъ не менѣе воз-

главлявшійся графомъ Витте, который сѣялъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли Франція, въ случаѣ нападенія Германіи на Россію, будетъ готова поддержать послѣднюю, въ особенности, въ случаѣ, если конфликтъ возникнетъ на почвѣ нѣсколько далекихъ французскимъ интересамъ балканскихъ дѣлъ. Слухи эти пріобрѣтали особое значеніе со времени вступленія во власть лѣваго кабинета Вивіани. Изъ донесеній А. П. Извольскаго, въ Россіи было извѣстно, что лица, принадлежавшія къ крайнимъ лѣвымъ парламентскимъ партіямъ были принципіально болѣе другихъ склонны къ пацифизму, и наименѣе расположены къ союзу съ Россіей, въ особенности же къ активному проявленію этого союза. Необходимо было разсѣять это опасеніе, что, впрочемъ, облегчалось политикой Берлина за послѣдніе годы, пробудившей во Франціи склонность не отступать, въ случаѣ надобности, отъ принятія вызова. Во всякомъ случаѣ, лишь разъясненія самого Предсѣдателя Французскаго Совѣта Министровъ Вивіани могли быть признаны русскимъ правительствомъ исчерпывающими.

Совершенно неправильно, однако, думать, что въ этихъ переговорахъ игралъ какую нибудь активную роль Великій Князь Николай Николаевичъ.

Императоръ Николай II весьма ревниво оберегалъ прерогативы своей самодержавной власти, къ наиболѣе существеннымъ элементамъ которой онъ сопричислялъ личное направленіе внѣшней политики русскаго государства. Нѣкоторые шаги Государя въ этой области управленія были до поры до времени скрываемы имъ даже отъ своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, для которыхъ нерѣдко было нахожденіе въ папкахъ, возвращаемыхъ изъ Дворца, Высочайшихъ телеграммъ, уже отправленныхъ по назначенію самимъ Императоромъ. Читатель уже знаетъ и болѣе серьезный случай личной иниціативы Царя, въ политическихъ вопросахъ, выразившейся въ извѣстномъ Бьеркенскомъ соглашеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Николай II не терпѣлъ и случаевъ непрошеннаго вмѣшательства постороннихъ лицъ въ дѣятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ, тѣмъ болѣе дипломатическаго. Это вмѣшательство всегда вызывало со стороны Царя вопросъ: «А Вы говорили съ соотвѣтствующимъ Министромъ по этому вопросу?». — Съ другой стороны въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ далеко не пользовался такимъ довѣріемъ у Государя, какъ это было нѣсколько раньше. Его считали при Дворѣ главнымъ виновникомъ дарованія Манифеста 17-го октября и недовѣріе, вызывавшееся этимъ обвиненіемъ, раз-

жигалось не только недружелюбнымъ отношеніемъ къ нему нѣкоторыхъ реакціонныхъ министровъ, но и тайнымъ вліяніемъ извѣстнаго Распутина, участіе котораго въ направленіи государственныхъ дѣлъ можно установить уже за нѣсколько лѣтъ до 1914-го года. Къ тому же, подъ вліяніемъ того же отвергнутаго въ семьѣ Великаго Князя Распутина и другихъ причинъ семейнаго характера, Императрица Александра Федоровна глубоко возненавидѣла жену Великаго Князя Николая Николаевича Великую Княгиню Анастасію Николаевну и ея сестру Милицу Николаевну, жену брата Великаго Князя — Петра Николаевича, и потому всемѣрно стремилась отвести Николая Николаевича отъ какого либо активнаго вліянія на Царя. Лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и личныхъ достоинствъ этого лица, какъ военоначальника, состоялось его назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ послѣ объявленія Россіи Германіей войны, и слѣдовательно только съ этого времени его голосъ получилъ возможность вліять на вопросы военно-дипломатическаго характера.

Великій Князь Николай Николаевичъ во время посѣщенія Президента Французской Республики состоялъ Главнокомандующимъ войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, то есть, былъ старшимъ военнымъ начальникомъ надъ всѣми войсками въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Только въ качествѣ таковаго и одного изъ старшихъ представителей царствующей династіи, онъ далъ Президенту Республики и Императорской четѣ въ Красномъ Селѣ обѣдъ и имѣлъ близкій доступъ къ участію въ тѣхъ торжествахъ и военныхъ смотрахъ, которыми были ознаменованы дни 20-23 іюля 14-го года.

Какъ военный, занимавшій одну изъ высшихъ строевыхъ должностей въ русской арміи, онъ, слѣдя за неизбѣжнымъ ходомъ событій въ Европѣ, могъ, конечно, мечтать о побѣдѣ русскаго оружія и даже обязанъ былъ стремиться къ обезпеченію успѣха въ предстоящей борьбѣ, но его личное настроеніе не могло имѣть и не имѣло никакого вліянія на обостреніе возникавшаго конфликта и ускореніе его разрѣшенія вооруженной рукой.

Я могу привести еще одно соображеніе въ доказательство изложеннаго положенія. — Бывшій при Императорѣ Николаѣ II весьма долгое время передъ войной Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ, несмотря на свою внѣшнюю мягкость, былъ въ основныхъ вопросахъ политики человѣкомъ весьма твердыхъ убѣжденій, не допускавшимъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла его вѣдомства, особенно если это вмѣшательство грозило для Россіи серьезными опасностями. Между тѣмъ, его Балканская политика, во главѣ которой стояло стремленіе избѣжать войны, встрѣчала на своемъ пути

рядъ затрудненій со стороны Великихъ Княгинь Анастасіи и Милицы Николаевны — родныхъ дочерей Короля Черногорскаго, стремившихся къ улучшенію и упроченію на Балканскомъ полуостровѣ положенія Черногоріи. Извѣстенъ, по ходившимъ разсказамъ, даже на этой почвѣ случай очень рѣзкаго разговора С. Д. Сазонова съ Великой Княгиней Милицей Николаевной. — Такъ какъ Великая Княгиня Анастасія Николаевна состояла въ супружествѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, а сестра ея Милица Николаевна была замужемъ за братомъ Николая Николаевича, Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ, то обстоятельства эти клали серьезный отпечатокъ на отношенія С. Д. Сазонова къ Великому Князю Николаю Николаевичу, которыя были въ общемъ очень сдержанными. Бывшіе старшіе чины Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, однако, еще совсѣмъ недавно, категорически свидѣтельствовали мнѣ, о чрезвычайно тактичномъ и сдержанномъ поведеніи въ балканскихъ вопросахъ Великаго Князя Николая Николаевича, предпочитавшаго полнѣйшее невмѣшательство въ исканія Великихъ Княгинь. Эти свидѣтельства совпадаютъ вполнѣ и съ моими личными наблюденіями, но въ болѣе поздній періодъ времени. 1914-1915 годы. Нейтральность Великаго Князя Николая Николаевича къ черногорскимъ притязаніямъ была настолько велика, что даже въ вопросѣ о будущихъ границахъ Черногоріи (въ 1915 году дипломатія Державъ Согласія занималась весьма усердно вопросами о границахъ!), Великій Князь предпочелъ предоставить опредѣленіе желаній Черногоріи Великой Княгинѣ Милицѣ Николаевнѣ, которая и изложила ихъ, по предложенію Императора Николая II. въ особомъ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1915-го года изъ Кіева, гдѣ проживали обѣ черногорскія княгини.

Такимъ образомъ, помимо личной позиціи невмѣшательства, цѣлый рядъ условій фактически препятствовалъ Великому Князю Николаю Николаевичу войти активнымъ лицомъ во внѣшнюю политику Россіи, смежную по времени съ войной, не говоря уже о томъ, что его особое семейное положеніе подсказывало Великому Князю необходимость соблюденія извѣстнаго такта и строгой сдержанности.

Лишь послѣ назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ, онъ, по необходимости, сталъ ближе къ внѣшней политикѣ Россіи. Въ этотъ періодъ времени С. Д. Сазоновъ убѣдился въ общности ихъ точекъ зрѣнія по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ; отношенія ихъ замѣтно сгладились и постепенно улучшились до степени вполнѣ довѣрчивыхъ.

Но особенно Сазоновъ проникся уваженіемъ къ Великому Кня-

зю послѣ рѣшительной попытки прогрессивно настроенныхъ членовъ Совѣта Министровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, воздѣйствовать на Императора Николая II-го въ смыслѣ сближенія съ общественными силами страны. Эта попытка была сдѣлана въ знаменательный день 27-го іюня 1915-го года въ Ставкѣ и она будетъ мною описана подробно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ настоящей книги. Близкій сотрудникъ С. Д. Сазонова, Директоръ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Шиллингъ, пріѣзжавшій совмѣстно съ С. Д. Сазоновымъ въ Ставку, лично мнѣ говорилъ, что его министръ выразилъ свое крайнее удовлетвореніе тѣмъ обстоятельствомъ, что Великій Князь, въ своемъ словѣ во время совѣщанія, высказалъ громогласно рядъ мнѣній, идентичныхъ съ мыслями, выраженными на бывшемъ совѣщаніи самимъ Сазоновымъ, и что по многимъ отдѣльнымъ вопросамъ Великій Князь горячо поддерживалъ мнѣніе прогрессивной части совѣщанія. Увы, эти усилія, какъ увидитъ читатель, оказались напрасными!...

2. Отношенія Россіи съ Франціей и Англіей.

Сближеніе между Россіей и Франціей, начавшееся въ царствованіе Императора Александра III-го, выразилось, подъ вліяніемъ активной политики Центральныхъ Державъ, опиравшейся на тройственный союзъ, въ заключеніи оборонительной военной конвенціи. Послѣдняя была выработана въ 1892-мъ году и подписана начальниками генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ, генералами Обручевымъ и Буадефромъ.

Основная мысль этой конвенціи заключалась въ томъ, что обѣ договаривающіяся стороны, Россія и Франція, обязывались другъ передъ другомъ, при первомъ извѣстіи объ общей мобилизаціи враждебнаго имъ тройственнаго союза, мобилизовать всѣ свои вооруженныя силы и сосредоточить ихъ къ угрожаемымъ границамъ. Затѣмъ дальнѣйшія дѣйствія обоихъ государствъ должны были зависѣть отъ дѣйствій противной стороны, причемъ, въ случаѣ нападенія Германіи или другой державы тройственнаго союза, поддержанной Германіей, на одну изъ договаривающихся державъ, другая должна была придти первой на помощь, для чего использовать всѣ свободныя силы противъ Германіи, какъ главы враждебнаго имъ союза.

Оборонительный характеръ этой конвенціи вытекаетъ изъ приведеннаго содержанія конвенціи съ полной очевидностью. Дѣйствія Россіи и Франціи должны были «вытекать» изъ враждебной ини-

ціативы державъ тройственнаго союза вообще, и Германіи въ частности.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, взаимныя связи державъ согласія окрѣпли настолько, что въ 1889 году стало возможнымъ заключеніе политическаго соглашенія, къ которому упомянутая выше военная конвенція стала однимъ изъ дополненій.

Политическое соглашеніе 1889 года не заключало въ себѣ впрочемъ ничего новаго. Оно подтверждало, но въ еще болѣе общихъ чертахъ мысль о взаимной другъ другу помощи двухъ государствъ, въ случаѣ нападенія на одного изъ нихъ третьей державы, причемъ основанія помощи и характеръ ея попрежнему должны были опредѣляться названной выше военной конвенціей 1892-го года.

Политическое соглашеніе 1889-го года оставалось безъ измѣненій вплоть до самаго возникновенія войны. Оно очень долго хранилось нами въ строгой тайнѣ, и во всѣхъ случаяхъ французская нація именовалась нами только «la nation alliée». Лишь подъ вліяніемъ настойчиваго желанія правительства Франціи о болѣе открытомъ рекламированіи союза, во время прощальнаго обѣда, даннаго русскимъ Императоромъ Николаемъ II-мъ Президенту Лубэ, при отъѣздѣ его изъ Петербурга послѣ посѣщенія Россіи, Императоръ Николай въ прощальномъ своемъ тостѣ употребилъ выраженіе: «la nation amie et alliée». Эта добавка очень обрадовала общественное мнѣніе Франціи и съ тѣхъ поръ наличіе союза перестало уже болѣе отвергаться.

Что касается военной конвенціи, то таковая, вслѣдствіе слишкомъ общаго характера ея, подвергалась впослѣдствіи неоднократнымъ обсужденіямъ и уточненіямъ, причемъ, однако, никогда не мѣнялся оборонительный характеръ ея заданія. Основное условіе, при которомъ должны были начать осуществляться предусмотрѣнныя конвенціей мѣры, — условіе «враждебной инициативы Германіи» оставалось фундаментомъ происходившихъ совѣщаній. Обсужденію подвергались лишь частности конвенціи, устанавливавшія размѣры помощи, время и направленіе ея, а также другія данныя техническаго порядка, какъ, напримѣръ, условія обезпеченія взаимной связи, развитія желѣзнодорожнаго строительства и т. д.

Вполнѣ очевидно, что конвенція, заключенная еще въ мирное время, могла предусматривать вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ лишь въ первоначальный періодъ войны. Поэтому было бы крайне естественно подумать о дальнѣйшемъ. Но даже столь важный и существенный вопросъ, какъ вопросъ обезпеченія «единства дѣй-

ствій», въ теченіе дальнѣйшаго періода войны никогда въ обсужденіяхъ затронутъ не былъ, что и должно было привести къ той несогласованности этихъ дѣйствій, которыя, какъ читатель увидитъ изъ послѣдующихъ главъ, были причиной весьма многихъ неудачъ и создали вообще чрезвычайно благопріятную обстановку для Центральныхъ Державъ, занимавшихъ по отношенію своихъ противниковъ выгодное, въ смыслѣ стратегическомъ, внутреннее положеніе.

Обсужденіе и уточненіе въ подробностяхъ общихъ положеній военной конвенціи производилось въ особыхъ, совершенно секретныхъ, совѣщаніяхъ, происходившихъ то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ. Рѣшающая роль въ нихъ принадлежала согласіямъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ обоихъ государствъ. Съ русской стороны, кромѣ указаннаго лица, никто и никогда не принималъ участія въ происходившихъ совѣщаніяхъ, несмотря на то, что иногда они происходили на русской территоріи; съ французской стороны, кромѣ Начальника Генеральнаго Штаба, изрѣдка приглашались его ближайшіе сотрудники. Составленіе протоколовъ поручалось или нашему военному агенту въ Парижѣ, или французскому военному аташе въ Петербургѣ, причемъ лица эти присутствовали въ совѣщаніяхъ только въ скромной роли составителей протоколовъ.

Вначалѣ совѣщанія Начальниковъ обоихъ Генеральныхъ Штабовъ происходили нерегулярно, потомъ они стали ежегодными, причемъ послѣдняя конференція имѣла мѣсто въ августѣ 1913-го года въ Красномъ Селѣ (близъ Петербурга) между генераломъ Жилинскимъ, бывшимъ русскимъ начальникомъ Генеральнаго Штаба, и генераломъ Жоффромъ — его французскимъ коллегой.

Читателю очень интересно будетъ отмѣтить, что несмотря на то обстоятельство, что конференціи иногда происходили не только на русской территоріи, но въ Красномъ Селѣ, — лагерномъ расположеніи войскъ Петербугрскаго военнаго округа, *ни на одной изъ этихъ конференцій не присутствовалъ Великій Князь Николай Николаевичъ*, который не былъ, равнымъ образомъ, освѣдомляемъ о вопросахъ, затрагивавшихся на совѣщаніяхъ. Это еще лишній разъ можетъ для читателя служить доказательствомъ того, что вопросы общаго порядка, регулировавшіе союзныя отношенія Россіи и Франціи, шли мимо Великаго Князя Николая Николаевича и внѣ его вліянія.

При весьма частыхъ смѣнахъ Начальниковъ Генеральнаго Штаба въ Россіи (въ теченіе послѣднихъ 9 лѣтъ до войны смѣнилось на этой должности 6 лицъ, причемъ нѣкоторые пробыли въ должности лишь нѣсколько мѣсяцевъ) и несоотвѣтственномъ подборѣ ихъ,

присутствіе въ указанныхъ выше совѣщаніяхъ съ русской стороны одного Начальника Генеральнаго Штаба было крайне невыгоднымъ, ибо не гарантировало русской сторонѣ достаточнаго авторитета и полноты обсужденія, но съ такимъ положеніемъ въ то время въ Россіи приходилось мириться.

Для полноты союзныхъ отношеній между Россіей и Франціей недоставало только военно-морской конвенціи. Русскій военный флотъ вышелъ изъ Русско-Японской войны столь ослабленнымъ, что ни на какую кооперацію не былъ способенъ. Его роль въ военное время должна была ограничиться строгою обороною своихъ собственныхъ береговъ. Равнымъ образомъ, при грандіозной мощи германскаго флота трудно было расчитывать на возможность оказанія русскимъ морякамъ какой либо помощи со стороны французскаго флота. Тѣмъ не менѣе въ 1912-мъ году во время пребыванія въ Россіи Предсѣдателя французскаго Совѣта министровъ, г. Пуанкарэ, въ Петербургѣ была подписана и военно-морская конвенція между Россіей и Франціей.

Параллельно съ укрѣпленіемъ союзническихъ узъ, скрѣплявшихъ оба государства на случай нападенія, Франція, имѣвшая длинную морскую границу, притомъ принадлежащую двумъ отдѣльнымъ морскимъ бассейнамъ, искала сближенія съ Англіей.

Вступивъ съ нею въ переговоры по отдѣльнымъ раздѣлявшимъ ихъ политическимъ вопросамъ, она къ 1904-му году достигла, путемъ взаимныхъ уступокъ, по каждому изъ этихъ вопросовъ извѣстнаго сближенія точекъ зрѣнія. Это позволило ей въ томъ же году заключить общее политическое соглашеніе, имѣвшее, впрочемъ только предметный характеръ, то есть разрѣшавшее извѣстные вопросы, раздѣлявшіе въ данное время оба государства. — Франція сдѣлала Великобританіи большія уступки въ Египетскомъ вопросѣ; наоборотъ Англія пошла навстрѣчу пожеланіямъ французовъ въ Марокко. — Затѣмъ послѣдовало военно-морское соглашеніе, въ силу котораго весь активный французскій флотъ перешелъ въ Средиземное море и, наконецъ, почти передъ самой войной уже въ 1912-мъ году состоялся извѣстный обмѣнъ мнѣніями французскаго и англійскаго генеральныхъ штабовъ. Въ этой перепискѣ предусматривалась уже «возможность», при нѣкоторыхъ условіяхъ, опредѣленіе которыхъ Англія оставляла за собою, помощи Франціи со стороны Англіи, въ случаѣ нападенія на первую.

Читатель легко замѣтитъ, что въ концѣ концовъ Англія оста-

вляла за собою свободныя руки, за исключеніемъ нѣкоторой «моральной» отвѣтственности за безопасность побережья Сѣвернаго моря.

Французская дипломатія, наиболѣе полно выражавшаяся въ программѣ Делькассэ, ставила себѣ, однако, задачей, не только болѣе близкое сліяніе въ будущемъ политическихъ задачъ Франціи съ Англіей въ европейскихъ вопросахъ, но и сближеніе съ послѣдней Россіи, иначе говоря, она стремилась къ постепенному превращенію двойственнаго согласія въ тройственное. — Первый шагъ въ этомъ отношеніи, впрочемъ, былъ уже сдѣланъ со стороны Англіи Королемъ англійскимъ Эдуардомъ VII, который, въ бесѣдѣ съ русскимъ посланникомъ того времени, въ Даніи А. П. Извольскимъ, еще до Японской войны указывалъ ему на желательность улучшенія отношеній между двумя державами — Россіей и Англіей.

На этотъ шагъ и на возможность постепеннаго его развитія непрестанно указывалъ и Делькассэ, къ мнѣнію котораго одно время очень прислушивался Петербургъ. — Наше М-ство Ин. дѣлъ охотно отозвалось на попытку установленія болѣе нормальныхъ отношеній съ Англіей, и, въ результатѣ взаимныхъ усилій, образовалась возможность заключить извѣстное соглашеніе между Россіей и Англіей по персидскимъ дѣламъ въ 1907 году, которое было закрѣплено Ревельскимъ свиданіемъ Короля Георга съ Императоромъ Николаемъ.

Въ Тегеранъ съ обѣихъ сторонъ были назначены новые люди; съ нашей стороны бывшій 1-й секретарь лондонскаго посольства Козеллъ-Поклевскій, оставившій въ Лондонѣ прекрасную по себѣ память и чрезвычайно сильныя связи.

Первая брешь такимъ образомъ была пробита. За нею являлась надежда на возможность дальнѣйшихъ соглашеній, вплоть до вопроса о проливахъ включительно.

Трудно сказать, какіе результаты дало бы столь счастливо начавшееся политическое сближеніе двухъ только что названныхъ государствъ. Но въ Россіи его искренно желали, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ въ іюнѣ 1912-го года, какъ о томъ уже было сообщено однажды въ швейцарской прессѣ, рѣшено было сдѣлать попытку обмѣняться мнѣніями по безпокоившему нашихъ моряковъ вопросу, не могла ли бы Англія, въ нѣкоторой мѣрѣ морально связанная съ необходимостью поддержки Франціи, помочь, въ случаѣ необходимости, своими морскими средствами оборонѣ нашего Балтійскаго по-

бережья. — На совѣщаніи, происходившемъ въ названное время въ Петербургѣ въ морскомъ генеральномъ штабѣ, чины Министерства Иностранныхъ дѣлъ на запросъ о томъ, возможно ли вообще зондированіе подобнаго вопроса, получили отвѣтъ, что всякое сближеніе съ Англіей находится въ руслѣ общей политики, которую ведетъ Россія. Вслѣдствіе этого бывшему русскому военно-морскому представителю въ Лондонѣ, участнику даннаго совѣщанія, было поручено, съ вѣдома нашего посла въ Лондонѣ графа Бенкендорфа и французскаго военно-морского атташе въ томъ же пунктѣ, сдѣлать словесно соотвѣтствующіе шаги въ британскомъ адмиралтействѣ. Дѣло, однако, дальше словесныхъ разговоровъ не пошло, такъ какъ англичане отвѣтили, что для британскаго флота Балтійское море представляетъ «ловушку», въ которую этотъ флотъ не можетъ зайти. — Тогда еще вопросъ о дѣйствіяхъ подводныхъ лодокъ не былъ подробно разработанъ и въ силу ихъ мало кто вѣрилъ.

Тѣмъ не менѣе, съ открытіемъ міровой войны и съ присоединеніемъ Англіи къ Державамъ Согласія, британское адмиралтейство, какъ извѣстно, послало въ Балтійское море нѣсколько большихъ подводныхъ лодокъ, которыя съ честью выполняли возлагавшіяся на нихъ задачи.

Изъ изложеннаго видно, что ко дню возникновенія вооруженнаго конфликта, Англія съ Россіей не состояла ни въ какихъ соотношеніяхъ, которыя обязывали бы ее примкнуть къ Державамъ Согласія.

Для Россіи этотъ вопросъ окончательно выяснился лишь къ 4 августа 1914-го года. Телеграммой отъ этого числа графъ Бенкендорфъ, русскій посолъ въ Лондонѣ сообщалъ въ Петербургъ Сазонову: «Грэй мнѣ сказалъ, что *отнынѣ* мы союзники. Россія и Англія были поставлены въ необходимость обратиться къ войнѣ по *параллельнымъ* причинамъ. — Въ Англіи, добавлялъ Грэй, вѣрятъ въ святость договоровъ: если мы позволимъ ихъ преступать даже тамъ, куда можетъ достигнуть наша сила, то все зданіе міра рухнетъ. — Европа покоится на базѣ договоровъ. Малыя государства обязаны имъ своимъ существованіемъ. Сегодня Бельгія, завтра Голландія.... Это возвращеніе къ первобытнымъ временамъ!».

— Я сказалъ ему, — добавляетъ въ той же телеграммѣ графъ Бенкендорфъ, — что роль Россіи во всемъ похожа на роль Англіи: мы защищаемъ малыя государства на Балканахъ, Англія — на сѣверѣ Европы!....»

3. Была ли Россія готова къ войнѣ?

27-го февраля 1914-го года, въ вечернемъ выпускѣ извѣстной хотя и второразрядной петербургской газеты «Биржевыя Вѣдомости» появилась статья: «Россія готова къ войнѣ».

Эта статья приписана была перу русскаго военнаго министра генерала Сухомлинова, или по крайней мѣрѣ его инициативѣ. — Въ ней шла рѣчь о быстромъ ростѣ военной мощи Россіи и достигнутыхъ въ этомъ направленіи результатахъ.

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? И не правъ ли былъ германскій посолъ въ Петербургѣ графъ Пурталесъ, назвавъ эту статью «фанфаронадой», вызванной желаніемъ военнаго министра отмѣтить свое пятилѣтіе (1909-1914 г.г.) пребыванія въ должности?

Русско-Японская война и отчасти революція 1905-го года совершенно разстроили наши вооруженныя силы. Испытывая большія финансовыя затрудненія, Россія только въ 1910 году могла приступить къ возрожденію этихъ силъ, которое по той же причинѣ финансоваго разстройства страны не могло быть инымъ, какъ только очень постепеннымъ. — Въ теченіе 4-хъ лѣтъ съ 1910-го по 1914-й годъ, благодаря особенной отзывчивости 4-й Государственной Думы и такимъ ближайшимъ сотрудникамъ военнаго министра, какъ генералы Мышлаевскій и Поливановъ, было сдѣлано очень много, но еще болѣе осталось недодѣланнаго. — Страна лишь частично возстановила свою безопасность, но къ веденію наступательной войны она совсѣмъ не была готова.

Не приходится говорить уже о томъ, что не было главнаго: не было довѣрія народа къ правительству, не было сознанія государственнаго единства, взамѣнъ же таковыхъ въ народѣ царилъ мракъ темнаго невѣжества и опаснаго разслоенія. — При такихъ условіяхъ страна не могла выставить сознательныхъ воиновъ и проявить необходимую внутреннюю крѣпость для твердаго противостоянія тѣмъ напряженіямъ, которыя требуются всякой серьезной войной. Дальневосточныя событія 1904-05 г. г. эти выводы подтвердили весьма рельефно.

Но даже устройство самой арміи, отчасти по косности традицій, отчасти по соображеніямъ финансоваго порядка и промышленной немощи Россіи, носило на себѣ характеръ такой вооруженной силы, которая пригодна лишь для цѣлей пассивной обороны въ предѣлахъ территоріи. Грузная организація, недостаточное снабженіе артиллеріей (не только тяжелой, но и легкой), равно другими техническими средствами, крайне ограниченное обезпеченіе боевыми запасами,

безъ возможности ихъ пополненія промышленными силами собственной страны, наконецъ, несовершенный командный составъ, лишенный единства школы, не пріученный къ проявленію инициативы, не умѣвшій ни подготовить, ни вдохнуть въ войска наступательный порывъ, — всѣ эти условія и качества вызывали сомнѣніе въ успѣхѣ широкихъ наступательныхъ дѣйствій.

А между тѣмъ, необходимость отстаивать свое великодержавное достоинство и международное положеніе не допускали возможности, въ случаѣ военныхъ осложненій, ограничиться встрѣчей непріятеля на своей территоріи.

Въ самомъ дѣлѣ. — Хотя военная конвенція, заключенная въ 1892-мъ году между Франціей и Россіей, носила, по ея политическому замыслу, строго *оборонительный* характеръ, имѣвшій въ виду совмѣстныя вооруженныя дѣйствія, лишь въ случаѣ *нападенія* на одну изъ договаривающихся сторонъ — Францію или Россію — Германіи или другой державы Тройственнаго Союза, поддержанной Германіей, тѣмъ не менѣе «стратегически» отъ Россіи требовалось быстрѣйшее наступленіе въ предѣлы Восточной Пруссіи, съ довольно значительною частью ея вооруженныхъ силъ.

Съ другой стороны — вызывающее поведеніе Австро-Венгріи, изо дня въ день совершенствовавшей свои вооруженныя силы, настаивавшей на такъ называемой «предупредительной» войнѣ и давно уже пользовавшейся временной слабостью Россіи для утвержденія своего вліянія на Балканахъ, требовало нашей готовности къ наступленію на юго-западныхъ границахъ государства.

Политически лишь обороняясь, мы должны были и здѣсь имѣть въ виду встрѣчу нападающаго на его собственной территоріи, какъ въ силу соображеній о томъ разореніи, которое вноситъ въ страну всякое непріятельское вторженіе, такъ и вслѣдствіе огромнаго психологическаго преимущества наступательной войны, въ особенности при наличіи въ населеніи лоскутной монархіи Габсбурговъ большого процента славянъ.

Въ этомъ противорѣчіи боевыхъ задачъ со степенью готовности русскихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ лежала самая трудная часть работы русской стратегіи, дѣлавшей ея достиженія крайне хрупкими. Достаточно было малѣйшей тактической заминки, всегда возможной на войнѣ, чтобы неудача превращалась въ крупный неуспѣхъ, уничтожавшій сразу всѣ ранѣе достигнутые результаты.

Угрожающее нарастаніе вооруженныхъ силъ и боевыхъ средствъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, вынудило и русское Воен-

ное Министерство составить проектъ новаго усиленія арміи, носившей громкое названіе «Большой программы». Къ сожалѣнію, проведеніе новой морской программы нѣсколько задержало разсмотрѣніе законодательными органами этого проекта, который подвергся обсужденію почти что наканунѣ надвинувшейся войны, почему получилъ свое осуществленіе лишь частично. Впрочемъ, долженъ замѣтить, что программа эта лишь въ весьма малой своей части имѣла задачей улучшеніе организаціи арміи, и ея снабженія. На первое мѣсто ею была выдвинута задача количественнаго увеличенія арміи. Въ общемъ это былъ проектъ достойный легкомыслія его создателей, во главѣ съ военнымъ министромъ. Въ видѣ курьеза, можно, напримѣръ, привести намѣченное ею усиленіе регулярной конницы на 26 полковъ, противъ котораго усиленно возражалъ оперативный отдѣлъ Генеральнаго Штаба.

Паденіе въ минувшую войну значенія кавалеріи, какъ самостоятельнаго рода оружія, наиболѣе ярко подчеркиваетъ всю несуразность проектированной мѣры, особенно въ русской арміи, всегда страдавшей избыткомъ кавалеріи, въ ущербъ прочимъ болѣе нужнымъ родамъ оружія.

4. Цѣли войны.

Въ виду уже изложеннаго характера всѣхъ соглашеній, не преслѣдовавшихъ никакихъ наступательныхъ задачъ, вопросъ о «цѣляхъ» возникшей въ 1914-мъ году войны всталъ передъ Державами Согласія лишь послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій.

Обстоятельство это служитъ, хотя и косвеннымъ, но очень яркимъ доказательствомъ того, что Державы Согласія не питали никакихъ наступательныхъ плановъ.

Первая бесѣда по вопросу о цѣляхъ войны произошла въ первой половинѣ октября 1914-го года въ Парижѣ между французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ и русскимъ посломъ въ Парижѣ А. П. Извольскимъ. Въ этой бесѣдѣ оба названныя лица сошлись во мнѣніи, что главной цѣлью Державъ Согласія отнынѣ должно быть разрушеніе Германской Имперіи, нарушившей общій миръ въ Европѣ, и возможное ослабленіе военнаго и политическаго могущества Пруссіи. — При этомъ признавалось желательнымъ облечь эти цѣли въ такія формы, чтобы отдѣльныя германскія государства оказались сами заинтересованными въ достиженіи названнаго результата.

Что касается Австро-Венгріи, то въ отношеніи этой монархіи

вопросъ, повидимому, не стоялъ столь согласованно. По донесенію А. П. Извольскаго, — во Франціи существовали даже нѣкоторыя симпатіи къ этой монархіи, основанныя на представленіи о присущемъ въ странѣ Габсбурговъ стремленіи къ независимости отъ Германіи и на оказанныхъ ею услугахъ въ Алжезирасѣ. — Такія же симпатіи, но по другимъ, можетъ быть, причинамъ, существовали и въ Англіи въ еще болѣе сильной степени.

Что касается земельныхъ приращеній, то, изъ словъ Делькассэ можно было заключить, что Франція для себя не ищетъ въ Европѣ никакихъ пріобрѣтеній, за исключеніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Въ Африкѣ она удовольствовалась бы уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ Алжезирасскаго акта и небольшими исправленіями колоніальныхъ границъ. Англія, по мнѣнію лицъ, обсуждавшихъ вопросъ, также не ищетъ завоеваній въ Европѣ, но потребуетъ колоніальныхъ приращеній за счетъ Германіи и, вѣроятно, возбудутъ вопросъ о возстановленіи самостоятельности Гановера. Ни въ томъ, ни въ другомъ вопросѣ она со стороны Франціи, повидимому, не встрѣтитъ препятствій. Шлезвигъ и Гольштейнъ, добавляетъ Извольскій, должны бы отойти къ Даніи, несмотря на двусмысленное поведеніе датскаго правительства. Что до Россіи, то она, по мнѣнію бесѣдовавшихъ, конечно, потребуетъ свободы проливовъ, и тутъ должна встрѣтить полную поддержку Франціи.

Въ отношеніи Австро-Венгріи давно уже искавшей предлога для производства какой либо военной демонстраціи противъ Сербіи, Делькассэ высказывался менѣе опредѣленно. Самъ же Извольскій, говоря, впрочемъ, лично отъ себя, настойчиво указывалъ на необходимость положить конецъ Габсбургской монархіи, являвшейся, по мнѣнію его, совершеннымъ анахронизмомъ. Онъ признавалъ необходимымъ призвать входившія въ составъ Имперіи Габсбурговъ народности къ самостоятельному политическому существованію.

— Я стараюсь внушить здѣсь мысль, заключалъ свое донесеніе А. П. Извольскій, о единомъ и сильномъ Сербо-Хорватскомъ государствѣ, со включеніемъ въ него Истріи и Далмаціи, какъ о необходимомъ противовѣсѣ Италіи, Венгріи и Румыніи.

Въ этомъ отношеніи ему пришлось, къ сожалѣнію, встрѣтиться съ предвзятымъ и вполнѣ неправильнымъ мнѣніемъ, господствовавшимъ во Франціи, что Далмація и Истрія по этнографическому составу принадлежатъ къ итальянскимъ странамъ.

Насколько мнѣ извѣстно, противъ формулировки цѣлей войны, какъ онѣ выражены были въ бесѣдѣ А. П. Извольскаго съ Делькассэ не встрѣтилось возраженій ни со стороны Россіи, ни со стороны

Англіи. Что же касается вопроса объ опредѣленіи земельныхъ приращеній, то обужденіе его было признано Россіей преждевременнымъ и лишь въ мартѣ слѣдующаго года наше Министерство Иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ вернуться вновь къ этому вопросу.

Телеграммой 8-го марта С. Д. Сазоновъ сообщилъ Извольскому, что относительно условій будущаго мира онъ признаетъ желательнымъ, чтобы французское и англійское правительства снабдили особыми полномочіями своихъ пословъ въ Петербургѣ для возможности предварительнаго обсужденія условій его, совмѣстно съ нимъ. По мнѣнію нашего министра иностранныхъ дѣлъ, главныя условія мира должны бы быть подраздѣлены на 3 категоріи: 1) условія, являющіяся для того или другого изъ союзниковъ безспорно необходимыми, какъ затрагивающія его жизненные интересы; 2) условія, по которымъ допустимы взаимныя уступки, съ цѣлью согласованія отдѣльныхъ интересовъ трехъ союзниковъ и 3) условія, которыя не затрагиваютъ непосредственно интересовъ союзниковъ, но являются существенными для сохраненія мира въ будущемъ и поддержанія союзныхъ отношеній.

Однако, вновь вопросъ этотъ заглохъ на нѣкоторое время и въ Россіи онъ всплываетъ еще разъ только въ 1916-мъ году.

Въ январѣ названнаго года Великій Князь Николай Михайловичъ, сынъ младшаго брата Императора Александра II-го, очень образованный и начитанный человѣкъ, остававшійся все время въ тѣни, движимый, вѣроятно, «прыгавшимъ» въ немъ честолюбіемъ, обратился къ Императору Николаю II-му съ письмомъ, въ которомъ возбуждалъ вопросъ о необходимости уже тогда подготовиться къ выбору тѣхъ людей, которымъ будетъ ввѣрено на международной конференціи, какъ онъ выразился: «поддерживать честь и величіе Россіи». Великій Князь выражалъ желаніе попасть въ число этихъ избранниковъ, не выдвигая себя, однако, повидимому, только изъ «скромности» на постъ главнаго дѣйствующаго лица. Объ этомъ своемъ желаніи онъ писалъ и другимъ лицамъ, которыя могли бы оказать ему свое содѣйствіе, въ числѣ ихъ и Сазонову. — С. Д., въ словесной бесѣдѣ, старался отклонить Великаго Князя отъ его мысли; онъ пытался разъяснить автору письма, что второстепенная роль ему, Великому Князю, не подобаетъ, равно какъ не подобаетъ и несеніе какой либо отвѣтственности за рѣшеніе будущей конференціи, особенно въ то время, когда всѣ Великіе Князья (за исключеніемъ все возраставшей популярности Великаго Князя Николая Николаевича, несмотря на его удаленіе на Кавказъ), потеряли любовь и уваженіе русскаго общества.

Выслушавъ откровенный и простой отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, Великій Князь Николай Михайловичъ не прекратилъ, однако, своихъ домогательствъ, лишь измѣнивъ нѣсколько ихъ характеръ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, спустя нѣкоторое время послѣ оставленія С. Д. Сазоновымъ поста министра иностранныхъ дѣлъ, Великій Князь Николай Михайловичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору, вновь возвращается къ вопросу о будущихъ мирныхъ переговорахъ и, опираясь на примѣръ Франціи и Англіи, гдѣ, по его словамъ, уже давно дѣйствуютъ подготовительныя комиссіи, изъ которыхъ особенно удачно, якобы, работаетъ французская, созданная по иниціативѣ и подъ руководствомъ Бріана, предлагаетъ образованіе такой же комиссіи въ Россіи. подъ своимъ предсѣдательствомъ.

— Если бы выборъ предсѣдателя такой комиссіи, пишетъ онъ, уже вполнѣ откровенно, палъ бы на меня, то я ручаюсь закончить дѣло съ успѣхомъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы не попасть врасплохъ ко дню окончанія военныхъ дѣйствій.

Въ видѣ уступки времени Великій Князь Николай Михайловичъ намѣчалъ приглашеніе въ составъ своей комиссіи двухъ членовъ Государственнаго Совѣта и двухъ членовъ Государственной Думы, правда прогрессивно-праваго оттѣнка.

Интересно отмѣтить, что въ то время, какъ нашъ посолъ въ Парижѣ А. П. Извольскій, а за нимъ и огромное большинство, считали необходимымъ полное расчлененіе Австро-Венгріи. Великій Князь Николай Михайловичъ высказывалъ прямо противоположное воззрѣніе, едва ли имѣвшее за собою въ Россіи многихъ сторонниковъ; онъ придерживался мнѣнія: «Si l'Autriche n'existait pas, — il faudrait la créer».

— Въ центрѣ Европы, писалъ онъ Императору, выгоднѣе имѣть разноплеменную и слабую Австрію, чѣмъ сильную Германію. Вотъ и надо обратиться въ случаѣ полной побѣды къ униженію и расчлененію Германіи: Шлезвигъ — Гольштейнъ отдать Даніи; Эльзасъ и Лотарингію — Франціи; Люксембургъ — Бельгіи; часть устьевъ Рейна — Голландіи; Познань — Польшѣ, часть Силезіи (Саксонскую) и часть Баваріи — Австріи; кромѣ того заставить уменьшить флотъ до минимума, но отнюдь не вторгаться въ ея внутренніе распорядки, такъ какъ всѣ эти принцы и князья перегрызутся сами между собой, равно какъ и бюргеры, и соціалисты, и ученые, и писатели....

Попутно отмѣтимъ, что не упавшая послѣ потери Галичины и

Польши, а, наоборотъ, снова возросшая послѣ кавказскихъ побѣдъ популярность Великаго Князя Николая Николаевича, повидимому, не давала покоя въ числѣ другихъ и Великому Князю Николаю Михайловичу. Не безызвѣстный свой двуличностью, онъ счелъ необходимымъ о ней, о возраставшей популярности Великаго Князя Николая Николаевича, писать Царю, предупреждая его объ опасности:

— Популярность эта вовсе не идетъ на пользу Престола или престижа Императорской фамиліи. — При возможности всякихъ смутъ послѣ войны, надо быть на чеку и наблюдать зорко за всѣми ходами для поддержанія сей популярности.

Со вступленіемъ въ войну Турціи, каковымъ фактомъ это государство само разрушило исповѣдывавшійся раньше на западѣ принципъ неприкосновенности ея владѣній, пожеланія державъ расширились и распространились на Египетъ, Малую Азію и раіонъ проливовъ.

Англія, обезпокоенная обороною Суэцкаго канала, черезъ который лежали кратчайшіе и удобнѣйшіе пути сообщенія съ ея собственными и французскими колоніями, 18-го ноября 1914-го года сообщила черезъ своего посла въ Петербургѣ русскому министру иностранныхъ дѣлъ о ея желаніи присоединить Египетъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, при создавшемся положеніи только такое присоединеніе можетъ обезпечить англійскіе интересы. С. Д. Сазонову ничего не оставалось, какъ выразить свое полное согласіе на это мѣропріятіе, такъ какъ лишь въ концѣ октября Э. Грэй увѣрилъ гр. Бенкендорфа, что, въ случаѣ пораженія Германіи, вопросъ о судьбѣ проливовъ и Константинополя, можетъ быть разрѣшенъ только согласно русскимъ пожеланіямъ.

Что касается Малой Азіи, то, для установленія основаній ея режима, въ январѣ 15-го года существовало предположеніе съѣхаться въ Парижѣ. — Главнымъ камнемъ преткновенія являлась Смирна, на которую претендовала Греція; но названный пунктъ интересовалъ и Францію, которая видѣла въ немъ важный узелъ французской желѣзнодорожной сѣти.

Наконецъ, проливы. — Основываясь на словахъ великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ, уже приведенныхъ выше и учитывая жертвенность, проявленную Россіей въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ концѣ февраля 1915-го года, послѣ предварительнаго обмѣна мнѣніями съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, высказалъ союзнымъ

правительствамъ, что цѣлью утвержденія въ проливахъ Россія ставитъ обезпеченіе себѣ выхода въ свободное море, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. — Однако, недавніе примѣры попранія актовъ, обязывавшихъ къ уваженію нейтралитета, а также мѣры, принимавшіяся Турціей за послѣдніе годы въ проливахъ съ громаднымъ ущербомъ для нашей торговли, являются доказательствомъ, что только прочное обоснованіе наше въ проливахъ сможетъ служить гарантіей того, что Россія будетъ въ состояніи отразить всякую попытку запереть ее въ Черномъ морѣ. — Никакихъ земельныхъ приращеній, ради увеличенія территоріи, Россія не ищетъ, и поэтому правительство озабочено опредѣленіемъ того минимума земель, присоединеніе коихъ необходимо для достиженія намѣченной выше цѣли.

При этомъ экономическіе интересы Румыніи, Болгаріи, Турціи въ ея новыхъ границахъ, а также интересы европейской торговли будутъ Россіей приняты во вниманіе.

На эту декларацію, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что если бы оказалось, что Россія захочетъ утвердиться не только на европейскомъ, но и на азіатскомъ берегу проливовъ, то должно ожидать, что это стремленіе вызоветъ нѣкоторый отпоръ среди державъ и европейскаго общественнаго мнѣнія. Нынѣшнія воззрѣнія на свободу морей, заявилъ Делькассэ, исключаютъ переходъ въ полное обладаніе одной державы, какого либо пролива, имѣющаго значеніе съ точки зрѣнія обще-международныхъ интересовъ. Въ видѣ примѣра онъ привелъ Гибралтарскій проливъ, въ раіонѣ котораго Танжеръ сохранилъ независимость отъ Англіи.

Для обсужденія спорныхъ вопросовъ, касающихся проливовъ, Делькассэ усиленно рекомендовалъ свиданіе трехъ министровъ, но Сазоновъ отвергъ эту мысль, ссылаясь на невозможность отлучиться изъ Петрограда даже на самое короткое время.

Тѣмъ временемъ меморандумомъ великобританскаго посла въ Петербургѣ отъ 12-го марта 1915-го года, Великобританское правительство выразило полное и окончательное согласіе на разрѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополя, согласно желаніямъ Россіи, съ нѣкоторыми ограничительными условіями, обезпечивающими свободу торговли, транзита и прохода черезъ проливы коммерческихъ судовъ.

Такое же согласіе было получено впослѣдствіи и отъ французскаго правительства, предписавшаго своему послу въ Петроградѣ М. Палеологу сдѣлать русскому министру въ письменной формѣ

заявленіе о Константинополѣ и проливахъ, идентичное съ тѣмъ, которое имъ получено было отъ великобританскаго посла.

Какъ будетъ изложено нѣсколько дальше, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ никогда не считалъ возможнымъ осуществленіе задачи по овладѣнію проливами вооруженною рукой. — Онъ поэтому считалъ необходимымъ довольствоваться однимъ дипломатическимъ заявленіемъ нашихъ союзниковъ объ ихъ согласіи на разрѣшеніе, въ случаѣ побѣдоноснаго окончанія войны, вопроса о проливахъ согласно нашего желанія. — Задача эта, какъ мы видѣли, была русскими дипломатами разрѣшена благополучно, но насколько правы были тѣ, кто говорилъ, что только добытое «кровью и желѣзомъ» можетъ считаться прочнымъ! Дѣлежъ шкуры не убитаго медвѣдя оказался занятіемъ болѣе чѣмъ празднымъ!

ГЛАВА VI-ая

НАЗНАЧЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА ПОСТЪ РУССКАГО ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

1. Два кандидата.

Императоръ Николай II-й былъ несомнѣнно человѣкомъ съ неустойчивой волей. Упорство въ немъ причудливо сочеталось съ полнымъ безволіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выносилъ надъ собою чужого вліянія, всегда его чувствовалъ, и склоненъ былъ часто безъ основаній поступать наперекоръ совѣтамъ лицъ, которымъ онъ почему либо не довѣрялъ.

Отсюда — его поспѣшное стремленіе поскорѣе удалить отъ себя всѣхъ министровъ своего отца, пользовавшихся извѣстнымъ авторитетомъ, и окружить себя въ большинствѣ случаевъ людьми угодливыми, податливыми, которые не утомляли бы его своими твердыми и опредѣленными докладами.

Присущее упорство, опиравшееся, быть можетъ, на мистическое чувство «непогрѣшимости Божьяго Помазанника», каковымъ себя полагалъ Императоръ Николай, приводило этого глубоко несчастнаго и лично симпатичнаго человѣка, подъ незамѣтнымъ воздѣйствіемъ чужой непреклонной воли, къ поступкамъ, иногда совершенно необъяснимымъ Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить результатъ извѣстнаго свиданія Русскаго Императора съ Германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ II въ Бьеркѣ 11-го іюля 1905-го года, во время котораго Императоръ Николай, будучи въ союзѣ съ Франціей, подписалъ отъ лица Россіи оборонительный договоръ съ Германіей, доставившій впослѣдствіи много хлопотъ русскому Министерству Иностранныхъ дѣлъ.

Въ сущности столь же нелогичнымъ актомъ, съ точки зрѣнія «самодержавнаго» принципа, которымъ до послѣднихъ дней сво-

его царствованія руководился Императоръ Николай, было также подписаніе имъ акта 17-го октября 1905-го года, устанавливавшаго начало перехода Россіи къ конституціонному строю. — Императоръ Николай самъ признавался, что этотъ актъ былъ имъ данъ въ припадкѣ «лихорадки», охватившей Дворъ, подъ вліяніемъ революціонныхъ событій въ Россіи 1905-го года. — Только искреннее убѣжденіе графа Витте, поддержанное Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, и твердое слово Д. Трепова, которому Царь безгранично вѣрилъ, рѣшили дѣло.

Но этихъ насилій надъ собою Императоръ Николай никогда не прощалъ. — Всю свою остальную жизнь онъ таилъ недоброжелательное и недовѣрчивое чувство къ своему «либеральному» дядѣ. Лишился вскорѣ вліянія и гр. Витте, не миновать бы немилости, вѣроятно, также и Д. Трепову, если бы послѣдній весьма скоро, послѣ своего поступка, не скончался отъ сердечнаго припадка.

Чувство недовѣрія и нѣкоторой зависти къ растущей популярности Великаго Князя Николая Николаевича, особенно укрѣпилось подъ вліяніемъ Императрицы Александры Феодоровны и дворцовыхъ настроеній, ее окружавшихъ.

Въ сущности, извѣстно только одно лицо, сумѣвшее вполнѣ овладѣть личностью послѣдняго русскаго Монарха. — Это была его жена Императрица Александра Федоровна, «Аликсъ», какъ звалъ ее Императоръ Николай и неофиціально вся царская семья. — Эта полубольная женщина постепенно завладѣла умомъ, сердцемъ, всѣми поступками и мыслями своего мужа, который передъ ея волей стушевался окончательно. — Впитавъ въ себя преклоненіе передъ самодержавіемъ и вѣру въ какую то неземную связь Русскаго Царя съ его народомъ, она приблизила къ своей царственной семьѣ Распутина, простого сибирскаго мужика, который вслѣдствіе своего крайняго невѣжества и аморальности, явился проводникомъ къ царскому престолу, самыхъ темныхъ вліяній, сгубившихъ въ концѣ концовъ Россію. Внимая его совѣтамъ Императрица направила всѣ свои силы и болѣзненно-твердую волю на поддержаніе въ ея мужѣ рѣшимости бороться до конца противъ тѣхъ политическихъ уступокъ, которыя властно подсказывались жизнью и возросшимъ сознаніемъ русскаго народа.

Императоръ Николай II-й, кромѣ отмѣченныхъ выше чертъ, отличался еще необыкновенно тонко развитымъ чувствомъ самолюбія и ревности въ отношеніи къ собственному престижу.

— Какъ будто въ Россіи политику дѣлаетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ онъ однажды, съ нѣкоторымъ раздраженi-

емъ и мелкою обидою въ голосѣ, по поводу одного изъ шаговъ, приписанныхъ въ Ставкѣ Сазонову!

Это повышенное самолюбіе заставляло министровъ быть особо осторожными въ своихъ докладахъ по вопросамъ, которые могли бы затронуть личность Императора. Такъ по крайней мѣрѣ могу я себѣ объяснить причину, по которой до самой войны 1914-го года оставался невыясненнымъ въ окончательной формѣ вопросъ о Верховномъ Главнокомандованіи Русскими Дѣйствующими арміями, на случай вооруженнаго столкновенія съ западными державами. — Въ спискѣ лицъ, назначаемыхъ при мобилизаціи на высшія отвѣтственныя должности, въ графѣ противъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, оставалось бѣлое мѣсто.

Въ началѣ 1911-го года, какъ я уже говорилъ въ предыдущей главѣ, въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба возникло предположеніе объ организаціи въ Петербургѣ военной игры, съ приглашеніемъ на нее, въ качествѣ участниковъ, всѣхъ высшихъ чиновъ арміи, которымъ во время войны предстояло занять наиболѣе отвѣтственные посты въ арміи. Имѣлось въ виду, въ теченіе игры, ознакомить этихъ лицъ съ наиболѣе вѣроятной обстановкой, въ ея цѣломъ, совмѣстно обсудить рѣшенія, которыя могли бы быть въ этой обстановкѣ приняты, и получить матеріалъ для сужденія о подготовкѣ приглашенныхъ къ участію въ военной игрѣ лицъ къ ихъ предназначеніямъ на случай войны. Попутно предполагалось также, что Государь, наконецъ, выскажется о томъ, приметъ ли онъ самъ на себя предводительствованіе войсками въ случаѣ войны, или довѣритъ обязанность Главнокомандующаго кому либо изъ высшихъ чиновъ арміи.

По должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Великій Князь Николай Николаевичъ долженъ былъ при мобилизаціи занять должность Главнокомандующаго арміей, остававшейся, по плану стратегическаго развертыванія въ началѣ войны, въ раіонѣ Петербурга и Финляндіи. Такъ какъ военная игра намѣчалась въ раіонѣ Привислинскаго края, то, въ сущности, Великій Князь первое время долженъ былъ остаться простымъ зрителемъ этой игры. Поэтому онъ свободно могъ расчитывать получить приглашеніе Государя взять на себя обязанность старшаго посредника, что и могло служить хотя бы и косвеннымъ намекомъ на вѣроятность назначенія его, въ случаѣ войны, на должность Верховнаго.

Но этого не случилось. — Царь оставилъ за собой роль высшаго посредника, отъ его имени должны были исходить и директи-

вы командующимъ арміями русской стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пригласилъ себѣ въ помощь Военнаго Министра генералъ-адъютанта Сухомлинова. Хотя военная игра на этотъ разъ не состоялась, тѣмъ не менѣе описанное обстоятельство указывало какъ бы на то, что Верховное командованіе арміями Государь оставляетъ за собою и что онъ склоненъ видѣть своимъ замѣстителемъ не Великаго Князя, а генерала Сухомлинова.

Читатель уже знаетъ, что по поводу отмѣны военной игры, выяснившейся лишь за часъ до ея начала, ходило много сплетенъ и слуховъ. Игра была назначена въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ для нея былъ отведенъ рядъ залъ, въ нихъ разставлены были столы и развѣшаны на стѣнахъ карты. Все имѣло торжественный и крайне внушительный видъ, отвѣчавшій серьезности предстоявшихъ занятій. Въ отведенное помѣщеніе уже прибыли Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Гернгроссъ, я, по должности Генералъ-Квартирмейстера, и чины моего управленія, разрабатывавшіе вмѣстѣ со мною заданія и планъ игры. И вдругъ — отмѣна!...

О причинахъ таковой можно только догадываться. Похоже на то, что, пользуясь недружелюбными отношеніями, существовавшими между Великимъ Княземъ и Военнымъ Министромъ, прибывшіе съ разныхъ концовъ Россіи военные начальники, въ числѣ которыхъ находились лица, чувствовавшія непрочность своего служебнаго положенія и потому желавшія избѣжать предстоявшаго ихъ испытанія въ присутствіи Государя, выставили намѣченную игру, какъ подрывающую ихъ авторитетъ на мѣстахъ. Ходатаемъ за нихъ явился Великій Князь, которому и удалось настоять на отмѣнѣ.

Такимъ образомъ и эта игра также не выяснила вопроса о томъ, кому будетъ ввѣрена отвѣтственность Верховнаго Главнокомандующаго, въ случаѣ войны на западѣ. Императоръ Николай II велъ себя такъ, какъ будто предводительствованіе войсками онъ сохраняетъ за собой.

Въ согласіи съ этимъ предположеніемъ былъ составленъ и самый проектъ Положенія о полевомъ управленіи войскъ, хотя и разработанный заблаговременно, но утвержденный лишь въ періодъ уже начавшихся дипломатическихъ осложненій. Въ немъ у Государя, по званію Верховнаго Главнокомандующаго, предусматривались два помощника: одинъ — по оперативной части — Начальникъ Штаба и другой — по административно-хозяйственной дѣятельности — Военный Министръ, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Совѣта Министровъ. Этой схемой наиболѣе тѣсно и просто достигалось объединеніе власти на фронтѣ и въ тылу.

Съ объявленіемъ Германіей Россіи войны, насталъ, наконецъ, моментъ рѣшить вопросъ окончательно. По всѣмъ признакамъ Государь былъ склоненъ оставить обязанности Верховнаго Главнокомандующаго за собой, и въ этомъ намѣреніи его поддерживала Императрица Александра Федоровна, опасавшаяся ущерба личному престижу ея супруга. Внутренне сознавая однако свою неподготовленность къ этимъ обязанностямъ, Императоръ Николай II рѣшилъ искать поддержки въ своемъ намѣреніи у Совѣта Министровъ, собранномъ имъ въ Петергофѣ въ одинъ изъ первыхъ же дней возникшей войны. На этомъ совѣтѣ, только одинъ Военный Министръ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ, умѣвшій читать тайныя желанія «своего Государя», какъ называлъ онъ Императора Николая II-го, высказалъ, что армія будетъ счастлива видѣть во главѣ своего Верховнаго Вождя. Всѣ остальные министры, во главѣ съ И. Л. Горемыкинымъ, открыто высказали свои сомнѣнія въ возможности оставленія Государемъ страны и столицы въ столь трудныя для жизни Россіи времена.

Государю пришлось уступить, и русская армія съ нетерпѣніемъ ожидала услышать имя того, кому будетъ ввѣрено защитить честь и достоинство ея Родины.

Читатель уже знаетъ, что такихъ кандидатовъ явилось два: Великій Князь Николай Николаевичъ, занимавшій въ мирное время должность Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, и Военный Министръ генералъ-адъютантъ Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ.

Перваго нѣмымъ молчаніемъ выдвигала армія, второго — кругъ лицъ, враждебно настроенныхъ къ Великому Князю.

Выборъ Царя въ конечномъ счетѣ остановился на первомъ лицѣ. Высочайшимъ Указомъ 2-го августа 1914-го года было объявлено о назначеніи на постъ Верховнаго Главнокомандующаго Русскими арміями Великаго Князя Николая Николаевича.

Вполнѣ очевидно, что такое запоздалое выясненіе вопроса о лицѣ назначенномъ руководить боевыми операціями всѣхъ русскихъ армій, являлось въ дѣлѣ веденія войны факторомъ мало благопріятнымъ. Необходимо замѣтить, что планъ войны, а слѣдовательно и планъ первоначальнаго стратегическаго развертыванія вооруженныхъ силъ на угрожаемыхъ границахъ государства является въ нѣкоторомъ смыслѣ замысломъ субъективнымъ, во многомъ зависящимъ отъ личныхъ качествъ и взглядовъ составителя. Весьма выгодно поэтому имѣть исполнителемъ плана его составителя. Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать значеніе этой субъективности, иначе при-

Великій Князь у своего вагона.

Домъ Управленія Генералъ-Квартирмейстера при Верховномъ Главнокомандующемъ.

шлось бы признать недопустимой, или во всякомъ случаѣ, весьма болѣзненной всякую смѣну главнокомандованія во время войны. Необходимо помнить, что вліяніе всякаго составителя плана, въ особенности въ наше время, когда большая часть войнъ будетъ имѣть коалиціонный характеръ, значительно ограничивается политическими договорами, начертаніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, численностью и мобилизаціонной готовностью, существующей «психикой» въ странѣ и военной доктриной въ арміи, количествомъ и характеромъ матеріальнаго снабженія и еще цѣлымъ рядомъ другихъ привходящихъ обстоятельствъ. Но неправильно было бы и преуменьшать значеніе во всѣхъ подготовительныхъ къ войнѣ работахъ доминирующей надъ ними «мысли» автора этихъ работъ. Съ этой точки зрѣнія всего нормальнѣе конечно такое положеніе, при которомъ будущій верховный руководитель операціями (генералиссимусъ), являлся бы также одновременно и душою всей подготовки государства къ войнѣ. Въ болѣе или менѣе полной формѣ эта мысль въ минувшую войну была осуществлена во Франціи (ген. Жоффръ); въ начальный же періодъ войны въ Германіи (ген. фонъ Мольтке) и отчасти въ Австро-Венгріи (ген. Конрадъ фонъ Гетцендорфъ). Въ этихъ государствахъ Начальники Генеральныхъ Штабовъ, работая въ мирное время непосредственно и много лѣтъ подрядъ надъ военными планами, въ то же время преемственно являлись отвѣтственными исполнителями этихъ плановъ и съ началомъ войны.

Въ Россіи вопросъ стоялъ иначе. Начальники Генеральнаго Штаба мѣнялись «какъ перчатки»*) и въ большинствѣ случаевъ избирались изъ генераловъ, далеко не всегда считаясь съ ихъ дѣйствительными способностями и служебною подготовкою. Бывали просто курьезныя назначенія (напримѣръ, при генералѣ Сухомлиновѣ), которыя не могли быть иначе объяснены, какъ личными симпатіями Императора и опасеніемъ Военнаго Министра держать около себя на видномъ мѣстѣ опасныхъ соперниковъ. Дѣйствительныхъ работниковъ, при такихъ условіяхъ, по части организаціи, мобилизаціи, стратегіи и желѣзнодорожныхъ вопросовъ, приходилось искать въ третьихъ и даже болѣе отдаленныхъ рядахъ военно-іерархической лѣстницы.

При такихъ условіяхъ было бы конечно особенно важно, чтобы лицо, назначаемое со стороны на высокій постъ Верховнаго Главнокомандующаго во время войны, являлось хотя бы знакомымъ съ вопросами подготовки къ войнѣ и съ предстоящими войскамъ первона-

*) Съ 1905-го по 1914-й годъ эту должность послѣдовательно занимало шесть лицъ.

чальными задачами. Единственнымъ однако лицомъ, черезъ котораго проходили къ Царю всѣ оперативные доклады и который, по своему положенію, могъ расчитывать на полученіе высокаго и отвѣтственнаго поста Верховнаго Главнокомандующаго, являлся, въ русскихъ условіяхъ, Военный Министръ генералъ Сухомлиновъ. Не потому ли между прочимъ и выдвигалась его кандидатура на этотъ постъ? Большой, однако, вопросъ, выиграла ли бы отъ этого Россія!

Итакъ Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ на постъ Верховнаго Главнокомандующаго не только тогда, когда всѣ подготовительныя къ войнѣ работы были закончены, но даже тогда, когда онѣ стали приводиться уже въ исполненіе. Оффиціально онъ никогда не числился лицомъ, которому предполагалось ввѣрить во время войны на западѣ главнокомандованіе всѣми дѣйствующими арміями, ибо прерогатива эта сохранялась Императоромъ Николаемъ II за собою. И хотя Великій Князь въ мирное время носилъ титулъ Главнокомандующаго столичнымъ военнымъ округомъ, но власть его, подобно остальнымъ командующимъ войсками въ военныхъ округахъ, ограничивалась лишь предѣлами одного этого округа. Званіе же «Главнокомандующаго» войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа являлось не болѣе какъ почетнымъ, не предрѣшавшимъ того назначенія, которое могло быть ему ввѣрено въ дѣйствительности въ военное время.

При всемъ томъ было бы несправедливо сказать, что Великій Князь былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ онъ былъ не въ состояніи ознакомиться самымъ подробнымъ образомъ съ планомъ войны и проектомъ первоначальнаго стратегическаго развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ. Читатель уже знаетъ, что много лѣтъ тому назадъ, будучи Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи, Великій Князь былъ офиціально извѣщенъ тогдашнимъ Военнымъ Министромъ генераломъ Куропаткинымъ о предназначеніи его, на случай войны на западѣ, Главнокомандующимъ Сѣверо - Западнымъ фронтомъ, развертывавшимся противъ Германіи. По его избранію Начальникомъ Штаба этого фронта былъ предназначенъ генералъ Палицынъ, занимавшій въ теченіе трехъ лѣтъ постъ Начальника Русскаго Генеральнаго Штаба. Оба эти лица были спаяны тѣсными узами общей работы; къ заявленіямъ и требованіямъ ихъ въ Военномъ Министерствѣ внимательно прислушивались и предположеніе, что они могли быть незнакомы съ общими соображеніями на случай войны и лишены возможности влiять на ихъ характеръ совершенно невѣроятно. Въ дѣлахъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба имѣлось не мало записокъ Великаго Князя Николая Николаевича

по различнымъ организаціоннымъ и оперативнымъ вопросамъ, относящимися къ періоду времени съ 1892 по 1909 годъ.

На всемъ изложенномъ приходится останавливаться очень подробно потому, что автору этихъ строкъ приходилось встрѣчаться съ мнѣніями о томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ оказался Великій Князь при своемъ внезапномъ назначеніи на постъ Верховнаго. Лучшимъ же подтвержденіемъ справедливости моихъ словъ о знакомствѣ Великаго Князя съ существовавшими предположеніями служитъ то обстоятельство, что, будучи назначенъ на постъ главнаго руководителя боевыми операціями русскихъ войскъ, Великій Князь Николай Николаевичъ оказался настолько въ курсѣ дѣла, что, въ добавленіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми онъ обладалъ, ему потребовалось представленіе лишь нѣсколькихъ детальныхъ докладовъ.

Остается утвержденіе, что въ этихъ планахъ не могли проявиться въ полной мѣрѣ индивидуальныя черты его характера и натуры. Противъ этого утвержденія спорить конечно невозможно. Можно только отвести этотъ аргументъ соображеніемъ, что такова была органическая неправильность въ устройствѣ русскаго Военнаго Министерства вообще, черезъ которую должно было перейти всякое лицо, назначенное на должность Верховнаго (за исключеніемъ Императора и генерала Сухомлинова). Однако, мною было уже отмѣчено, что въ современныхъ условіяхъ и при массовыхъ арміяхъ, значеніе личности Главнокомандующаго въ большей мѣрѣ ограничено. Можно еще отмѣтить, что наступательный планъ войны, положенный въ основу нашего стратегическаго развертыванія, вполнѣ отвѣчалъ характеру лица, назначеннаго Верховнымъ Главнокомандующимъ. Наступленіе въ Восточную Пруссію съ силами, которыя способны были бы приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на Восточно-Прусской границѣ*), требовалось нашей конвенціей съ Франціей, причемъ тотъ, кто зналъ Великаго Князя и помыслить бы не могъ о возможности измѣненія имъ даннаго Россіей слова; наконецъ, вторженіе въ предѣлы Австро-Венгріи диктовалось не только стремленіемъ пріобрѣсти себѣ извѣстную безопасность и свободу дѣйствій противъ Германіи, но и задачей поднять противъ Австріи входившихъ въ составъ этой Монархіи славянъ. Къ сожалѣнію, наши силы противъ Австро-Венгріи не представилось возможнымъ при первоначальномъ развертываніи увеличить количественно, въ виду настойчиваго, достаточно обоснованнаго позиціей Швеціи требованія

*) Такъ формулировалъ свои пожеланія Начальникъ франц. Ген. Штаба, Генералъ Дюбайль, въ августѣ 1912-го года.

о временномъ оставленіи въ раіонѣ Петрограда 6-й арміи въ составѣ трехъ корпусовъ, а также вслѣдствіе значительнаго запаздыванія въ прибытіи на границу войскъ отдаленныхъ округовъ (изъ Сибири, Туркестана и Закавказья).

Будучи однимъ изъ самыхъ приближенныхъ сотрудниковъ русскаго Верховнаго Главнокомандующаго въ 1914-15 г. г. по стратегическимъ вопросамъ, я никогда не слышалъ отъ Великаго Князя несогласія съ основами первоначальнаго стратегическаго развертыванія.

Въ послѣ-военной литературѣ приходилось нерѣдко слышать упрекъ въ томъ, что Россія начала войну «распыленными» силами, причемъ критики не могутъ только сойтись въ томъ, противъ котораго изъ двухъ противниковъ — Германіи или Австро-Венгріи — необходимо было направить ударъ, ограничившись заслономъ къ сторонѣ другого. Уже одни споры о направленіи удара свидѣтельствуютъ о сложности вопроса. Но къ объясненіямъ спорящихъ я позволю себѣ добавить лишь то соображеніе, что сосредоточенію всѣхъ силъ противъ Австро-Венгріи препятствовали наши договорныя отношенія съ Франціей о скорѣйшемъ наступленіи въ Восточную Пруссію и опасенія за безопасность собственной столицы, въ которой находилась почти вся наша военная промышленность. Сосредоточеніемъ же всѣхъ русскихъ силъ противъ Германіи, съ выставленіемъ заслона противъ Австро-Венгріи, мы рисковали получить въ спину ударъ всей австро-венгерской арміи, представлявшей въ началѣ войны весьма значительную наступательную силу. Къ тому же русскія наступательныя арміи, направленныя въ сторону Германіи, были бы нацѣлены не на войска непріятеля, а въ пространство ими не занятое, и потому ударъ ихъ получился бы въ пустую. Арміи, правильно использованныя, не могутъ имѣть предметомъ своихъ дѣйствій незанятую войсками территорію, какъ равно онѣ не могутъ безнаказанно оставлять безъ вниманія непріятеля, висящаго у нихъ на флангѣ или угрожающаго ихъ тылу.

2. Мои довоенныя отношенія къ Великому Князю.

До назначенія своего на постъ Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба я мало зналъ Великаго Князя, имѣя возможность наблюдать его только издали. Отбывая цензъ батальоннаго командира въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, я представлялъ ему свой батальонъ. Смотръ прошелъ благополучно и я получилъ благо-

дарность за видъ людей, стройность ихъ движеній и умѣло проведенное ученіе. Помню еще одинъ или два раза мнѣ приходилось командовать стороною на тактическомъ ученіи. Въ концѣ — внушительный разборъ, короткое «спасибо» солдатамъ и быстрый отъѣздъ отъ войскъ верхомъ на крупномъ породистомъ скакунѣ. За нимъ, поспѣвая лишь вскачь, летѣла вдогонку небольшая свита. Статная, сравнительно молодая фигура «Главнокомандующаго», его тонкія породистыя черты лица, отчетливая, отчеканивающая каждое слово рѣчь, наконецъ, общая увѣренность въ себѣ, — производила сильное впечатлѣніе.

Видѣлъ я его и въ гнѣвѣ на одномъ неудачномъ кавалерійскомъ маневрѣ, сильно разносившаго стараго тучнаго генерала, за его приверженность «къ конскимъ тѣламъ и тихимъ аллюрамъ». — Справедливо, хотя и нѣсколько жестко, — подумалъ я, проникаясь уваженіемъ къ его знаніямъ и разумности его требованій.

Самому мнѣ въ этотъ періодъ времени пришлось дѣлать лишь однажды докладъ Великому Князю. Это было въ годъ, когда Великій Князь только что вступилъ въ исправленіе должности предсѣдателя вновь учрежденнаго Совѣта Государственной Обороны, я же былъ начальникомъ оперативнаго отдѣленія Генеральнаго Штаба. Докладъ касался будущихъ взаимоотношеній Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба ко вновь образованному Совѣту, впервые сформированному въ Россіи. Докладъ прошелъ гладко и, насколько помню, не вызвалъ никакихъ возраженій.

Вскорѣ я уѣхалъ въ г. Кіевъ, гдѣ вступилъ въ командованіе полкомъ; оттуда я вернулся въ Петербургъ лишь черезъ два года, будучи вновь приглашенъ на службу въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

— А мы думали васъ вскорѣ видѣть у себя въ Петербургскомъ округѣ въ роли командира гвардейскаго полка, — сказалъ мнѣ, при первой встрѣчѣ, Начальникъ Штаба округа генералъ баронъ Бринкенъ.

Въ это время Великій Князь подбиралъ къ себѣ въ округъ командирами гвардейскихъ полковъ кандидатовъ изъ арміи, и я впервые узналъ, что удостоился занесенія въ соотвѣтствующій кандидатскій списокъ.

Со времени назначенія моего Генералъ-Квартирмейстеромъ Генеральнаго Штаба (1909 г.) мнѣ приходилось видѣть и бесѣдовать съ Великимъ Княземъ чаще и въ болѣе интимной обстановкѣ. Нѣсколько разъ я былъ приглашаемъ къ участію въ поѣздкахъ въ Кронштадтъ и на побережье, для осмотра крѣпости и ближайшихъ

морскихъ подступовъ къ столицѣ. Безопасность Петербурга сильно заботила Великаго Князя и онъ очень упорно настаивалъ на возможно далекомъ вынесеніи морскихъ батарей названной крѣпости впередъ и на скорѣйшемъ освобожденіи ядра Кронштадта отъ ряда опасныхъ складовъ. Идея была, конечно, вполнѣ правильной, но она требовала огромныхъ денежныхъ средствъ.

Мое положеніе было чрезвычайно труднымъ, такъ какъ съ одной стороны требованія начальства Петербургскаго военнаго округа были весьма справедливы, а съ другой — мнѣ приходилось, въ виду ограниченнаго отпуска денежныхъ средствъ, противополагать этимъ нуждамъ еще болѣе вопіющія нужды западныхъ округовъ, которые являлись болѣе угрожаемыми со стороны возможныхъ противниковъ. Мнѣ однако чрезвычайно пріятно констатировать, что въ большинствѣ случаевъ мои доводы оказывались для Великаго Князя достаточно убѣдительными. Лишь однажды, по вопросу о возведеніи въ Финскомъ заливѣ приморскихъ батарей на искусственно подготовленныхъ основаніяхъ, Великій Князь не согласился съ приведенными ему мною доводами и, прервавъ бесѣду, твердо заявилъ о своемъ намѣреніи довести проектъ округа до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

— Не огорчайтесь, — сказалъ мнѣ его помощникъ, генералъ Газенкампфъ. — Великій Князь внутренне оцѣнилъ ваше прямое и откровенное слово.

Черезъ нѣсколько дней разсмотрѣніе даннаго проекта состоялось у П. А. Столыпина, въ его кабинетѣ на Фонтанкѣ, причемъ мнѣ было крайне лестно констатировать, что требованія Великаго Князя, имъ лично изложенныя, оказались уже значительно болѣе смягченными: на самомъ же засѣданіи Великій Князь лично заявилъ, что, по соображеніямъ общаго порядка и во вниманіе къ нуждамъ другихъ крѣпостей, онъ не настаиваетъ на немедленномъ осуществленіи своего проекта, который можетъ быть подвергнутъ дальнѣйшему изученію, въ цѣляхъ возможнаго сокращенія расходовъ. Впослѣдствіи проектъ этотъ былъ замѣненъ болѣе полно рѣшавшимъ вопросъ устройствомъ морской укрѣпленной базы въ Ревелѣ (съ приморскими батареями на о. Паркалаудъ) и общимъ усиленіемъ флота Балтійскаго моря.

Случай этотъ мнѣ ясно доказалъ, что будущій Верховный Главнокомандующій умѣлъ выслушивать и оцѣнивать серьезную обоснованность возраженія.

Великій Князь сталъ во главѣ Дѣйствующихъ Армій и Флота, когда Штабъ Верховнаго былъ уже сформированъ и открылъ свою дѣятельность, начавшуюся съ момента объявленія войны. Въ первые дни по своемъ назначеніи онъ проживалъ въ своемъ имѣніи «Беззаботномъ», находившемся недалеко отъ Петергофа, лѣтней резиденціи Государя, и никого не принимая. Не желая стѣснять Верховнаго Главнокомандующаго въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ, въ особенности по стратегической части, я тогда же просилъ Начальника Штаба доложить Великому Князю мою просьбу располагать по своему усмотрѣнію должностью Генералъ-Квартирмейстера при Верховномъ, на которую я перешелъ, по заранѣе утвержденному на случай мобилизаціи росписанію. Моему примѣру послѣдовали и нѣкоторые мои сотрудники. Всѣ мы получили на слѣдующій же день просьбу Великаго Князя оставаться на своихъ мѣстахъ, что и дало намъ право въ будущемъ расчитывать на полное довѣріе со стороны Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ вообще мало-объективныхъ «Воспоминаніяхъ» бывшаго русскаго Военнаго Министра В. А. Сухомлинова есть упоминаніе о томъ, что составъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ оставленъ, по настоянію Государя, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ подготовленъ на случай командованія Дѣйствующей Арміей самимъ Императоромъ. Не имѣю данныхъ спорить противъ этого, но лучшимъ доказательствомъ того довѣрія, которое мы заслужили въ глазахъ Великаго Князя заключается въ томъ, что первоначальный составъ чиновъ управленія Генералъ-Квартирмейстера, а можетъ быть даже и всего Штаба, оставался въ одномъ и томъ же видѣ до самаго ухода Великаго Князя Николая Николаевича изъ Ставки въ 1915-мъ году, несмотря на весьма легкую возможность внесенія въ него перемѣнъ, вслѣдствіе вообще быстраго продвиженія личнаго состава арміи въ условіяхъ военнаго времени.

— За всю мою службу, — сказалъ съ большимъ подъемомъ и нескрываемымъ волненіемъ Великій Князь чинамъ своего штаба, при разставаніи съ ними въ Могилевѣ 8-го сентября 1915-го года, — за мной утвердилось мнѣніе о моей требовательности и строгости. Вы со мной прослужили въ очень трудныхъ и сложныхъ условіяхъ цѣлый годъ и никому изъ васъ не пришлось услышать отъ меня упрека или замѣчанія. Не лучшее ли это доказательство безукоризненнаго исполненія вами вашихъ обязанностей!..

3. Ставка и ея жизнь.

Западно-пограничное пространство Россіи, въ ея прежнихъ границахъ, дѣлилось системою р. Припяти и ея притоковъ на двѣ части: большую — сѣверную и меньшую — южную. Названная рѣчная система представляетъ въ общемъ болотистую, лѣсистую и мало населенную мѣстность, именуемую Полѣсьемъ, которая, по существовавшимъ до войны свѣдѣніямъ, являлась мало доступной для дѣйствія крупныхъ силъ. Обслѣдованіе произведенное передъ самой войной офицерами Генеральнаго Штаба до нѣкоторой степени разрушило это представленіе, но все же за Полѣсьемъ сохранилось значеніе разъединяющаго пространства.

Мѣстность къ югу отъ Полѣсья, или Украйна, являлась житницей Россіи, но она граничила съ Австро-Венгріей и Румыніей и потому являлась, при войнѣ съ Союзомъ Центральныхъ Державъ, театромъ военныхъ дѣйствій второстепеннымъ. Напротивъ къ сѣверу отъ Полѣсья пролегали пути, которые кратчайшимъ образомъ вели къ обѣимъ столицамъ Россіи — Петербургу и Москвѣ, и къ наиболѣе промышленнымъ раіонамъ, питавшимъ войну. Здѣсь же могли ожидаться и первыя встрѣчи съ германцами. Вслѣдствіе этого главная масса русскихъ войскъ естественно должна была базироваться къ сѣверу отъ Полѣсья, а значитъ и Главная Квартира или «Ставка Верховнаго Главнокомандующаго» должна была бы находиться тамъ же.

Мѣстомъ расположенія ея было избрано м. Барановичи, гдѣ сходились важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи западно-пограничнаго пространства; послѣднія соединяли «Ставку» съ фронтомъ, флангами и тыломъ. На окраинѣ этого мѣстечка были расположены войсковыя казармы, въ которыхъ въ мирное время стояла желѣзнодорожная бригада. Эти-то казармы, которыя послѣ мобилизаціи остались пустыми, и намѣчено было занять подъ различныя управленія Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Казармы были выстроены среди прекраснаго сосноваго лѣса, что еще болѣе привлекало къ нимъ вниманіе, при чемъ отъ желѣзнодорожной станціи къ нимъ была проложена особая желѣзнодорожная вѣтка. Первоначально предполагалось, что Верховный Главнокомандующій займетъ освободившійся домъ командира желѣзнодорожной бригады, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ казармъ, но въ первые же часы по прибытіи къ мѣсту поѣзда Главнокомандующаго выяснились неудобства такого размѣщенія, при которомъ управленію генералъ-квартирмейстера, вѣдающему

всѣми оперативными работами, пришлось бы расположиться въ казармахъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ Верховнаго.

Вслѣдствіе этого, Великій Князь Николай Николаевичъ, его братъ, Петръ Николаевичъ, находившіяся при немъ лица личной свиты, военные представители союзныхъ иностранныхъ державъ, начальникъ штаба, генералъ-квартирмейстеръ и офицеры оперативнаго дѣлопроизводства остались жить въ вагонахъ того поѣзда, въ которомъ прибыли изъ Петербурга въ Барановичи; въ домѣ же начальника желѣзнодорожной бригады — помѣстилось управленіе генералъ-квартирмейстера и оперативный телеграфъ. Остальныя части штаба размѣстились вполнѣ свободно и удобно въ близлежавшихъ казармахъ.

Въ такомъ почти видѣ Ставка прожила свыше года, до конца августа 1915-го года, когда, по военнымъ обстоятельствамъ, ее пришлось отнести назадъ, въ г. Могилевъ. Были допущены въ расположеніи лишь нѣкоторыя детальныя улучшенія. — Разведенъ скромный цвѣтникъ, устроены деревянные тротуары и навѣсъ надъ поѣздомъ, а близъ него, на лѣто, раскинулся просторный шатеръ, избавлявшій насъ отъ необыкновенной духоты вагона-столовой.

Великій Князь Верховный Главнокомандующій съ своимъ братомъ, проживавшіе въ поѣздѣ № 1 (поѣздъ Верховнаго Главнокомандующаго) и постоянно довольствовавшіеся въ столовой того же поѣзда, помѣстились въ низкомъ полутемномъ малоуютномъ старомъ салонъ-вагонѣ, съ которымъ у Великаго Князя связывались какія то воспоминанія. Только къ зимѣ, когда стало морозно, его удалось уговорить перемѣнить вагонъ на болѣе комфортабельный, въ которомъ легче дышалось и было теплѣе. — Начальникъ штаба имѣлъ свой вагонъ, въ которомъ помѣщался и я, какъ генералъ-квартирмейстеръ. — Всѣ остальные были размѣщены по одному или по два въ купэ. — Было тѣсно для жизни, но удобно для работы, такъ какъ всѣ находились вмѣстѣ.

Въ установленное время всѣ собирались въ вагонѣ-столовой, для общаго завтрака и обѣда, который подавали съ приходомъ Великаго Князя. Будучи очень высокаго роста, онъ, при входѣ въ вагонъ, всегда рисковалъ ушибить голову о верхнюю перекладину двери, почему, для напоминанія ему о необходимости пригнуться, къ дверямъ, сверху, прикрѣплена была узоромъ вырѣзанная бумажная бахрома. Замѣтная издали, она предупреждала Великаго Князя о предстоящей опасности.

Обыкновенный вагонъ-столовая стеклянной перегородкой раз-

дѣлялся на двѣ неравныя половины. Въ меньшемъ отдѣленіи помѣщалось только четыре столика, по два съ каждой стороны, а въ заднемъ отдѣленіи было шесть или восемь столиковъ. — У каждаго изъ чиновъ поѣзда № 1 было свое постоянное мѣсто, кромѣ того нѣсколько свободныхъ мѣстъ сохранялось для поочередно приглашаемыхъ изъ состава чиновъ штаба, не проживавшихъ въ этомъ поѣздѣ, или почетныхъ гостей, которые размѣщались по указаніямъ генерала Крупенскаго, въ зависимости отъ ранга и положенія. Рядомъ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ мѣсто занималось лишь по особому приглашенію его самого.

Всѣ постоянно довольствовавшіеся въ поѣздѣ Верховнаго чины штаба считались гостями Великаго Князя; въ свою очередь они, отвѣчая на гостепріимство Николая Николаевича, добровольно вносили особыя пожертвованія въ кассу лазарета, во главѣ котораго въ Кіевѣ стояла супруга Верховнаго Великая Княгиня Анастасія Николаевна.

Постоянныя мѣста въ переднемъ отдѣленіи вагона-столовой распредѣлялись между слѣдующими лицами:

1) Верховный Главнокомандующій.

3) Начальникъ штаба генералъ Янушкевичъ.

4) Протопресвитеръ Воен. и Морск. вѣдомства.

6) Великій Князь Петръ Николаевичъ.

7) Французскій военный представитель генералъ маркизъ де Лагишъ.

8) Англійскій военный представитель генералъ Вильямсъ.

9) Генералъ-квартирмейстеръ при Верховномъ Главнокомандующемъ генералъ Даниловъ.

10) Бельгійскій военный представитель генералъ баронъ Риккель.

11) Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

Свободныя мѣста.

Блюда съ ѣдой подавались чисто и просто одѣтыми, въ бѣлыя полотняныя рубашки-гимнастерки, солдатами, исполнявшими обязанности прислуги офицерскаго собранія. — Въ первый періодъ войны передъ завтракомъ и обѣдомъ всѣ присутствовавшіе обносились рюмкой водки, затѣмъ, когда ея запасы изсякли — подавалось только красное и легкое бѣлое вино обыкновеннаго столоваго достоинства. Кормили просто, но сытно, безъ всякихъ излишествъ. За столомъ не засиживались, хотя послѣ ѣды курили. — Великій Князь дымилъ сначала папиросой, вставлявшейся въ особую пень-

ковую трубку, которую безопасно можно было ставить на столъ (модель его брата Петра Николаевича), потомъ закуривалъ сигару, второй экземпляръ которой пересылалъ на тарелкѣ мнѣ, зная мое къ нимъ пристрастіе. Сигары у него были прекрасныя и крайне разпообразныхъ марокъ. — Его забавляло искать соотвѣтствія между достоинствомъ предлагаемой мнѣ сигары и положеніемъ на фронтѣ. Вслѣдствіе этого мои сосѣди могли узнавать по маркѣ сигары объ общемъ характерѣ того доклада, который я дѣлалъ Верховному до завтрака, и который, въ видѣ общей сводки свѣдѣній за ночь, выходилъ только ко времени окончанія завтрака. Никакихъ дѣловыхъ разговоровъ за ѣдой не полагалось.

Я настойчиво просилъ Великаго Князя не пріучать меня къ дорогимъ сигарамъ, но потомъ замѣтилъ, что мои просьбы его искренно огорчали. Пришлось подчиниться своей судьбѣ, стоившей мнѣ впослѣдствіи не малыхъ усилій, чтобы разстаться съ невольно пріобрѣтенной привычкой.

Описанный вагонъ-столовая накрѣпко связанъ у меня въ воспоминаніяхъ съ чрезвычайно яркимъ фактомъ проявленія необыкновеннаго благородства Великаго Князя, составлявшаго основную черту его характера.

Дѣло было лѣтомъ 1915-го года. — Положеніе на фронтѣ русскихъ армій становилось очень тяжелымъ. — Войска подъ напоромъ германо-австрійскихъ армій отступали изъ Галичины и затѣмъ русской Польши. — Боевое снабженіе ихъ было близко къ катастрофическому. — Некомплектъ въ частяхъ войскъ ужасающій. — Союзники бездѣйствуютъ. — Въ тылу Россіи интрига противъ Великаго Князя и «Ставки» разрастается. — Нервы у всѣхъ не въ равновѣсіи. — Ежеминутно ждутъ все худшихъ и худшихъ свѣдѣній....

Въ такой обстановкѣ молодой адъютантъ Верховнаго Главнокомандующаго поручикъ N, забывъ наказъ Великаго Князя — разбудить его ночью, какъ только получится ожидавшаяся телеграмма, и утомленный дежурствомъ, неожиданно для себя уснулъ и подалъ телеграмму только утромъ. Никакой бѣды отъ этого не случилось, такъ какъ дежурный штабъ-офицеръ генеральнаго штаба моего управленія принявъ телеграмму, доложилъ о ней мнѣ и всѣ необходимыя распоряженія, не требовавшія немедленной санкціи Главнокомандующаго, были исполнены безъ промедленія. Но Великій Князь вспылилъ и въ вагонѣ-столовой, когда всѣ собрались къ завтраку, сдѣлалъ провинившемуся адъютанту очень рѣзкое, хотя по существу и справедливое замѣчаніе. Адъютантъ, какъ въ

воду опущенный, удалился на свое мѣсто въ заднемъ отдѣленіи вагона.

За завтракомъ всѣ притихли. — Разговоръ на всѣхъ столикахъ не клеился. Многіе были подавлены гнѣвной вспышкой Верховнаго, прорвавшейся въ присутствіи всѣхъ. — Но молчаливѣй всѣхъ былъ самъ Великій Князь. По лицу его было замѣтно, что ему очень не по себѣ.

Такъ прошелъ завтракъ, скомканный, какъ только можно было. — Прислуживавшій солдатъ подалъ, какъ всегда, Великому Князю обычный ящикъ съ сигарами. — Вмѣсто того, чтобы взять сигару для себя, Великій Князь поднялся во весь свой гигантскій ростъ и, захвативъ ящикъ, быстрыми шагами прошелъ сквозь стеклянную дверь въ заднее отдѣленіе вагона, гдѣ предложилъ сигару провинившемуся офицеру.

Этотъ благородный поступокъ Верховнаго Главнокомандующаго всѣми русскими арміями, внутренне сознавшаго свою вспыльчивость и тягостное положеніе офицера, при немъ лично состоявшаго, ударилъ всѣхъ по нервамъ. Провинившійся офицеръ вскочилъ, густо покраснѣлъ и слезы градомъ полились изъ его глазъ. Овладѣвъ собою, онъ взялъ сигару и тутъ же, если не ошибаюсь, закурилъ ее...

Всѣ облегченно вздохнули и внутренне прониклись большимъ уваженіемъ къ благородству характера Великаго Князя. — Но думаю, что больше всѣхъ былъ доволенъ самъ Верховный своею побѣдою надъ собою.

Впрочемъ это былъ единственный случай проявленія его несдержанности за все 13-тимѣсячное пребываніе Великаго Князя во главѣ Русскихъ армій.

Фактъ этотъ пусть да послужитъ лучшимъ доказательствомъ его необычайной чуткости и умѣнія работать надъ собою...

Жизнь въ Ставкѣ отличалась необыкновенной размѣренностью и регулярностью. — Для моихъ сотрудниковъ день начинался очень рано. Къ 9-ти часамъ утра всѣ донесенія, поступившія за ночь, должны были быть разобраны и нанесены на соотвѣтствующія карты. — Во время этой работы приходилъ въ свое управленіе я для ознакомленія съ тѣми донесеніями, которыя, не представляя срочнаго характера, не были мнѣ доложены ночью дежурнымъ штабъ-офицеровъ. — Затѣмъ къ 10-ти часамъ утра въ мой кабинетъ — большую комнату, съ огромнымъ столомъ посрединѣ для картъ и другимъ столомъ для письменныхъ занятій, — приходилъ Верховный Главнокомандующій съ начальникомъ штаба. — Опе-

ративный докладъ продолжался въ зависимости отъ матеріала часъ или два. — Затѣмъ, по уходѣ Верховнаго, я диктовалъ, рѣже писалъ самъ текущія распоряженія, принималъ доклады своихъ сотрудниковъ или шелъ разговаривать по прямымъ проводамъ со штабами фронтовъ. Занятія эти затягивались часовъ до 3-4, съ перерывомъ для завтрака. Затѣмъ время до шести оставалось сравнительно свободнымъ. Большинство изъ насъ ходили гулять или ѣздили верхомъ, пользуясь окружавшимъ Ставку обширнымъ лѣсомъ. Къ шести часамъ пополудни снова собирались въ управленіе, въ которомъ, за исключеніемъ времени обѣда, просиживали за работой весь вечеръ, а когда необходимо, то и часть ночи.

Великій Князь Главнокомандующій весьма рѣдко покидалъ Ставку. Исключая случаевъ служебныхъ выѣздовъ на совѣщанія, онъ почти не выходилъ изъ своего вагона, рѣдко гулялъ, еще рѣже ѣздилъ верхомъ и, сколько помню, только разъ выѣхалъ изъ предѣловъ Ставки на охоту къ сосѣднему помѣщику. Результаты этой охоты были повидимому блестящи, такъ какъ на слѣдующій день за завтракомъ къ поѣзду Великаго Князя подъѣхала телѣга, красиво декорированная лѣсною зеленью и переполненная всякою застрѣленною дичью, до дикихъ кабановъ включительно. — Это было подношеніе хозяина охоты офицерской столовой Ставки. Но повторяю, — эта охота была единственной за цѣлый годъ пребыванія Великаго Князя въ Ставкѣ.

По воскреснымъ и праздничныхъ днямъ Великій Князь, будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, посѣщалъ богослуженіе въ нашей штабной церкви, помѣщавшейся въ одномъ изъ бараковъ уже упоминавшихся казармъ. Туда и обратно Великій Князь ѣздилъ въ автомобилѣ. — Въ церкви обычно служилъ нашъ протопресвитеръ о. Георгій Шавельскій, пѣлъ небольшой, но хорошо слаженный хоръ солдатъ, поступившихъ въ армію изъ Императорской Капеллы. — Церковная служба, видимо, производила на Великаго Князя чрезвычайно благотворное дѣйствіе. Она отвѣчала его мистически настроенной душѣ и онъ всегда являлся изъ церкви ко мнѣ въ управленіе, для выслушанія утренняго доклада, съ радостной улыбкой и со смягченнымъ выраженіемъ лица.

4. Трудныя условія работы русской стратегіи.

Со времени заключенія въ 1892-мъ году военной конвенціи съ Франціей, русская стратегія оказалась не свободной. — Россія вступила въ военный союзъ съ Франціей и такимъ образомъ обрек-

ла себя на коалиціонную войну. — Въ своихъ рѣшеніяхъ она должна была поэтому руководиться не столько обстановкою у себя на фронтѣ, сколько общею пользою. Можно, при желаніи, много спорить по вопросу: выгодно ли было Россіи вообще вступать въ какой либо союзъ, и не лучше ли было ей сохранять «свободныя руки». Но разъ этотъ коренной вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ союза, то приходилось уже твердо помнить, что всякій союзъ несетъ съ собою и обязательства. Каждому изъ бывшихъ на войнѣ хорошо извѣстно, къ какимъ фатальнымъ результатамъ можетъ привести вообще малонадежный сосѣдъ. Россія сознавала трудность положенія французовъ и горѣла желаніемъ честно исполнить свои обязательства передъ ними. Эти чувства заставляли русскія войска часто идти на подвиги крайняго самопожертвованія и нести жестокія кровавыя потери, которыхъ, быть можетъ, возможно было бы и избѣжать, но при другомъ отношеніи къ союзническимъ обязанностямъ.

Надо сказать, что такое пониманіе своего долга передъ союзниками не было привилегій отдѣльныхъ лицъ; оно было присуще вообще всей русской до-революціонной арміи и въ этомъ отношеніи Ставка являлась лишь выразительницей общаго настроенія русскихъ войскъ.

Къ сожалѣнію, та тяжелая и неблагородная роль, которая выпала на долю русской арміи, и по сіе время мало кому ясна. Причины такого явленія легко объяснимы. Въ періодъ самой войны строгая военная цензура естественно пропускала въ печать лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія, пользуясь которыми нельзя было составить себѣ цѣльной картины войны. Послѣ же войны, вслѣдствіе революціонной бури, до сихъ поръ бушующей надъ необъятнымъ пространствомъ Россіи, дѣйствія русскихъ войскъ и усилія русскаго народа въ періодъ войны также не нашли себѣ достаточно полнаго отраженія, т. к. русская военно-историческая литература продолжаетъ оставаться крайне бѣдной и мало выразительной.. Что же касается заграничной литературы, то въ большинствѣ уже вышедшихъ сочиненій, ходъ военныхъ событій изложенъ или по отдѣльнымъ театрамъ, или эпизодически внѣ взаимной связи событій между собою и съ общею обстановкой, чѣмъ несомнѣнно извращается общій смыслъ и ставятся препятствія къ правильному пониманію событій.

Особенно теряетъ отъ этого метода изученія минувшей войны русская стратегія, имѣвшая въ огромномъ большинствѣ случаевъ своей задачей облегчить положеніе или дѣйствіе своихъ союзни-

ковъ на тѣхъ театрахъ, которые въ данный періодъ времени считались, по общей обстановкѣ, первенствующими. — Только въ свѣтѣ болѣе широкаго и связнаго изученія событій, работа русскихъ войскъ осмысливается и загорается яркимъ блескомъ необыкновенной самоотверженности, ими проявленной, и, можетъ быть, приведшей Россію къ преждевременному истощенію...

Кромѣ своей подчиненности и отсутствія извѣстной свободы дѣйствій, русская стратегія (какъ впрочемъ стратегія и остальныхъ державъ — участницъ войны) страдала еще весьма сильно отъ отсутствія единаго командованія. Многоголовое управленіе составляетъ, какъ извѣстно, роковой недостатокъ всякой коалиціонной войны. Но среди Центральныхъ державъ этотъ недостатокъ все же восполнялся безспорнымъ главенствомъ Германіи. Среди же Державъ Согласія такого превалированія одного государства надъ другими, какъ извѣстно, не было.

Наиболѣе тѣсная и регламентированная связь существовала между Россіей и Франціей, имѣвшими утвержденную правительствами обѣихъ государствъ военную конвенцію. Однако, этой конвенціей устанавливалась нѣкоторая общность дѣйствій лишь для перваго періода войны и совершенно обходился вопросъ о дальнѣйшемъ согласованіи военныхъ операцій. Хотя основныя положенія заключенной военной конвенціи и подвергались неоднократнымъ совмѣстнымъ обсужденіямъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ, но никогда эти обсужденія не переходили въ болѣе широкую область разработки вопроса о единомъ командованіи (въ смыслѣ, конечно, оперативнаго управленія), или хотя бы къ разсмотрѣнію способовъ надежнаго согласованія военныхъ операцій въ позднѣйшій періодъ войны. Правда, французская и русская арміи осуждены были дѣйствовать на театрахъ значительно удаленныхъ одинъ отъ другого, но это обстоятельство еще настоятельнѣе требовало особыхъ заботъ по согласованію дѣйствій армій обоихъ государствъ. Между тѣмъ даже вопросъ о поддержаніи связи, довольно часто затрагивавшійся на совѣщаніяхъ, былъ удовлетворительно разрѣшенъ лишь къ началу 15-го года, т. е. во время самой войны, когда открылись дѣйствія телеграфнаго кабеля, проложеннаго между шотландскимъ и мурманскимъ берегами.

Самостоятельность обоихъ союзниковъ была такова, что оба Верховные Главнокомандующіе — генералъ Жоффръ и Великій Князь Николай Николаевичъ, стѣснялись вначалѣ непосредственно обмѣниваться своими соображеніями и лишь русскій министръ

иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ настоялъ на томъ, чтобы ихъ общеніе стало болѣе тѣснымъ.

«Французскій посолъ, телеграфировалъ Сазоновъ изъ Петербурга 15-го сентября 1914-го года, высказалъ мнѣ пожеланіе своего правительства о скорѣйшемъ наступленіи на Германію. — Благоволите передать Делькассэ, что Верховный Главнокомандующій съ обычной энергіей продолжаетъ придерживаться тактики наступленія, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ то, что Германія не перестаетъ увеличивать свои силы, выставленныя противъ Россіи. — Но оказывать вліяніе на рѣшенія Великаго Князя мнѣ представляется неудобнымъ. Мнѣ кажется, что обоимъ Главнокомандующимъ союзныхъ армій принадлежитъ однимъ обмѣниваться взглядами въ цѣляхъ согласованія ихъ дѣйствій»...

Этому обмѣну, впрочемъ, препятствовалъ слишкомъ замкнутый характеръ перваго французскаго генералиссимуса.

Если трудно было обезпечить единство военныхъ дѣйствій въ началѣ войны, когда въ Европѣ было только три отдѣльныхъ фронта: западный — англо-французскій, восточный — русскій и южный-сербскій, то положеніе осложнилось еще болѣе, когда дополнительно образовались столь же самостоятельные фронты: дарданельскій, итальянскій, салоникскій. Я уже не говорю о фронтахъ внѣевропейскихъ.

Въ результатѣ такого положенія, Державамъ Согласія, на протяженіи почти всей войны не удалось ни разу произвести сколько-нибудь одновременный натискъ на общаго противника. Послѣдній, въ лицѣ Германіи, пользуясь своимъ внутреннимъ положеніемъ и хорошо развитою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, успѣвалъ не только отражать направленныя противъ него въ одиночку наступленія, но поочередно наносить и свои собственные очень чувствительные удары. При этомъ выходило почти всегда такъ, что, когда на одномъ фронтѣ нѣмцы вели наступательную операцію, другіе члены согласія бездѣйствовали, или только подготовляли свой контръ-ударъ, который выполнялся уже тогда, когда дѣло на первоначальномъ фронтѣ подходило къ концу и у нѣмцевъ являлась возможность начать переброску своихъ резервовъ ко вновь угрожаемому для нихъ раіону.

Конечно, всѣ дурныя послѣдствія такого положенія были вполнѣ ясны для военныхъ руководителей отдѣльными союзными арміями. Но не въ ихъ власти было измѣнить создавшуюся обстановку.

Насколько было возможно, они стремились входить другъ съ другомъ въ общеніе, ихъ штабы обмѣнивались свѣдѣніями о противникахъ и совмѣстно работали въ области развѣдки, отъ времени до времени посылались отдѣльныя довѣренныя лица и даже цѣлыя миссіи для информаціи и ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ на фронтѣ. Но все это были мѣры лишь палліативнаго характера.

Наконецъ, съ 1915-го года, все съ той же цѣлью наилучшаго согласованія военныхъ дѣйствій, начали отъ времени до времени собираться военныя междусоюзныя конференціи, а къ главнымъ квартирамъ союзныхъ армій постановлено было прикомандировать, сверхъ военныхъ атташе, болѣе полномочныхъ военныхъ представителей.

Польза отъ этихъ конференцій была лишь относительной, и мнѣ придется въ дальнѣйшемъ отмѣтить, какъ прекраснымъ словамъ, сказаннымъ на іюльской конференціи 16-го года въ Шантильи, не суждено было превратиться въ реальныя дѣла, которыя могли бы, въ дѣйствительности, облегчить истекавшую, въ то время, кровью русскую армію.

Лишь въ 1918-мъ году, когда Россія оказалась уже вынужденною выйти изъ войны, вопросъ о единомъ командованіи былъ окончательно рѣшенъ Державами Согласія, въ смыслѣ оперативнаго подчиненія всѣхъ вооруженныхъ силъ этого согласія, руководству маршала Фоша.

Слѣдующимъ, по важности, факторомъ, сковывавшимъ русскую стратегію, было весьма слабое развитіе на русскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій сѣти желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ значеніе этой сѣти, въ условіяхъ массовыхъ армій, столь велико, что по степени густоты этой сѣти, собственно говоря, возможно опредѣлять вообще сравнительную степень обороноспособности каждаго государства.

Россія, по даннымъ 1914-го года, имѣла эксплоатаціонную сѣть общимъ протяженіемъ до 70 тысячъ верстъ, безъ Финляндіи и Восточно-Китайской дороги. Несмотря на абсолютную внушительность этой цифры, ея желѣзнодорожная сѣть, по сравненію съ безграничными пространствами территоріи, должна была быть признана крайне бѣдной, такъ какъ на 100 кв. километровъ въ Европейской Россіи приходилось въ наиболѣе густо прорѣзанныхъ рельсовыми путями мѣстностяхъ отъ 1 и не свыше 3 километровъ жел. дорогъ, тогда какъ на то же количество кв. километровъ даже въ Австро-Венгріи приходилось 6-7 километровъ, не говоря уже о Гер-

жаніи, гдѣ желѣзнодорожная сѣть была развита значительно болѣе. Наряду съ этимъ въ Россіи имѣлись такіе «медвѣжьи углы» изъ которыхъ, какъ говорилось въ русской пословицѣ: «хоть три дня скачи, ни до чего не доскачешь»...

При этомъ, надо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что въ Россіи двупутныхъ линій было всего лишь около 20-25%, между тѣмъ, какъ въ другихъ государствахъ Европы тотъ же процентъ колебался отъ 40 до 57-ми и даже выше. Наконецъ, русскія желѣзныя дороги были вдвое и втрое бѣднѣе снабжены подвижнымъ составомъ по сравненію съ государствами Западной Европы.

Но кромѣ приведенныхъ данныхъ, важно также *направленіе* желѣзнодорожныхъ линій. Въ этомъ отношеніи характерной иллюстраціей могутъ служить данныя о томъ, что въ то время, какъ на фронтѣ отъ устья Нѣмана до Дуная, протяженіемъ въ 2600 верстъ, со стороны Россіи къ границамъ подходили 21 колея, съ фронта Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи, къ тѣмъ же границамъ, подходило 36 колей, то есть болѣе, чѣмъ въ полтора раза.

Въ качествѣ рокадныхъ линій, служащихъ для разнаго рода перегруппировокъ *вдоль* фронта, особенно рѣзка была разница на Привислинскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Наши военные противники имѣли вдоль своихъ границъ двѣ сквозныя двупутныя линіи, полукольцомъ охватывавшія Русскую Польшу. Восточную же Пруссію связывало съ остальной Германіей 5 желѣзнодорожныхъ переправъ черезъ Вислу съ 10-ю на нихъ колеями. Мы же на лѣвомъ берегу р. Вислы совсѣмъ не имѣли рокадныхъ линій, и только на правомъ берегу — сильную линію Вильна — Варшава — Люблинъ — Сарны.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, не только запаздывала мобилизація и сосредоточеніе русскихъ войскъ къ границамъ, но встрѣчали большія затрудненія и всякаго рода стратегическія перегруппировки въ предѣлахъ фронта.

Къ числу невыгодныхъ данныхъ, тормозившихъ стратегическую работу Верховнаго Главнокомандованія, надо еще отнести фактъ раздѣленія нашей Дѣйствующей Арміи на два слишкомъ самостоятельныхъ фронта: Сѣверо-Западный (С.-З.) и Юго-Западный (Ю.-З.). При этомъ главнокомандующіе фронтами являлись лицами слишкомъ самостоятельными въ предѣлахъ тѣхъ задачъ, которыя имъ были указываемы. — Такъ какъ компетенція ихъ распространялась на весьма большіе раіоны и на значительное количество войскъ, то естественно, что дававшіяся имъ заданія могли

быть формулированы только въ слишкомъ широкихъ масштабахъ, чѣмъ и оставлялось излишне большое поле для личной самостоятельности названныхъ генераловъ. При такихъ условіяхъ, роль Верховнаго Главнокомандующаго естественно должна была какъ бы суживаться, чѣмъ значительно затруднялось проявленіе личнаго вліянія на ходъ задуманной операціи. Отъ этого происходили иногда даже случаи извращенія основной идеи выполнявшейся операціи. Къ тому же, къ сожалѣнію, главнокомандующіе фронтами далеко не всегда отличались инціативою, соотвѣтствовавшей ихъ правамъ, и весьма часто не проявляли склонности оцѣнивать требованія Верховнаго, съ общей точки зрѣнія, предпочитая, въ особенности при всякаго рода перегруппировкахъ, блюсти прежде всего интересы своего собственнаго фронта.

Положеніе осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго не пользовался, въ оперативномъ отношеніи большимъ авторитетомъ ни среди подчиненныхъ, ни въ арміи. — Своимъ исключительнымъ выдвиженіемъ сначала на постъ начальника Генеральнаго Штаба, а затѣмъ — съ началомъ войны — начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, онъ былъ обязанъ почти всецѣло личному расположенію къ нему военнаго министра и особенно Государя, причемъ его неподготовленность къ занятію отвѣтственнаго поста начальника штаба Верховнаго была всѣмъ хорошо извѣстна, не исключая и его самого.

— «Вамъ лучше кого либо извѣстно, что я себя Мольтке не считалъ (повидимому имѣлся въ виду старый Мольтке, пользовавшійся въ Россіи большимъ уваженіемъ); на мѣсто не просился и уже пробовалъ уйти, дабы дать возможность взять болѣе подходящаго»... — писалъ въ февралѣ 15-го года Н. Н. Янушкевичъ генералу Сухомлинову изъ Ставки.

Конечно, наличіе вмѣсто двухъ нѣсколькихъ войсковыхъ группъ, непосредственно подчиненныхъ Верховному Главнокомандующему, исправляло бы указанный выше недостатокъ, ведя къ сокращенію масштаба задачъ, которыя въ этомъ случаѣ давались бы каждой изъ группъ въ отдѣльности, а значитъ и къ усиленію вліянія Главнаго Руководителя войной на исполненіе каждой операціи. Но осуществленіе этой новой схемы управленія встрѣчало практически очень большія затрудненія.

Раздѣленіе управленіе войсками при войнѣ на западѣ на два почти самостоятельныхъ фронта — германскій и австро-венгерскій установилось въ Россіи съ давнихъ поръ. — Оно было, повидимо-

му, принято, въ интересахъ освобожденія Верховнаго Главнокомандующаго отъ излишнихъ заботъ и отвѣтственности, въ тотъ періодъ времени, когда Государь Императоръ Николай II-й твердо высказывалъ намѣреніе стать во главѣ дѣйствующихъ войскъ.

Тому, кто зналъ ревнивый и подозрительный характеръ царствовавшаго Императора, а также былъ освѣдомленъ въ томъ недовѣріи, которое, подъ вліяніемъ Императрицы, постепенно складылось при Дворѣ къ пріобрѣтавшему все болѣе значительную популярность Великому Князю Главнокомандующему, трудно было настаивать на осуществленіи мѣропріятій, которыя дѣлали бы фигуру Николая Николаевича еще центральнѣе и еще болѣе властной въ арміи.

Надо было соблюдать крайнюю осторожность, дабы не подать повода къ разнаго рода инсинуаціямъ, и безъ того усиленно сгущавшимся около Ставки подъ вліяніемъ зависти и работы темныхъ силъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ дворцовыхъ покояхъ.

Таковы были условія обстановки на русскомъ фронтѣ, съ которыми приходилось считаться въ первый періодъ войны.

ГЛАВА VII-я*)

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ ВОЙНЫ.

1. Наступленіе въ Восточную Пруссію. Вліяніе этого наступленія на положеніе на западномъ фронтѣ.

Всякая коалиціонная война логически требуетъ подчиненія частныхъ интересовъ каждаго отдѣльнаго члена союза общимъ интересамъ всего союза. Подробнымъ изученіемъ вѣроятной обстановки, русскій и французскій генеральные штабы пришли къ общему заключенію, что, въ случаѣ войны съ Центральными Державами, Германія, по всей вѣроятности, сосредоточитъ свои главныя силы на ея западномъ фронтѣ, для нанесенія сокрушительнаго удара по французскимъ войскамъ.

Французская армія являлась вооруженною силою, значительно превосходившей наши арміи быстротой своей мобилизаціи и сосредоточенія; поэтому она должна была расцѣниваться нѣмцами въ качествѣ вооруженной силы, наиболѣе для нихъ опасной въ начальный періодъ войны. — Угроза французскаго вторженія въ западно-пограничную полосу Германіи была для нѣмцевъ тѣмъ болѣе опасной, что названная полоса мѣстности представляла собою раіонъ съ богато развитой металлургической промышленностью, особенно цѣнной въ условіяхъ современной войны, которая требуетъ обильнаю и безостановочнаго снабженія войскъ матеріальной частью и боевыми припасами.

Съ точки зрѣнія Германіи, являлось необходимымъ, цѣною какихъ угодно усилій, предупредить возможность вторженія въ на-

---

*) При чтеніи VII-й и VIII-й главъ этой книги, достаточно имѣть передъ глазами обыкновенную географическую карту Европы.

званный раіонъ непріятельскихъ войскъ и вынести войну за предѣлы собственнаго государства чтобы оградить страну отъ разоренія и обезпечить возможность широкаго пользованія своей арміи предметами отечественнаго производства.

Къ тому же нанесеніе перваго, по возможности громового, удара по Франціи, должно было затруднить установленіе ею союзныхъ отношеній съ Англіей, а психологическое значеніе побѣды на западѣ являлось не только цѣннымъ въ смыслѣ возбужденія энтузіазма въ собственныхъ войскахъ, но и съ точки зрѣнія воздѣйствія на психику Италіи и Румыніи, какъ извѣстно уклонявшихся примкнуть къ Германіи и Австро-Венгріи.

Что касается Россіи, то, въ этомъ случаѣ, Германія могла надѣяться на то, что ея войска, медленно собирающіяся къ границамъ, представится возможнымъ задержать отъ вторженія въ предѣлы Германіи и Австро-Венгріи болѣе быстрымъ наступленіемъ арміи послѣдней на фронтъ Люблинъ — Холмъ и выставленіемъ Германіей особаго заслона въ Восточной Пруссіи изъ мѣстныхъ войскъ и формированій военнаго времени.

Такой планъ могъ представляться генеральнымъ штабамъ Центральныхъ Державъ тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что, какъ это и оказалось впослѣдствіи, противники Россіи имѣли преувеличенное мнѣніе о медленности русской мобилизаціи.

Установивъ, такимъ образомъ, вѣроятность направленія главнаго удара германцевъ въ началѣ войны на западъ, Державы Согласія не могли сомнѣваться въ томъ, что характеръ его будетъ всесокрушающій.

Россія знала силу Германіи; она изучила принципы ея военной доктрины и не могла сомнѣваться въ крайней опасности для своей союзницы тевтонскаго нашествія! И морально и по силѣ формальныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя, русская армія должна была придти своей союзницѣ на помощь, притянувъ часть германскихъ силъ на себя. Иначе... надо было предвидѣть на Западѣ катастрофу!..

Единственное средство для предотвращенія таковой, заключалось въ организаціи быстраго вторженія, возможно значительными силами, въ предѣлы Восточной Пруссіи. — Такое вторженіе больно ударяло по престижу не только нѣмцевъ, но и ихъ Императора, для которыхъ Пруссія не переставала быть родоначальницей германскаго военнаго могущества.

Сила и направленіе для русскаго наступленія? Ихъ указывали, какъ наиболѣе желательныя, генералы Дюбайль и Жоффръ,

послѣдовательно стоявшіе во главѣ французскаго генеральнаго штаба.

— Я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если наступленіе русскихъ войскъ противъ Германіи состоится съ такими силами, которыя способны были бы приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти корпусовъ. — Такъ приблизительно формулировалъ свои пожеланія первый изъ названныхъ генераловъ на совѣщаніи, происходившемъ у насъ въ 1911-мъ году въ Красномъ Селѣ.

— Чѣмъ глубже произойдетъ наступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Германіи, тѣмъ рѣшительнѣе оно отразится на общемъ положеніи дѣлъ, — говорилъ генералъ Жоффръ на союзныхъ совѣщаніяхъ 1912-го и 13-го годовъ. — Высказывалось при этомъ желаніе о наступленіи изъ Русской Польши на Алленштейнъ, а еще лучше — по лѣвому берегу Вислы на Берлинъ. — Но послѣднее въ началѣ войны, по общей обстановкѣ, являлось для Россіи неосуществимымъ.

Было бы, конечно, неправильно утверждать, что наступленіе въ Восточную Пруссію не вызывалось собственными интересами Россіи. — Стратегическія невыгоды границъ русской Польши, глубоко вдававшейся между территоріями Германіи и Австро-Венгріи, при условіи медленной готовности русскихъ войскъ, заставляли желать выпрямленія нашего первоначальнаго развертыванія войскъ путемъ занятія на сѣверѣ Восточной Пруссіи и выхода къ Нижней Вислѣ, а на югѣ — овладѣнія восточной половиной Галичины. Сдѣлать это надо было возможно скорѣе (по подсчетамъ русскаго генеральнаго штаба — въ теченіе первыхъ полутора мѣсяцевъ войны), пока главная масса германцевъ будетъ отвлечена борьбою на западѣ и, вслѣдствіе этого, главное командованіе ихъ лишено будетъ возможности начать рѣшительную переброску войскъ съ запада на востокъ.

Независимо отъ того, вторженіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію и Галичину выносило войну изъ предѣловъ собственной страны, чѣмъ достигались также немаловажные результаты.

Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, по плану, разработанному русскимъ генеральнымъ штабомъ еще въ мирное время, двѣ русскія арміи Сѣверо-Западнаго фронта, въ составѣ 9-ти арм. корпусовъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Жилинскаго, занимавшаго въ мирное время постъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, должны были вторгнуться въ предѣлы Восточной Пруссіи: 1-я армія, генерала Ренненкампфа — съ востока и 2-я армія генерала Самсонова съ юга. Первоначально, при

движенiи впередъ, ихъ раздѣляли Мазурскiя озера, но, обойдя таковыя съ сѣвера и запада, обѣ армiи должны были войти другъ съ другомъ въ непосредственную связь.

Со стороны Германiи, какъ это выяснилось впослѣдствiи, противъ нихъ была оставлена 8-я армiя генерала Притвица, въ составѣ 4-хъ корпусовъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ дивизiй и бригадъ.

Цѣлью дѣйствiй русскихъ армiй ставилось — нанесенiе пораженiя нѣмецкимъ войскамъ и оттѣсненiе ихъ: съ сѣвера — отъ Кенигсберга и съ запада отъ путей къ Вислѣ, иначе говоря, окруженiе съ обоихъ фланговъ. — Въ дальнѣйшемъ имѣлся въ виду выходъ русскихъ войскъ къ нижней Вислѣ, чѣмъ достигалось выгодное оборонительное положенiе на этомъ участкѣ Вислы и значительное сокращенiе стратегическаго фронта, первоначально тянувшагося по р. р. Нареву, Бобру и среднему теченiю р. Нѣмана.

Такими дѣйствiями армiй С.-З. фронта, въ извѣстной мѣрѣ, закрѣплялось положенiе на правомъ флангѣ русскаго стратегическаго фронта и создавалась возможность для переноса южнѣе названнаго участка русскихъ операцiй на лѣвый берегъ р. Вислы, о чемъ усиленно просило французское командованiе и каковое, въ самомъ дѣлѣ, являлось угрожающимъ въ отношенiи Германiи.

Съ цѣлью скорѣйшаго воздѣйствiя на германцевъ, названныя армiи С.-З. фронта были составлены изъ пограничныхъ и ближайшихъ къ раiону дѣйствiй корпусовъ. Этимъ достигалась, правда не безъ извѣстныхъ усилiй, возможность перехода ими въ наступленiе уже въ началѣ третьей недѣли мобилизацiи.

Съ назначенiемъ Великаго Князя Николая Николаевича на постъ Верховнаго Главнокомандующаго Русскими Дѣйствующими армiями, ему были подробно доложены всѣ изложенныя выше соображенiя, которыя и встрѣтили полное его сочувствiе. — Точное выполненiе взятыхъ на себя обязательствъ и скорѣйшая помощь нуждающемуся въ ней союзнику — были настолько въ характерѣ Великаго Князя, что его согласiе съ предположенiями Главнаго Управленiя Генеральнаго Штаба не могло вызывать ни у кого сомнѣнiй.

Тѣмъ не менѣе Францiя встрѣтила объявленiе ей Германiей войны съ большимъ волненiемъ и тревогой.

—Я умоляю (je supplie) Ваше Величество предписать вашимъ войскамъ немедленное наступленiе, говорилъ на прiемѣ, имѣвшемъ мѣсто 5 августа 1914-го года, Императору Николаю II-му тогдашнiй французскiй посолъ М. Палеологъ. Иначе французская армiя рискуетъ быть раздавленной

Еще ярче бесѣда М. Палеолога съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, которая происходила 26-го августа и описана въ его воспоминаніяхъ.

— Ни Государь, ни Великій Князь не забываютъ все, чѣмъ мы обязаны Франціи, сказалъ ему С. Д. Сазоновъ. Вы можете быть убѣждены, что мы сдѣлаемъ все, чтобы помочь французской арміи. Но, съ точки зрѣнія исполненія, затрудненія очень велики. — Генералъ Жилинскій, главнокомандующій арміями С.-З. фронта опасается за успѣхъ наступленія русскихъ армій въ Восточную Пруссію, такъ какъ его войска еще очень разбросаны и обезпеченіе ихъ продовольствіемъ встрѣчаетъ большія затрудненія. — Генералъ Янушкевичъ, начальникъ генеральнаго штаба, раздѣляетъ мнѣніе генерала Жилинскаго и также сомнѣвается въ возможности наступленія. Но генералъ-квартирмейстеръ Ставки генералъ Даниловъ съ горячей убѣдительностью доказываетъ, что мы не въ правѣ обрекать нашего союзника на гибель и что, не взирая на неизбѣжный рискъ предстоящей операціи, мы все же обязаны незамедлительно перейти въ наступленіе. Его мнѣніе раздѣляется Великимъ Княземъ и я не удивлюсь, если данная операція уже началась.

И дѣйствительно, уже въ первой своей директивѣ, отданной еще 10-го августа Верховный Главнокомандующій Русской Дѣйствующей арміей Великій Князь Николай Николаевичъ, подтверждая первоначальныя задачи, поставленныя арміямъ С.-З. фронта, высказывалъ мнѣніе, что, въ виду остраго положенія на французскомъ фронтѣ, наступленіе армій С.-З. фронта могло бы начаться уже съ 14-го дня мобилизаціи. — Такъ какъ, однако, веденіе данной наступательной операціи относилось къ обязанностямъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, то окончательное опредѣленіе времени и порядка выполненія изложенныхъ въ директивѣ предуказаній, оставлялось за генераломъ Жилинскимъ.

Принимая во вниманіе, что раіоны развертыванія корпусовъ названныхъ двухъ армій С.-З. фронта находились въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы, генералъ Жилинскій предписалъ корпусамъ 1-й арміи выступить съ такимъ расчетомъ времени, чтобы одновременно перейти границу 17-го августа, то есть на 18-й день мобилизаціи русской арміи, главнымъ же силамъ корпусовъ 2-й арміи указано было вступить на германскую территорію — 19-го августа, то есть на 20-й день мобилизаціи.

Такъ какъ мобилизація французской арміи была объявлена только въ ночь на 2-е августа, то время перехода 1-й русской арміи опредѣляется 16-мъ днемъ французской мобилизаціи.

Уже въ день перехода границы армія генерала Ренненкампфа имѣла столкновеніе съ германцами при Сталлупененѣ. Наши противники, потерявъ нѣсколько орудій, отошли въ западномъ направленіи.

19-го августа въ раіонѣ къ сѣверу отъ главной зоны наступленія 1-й русской арміи, у Каушена, разыгралось новое боевое столкновеніе. — Наша конница атаковала одну изъ нѣмецкихъ ландверныхъ бригадъ. — Въ этомъ бою эскадронъ Л. Гв. Коннаго полка, подъ командой ротмистра барона Врангеля — будущаго вождя «бѣлаго» движенія, въ конномъ строю доблестно атаковалъ непріятельскую батарею, внезапно наскочивъ на ея стрѣлявшія орудія.

Южнѣе конницы, на правомъ флангѣ главныхъ силъ той же арміи часть пѣхоты ввязалась въ бой съ частями 1-го германскаго корпуса къ сѣверо-востоку отъ Гумбинена. — Бой принялъ особенно упорный характеръ на слѣдующій день 20-го августа, когда въ дѣло съ обѣихъ сторонъ были введены главныя силы 8-й германской и 1-й русской армій.

Къ вечеру на нѣкоторыхъ участкахъ гумбиненскаго поля сраженія обозначилось нѣмецкое отступленіе, которое, какъ выяснилось впослѣдствіи, приняло съ наступленіемъ темноты общій характеръ.

Нѣмцы отходили на западъ, стремясь, по поступившимъ донесеніямъ, уйти за Вислу.

Одержавъ, такимъ образомъ, въ періодъ времени съ 17-го по 21-е августа надъ нѣмцами рядъ успѣховъ и принудивъ ихъ къ отступленію, генералъ Ренненкампфъ, однако, задержалъ свое дальнѣйшее наступленіе, ссылаясь на усталость войскъ и въ ожиданіи подхода второочередныхъ частей. Въ дальнѣйшемъ стянувъ свои корпуса ближе къ правому флангу, онъ пріостановилъ свое наступленіе и обратилъ свое преимущественное вниманіе на кр. Кенигсбергъ. Вслѣдствіе такого бездѣйствія германцы получили возможность уйти отъ преслѣдованія и оказались свободными въ своихъ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ.

Въ то же время 2-я русская армія генерала Самсонова, запоздавъ нѣсколько своимъ наступленіемъ и опасаясь упустить отходившаго передъ генераломъ Ренненкампфомъ противника, стала забирать все болѣе къ западу, имѣя въ виду чрезвычайно трудными форсированными маршами перехватить пути нѣмцевъ къ переправамъ на нижней Вислѣ. Въ дѣйствительности же эта армія только растягивалась и все болѣе отдалялась отъ 1-й арміи, продолжавшей послѣ трехдневной остановки, несмотря на энергичное вмѣ-

шательство Великаго Князя, лишь очень медленно свое дальнѣйшее наступленіе.

Въ результатѣ такихъ дѣйствій, вмѣсто постепеннаго сокращенія фронта С.-З. армій и сжатія ими нѣмецкихъ войскъ 8-й арміи въ полукольцо, корпуса 2-й арміи расползлись вѣеромъ и между внутренними флангами 1-й и 2-й армій образовался значительный разрывъ.

Эта обстановка, раскрытая германскими авіаторами, послужила основаніемъ для составленія нашимъ противникомъ новаго плана дѣйствій. Воспользовавшись хорошо развитою сѣтью желѣзныхъ дорогъ и постепенной потерей соприкосновенія войскъ 1-й русской арміи съ быстро отходящими нѣмецкими колоннами, новое командованіе 8-й германской арміей сумѣло сосредоточить противъ корпусовъ 2-й русской арміи генерала Самсонова значительныя силы и окружить ими два съ половиной корпуса этой арміи въ лѣсахъ сѣвернѣе шоссе Нейденбургъ — Вилленбергъ.

30-го августа для этихъ корпусовъ надвинулась всѣмъ извѣстная катастрофа...

Легко ли далась побѣда нашему военному противнику?

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ воспоминаній о данной операціи генерала Людендорфа:

«Сомнительно, дастъ ли противникъ намъ время выполнить наши намѣренія!... »

«Армія генерала Ренненкампфа вызывала во мнѣ большое нервное напряженіе!...»

«Мощная армія генерала Ренненкампфа угрожающей грозовой тучей стояла на сѣверо-востокѣ. Ей стоило только нажать на насъ и мы были бы разбиты... »

Общеизвѣстно, напомню я отъ себя, что «побѣду отъ пораженія часто отдѣляетъ едва уловимая грань».

По предложенію, кажется, генерала Людендорфа рѣшительный бой 29-го августа, завершившійся окруженіемъ нашихъ войскъ, пріобрѣлъ въ Германіи наименованіе сраженія у Танненберга.

Мнѣ кажется, что въ ходѣ историческихъ событій — одно изъ лучшихъ назначеній «времени» сглаживать и предавать забвенію былыя недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, если они воскрешаются съ недостаточной точностью. — Извѣстная въ исторіи битва, отвѣтомъ на которую должна была служить самсоновская катастрофа, хотя и

происходила близъ Танненберга свыше 500 лѣтъ тому назадъ, но болѣе извѣстна подъ именемъ Грюнвальденской битвы, самое же селеніе Танненбергъ не входило въ раіонъ боевыхъ дѣйствій, разыгравшихся въ 1914-мъ году и находится только вблизи этого раіона.

Читатель, надѣюсь, не поставитъ мнѣ въ вину, что въ настоящей книгѣ я воздержусь отъ подробнаго описанія военныхъ дѣйствій и ихъ оцѣнки. Если бы онъ все же заинтересовался ознакомленіемъ съ моимъ пониманіемъ событій перваго періода войны, то свое желаніе онъ легко могъ бы осуществить прочтя мою книгу: «Россія въ міровой войнѣ». Здѣсь же я ограничусь обрисовкой событій этой войны лишь настолько, насколько въ нихъ проявлялась личность русскаго Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича и его вліяніе на общій ходъ войны, веденной сообща Державами Согласія.

Одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ журналистовъ Людовикъ Нодэ, по поводу только что упомянутой книги моей, высказался о дѣйствіяхъ русскихъ армій въ первый періодъ войны, въ такихъ выраженіяхъ:

«Rendons à nos alliés l'hommage qui leur est du, car l'un des élément de notre victoire fut leur débâcle».

Въ Англіи весьма видный современный государственный дѣятель сэръ Черчилль, въ своихъ блестящихъ мемуарахъ о войнѣ, которую онъ близко переживалъ въ качествѣ морского министра, отзывается о жертвенности и значеніи русскаго наступленія слѣдующимъ образомъ:

«Въ гигантскихъ и страшныхъ бояхъ на поляхъ Восточной Пруссіи палъ цвѣтъ русской арміи. Но результаты ея вторженія были использованы въ рѣшительную минуту. — Нервы германскаго генеральнаго штаба не выдержали!»

Въ этихъ признаніяхъ нашихъ союзниковъ гордость русской арміи и ея утѣшеніе. Исторически со стороны Державъ Согласія было бы несправедливо говорить о побѣдѣ французовъ на Марнѣ, разбившей расчеты Германіи на быстрый успѣхъ, не вспомнивъ благодарно о жертвенности и не почтивъ памяти русскихъ героевъ, положившихъ свою жизнь и пролившихъ свою кровь на поляхъ сраженія въ Восточной Пруссіи. И наоборотъ, — въ нашей печали о жертвахъ и неудачѣ Восточно-Прусскаго похода, закончившагося кошмарной катастрофой «30-го августа», нельзя не вспомнить утѣшительно о Марнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Тревожныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Восточной Пруссіи заставили нѣмецкую главную квартиру немедленно послѣ боевъ на р. Самбрѣ начать переброску двухъ корпусовъ (Гв. Р-го и XI-го) к одной кавалерійской дивизіи (8-й), съ Западнаго фронта на востокъ. Переброскѣ этой приданъ былъ спѣшный характеръ, ибо она вызывалась стремленіемъ вернуть обратно Восточную Пруссію и остановить начавшуюся въ этой провинціи панику населенія. Приходилось поэтому снимать войска въ зависимости отъ степени удобства и скорости посадки ихъ на желѣзную дорогу. Этимъ и должно объяснить, почему выборъ палъ на корпуса, входившіе въ составъ правофланговыхъ армій, несмотря на исключительную важность той задачи, которую должны были выполнить именно эти арміи: сыграть роль ударнаго молота по лѣвому обходному флангу французовъ.

Значительное ослабленіе названныхъ армій естественно должно было привести къ ослабленію этого удара и къ необходимости сокращенія его размаха. Первоначально крайнимъ направленіемъ войскъ арміи генерала фонъ Клука было направленіе на Амьенъ, куда и продвинулась въ концѣ августа конница генерала Марвица. Но достигнувъ въ своемъ движеніи на юго-западъ р. Авръ, пѣхотныя колонны 1-й нѣмецкой арміи вдругъ круто повернули на югъ, а затѣмъ на юго-востокъ, все отчетливѣе оставляя Парижъ — столицу и сердца Франціи — внѣ зоны своего наступленія.

Распоряженіе объ отправкѣ двухъ корпусовъ на востокъ въ наиболѣе рѣшительные дни развертывавшейся на западѣ грандіозной операціи нѣмцевъ, въ силу своей неожиданности и спѣшности, — могло ли оно кромѣ ослабленія силы удара и сокращенія его фронта не отразиться «психологически» на настроеніи германскихъ войскъ и ихъ начальниковъ? Не тутъ ли слѣдуетъ искать зарожденія того моральнаго перелома, о которомъ упоминаетъ Черчилль въ своихъ воспоминаніяхъ? Не тутъ ли свершился изломъ ихъ воли къ побѣдѣ?... Кто знаетъ!..

Таковы были событія, по времени предшествовавшія Марнскому сраженію, которое побѣдоносно закончилось для французовъ.

Идея организаціи молніеноснаго удара противъ Франціи, принадлежавшая талантливому начальнику германскаго Генеральнаго штаба фонъ Шлиффену, оставлявшая затѣмъ возможность массовой переброски германскихъ войскъ противъ Россіи, разбилась

о первоначальные успѣхи русскаго восточно-прусскаго наступленія и отпоръ, данный нашими союзниками на поляхъ Марны.

Въ этихъ фактахъ идейная связь между Восточной Пруссіей и Марной, — двумя операціями, выполненными, по директивамъ двухъ генералиссимусовъ, Великаго Князя Николая Николаевича и генерала (нынѣ маршала) Жоффра, хотя и не съ одинаковыми тактическими результатами.

Въ результатѣ катастрофической неудачи, понесенной русскими войсками въ Восточной Пруссіи, генералъ Самсоновъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ; съ своей же стороны Великій Князь Николай Николаевичъ принялъ рѣшеніе о немедленномъ отчисленіи отъ командованія фронтомъ и арміей генераловъ Жилинскаго и Ренненкампфа, проявившихъ недостаточную распорядительность и непониманіе общей обстановки. — Однако, рѣшеніе Верховнаго было предупреждено шифрованной телеграммой Императора Николая II-го, полагавшаго соотвѣтственнымъ возвращеніе генерала Жилинскаго на его прежнюю должность варшавскаго генералъ-губернатора, и назначеніе генерала Ренненкампфа, окружившаго себя придворными любимчиками и черезъ нихъ снискавшаго особое благоволеніе Императора — Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта. — Телеграмма эта вызвала въ Ставкѣ, конечно, не малое смущеніе и изъ создавшагося положенія вышли — отчисленіемъ генерала Жилинскаго въ распоряженіе, если не измѣняетъ моя память, военнаго министра, и оставленіемъ генерала Ренненкампфа на его прежнемъ мѣстѣ. — Это было то наибольшее, что возможно было сдѣлать при обстановкѣ того времени, и что ярко свидѣтельствуетъ о томъ трудномъ положеніи въ пользованіи своими правами, въ которое былъ поставленъ въ дѣйствительности русскій Верховный Главнокомандующій!

Читатель хорошо понимаетъ, что для Великаго Князя было совсѣмъ не трудно на этомъ случаѣ показать свою способность уйти съ поста Верховнаго; гораздо болѣе самопожертвованія требовалось примириться съ этими условіями и работать въ нихъ, надѣясь принести пользу Россіи.

2. Неожиданный подарокъ союзникамъ нашихъ моряковъ.

Теперь уже не можетъ быть секрета ни для кого, что на германскомъ крейсерѣ «Магдебургъ», который въ концѣ августа 14-го года сѣлъ на мель у о. Оденсгольма, нашими водолазами былъ найденъ секретный радіотелеграфный кодъ германскаго флота.

Книга была сфотографирована и копія, по приказанію Великаго Князя, переслана британскому адмиралу Джеллико, который стоялъ во главѣ эскадръ, долженствовавшихъ противиться проявленію всякой жизни со стороны германскаго военнаго флота.

Послѣдній, кромѣ общей задачи прикрытія всей страны со стороны морского побережья, долженъ былъ, при сохраненіи идеи направленія главнаго удара на западъ противъ Франціи, стремиться къ достиженію еще другихъ весьма существенныхъ задачъ: во-первыхъ, по овладѣнію Фландрскимъ побережьемъ, что вызывалось необходимостью надежнаго прикрытія праваго фланга германскихъ армій, наступавшихъ черезъ Бельгію, и во-вторыхъ, по затрудненію перевозки англійскихъ войскъ на материкъ.

Такъ какъ, однако, германскій флотъ, имѣвшій своей базой устье Эльбы, въ силу своей недостаточной численности, не могъ рисковать встрѣчей въ морѣ со всѣмъ британскимъ флотомъ, то для него являлось чрезвычайно цѣннымъ условіе внезапности, которое одно могло обезпечить возможность благопріятной встрѣчи съ непріятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, только внезапность появленія германскаго флота или его частей, въ томъ или другомъ раіонѣ морского театра, могла дать возможность встрѣтиться германскимъ боевымъ судамъ не со всѣмъ враждебнымъ ему флотомъ, а съ его отдѣльными частями, равно произвести неожиданную бомбардировку, или нападеніе на пункты англійскаго побережья, или выполнить какую либо другую боевую операцію, могущую болѣзненно отозваться на общественномъ настроеніи англійскаго народа.

Этой то внезапности германскій флотъ, благодаря русскому подарку англичанамъ, и былъ лишенъ на все время войны. Перехватывая германскія радіо, англичане получали возможность заранѣе знать о выходѣ въ море изъ своего убѣжища нѣмецкихъ морскихъ силъ, равно объ ихъ составѣ и предполагаемыхъ цѣляхъ ихъ дѣйствій.

Благодаря изобрѣтенію русскимъ же морякомъ особаго прибора, получалась даже возможность опредѣлять мѣсто нахожденія того судна, съ котораго было отправлено перехваченное радіо.

Помощь, оказанная русскими моряками своимъ западнымъ союзникамъ, была неоцѣнима, и адмиралъ Джеллико счелъ своей обязанностью сообщить русскому морскому командованію, что британскій флотъ никогда не забудетъ той услуги, которая была ему оказана русскимъ флотомъ.

Всякое перехваченное германское радіо немедленно передавалось въ Лондонъ въ адмиралтейство, гдѣ по разсказамъ свѣдую-

щихъ лицъ*), имѣлась особая комната «№ 40», въ которой работали специалисты, расшифровывавшіе полученное сообщеніе и переводившіе его на англійскій языкъ.

Главнымъ руководителемъ этихъ работъ былъ извѣстный лингвистъ эдинбургскій профессоръ А. Ивингъ, получившій широкую извѣстность въ англійскомъ обществѣ, какъ лицо, оказывавшее англійскому народу большія услуги во время войны. Никто вѣдь не зналъ, какимъ образомъ, добывались тѣ цѣнныя данныя, которыя выходили изъ комнаты «№ 40», и полученіе которыхъ приписывалось тайному «изобрѣтенію» почтеннаго профессора!

Лишь немногія лица въ теченіе войны были освѣдомлены о томъ, что о всѣхъ главныхъ выходахъ и предстоящихъ дѣйствіяхъ нѣмецкаго флота англичане узнавали отъ самихъ же нѣмцевъ, которые пользовались радіо-телеграфными сообщеніями весьма широко, будучи увѣрены въ ихъ безусловной секретности.

3. Вторженіе русскихъ армій въ Галичину.

Нѣсколькими днями позднѣе вторженія русскихъ армій С.-З. фронта въ Восточную Пруссію, по директивѣ Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго приступили къ выполненію своихъ первоначальныхъ боевыхъ задачъ, предусмотрѣнныхъ еще въ мирное время, четыре арміи Юго-Западнаго фронта, въ составѣ 16-ти армейскихъ корпусовъ.

По существовавшимъ предположеніямъ эти арміи могли встрѣтиться съ 12-13 австро-венгерскими корпусами, развертывавшимися въ Галичинѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этими данными обстановки, цѣлью дѣйствій Ю.-З. фронта, находившихся подъ начальствомъ генерала Иванова, занимавшаго въ мирное время постъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, ставилось пораженіе непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ упомянутомъ уже выше пограничномъ раіонѣ, имѣя въ виду воспрепятствованіе отходу этихъ силъ на югъ за рѣку Днѣстръ и на западъ къ Кракову. Иначе говоря — имѣлось въ виду ихъ окруженіе съ обоихъ фланговъ въ мѣстности къ сѣверу отъ Карпатскаго горнаго хребта. Русскія арміи Ю.-З. фронта должны были перейти границу двумя группами: со стороны русской Польши, съ фронта: Люблинъ — Ковель на югъ, и со стороны правобережной Украины, съ фронта Луцкъ

*) Статья А. Бенклевскаго: «Русскій подарокъ Англіи».

— Проскуровъ, на западъ. — Главный ударъ возлагался на эту послѣднюю группу; поэтому на составъ и ускореніе готовности тѣхъ армій, которыя ее составляли (3-й и 8-й) было обращено особое вниманіе.

Такимъ образомъ арміи, образовавшія сѣверную группу Ю.-З. фронта (4-я и 5-я), были составлены изъ войскъ, располагавшихся въ мирное время внутри страны и потому нѣсколько запаздывавшихъ въ своемъ прибытіи въ пограничный раіонъ. Исключеніе составляли только два мѣстныхъ корпуса, вошедшихъ разумѣется также въ составъ названной группы и игравшихъ роль войскъ прикрытія.

Даннымъ обстоятельствомъ воспользовалось австрійское командованіе, рѣшившее быстрымъ вторженіемъ съ юга въ предѣлы русской Польши предупредить русское наступленіе и разбить незакончившую своего сосредоточенія сѣверную группу армій Ю.-З. фронта, прежде чѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій скажется наступленіе 3-й и 8-й армій.

Въ результатѣ такого рѣшенія, положеніе сѣверной группы Ю.-З. фронта оказалось къ 30-му августа 1914-го года, то есть ко времени обозначившагося неуспѣха наступленія армій С.-З. фронта въ Восточную Пруссію, крайне тяжелымъ.

Войска 1-й австрійской арміи генералаДанкля, послѣ ряда встрѣчныхъ боевъ, устремились на правофланговую 4-ю русскую армію и подъ Люблинымъ стали окружать ее съ обоихъ фланговъ. Съ лѣваго берега р. Вислы къ австрійцамъ былъ притянутъ германскій корпусъ генерала Войрша, а на правомъ флангѣ войскамъ Данкля удалось 1-го сентября прорваться въ стыкѣ между 4-й и 5-й русскими арміями. — Занявъ желѣзнодорожную станцію Травники, на линіи Люблинъ — Холмъ, австрійцы этимъ своимъ положеніемъ прервали ближайшую желѣзнодорожную связь 4-й арміи съ остальными арміями Ю.-З. фронта.

Въ то же время въ раіонѣ сосѣдней слѣва 5-й арміи произошелъ весьма упорный и кровопролитный бой у Томашова съ войсками 4-й австрійской арміи генерала Ауфенберга, наступавшими восточнѣе арміи генерала Данкля и уступомъ назадъ по отношенію къ ней. Австрійцы называютъ этотъ бой боемъ у Комарова и Императоръ Францъ-Іосифъ наградилъ генерала Ауфенберга за его боевые успѣхи титуломъ графа Комаровскаго. — Въ результатѣ этого боя 5-й русской арміи, дѣйствительно, пришлось начать отводъ своихъ корпусовъ за р. Бугъ.

Трудное положеніе сѣверной группы армій Ю.-З. фронта мо-

глю быть еще выправлено быстрымъ сближеніемъ съ нею 3-й и 8-й русскихъ армій, наступавшихъ съ востока. — Но генералъ Рузскій, въ рукахъ котораго временно было объединено руководство боевыми дѣйствіями этихъ армій, подводя ихъ къ 29-му августа на фронтъ Львовъ — Галичъ, рѣшилъ на нѣкоторое время пріостановить дальнѣйшее движеніе ввѣренныхъ ему войскъ, имѣя въ виду развѣдку львовскихъ укрѣпленій, о силѣ и значеніи которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, существовали преувеличенныя свѣдѣнія.

Для полноты характеристики того неблагопріятнаго положенія, въ которомъ оказались русскія вооруженныя силы, необходимо еще отмѣтить, что очерченная выше обстановка на Ю.-З. фронтѣ сложилась какъ разъ къ тому времени (конецъ августа), когда на С.-З. фронтѣ обѣ наши арміи 1-я и 2-я, были парализованы тяжкой «Самсоновской трагедіей». — Въ результатѣ пораженія войскъ 2-й русской арміи генерала Самсонова, весь Наревскій фронтъ по существу оказывался открытымъ для вторженія черезъ него съ сѣвера изъ Восточной Пруссіи въ русскую Польшу германцевъ, къ которымъ, какъ читателю уже извѣстно, спѣшно подвозились подкрѣпленія съ западнаго фронта. При успѣхѣ этого наступленія, нѣмецкія войска могли создать угрозу сообщеніямъ сѣверной группы Ю.-З. фронта, проходившимъ съ фронта Люблинъ — Ковель, черезъ ту же русскую Польшу.

При всѣхъ описанныхъ выше условіяхъ, отъ Великаго Князя Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго потребовалось много выдержки и твердости духа, чтобы не поддаться вліянію неблагопріятныхъ факторовъ и съ достоинствомъ вывести русскія арміи на путь рѣшительной побѣды надъ австрійцами. Въ этой побѣдѣ была лучшая развязка всего положенія.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, русской Ставкой были, прежде всего, приняты рѣшительныя мѣры къ непосредственному усиленію войскъ 4-й русской арміи. — Съ этой цѣлью, въ составъ названной арміи были послѣдовательно направлены, въ видѣ подкрѣпленій, три корпуса, снятыхъ съ другихъ направленій, и нѣсколько второочередныхъ дивизій, которые въ общемъ усилили эту армію на 9 1/2 пѣх. дивизій. Такъ какъ, съ подходомъ всѣхъ этихъ частей, составъ 4-й арміи долженъ былъ увеличиться до 6-ти корпусовъ съ нѣсколькими второочередными дивизіями, то, для удобства управленія, войска были подраздѣлены на двѣ арміи (9-ю и 4-ю), во главѣ коихъ поставлены твердые и спокойные начальники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великимъ Княземъ было послано категориче-

ское указаніе генералу Рузскому: продолжать безостановочно дальнѣйшее наступленіе, «развивая своимъ правымъ флангомъ наступательныя дѣйствія въ обходъ Львова съ сѣвера», и пуще всего «не допускать переброски противника отъ Львова противъ сѣверной группы русскихъ войскъ».

Наконецъ, особымъ обращеніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, Великій Князь Николай Николаевичъ призвалъ всѣ войска Ю.-З. фронта къ полному напряженію силъ. Согласно приказа, отданнаго 31-го августа, войска должны были въ кратчайшій срокъ перейти въ наступленіе, а въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ таковое наступленіе сказывалось невозможнымъ, онѣ должны были удерживать занятыя ими позиціи «до послѣдняго человѣка».

Результаты изложенныхъ мѣръ и твердо выраженной воли о необходимости достигнуть побѣды стали сказываться въ теченіе ближайшихъ же дней.

Уже 4-го сентября наступленіе трехъ армій сѣверной группы Ю.-З. фронта (арміи 9-я, 4-я и 5-я) приняло болѣе общій характеръ. — Къ сожалѣнію, не вполнѣ согласованными съ общей мыслью всей операціи, распоряженіями генерала Иванова первоначальная идея воспрепятствованія отходу значительныхъ силъ на Краковъ была извращена, и армія генерала Данкля успѣла уйти за р. Санъ.

Съ развитіемъ дальнѣйшаго наступленія 3-й и 8-й русскихъ армій, въ наши руки въ началѣ сентября перешелъ Львовъ, за нимъ — Галичъ. — Къ сѣверу отъ Львова 12-го сентября взята былъ укрѣпленная позиція у Равы-Русской, съ паденіемъ которой прекратилось шестидневное упорное сопротивленіе, оказывавшееся австрійцами на весьма сильной Городокской позиціи, занятой австрійцами западнѣе Львова. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылись для удара русскихъ войскъ пути отхода той группы австрійцевъ, которая вторглась въ русскую Польшу съ юга, и такимъ образомъ заколебался весь австрійскій фронтъ.

Свыше сорока дивизій, сбиваясь въ кучу и обнажая пути въ Венгрію и Буковину, спѣшили уйти за р. Санъ и Вислоку, бросая оружіе и сдаваясь массами въ плѣнъ.

Военная мощь двуединой Дунайской Монархіи перестала существовать. Австрійскіе славяне, недовольные наложеннымъ на нихъ Габсбургами игомъ, получили значительный толчокъ къ развитію у себя сепаратныхъ теченій; что же касается австро-венгерской арміи, то, хотя послѣ перенесеннаго разгрома ее и удалось

возродить частично, но она была лишена уже навсегда способности самостоятельно вести войну, требуя все большей и большей помощи въ ея операціяхъ со стороны германскихъ армій.

Направленіемъ всѣхъ свободныхъ русскихъ силъ противъ Австро-Венгріи весьма отчетливо выявилась способность Великаго Князя Николая Николаевича правильно оцѣнивать обстановку, а успѣхъ его твердаго слова, обращеннаго къ войскамъ, свидѣтельствовалъ о томъ довѣріи, которое эти войска питали къ его распоряженіямъ.

4. Русская армія на Вислѣ въ октябрѣ 1914-го года.

Наступленіе по лѣвому берегу р. Вислы противъ Германіи всегда входило въ предположенія русской Ставки. Объ этомъ движеніи, какъ уже знаетъ читатель, мечталъ какъ о наиболѣе желательномъ для французовъ и генералъ Жоффръ. Но перенось военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы намѣчался русскимъ Генеральнымъ Штабомъ лишь въ результатѣ удачнаго разрѣшенія первоначальныхъ наступательныхъ задачъ въ Восточной Пруссіи и въ Галичинѣ. Съ выходомъ русскихъ войскъ къ нижней Вислѣ и съ утвержденіемъ ихъ въ Галичинѣ, наступленіе это могло рисоваться въ видѣ переброски значительной массы русскихъ войскъ черезъ Вислу по постояннымъ мостамъ, имѣвшимся въ Варшавѣ и Ивангородѣ, и движенія ихъ въ пространствѣ между нижней Вислой и Судетскими горами черезъ Познань и Силезію въ самое сердце Германіи. Въ этомъ движеніи, конечно, должны были принять участіе всѣ вооруженныя силы Россіи, почему оно представлялось исполнимымъ лишь по прибытіи на Вислу войскъ изъ азіатскихъ округовъ. При этомъ лѣвый флангъ такого обширнаго фронта могъ получить опору въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи, лежащихъ по ту сторону Судетскаго хребта; самое же операціонное направленіе должно было пересѣкать польскія провинціи Силезію и Познань, въ которыхъ мы могли также расчитывать поднять волну освободительнаго движенія.

Правда, при наступленіи русскихъ вооруженныхъ силъ по лѣвому берегу р. Вислы, арміи ихъ должны были встрѣтить на своемъ пути двѣ германскія крѣпости Познань и Бреславль, а на флангѣ онѣ оставляли у себя австрійскую крѣпость Краковъ, но, при массовомъ характерѣ нынѣшнихъ армій, овладѣніе крѣпостями сравнительно легко достигается побѣдою этихъ армій надъ противникомъ въ полѣ.

Обстановка, сложившаяся въ дѣйствительности къ серединѣ

сентября, не была, однако, столь выгодной, какъ это предполагалось: Восточная Пруссія, связанная съ внутренними областями Германіи рядомъ сильныхъ желѣзнодорожныхъ линій, осталась въ рукахъ нашего военнаго противника — Германіи, а въ Галичинѣ, — австро-венгерскія войска, хотя и были разбиты, но все же имъ удалось отступить въ направленіи на Краковъ и избѣжать уничтоженія.

Болѣе благопріятно, къ тому времени, сложились условія во Франціи, благодаря Марнской побѣдѣ, но и тамъ генералъ Жоффръ предвидѣлъ, уже въ первые дни послѣ обозначившейся побѣды, вѣроятную остановку въ преслѣдованіи. — Опасаясь возможности перехода иниціативы вновь въ руки германскаго командованія, онъ уже въ серединѣ сентября обратился къ намъ съ просьбой о перенесеніи русскими войсками военныхъ операцій на лѣвый берегъ р. Вислы.

Къ этому времени участокъ средней Вислы между Буго-Наревомъ и Саномъ былъ почти обнаженъ отъ нашихъ войскъ. Сосредоточенные въ первыя же недѣли войны къ Варшавѣ два корпуса (Гвард. и XVIII-й), взятые изъ столичнаго раіона, какъ мы уже видѣли, были направлены, въ періодъ Галичской наступательной операціи, на усиленіе праваго фланга Ю.-З. фронта; остальные же корпуса, располагавшіеся въ мирное время въ отдаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій раіонахъ, только перевозились по желѣзнымъ дорогамъ въ общемъ направленіи на Варшаву.

Въ такой обстановкѣ единственными частями, которыя могли бы служить для переброски на лѣвый берегъ р. Вислы, являлись войска Ю.-З. фронта, которыя, кстати сказать, по мѣрѣ углубленія ихъ въ западную часть Галичины, оказывались все болѣе сдавливаемыми съ сѣвера направленіемъ теченія р. Вислы, выше Сандомира, а съ юга — Карпатскимъ хребтомъ.

По предположеніямъ штаба Ю.-З. фронта, войска эти и предполагалось начать перебрасывать на лѣвый берегъ р. Вислы, сначала на р. Ниду, а затѣмъ выдвинуть впередъ, для дальнѣйшаго наступленія на Калишъ и Лиссу. — Однако, такое предположеніе представляло нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ отношеніи, что на участкѣ р. Вислы выше Сандомира не имѣлось постоянныхъ мостовыхъ переправъ; переброска же по временнымъ мостамъ, въ сферѣ возможнаго вліянія противника и при сильно колеблющемся въ осеннее время уровнѣ воды во всей Вислинской рѣчной системѣ, представляла немалыя опасности въ смыслѣ возможнаго срыва вре-

менныхъ мостовъ. Мы уже на р. Санѣ пережили довольно тревожное время, вслѣдствіе порчи военныхъ мостовъ, изъ-за внезапнаго поднятія воды послѣ выпавшихъ въ горахъ дождей. Повторять этотъ опытъ было бы неосторожно!

Недостаточное количество войскъ, имѣвшихся въ наличіи для выполненія столь грандіозной операціи, какъ наступленіе въ предѣлы Германіи, и необезпеченность этой операціи, въ особенности со стороны праваго фланга, надъ которымъ висѣла постоянная угроза въ видѣ Восточной Пруссіи, требовали серьезныхъ гарантій въ томъ, что нашими союзниками будутъ приняты всѣ мѣры и усилія, чтобы надолго приковать главныя силы германцевъ къ своему фронту и этимъ отнять у нихъ возможность новой переброски войскъ на русскій фронтъ. Исходя изъ этой мысли, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, сообщая о своемъ наступательномъ предположеніи французскому генералиссимусу, призналъ необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ запросить генерала Жоффра считаетъ ли его правительство конечной цѣлью вооруженныхъ дѣйствій своей арміи очищеніе отъ непріятеля французской территоріи и отобраніе Эльзаса и Лотарингіи, или же оно поставило своей арміи болѣе широкія задачи, связанныя со вторженіемъ въ Германію. Только получивъ успокоительныя завѣренія о томъ, что французское наступленіе не будетъ остановлено ни на какой линіи и что начинающіеся на лѣвомъ флангѣ французскаго фронта бои отнимаютъ у нѣмцевъ возможность переброски значительныхъ силъ на восточный фронтъ, Великій Князь окончательно рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о переносѣ русскаго наступленія на лѣвый берегъ Вислы.

Каково же было дѣйствительное стратегическое значеніе тѣхъ боевъ, о которыхъ упоминалъ въ своемъ отвѣтѣ французскій Главнокомандующій?

Русскій посолъ въ Парижѣ такъ объяснялъ ихъ происхожденіе:

«Одного, даже столь крупнаго пораженія нѣмцевъ (какъ Марна) оказалось недостаточно, чтобы заставить германскія арміи очистить французскую территорію. Весьма скоро обнаружилось, что непріятель успѣлъ остановиться на укрѣпленныхъ имъ позиціяхъ по р. Энъ, и только между устьемъ этой рѣки и Сѣвернымъ моремъ оставалось свободное для развитія дальнѣйшихъ дѣйствій пространство»...

«Отказываясь отъ рѣшительнаго наступленія на фронтѣ, сообщалъ въ дальнѣйшемъ А. П. Извольскій, генералъ Жоффръ дѣлалъ

въ теченіе цѣлаго мѣсяца попытки, путемъ неустаннаго маневрированія, обойти правый флангъ нѣмцевъ, чтобы такимъ образомъ заставить ихъ отступить. Но на каждый такой маневръ нѣмцы отвѣчали подобнымъ же контръ-маневромъ, въ результатѣ чего къ концу октября обѣ арміи докатились до морского побережья»...

На самомъ же дѣлѣ инициатива дѣйствій въ этомъ стремленіи къ обходу открытаго фланга, вызвавшемъ перегруппировки, остроумно называемыя нѣкоторыми авторами «бѣгомъ къ морю», принадлежала германцамъ и основною цѣлью ихъ маневра служило стремленіе захватить Дюнкеркъ и пробиться къ Кале и Булони. Со взятіемъ названныхъ пунктовъ, для нѣмцевъ, кромѣ захвата англійскихъ базъ, расширялась зона дѣйствій ихъ подводныхъ лодокъ и открывалась возможность даже непосредственной угрозы англійскимъ берегамъ.

Просмотрите, читатель, воспоминанія бывшаго во время войны англійскаго морского министра Черчилля, относящіяся къ данному періоду войны: они полны тревоги и заботъ о судьбѣ поименованныхъ выше пунктовъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности вопросъ шелъ объ оказаніи новой помощи нашимъ западнымъ союзникамъ. И, если въ періодъ русской Восточно-Прусской наступательной операціи и битвы на р. Марнѣ вопросъ шелъ о судьбѣ французской арміи и, въ частности — объ освобожденіи отъ угрозы Парижа, то въ настоящее время ставились на карту подступы къ ближайшимъ базамъ англичанъ, а слѣдовательно и вопросъ объ общемъ стратегическомъ положеніи британской арміи на материкѣ. Со взятіемъ нѣмцами Дюнкерка, Кале и Булони, свобода дѣйствій англійскихъ войскъ являлась бы и въ самомъ дѣлѣ значительно стѣсненной и въ ихъ штабѣ уже обсуждался вопросъ о перенесеніи запасовъ болѣе къ западу, а именно въ Гавръ.

Въ очень трудномъ положеніи могла бы оказаться также отступавшая въ то время изъ Антверпена бельгійская армія.

Телеграммами отъ 21-го и 29-го сентября нашъ посолъ въ Парижѣ сообщалъ, что германцы подвозятъ на свой правый флангъ значительныя подкрѣпленія и что, въ общемъ, они имѣютъ перевѣсъ надъ своими противниками по крайней мѣрѣ въ 250 тысячъ человѣкъ; армія ихъ къ тому же являлась снабженной многочисленной тяжелой артиллеріей. По свѣдѣніямъ А. П. Извольскаго, у нѣмцевъ къ 10-15 октября заканчиваютъ свое формированіе до 10-ти новыхъ корпусовъ и тогда ихъ превосходство въ силахъ, говорилъ

нашъ посолъ въ Парижѣ, можетъ быть доведено до полумилліона людей!

— Всѣ эти силы, — заключалъ Извольскій, — будутъ направлены противъ Франціи, если къ этому времени Россія со своей стороны не разовьетъ въ достаточной мѣрѣ своихъ операцій противъ Германіи. Лишь прямая угроза Берлину, говорилось далѣе въ донесеніи, была бы способна оттянуть отъ Западнаго фронта названныя непріятельскія силы, «натискъ коихъ Франція не въ состояніи будетъ выдержать»...

Свѣдѣнія А. П. Извольскаго о количествѣ новыхъ германскихъ формированій и главное о срокахъ ихъ готовности не вполнѣ сходились съ данными Ставки и считались нами явно преувеличенными. Все же приходилось учитывать настроенія Парижа и торопиться оказаніемъ новой помощи нашимъ западнымъ союзникамъ.

Между нимъ, начиная съ середины сентября до насъ стали доходить свѣдѣнія — сначала неясныя, потомъ все болѣе и болѣе подтверждавшіяся, о сосредоточеніи германо-австрійскихъ войскъ въ верхней Силезіи и о предстоящемъ совмѣстномъ наступленіи ихъ вдоль береговъ верхней Вислы.

Вскорѣ мы имѣли уже вполнѣ опредѣленныя данныя о томъ, что въ составѣ германскихъ войскъ, сосредоточивающихся въ Силезіи, находятся корпуса, перевезенные туда изъ Восточной Пруссіи. Въ послѣдней они были замѣнены нѣмецкими вновь сформированными частями. Такъ, напримѣръ, въ Восточной Пруссіи обнаруженъ былъ XXV Рез. корпусъ, предназначавшійся, по нашимъ свѣдѣніямъ, первоначально къ отправленію на западный фронтъ.

Очевидно, что германское командованіе Восточнаго фронта узнало о нашемъ планѣ перенесенія военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы. Въ отвѣтъ на это рѣшеніе, оно сосредоточивало германо-австрійскія силы — или для обороны Силезіи, игравшей весьма большую роль въ дѣлѣ германской военной промышленности, или еще вѣрнѣе — для контръ-наступленія, въ цѣляхъ предотвращенія опасности нашего вторичнаго вторженія въ Германію. Это второе предположеніе вскорѣ подтвердилось въ полной мѣрѣ: мы были наканунѣ широко задуманнаго наступленія германо-австрійскихъ войскъ къ средней Вислѣ.

Для такого наступленія въ Силезію было переброшено германцами изъ Восточной Пруссіи четыре корпуса, къ которымъ съ различныхъ участковъ фронта были притянуты еще двѣ отдѣльныя дивизіи и нѣсколько ландверныхъ и ландштурменныхъ бригадъ. Независимо того, съ праваго берега р. Вислы былъ обратно возвра-

шенъ германскій ландверный корпусъ генерала Войрша и переброшена 1-я австрійская армія генералаДанкля. Такимъ образомъ, сверхъ австрійцевъ, въ организуемомъ наступленіи должны были принять участіе не менѣе шести германскихъ корпусовъ.

Положеніе русскаго Главнокомандованія было такими дѣйствіями непріятеля весьма затруднено, тѣмъ болѣе, что начатое германцами наступленіе развивалось съ необычайной быстротой и уже къ послѣднимъ числамъ сентября головы ихъ наступавшихъ корпусовъ успѣли значительно продвинуться впередъ. Въ распоряженіи русскихъ на средней Вислѣ находились лишь самыя ограниченныя силы въ Варшавѣ и у Ивангорода. Съ другой стороны, при наличіи столь быстро развивавшагося непріятельскаго наступленія, стала совершенно немыслимой переправа русскихъ войскъ, находившихся въ Галичинѣ, на лѣвый берегъ р. Вислы выше Сандомира. Русское верховное командованіе такимъ образомъ должно было имѣть въ виду необходимость, для выхода къ средней Вислѣ, выполненія весьма кружного маневра по грунтовымъ дорогамъ черезъ Люблинъ и далѣе по желѣзной дорогѣ на Варшаву и Ивангородъ.

Обстановка къ означенному времени утяжелялась еще новымъ обстоятельствомъ. Опредѣленно стало выясняться, что и на правомъ берегу р. Вислы австрійцы, занимавшіе фронтъ по р. Дунайцу отъ Вислы до Карпатъ, рѣшили послѣдовать примѣру германцевъ и также перейти въ общее наступленіе. Такимъ образомъ намъ угрожало соединенное германо-австрійское наступленіе вдоль обоихъ береговъ р. Вислы силами, которыя опредѣлялись нами въ количествѣ до 20-ти корпусовъ и на фронтѣ до 400 километровъ.

Въ такихъ условіяхъ русскому Верховному Главнокомандующему предстояло остановиться на опредѣленномъ планѣ дѣйствій и затѣмъ настойчиво добиваться его выполненія.

Согласно представленному Великому Князю Николаю Николаевичу оперативнымъ органомъ Ставки плану, русская армія должна была отвѣтить на непріятельское наступленіе контръ-ударомъ, совершивъ для сего первоначально соотвѣтствующую перегруппировку своихъ силъ. Пунктомъ рѣшительнаго удара предлагалось избрать лѣвый флангъ противника, являвшійся наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ всей наступательной операціи германо-австрійцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ. — На этомъ флангѣ наступали корпуса германской арміи, командованіе которыми несомнѣнно являлось иниціаторомъ всей задуманной операціи. Было почти несомнѣнно, что, съ пораженіемъ на этомъ флангѣ германцевъ, рушится безъ осо-

быхъ усилій и весь остальной планъ ихъ широкаго наступленія, развертывавшагося на фронтѣ отъ Варшавы, на сѣверѣ, до линіи р. Днѣстра, на югѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этими соображеніями, русская армія должна была быть частично переброшена изъ Галичины на среднюю Вислу, которую, вмѣстѣ съ занимаемой ею линіей р. Сана, она и должна была прочно закрѣпить, оставивъ за собою достаточно широкіе плацдармы на лѣвомъ берегу Вислы у Ивангорода и Варшавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ армія эта должна была сосредоточить у себя на правомъ флангѣ, въ районѣ Варшавы, сильную ударную группу, которой и надлежало выполнить ударъ противъ лѣваго фланга германскихъ войскъ, при приближеніи ихъ къ р. Вислѣ.

Конкретно, Ю.-З. фронтъ долженъ былъ въ кратчайшій срокъ перебросить изъ Галичины, по путямъ праваго берега р. Вислы, на среднее ея теченіе (участокъ отъ устья р. Сана до Варшавы) три арміи (5-ю, 4-ю и 9-ю), въ составѣ 9-10 корпусовъ. Въ свою очередь, С.-З. фронтъ долженъ былъ сосредоточить въ раіонѣ Варшавы 2-ю армію, въ составѣ семи корпусовъ. Въ армію эту должны были войти также Сибирскіе корпуса, подвозившіеся къ району дѣйствій съ Дальняго Востока.

Въ результатѣ названныхъ перегруппировокъ, на участкѣ рѣки Вислы отъ Варшавы до устья рѣки Пилицы (протяженіемъ менѣе 100 километровъ), должны были собраться 10 корпусовъ (2-я и 5-я арміи), для рѣшительнаго удара по лѣвому нѣмецкому флангу. Остальныя силы, долженствовавшія принять участіе въ маневрѣ (4-я, 9-я 3-я, 11-я и 8-я арміи), въ составѣ 15 корпусовъ, должны были активно оборонять общій фронтъ отъ устья р. Пилицы по Вислѣ и Сану до Карпатъ (свыше 300 километровъ), не стѣсняясь, — если будетъ это вызываться обстановкой, — даже временнымъ снятіемъ блокады съ австрійской крѣпости Перемышля.

Къ ударному крылу должна была присоединиться, для болѣе глубокаго обхода лѣваго германскаго фланга, и кавалерія генерала Новикова, находившаяся на лѣвомъ берегу р. Вислы и отходившая передъ непріятелемъ въ направленіи на Ивангородъ.

Для сосредоточенія руководства всей операціей въ однѣхъ рукахъ, ударная группа была присоединена къ арміямъ Ю.-З. фронта и такимъ образомъ выполненіе задуманной операціи ввѣрено было Великимъ Княземъ генералу Иванову.

Успѣхъ плана зависѣлъ отъ быстроты выполненія намѣчавшихся перегруппировокъ. Особо труднымъ являлось своевременное

перемѣщеніе армій, перебрасывавшихся изъ Галичины на Вислу, такъ какъ эти арміи принуждены были выполнять свое передвиженіе болѣе кружными, чѣмъ непріятель, путями. Жел. дорогу представлялось возможнымъ использовать только отъ Люблина, до котораго частямъ войскъ приходилось выполнять форсированное походное передвиженіе, на протяженіи не менѣе 5-6 переходовъ.

Въ короткихъ словахъ почти невозможно передать всѣ тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать нашимъ войскамъ. Наступила ужаснѣйшая осенняя слякоть. Зарядили непрерывные дожди. Дороги размокли. Нѣкоторые мосты, перекинутые черезъ ручьи и овраги оказались поврежденными и снесенными водою. Люди вязли въ грязи выше колѣнъ. Артиллерія и обозъ требовали дополнительной припряжки и назначенія особыхъ командъ для вытаскиванія застрявшихъ орудій и повозокъ. Трудности, словомъ, были невообразимыя.

Тѣмъ не менѣе всѣ препятствія были преодолѣны и русскія войска, хотя и значительно утомленныя, съ честью выполнили свою задачу. Они успѣли своевременно занять среднее теченіе р. Вислы и положить предѣлъ развившемуся наступленію германо-австрійцевъ. Несмотря на настойчивыя попытки, врагъ не былъ допущенъ на правый берегъ рѣкъ Сана и Вислы.

Однако, переоцѣнивъ свое положеніе и не дождавшись полнаго сосредоточенія 2-й арміи къ Варшавѣ, генералъ Ивановъ, руководившій операціей, перешелъ со своими войсками самъ въ наступленіе, которое оказалось крайне неудачнымъ. Мы потеряли, къ югу отъ Ивангорода, нѣсколько мостовъ, которые принуждены были сжечь, и вынуждены были выдержать весьма упорный бой въ раіонѣ Ивангорода у Козеницъ. Въ весьма трудномъ положеніи оказались одно время войска подъ самой Варшавой, южныя укрѣпленія которой подверглись энегричнымъ аттакамъ германцевъ. Командовавшій только еще собиравшейся въ Варшавѣ 2-й арміей генералъ Ш. не призналъ возможнымъ удерживаться на избранномъ имъ ранѣе фронтѣ и въ ночь на 12-ое октября отвелъ свои войска на линію старыхъ Варшавскихъ фортовъ.

Это рѣшеніе поставило въ свою очередь въ очень трудное положеніе сосѣдній корпусъ, переправлявшійся черезъ Вислу по временному мосту южнѣе Варшавы, причемъ одно время о судьбѣ корпуса до Ставки доходили самыя тревожныя вѣсти.

Отходъ войскъ, временно оборонявшихъ Варшаву, безъ соображенія съ положеніемъ сосѣднихъ частей, возбудилъ въ Верховномъ

Главнокомандующемъ сомнѣніе въ томъ, достаточно ли рѣшительны и искусны тѣ руки, которымъ ввѣрено нанесеніе въ будущемъ рѣшающаго удара по лѣвому флангу германскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого Великій Князь предложилъ генералу Иванову замѣнить командовавшаго 2-й арміей Начальникомъ Штаба Ю.-З. фронта генераломъ Алексѣевымъ, заслуженно пользовавшимся въ русской арміи репутаціей опытнаго стратега. Въ будущемъ этому генералу могло бы быть въ этомъ случаѣ ввѣрено командованіе новымъ третьимъ фронтомъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, причемъ открывалась бы возможность вернуть генерала Иванова обратно на Ю.-З. фронтъ въ Галичину, гдѣ его временно замѣщалъ генералъ Брусиловъ. Однако генералъ Ивановъ соглашался на замѣщеніе генераломъ Алексѣевымъ командующаго 2-й арміей лишь въ случаѣ моего перемѣщенія къ нему, на должность Начальника Штаба Ю.-З. фронта. Такъ какъ Великій Князь считалъ мое присутствіе въ Ставкѣ необходимымъ, то вся данная комбинація распалась.

Тѣмъ не менѣе видя возможность крушенія всей операціи, обѣщавшей по своему замыслу значительный успѣхъ надъ германцами, Верховный Главнокомандующій призналъ необходимымъ выйти изъ роли простого наблюдателя данной имъ директивы и возложить ближайшее руководство операцій на себя. При существовавшей организаціи русской дѣйствующей арміи, подраздѣлявшейся на два фронта и при необходимости быстрыхъ дѣйствій, другого средства для выполненія этого рѣшенія не было, какъ изъять 2-ю и сосѣднюю съ ней 5-ю армію, составлявшія ударную группу, изъ рукъ генерала Иванова и передать ихъ въ составъ армій С.-З. фронта. Этимъ распоряженіемъ Верховный Главнокомандующій отчасти развязывалъ себѣ руки, такъ какъ становился болѣе полнымъ хозяиномъ положенія, не вторгаясь въ предѣлы исполнительной компетенціи Главнокомандующихъ фронтами, и въ частности генерала Иванова, съ рѣшеніями котораго онъ въ корнѣ былъ не согласенъ.

Въ законѣ были конечно и другіе болѣе дѣйствительные методы устраненія генераловъ, оказавшихся не на высотѣ положенія, но уже разсказанный случай съ предполагавшимся отчисленіемъ отъ должности командующаго 1-й арміей генерала Ренненкампфа, послѣ его неудачныхъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи, ясно можетъ показать читателю, насколько воля Великаго Князя Николая Николаевича была связана въ отношеніи лицъ, пользовавшихся почему либо особымъ расположеніемъ Императора Николая.

Съ 12-ти часовъ ночи на 14-ое октября 2-я и 5-я армія, а также конница генерала Новикова должны были перейти въ подчине-

ніе главнокомандующему С.-З. фронтомъ. Въ ожиданіи окончательнаго сбора всѣхъ силъ этихъ двухъ армій, Главнокомандующему арміями этого фронта предписывалось частичными дѣйствіями расширить на лѣвомъ берегу р. Вислы удержанный пацдармъ, для болѣе свободнаго дебушированія изъ него въ будущемъ войскъ. Арміямъ же Ю.-З. фронта, находившимся на Вислѣ и Санѣ, указывалось согласовать свои дѣйствія съ арміями С.-З. фронта, занимавшими Варшавскій раіонъ, причемъ цѣль ихъ дѣйствій должна была заключаться въ томъ, чтобы приковать къ себѣ возможно большее количество непріятельскихъ силъ, для облегченія выполненія основной задачи операціи войсками С.-З. фронта.

Съ 18-го октября части войскъ 2-й арміи, постепенно сосредоточивавшейся къ Варшавѣ, стали переходить въ частичное наступленіе, выполняя задачу расширенія той части лѣвобережнаго раіона, которая была удержана въ нашихъ рукахъ. Шагъ за шагомъ германцы отжимались съ занятыхъ ими позицій. Тѣмъ временемъ изъ-за праваго фланга нашего новаго расположенія стала выходить конница, направлявшаяся въ обходъ лѣваго германскаго фланга.

Наконецъ, 20-го октября должно было произойти общее наступленіе 2-й и 5-й армій. Но уже въ ночь на это число обнаруженъ былъ отходъ германцевъ.

«Обстановка подъ Варшавой, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ, въ то время Начальникъ Штаба 8-й арміи генерала Гинденбурга, выполнявшей данное наступленіе, настойчиво требовало принятія срочныхъ мѣръ. Непріятельское окруженіе надвигалось на насъ все ближе и давленіе со стороны Новогеоргіевска и Варшавы становилось сильнѣе. Принять при такихъ условіяхъ бой было слишкомъ опасно. Ясно, что группу генерала Макензена наступавшую на Варшаву необходимо было оттянуть назадъ»...

Какъ только получилось извѣстіе объ отступленіи германцевъ изъ подъ Варшавы, Великій Князь Николай Николаевичъ немедленно отдалъ распоряженіе объ энергичномъ движеніи впередъ войскъ обоихъ фронтовъ въ направленіяхъ на Лодзь, Петроковъ, Опатовъ и Сандомиръ, продолжая развитіе главнаго удара правымъ флангомъ.

Попытка германцевъ остановиться на промежуточной позиціи успѣха не имѣла и нѣмцы принуждены были продолжать свое отступленіе.

Вслѣдъ за германскими войсками, подъ напоромъ русскихъ армій, стала откатываться также австрійская армія. И не только на Вислѣ, но и на Санѣ. Русское наступленіе развернулось постепенно на всемъ фронтѣ отъ нижней Бзуры до Карпатскихъ предгорій. Австрійская крѣпость Перемышль была вторично заблокирована нашей 11-й арміей.

«Положеніе было критическое, продолжаетъ свой разсказъ генералъ Людендорфъ. Наше октябрьское наступленіе дало намъ возможность выиграть нѣкоторое время, но оно закончилось неудачей. И теперь, повидимому, должно было случиться вторженіе въ Познань, Силезію и Моравію русскихъ войскъ, сильно превосходившихъ насъ въ числѣ»...

Такъ оцѣнивалъ обстановку, сложившуюся на лѣвомъ берегу р. Вислы къ концу октября 1914-го года, генералъ Людендорфъ!... И въ его словахъ не заключалось никакихъ преувеличеній. Опасность вторженія была налицо.

5. Ипръ и Лодзь.

Переходомъ съ линіи р. р. Вислы и Сана русскихъ армій въ наступленіе, для преслѣдованія отступавшихъ германо-австрійцевъ, закончился собственно русскій контръ-маневръ на средней Вислѣ. Описанныя дѣйствія оцѣнены по справедливости нашими союзниками и противниками, признавшими ихъ лучшимъ образцомъ русскаго стратегческаго искусства, выполненнымъ подъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича въ маневренный періодъ минувшей войны. Стратегія сдѣлала свое дѣло. Мы собрали къ рѣшительному пункту предстоявшаго сраженія численно превосходившія надъ непріятелемъ силы и нацѣлили ихъ въ чрезвычайно выгодномъ направленіи. Противникъ не рискнулъ боемъ и отступилъ. Его отступленіемъ открылись передъ нами пути въ глубь германской территоріи...

Для Германіи приближалось тревожное время. Мы получили изъ Парижа свѣдѣніе, что въ Берлинѣ очень обезпокоены судьбою силезскихъ горнопромышленныхъ предпріятій, игравшихъ, какъ извѣстно, весьма важную роль въ промышленной жизни Германіи.

Обстоятельства эти не могли не привлечь къ себѣ самаго серьезнаго вниманія Германскаго Верховнаго Главнокомандованія, которое было занято въ теченіи почти всего октября мѣсяца стремленіемъ на западѣ пробиться къ Дюнкерку и Кале. Послѣднимъ име-

немъ названа даже вся разыгравшаяся операція по овладѣнію ближайшими британскими базами.

Цѣлый мѣсяцъ въ этомъ раіонѣ льется кровь. На участкѣ вдоль р. Изера защитниковъ спасаетъ лишь искусственное наводненіе, неожиданно отдѣлившее обѣ стороны другъ отъ друга. Южнѣе у Ипра — между англичанами и нѣмцами разыгрываются бои, давшіе впослѣдствіи этому пункту право называться «фландрскимъ Верденомъ»...

Однако, въ концѣ октября новый руководитель германскими операціями генералъ Фалькенгайнъ, обезпокоенный извѣстіями о положеніи на восточномъ фронтѣ, спѣшно выѣзжаетъ въ Берлинъ, куда вызываетъ на совѣщаніе генерала Людендорфа. Его аттакуютъ съ востока просьбами о подкрѣпленіяхъ. Особенно настаиваютъ на переброскѣ крупныхъ нѣмецкихъ силъ съ запада на востокъ австрійцы, въ лицѣ генерала Конрада.

— Но я не могу отказаться отъ операцій у Ипра. Дѣло тамъ только началось... — отвѣчаетъ генералъ Фалькенгайнъ на всѣ доводы въ пользу усиленія нѣмецкихъ войскъ на востокѣ. И, чтобы облегчить вопросы внутренняго управленія, по его просьбѣ, Императоръ Вильгельмъ, приказомъ 1-го ноября, назначаетъ генерала Гинденбурга командующимъ всѣми нѣмецкими вооруженными силами на востокѣ. Это облегчаетъ ускоренное формированіе на Восточномъ фронтѣ ряда новыхъ дивизій изъ мѣстнаго ландвера и ландштурма и переформированіе Бреславльскаго и Познанскаго крѣпостныхъ гарнизоновъ въ части, способныя къ выдвиженію въ поле.

Новыя настоянія германскаго и австрійскаго командованія на восточномъ фронтѣ заставляютъ, наконецъ, генерала Фалькенгейна уступить и дать принципіальное согласіе на усиленіе нѣмецкихъ войскъ восточнаго фронта, въ ущербъ западному. Обѣщанныя подкрѣпленія опредѣлены въ четыре пѣхотныхъ корпуса и пять кавалерійскихъ дивизій*). По свидѣтельству генерала Людендорфа, большая часть этихъ войскъ не поспѣваетъ однако къ началу тѣхъ дѣйствій, которыя развернулись па этомъ фронтѣ, и только постепенно вливаются въ него, въ зависимости отъ обстановки.

Вполнѣ очевидно, что столь значительное ослабленіе германскихъ войскъ на западѣ не могло не сказаться на улучшеніе общаго положенія нашихъ союзниковъ. Какъ извѣстно, Ипръ остался окончательно въ рукахъ англичанъ и бои на этомъ участкѣ фронта

---

*) Корпуса II-й, III-й, Рез. XIII-й и XXIV-й, Рез. и кав. дивизіи: — 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, и 9-я.

постепенно замерли. Западный фронтъ постепенно стабилизируется и пріобрѣтаетъ характеръ сплошной стѣны укрѣпленій, которыя протягиваются отъ моря до швейцарской границы. Потребовалось четыре года нечеловѣческихъ усилій, чтобы, по выраженію французскаго историка Шерфиса, перешагнуть созданный барьеръ.

Какой же характеръ приняли дальнѣйшія дѣйствія на лѣвомъ берегу р. Вислы?

Исторія минувшей войны даетъ не одинъ примѣръ того, какъ германцы выходили изъ боя, если стратегическая обстановка складывалась не въ ихъ пользу. Пріемъ этотъ должно признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Если стратегическое искусство не смогло или не сумѣло выполнить своей задачи по подготовкѣ выгодныхъ условій для боевого столкновенія, то можетъ оказаться нерасчетливымъ испытывать судьбу путемъ неравнаго боя.

Такъ поступили нѣмцы, натолкнувшись на значительныя силы подъ Варшавой.

Конечно, для такого пріема необходимы выдержанныя войска, привыкшія смотрѣть на отступленіе не какъ на слѣдствіе пораженія, а какъ на своего рода маневръ, примѣняемый соотвѣтственно обстановкѣ. Необходимы также военноначальники съ тонкимъ военнымъ чутьемъ, дающимъ возможность вѣрно оцѣнивать обстановку.

Оставляя раіонъ лѣваго берега р. Вислы, нѣмцы проявили также въ полной мѣрѣ свое искусство въ разрушеніи тѣхъ путей, по которымъ должно было развиться русское дальнѣйшее наступленіе. Безпощадно уничтожались ими мосты, взрывались наиболѣе серьезныя желѣзнодорожныя и шоссейныя сооруженія, уничтожались телеграфныя сообщенія.

Военные представители союзныхъ державъ, состоявшіе при Ставкѣ и посѣтившіе почти непосредственно за уходомъ нѣмцевъ оставленный ими раіонъ, не могли скрыть своего удивленія передъ размѣрами произведенныхъ разрушеній.

Необходимость возстановленія дорогъ задержала, разумѣется, весьма надолго движеніе русскихъ войскъ, вслѣдствіе чего нѣмцы получили возможность безнаказаннаго отступленія къ своимъ границамъ.

Организація дальнѣйшаго наступленія русскихъ армій на лѣвомъ берегу р. Вислы оказалась вообще задачей чрезвычайно трудной. Сверхъ затрудненій, причиненныхъ капитальной порчей нѣмцами путей сообщенія, русскимъ приходилось считаться съ край-

нимъ утомленіемъ ихъ войскъ, вызваннымъ форсированными переходами и неблагопріятной погодой. Дожди и слякоть смѣнились сильными морозами и рѣзкими пронизывающими вѣтрами. Сказывалась также недостаточная готовность тыловъ. — Желѣзнодорожное сообщеніе было разрушено, конные же транспорты измучены отчаянными дорогами. Что касается автомобильнаго движенія, то таковое было также затруднено состояніемъ дорогъ; къ тому же оно было очень мало развито въ русской арміи. Войска терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и даже снабженіе хлѣбомъ было въ нѣкоторыхъ арміяхъ затруднено. Вслѣдствіе этого движеніе русской арміи могло быть только медленнымъ.

Наоборотъ, нѣмцы, быстро отходя по неразрушеннымъ путямъ, выигрывали тѣмъ самымъ пространство и вновь получали свободу маневренныхъ дѣйствій. Стратегическое положеніе ихъ, по мѣрѣ сближенія со своей желѣзнодорожной сѣтью, значительно улучшалось и давало возможность надѣяться на выполненіе ими новой стратегической комбинаціи, которая имѣла бы цѣлью задержать русское наступленіе до прибытія обѣщанныхъ генераломъ Фалькенгайномъ съ западнаго фронта подкрѣпленій.

Пользуясь установленнымъ единствомъ командованія на Восточномъ фронтѣ и значительнымъ преимуществомъ, имѣвшимся на сторонѣ нѣмцевъ, въ видѣ прекрасно развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ, генералъ Гинденбургъ скрытно сосредоточилъ между Торномъ и Врешеномъ 5½ пѣх. корпусовъ и нѣсколько кав. дивизій, которые въ видѣ 9-й арміи генерала Макензена онъ бросилъ 11-го ноября противъ праваго фланга русскихъ войскъ, между Вислой и Вартой.

Это было наиболѣе уязвимое мѣсто русскихъ армій, наступавшихъ по лѣвому берегу р. Вислы и дошедшихъ къ 10-му ноября своимъ правымъ флангомъ до р. Варты. Фронтъ ихъ въ это время тянулся отъ Унсеіова (на р. Вартѣ) до устья р. Ниды и далѣе на югъ до Карпатъ.

Хотя, для обезпеченія своего праваго фланга, русскимъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ и были приняты возможныя мѣры, тѣмъ не менѣе германскій ударъ былъ столь силенъ и совершенъ съ такою быстротою и внезапностью, что имѣлъ значительный успѣхъ.

Послѣ ряда боевъ у Влоцлавска, Кутно и Ленчицы, корпуса русской правофланговой арміи (2-й), оттѣсненныя въ раіонъ Лодзи, были тамъ окружены непріятельскимъ полукольцомъ — съ сѣвера, востока и юга. Оставались такимъ образомъ свободными пу-

ти сообщенія этой арміи только на юго-западъ, то есть въ направленіи сосѣдней слѣва — 5-й арміи.

«Гдѣ вы? Почему не наступаете? Мы рискуемъ потерей операціи! — тревожно спрашивалъ сосѣдей командующій 2-й арміей.

Въ Ставкѣ, распоряженіемъ Великаго Князя, однако, уже подготовлялся соотвѣтствующій контръ-маневръ, который долженъ былъ поставить нѣмецкія обходившія войска подъ ударъ новой русской группы, сосредоточивавшейся у Ловича. Нужно было только выиграть время и значитъ потребовать твердой стойкости отъ начальства 2-й русской арміи. Поэтому Командующему этой арміей было послано отъ Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго категорическое приказаніе: «держаться въ раіонѣ Лодзи во что бы то ни стало».

Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ. Германскія войска, прорвавшіяся у Кутно, въ своемъ обходномъ движеніи все тѣснѣе обволакивали Лодзь съ востока и юга. Группа германскаго генерала фонъ Шеферъ-Боаделя, захлестывала расположеніе нашей 2-й арміи настолько глубоко, что состоявшая при этой группѣ нѣмецкая кавалерія одно время прервала даже желѣзнодорожное сообщеніе между Варшавой, гдѣ находился въ то время штабъ С.-З. фронта, и Петроковымъ, служившимъ штабъ-квартирой 5-й арміи генерала Плеве.

Въ то же время войска этой послѣдней арміи, находившейся юго-западнѣе 2-й арміи, подверглись атакѣ съ запада, со стороны Бреславльскаго и Позпанскаго германскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ непріятельское кольцо стало захватывать въ свои тиски не только 2-ю, но и 5-ю армію, всего въ общемъ до 7½ корпусовъ.

При такихъ условіяхъ, генералъ Плеве, поддерживаемый своимъ доблестнымъ Начальникомъ Штаба генераломъ Миллеромъ, принялъ единственно возможное для военноначальника съ вѣрнымъ военнымъ пониманіемъ и солдатскимъ сердцемъ рѣшеніе перевести свой штабъ поближе къ войскамъ, хотя бы съ опасностью потерять связь со штабомъ армій фронта. Будучи старшимъ въ чинѣ, генералъ Плеве объединилъ въ своихъ рукахъ командованіе всей группой корпусовъ 2-й и 5-й армій, оторвавшихся отъ остальныхъ.

Прибывъ въ Ласкъ — пунктъ, избранный для новаго расположенія штаба своей арміи, генералъ Плеве на первую очередь выдвинулъ вопросъ: «чѣмъ можно помочь 2-й арміи?» и, въ соотвѣтствіи съ полученными отвѣтами, отдалъ приказаніе, сводившееся къ расширенію къ западу раіона, занятаго войсками всей его группы. Это распоряженіе привело къ ряду серьезныхъ боевъ, значи-

тельно улучшившихъ ихъ положеніе охваченной непріятелемъ группы войскъ.

Въ такихъ условіяхъ войскамъ названной группы, въ согласіи съ приказомъ Великаго Князя, приходилось держаться во чтобы то ни стало на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что малѣйшій намекъ на отступленіе по единственно оставшемуся свободнымъ шоссе Ласкъ-Петроковъ, несомнѣнно привело бы обѣ арміи къ катастрофѣ. Шоссе это отходило отъ крайняго лѣваго фланга всей группы и было совершенно необезпечено отъ непріятельскихъ ударовъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ такой обстановкѣ, въ девятомъ часу вечера 22-го ноября произошелъ курьезный случай, уже разсказанный мною въ книгѣ: «Россія въ міровой войнѣ». Кратко говоря, онъ состоялъ въ прибытіи въ штабъ генерала Плеве германскаго офицера, назвавшагося парламентеромъ.

Офицеръ этотъ, имѣвшій на своей груди «желѣзный крестъ», объяснилъ, что онъ посланъ съ предложеніемъ «о сдачѣ» генераломъ Гинденбургомъ, съ которымъ состоитъ въ родствѣ. Такъ какъ при немъ не имѣлось никакихъ письменныхъ документовъ, оправдывавшихъ его странную, чтобы не сказать болѣе, миссію, то офицеръ этотъ былъ просто на просто объявленъ Начальникомъ Штаба 5-й арміи военноплѣннымъ и, въ качествѣ таковаго, сданъ коменданту штабъ-квартиры, который озаботился его, полузамерзшаго, отогрѣть горячимъ чаемъ и накормить.

Жалкое физическое состояніе, въ которомъ прибылъ названный офицеръ, легко одѣтый, несмотря на леденящую зимнюю стужу, ярко свидѣтельствовало о томъ, что обходящія германскія войска, къ составу которыхъ принадлежалъ офицеръ, находились на исходѣ своихъ физическихъ силъ.

Въ этотъ періодъ времени, уже приводился въ исполненіе намѣченный Верховнымъ Главнокомандующимъ контръ-маневръ, имѣвшій цѣлью отрѣзаніе пути отступленія на сѣверъ тѣмъ германскимъ войскамъ, которыя обошли раіонъ Лодзи съ востока и даже юга. Части войскъ русской 1-й арміи, сосредоточенныя на фронтѣ Ловичъ-Скерневицы, должны были быстрымъ движеніемъ впередъ двинуться къ Брезинамъ — важному узлу путей и тѣмъ, какъ сказано выше, закрыть пути отступленія германской группѣ генерала Шеферъ-Боаделя, состоявшей изъ XXV-го рез. корпуса, 3-й гв. дивизіи генерала Лицмана и находившейся при нихъ кавалеріи

Въ этомъ окруженіи должны были принять участіе также нѣкоторыя части 5-й арміи.

Къ сожалѣнію, Ставкѣ снова пришлось столкнуться со стратегической бездѣятельностью командующаго войсками 1-й арміи генерала Ренненкампфа. По позднѣйшимъ донесеніямъ и расчетамъ штаба С.-З. фронта, войска эти двигались разрозненно, безъ должной связи между колоннами и, не имѣя передъ собою непріятеля, со скоростью всего лишь отъ 8 до 12 верстъ въ сутки.

При такихъ условіяхъ выполненіе задуманнаго контръ-маневра окончилось неудачей.

Ей содѣйствовала еще неосторожность одной изъ русскихъ дивизій, которая, занявъ Брезины, расположилась въ этомъ пунктѣ безъ достаточныхъ мѣръ охраненія. Тремъ германскимъ дивизіямъ, очутившимся въ катастрофическомъ положеніи, путемъ невѣроятныхъ усилій, удалось темною ночью, послѣ кроваваго ночного уличнаго боя, овладѣть Брезинами и пробиться къ сѣверу на свободу.

Читателю, который желалъ бы ознакомиться съ невѣроятными страданіями, выпавшими на долю тѣхъ нѣмецкихъ войскъ, которымъ пришлось пробиваться на сѣверъ, я рекомендовалъ бы прочесть выдающееся и живое повѣствованіе одного изъ участниковъ этихъ событій германскаго маіора фонъ Вульфена. Изъ этого описанія онъ составитъ себѣ отчстливую картину тѣхъ боевъ, которые должны были вести нѣмецкія войска въ сильную стужу, перегруженныя обозами и многочисленными ранеными, обстрѣливаемыя со всѣхъ сторонъ русской артиллеріей и пѣхотой, рискуя каждую минуту очутиться въ такомъ положеніи, изъ котораго два выхода: — смерть или плѣнъ.

На этотъ разъ генералъ Ренненкампфъ былъ отставленъ отъ командованія арміей. Но русскому оружію въ дорогую цѣну обошлось пристрастіе къ этому генералу Императорскаго Двора.

Распоряженіемъ тыловыхъ органовъ въ Варшавѣ уже подготовлялись поѣзда, вмѣстимостью въ 20 тыс. человѣкъ, долженствовавшіе вывезти взятыхъ у Брезинъ германскихъ плѣнныхъ во внутрь Россіи. Я былъ запрошенъ Петроградомъ, можно ли пропустить въ печать свѣдѣніе о Брезинскомъ плѣненіи значительнаго германскаго отряда, въ составѣ котораго находилась прусская гвардія, а русскія сердца напрасно бились въ трепетномъ ожиданіи реванша за «Самсоновскую трагедію»!...

Нѣмцы пробились на сѣверъ. Но одновременно имъ пришлось разогнуть то стальное полукольцо, которымъ они сдавили 2-ю армію. Отходъ отряда генерала Шефера-Боаделя закончился общимъ отступленіемъ всей 9-й арміи генерала Макензена, несмотря на полученныя ею съ западнаго фронта значительныя подкрѣпленія.

Наступавшая зима положила вообще предѣлъ широкимъ маневреннымъ дѣйствіямъ и, послѣ ряда отраженныхъ германскихъ попытокъ прорвать русское расположеніе на лѣвомъ берегу р. Вислы, тамъ наступило на нѣкоторое время относительное затишье.

ГЛАВА VIII-я.

1915-й ГОДЪ НА ФРОНТѢ.

1. Положеніе русскихъ армій на западномъ фронтѣ и выработка новаго плана ихъ дѣйствій.

Въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, русскія арміи вели наступательную кампанію, имѣя цѣлью приковать къ себѣ возможно большія германскія силы, дабы этимъ облегчить положеніе нашихъ западныхъ союзниковъ, и занять такое стратегическое положеніе, которое открывало бы имъ широкій просторъ для дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы въ направленіи Германіи.

Первая часть этой задачи повидимому была достигнута! Къ серединѣ января 1915-го года мы имѣли на западномъ фронтѣ противъ себя 83 непріятельскихъ пѣхотныхъ дивизіи, изъ которыхъ 42 пѣхотныхъ дивизіи принадлежали къ германской арміи. Силы германцевъ противъ насъ такимъ образомъ утроились и, если бы не наступательный порывъ русской арміи, то на французскомъ фронтѣ могло бы быть сосредоточено до 30-ти лишнихъ нѣмецкихъ дивизій.

Что касается второй половины задачи, то ее нельзя было признать выполненной. Хотя наши арміи и стояли на лѣвомъ берегу Вислы, но положеніе ихъ не было прочнымъ. Надъ нашимъ правымъ флангомъ грознымъ призракомъ висѣла Восточная Пруссія. Пользуясь прекрасно развитою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Германія въ любую минуту могла сосредоточить противъ него значительныя силы, которыми и остановить всякое наше наступательное начинаніе на лѣвомъ берегу р. Вислы. При этомъ значеніе Восточно-Прусскаго плацдарма возрастало бы по мѣрѣ углубленія русскихъ войскъ въ Познань и Силезію, и только рѣшительное пораженіе германскихъ войскъ на лѣвомъ берегу р. Вислы могло бы измѣнить это положеніе. Но вся Лодзинская операція доказывала маловѣроятность достиженія нами путемъ боя такого результата надъ нѣмцами.

Такимъ образомъ русское Верховное Главнокомандованіе долж-

но было сказать себѣ, что къ дальнѣйшему наступленію по лѣвому берегу р. Вислы оно къ началу 1915-го года не было готово.

Какія же ближайшія цѣли могли себѣ поставить русскіе въ такихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ первые мѣсяцы наступавшаго года?

Таковыхъ задачъ могло быть только двѣ. Или возвращеніе къ попыткѣ новаго овладѣнія Восточной Пруссіей, то есть мѣстныя дѣйствія на правомъ берегу Вислы, въ надеждѣ на дальнѣйшее расширеніе этой задачи въ случаѣ успѣха, или — развитіе нашихъ удачныхъ дѣйствій на Австро-Венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ цѣляхъ довершенія побѣды надъ войсками Имперіи Габсбурговъ.

Первая задача являлась, по своему характеру, менѣе обширной; она требовала меньшаго расхода живыхъ силъ и боевого матеріала; вмѣстѣ съ тѣмъ она являлась и болѣе обезпечивавшей задачу прикрытія собственныхъ границъ, и особенно путей къ обѣимъ столицамъ, пролегавшимъ къ сѣверу отъ Полѣсья.

Правда, операція въ Восточной Пруссіи была связана съ очень тяжелыми для Россіи воспоминаніями и не обѣщала ни быстрыхъ, ни блестящихъ результатовъ; при исполненіи ея требовалась крайняя осторожность, а также соотвѣтственная подготовка общественнаго мнѣнія, привыкшаго къ широкимъ пріемамъ русской стратегіи. Но ознакомленіе русскихъ общественныхъ силъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ арміи, о которомъ болѣе подробныя данныя приводятся ниже, открыло бы глаза Россіи лишь нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, на грозную опасность «износа» ея арміи, который еще можно было устранить соотвѣтствующими мѣрами при данномъ способѣ дѣйствій. Къ тому же наступившая зима значительно облегчала военныя дѣйствія въ Восточной Пруссіи, вслѣдствіе замерзанія рѣкъ, озеръ и болотъ по Нареву и Бобру.

Напротивъ того, продолженіе наступленія противъ Австро-Венгріи, требовало форсированія Карпатскаго хребта и перенесенія военныхъ дѣйствій въ Венгерскую равнину. Съ этимъ наступленіемъ было связано удаленіе главной массы войскъ въ сторону отъ собственныхъ границъ, почему операція эта мало отвѣчала условію безопасности. Не трудно также видѣть, что она связана была съ необходимостью большихъ жертвъ и требовала обильныхъ снабженій, на которыя мы не вправѣ были расчитывать.

Среди лицъ, имѣвшихъ въ Ставкѣ вліяніе на ходъ военныхъ операцій, были сторонники и одного и другого рѣшенія. Въ условіяхъ того времени я, по причинамъ моральнаго порядка, являл-

ся всегда горячимъ защитникомъ необходимости внимательнаго отношенія къ вопросу о прикрытіи собственныхъ сообщеній и потому упорно стоялъ за необходимость сосредоточенія усилій на первоначальномъ овладѣніи Восточно-Прусскимъ раіономъ. Къ сожалѣнію, ходъ дальнѣйшихъ событій лишь подчеркнулъ правильность проводившейся мною точки зрѣнія. Но въ рукахъ моихъ были еще доводы иного порядка, предостерегавшіе отъ опасныхъ, хотя и болѣе красочныхъ стратегическихъ плановъ.

Эти доводы были изложены мною въ особой запискѣ, разсматривавшейся въ особомъ совѣщаніи съ Главнокомандующими арміями фронтовъ.

Дѣло въ томъ, что къ концу 1914-го года были уже налицо признаки, указывавшіе на необходимость полнаго обновленія русской арміи.

Угрожающихъ размѣровъ достигъ некомплектъ въ арміи офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и людей вообще. Запасные батальоны не успѣвали вырабатывать необходимаго числа пополненій, вслѣдствіе чего въ полки присылались люди въ недостаточномъ количествѣ и совсѣмъ мало обученные. Великій Князь называлъ прибывавшія укомплектованія «недоучками», которые едва умѣли держать въ рукахъ винтовку.

Весьма скоро обнаружился столь сильный недостатокъ въ винтовкахъ, что даже присылаемыхъ въ полки людей нечѣмъ было вооружать, и такимъ образомъ они оставались при обозахъ, лишь загромождая послѣдніе.

Въ общемъ некомплектъ къ началу 1915-го года опредѣлялся до полумилліона людей, то есть на кругъ свыше чѣмъ по 5000 чел. на дивизію. Но были полки, свернутые даже въ отдѣльные батальоны и состоявшіе всего изъ 400 штыковъ!

Чтобы сколько нибудь поддержать штатный составъ полковъ отъ постепеннаго таянія, весьма скоро пришлось отбирать для прибывавшихъ пополненій 3-хъ линейныя винтовки, замѣняя ихъ старыми берданками, у всѣхъ нестроевыхъ, а также у войскъ спеціальнаго и вспомогательнаго назначеній (крѣпостная артиллерія, инженерныя и желѣзнодорожныя части и т. п.).

Но и эта мѣра могла оказать, очевидно, лишь единовременную помощь. Необходимъ же былъ постоянный притокъ винтовокъ.

Въ концѣ января 1915-го года недостатокъ ружей въ русской арміи обострился настолько, что пришлось отъ имени Великаго Князя обратиться за помощью къ Франціи. Соотвѣтственная телеграмма вызвала тамъ цѣлый переполохъ, но не привела къ практическимъ

результатамъ: Франція оказалась безсильной придти намъ на помощь. Поэтому въ дальнѣйшемъ пришлось расчитывать только на увеличеніе производительности собственныхъ оружейныхъ заводовъ, или покупку и заказы оружія заграницей. Что касается расчетовъ на заграничные рынки, то они оказались въ общемъ эфемерными. Производительность же отечественныхъ заводовъ лишь къ концу первой четверти 1915-го года была доведена до размѣра 60 тысячъ винтовокъ въ мѣсяцъ. Но что значила эта цифра при мѣсячной потребности въ винтовкахъ, опредѣлявшейся цифрой около 300-350 тысячъ! Было очевидно, что некомплектъ вооруженныхъ людей въ арміи съ теченіемъ времени можетъ только возрастать.

Независимо отъ недостатка въ винтовкахъ, на русскую армію надвигалось едва ли еще не большее испытаніе, въ видѣ недостатка огнестрѣльныхъ припасовъ, ружейныхъ и особенно артиллерійскихъ. Этотъ послѣдній недостатокъ сталъ выявляться уже въ первые мѣсяцы войны и о немъ было сообщено Ставкой Военному Министру уже въ октябрѣ 1914-го года. Но Военное Министерство, базируясь на опытѣ русско-японской войны, вначалѣ недовѣрчиво отнеслось къ сообщеніямъ Ставки, заподозрѣвъ ее даже въ сокрытіи истины. Генералъ Сухомлиновъ обращался, помимо Ставки, къ различнымъ лицамъ въ арміи, съ просьбой присылки точныхъ данныхъ о боевыхъ припасахъ. Сомнѣній однако не было. Наступалъ голодъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова. По самому скромному подсчету, требовалось на армію наличнаго состава ежемѣсячно не менѣе 1½ мил. патроновъ для одной только легкой артиллеріи; поступало же въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ 1914-1915 года едва около 1/4 части потребнаго числа.

Въ весьма печальномъ положеніи находились также вопросы снабженія арміи пулеметами и прочими предметами техническаго снабженія. Матеріальная часть арміи въ періодъ маневренной войны весьма быстро и неожиданно износилась.

Къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, мы не могли расчитывать въ вопросахъ снабженія на полученіе помощи отъ нашихъ союзниковъ: послѣдніе сами выбивались изъ силъ, чтобы преодолѣть собственныя въ этомъ отношеніи затрудненія.

Всѣ вытекавшіе выводы о невозможности задаваться при существовавшихъ условіяхъ какими либо широкими предположеніями на ближайшіе мѣсяцы, вынуждали Великаго Князя вначалѣ присоединиться къ моей точкѣ зрѣнія о необходимости временно ограничиться дѣйствіями въ направленіи Восточной Пруссіи, какъ болѣе

безопасными и лучше соображенными съ наличнымъ состояніемъ арміи и ея возможностями.

Однако, сторонники другого мнѣнія, указывали на подготовку австро-венгерскихъ войскъ къ новому наступленію и на необходимость отвѣтить на этотъ способъ дѣйствій не обороной, а только активными дѣйствіями, чтобы не дать возродиться австро-венгерской арміи отъ перенесенныхъ ею пораженій. Генералъ Ивановъ настойчиво указывалъ, что успѣхъ противъ австрійцевъ «отзовется благопріятно въ Венгріи, которая готова идти на сепаратный миръ, а также и въ Румыніи»...

Около того же времени и графъ Игнатьевъ; русскій военный агентъ въ Парижѣ, сообщалъ въ Ставку, что генералъ Жоффръ, освѣдомленный о трагическомъ положеніи вопроса объ огнестрѣльныхъ припасахъ въ русской арміи, высказался, что «если мы лишены возможности возобновить наступленіе въ Польшѣ, то все же быть можетъ сможемъ продолжить дѣйствія въ Галичинѣ, гдѣ характеръ мѣстности требуетъ минимальнаго содѣйствія артиллеріи».

Наконецъ, на рѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго, въ смыслѣ перенесенія нашихъ наступательныхъ дѣйствій въ Галичину, стали давить и политическіе факторы. Въ февралѣ 1915-го года открылись военныя дѣйствія союзниковъ противъ Дарданеллъ, а дипломатія Державъ Согласія въ наступающемъ году сосредоточила все свое искусство на томъ, чтобы привлечь на свою сторону Румынію и Италію. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, достиженіе Россіей крупнаго успѣха на австро-венгерскомъ театрѣ могло казаться крайне заманчивымъ, если бы не реальные факты, говорившіе противъ возможности счастливаго выполненія задуманной операціи.

Оцѣнка условій обстановки всегда однако является дѣломъ субъективнымъ; поэтому принятіе того или иного рѣшенія Главнокомандующимъ вооруженными силами, говоря теоретически, должно бы всегда быть актомъ только его свободной воли. Дѣло ближайшихъ сорудниковъ Верховнаго лишь выяснить реальные плюсы и минусы всякаго даннаго рѣшенія, что и было выполнено съ величайшимъ вниманіемъ. Мои предположенія о болѣе осторожномъ способѣ дѣйствій менѣе подходили къ порывистому и стремительному характеру Великаго Князя и поэтому, въ конечномъ результатѣ, не были приняты. Великій Князь, подъ вліяніемъ сторонниковъ другого способа дѣйствій, измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе и въ концѣ концовъ все болѣе и болѣе сталъ склоняться къ тому образу дѣйствій, который казался ему болѣе отвѣчавшимъ масштабу Россіи и ея конечнымъ стремленіямъ.

19-го марта начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго «собственноручнымъ» письмомъ на имя Главнокомандующихъ фронтами сообщалъ, что «отнынѣ Верховный Главнокомандующій имѣетъ своей основной задачей перейти всѣмъ С.-З. фронтомъ къ чисто оборонительнаго характера дѣйствіямъ а Ю.-З. фронту предназначаетъ главнѣйшую задачу будущей части кампаніи»...

Это единственная директива за всю войну, вышедшая изъ подъ пера генерала Янушкевича. Такъ какъ всякій оперативный планъ долженъ соотвѣтствовать настроеніямъ и характеру ихъ отвѣтственнаго исполнителя и такъ какъ таковымъ по закону являлся не кто другой какъ Главнокомандующій, то въ сущности противъ даннаго рѣшенія спорить болѣе не приходилось. Но, въ виду необычнаго порядка отдачи директивы, минуя меня, я все же немедленно возбудилъ ходатайство о моемъ увольненіи отъ должности. Просьба моя была категорически отвергнута, и я продолжалъ занимать прежній постъ генералъ-квартирмейстера, причемъ конечно съ прежнимъ рвеніемъ стремился обезпечить успѣхъ новаго плана, принятаго Великимъ Княземъ, стремясь лишь по возможности смягчить тѣ опасности, которыя, по моему мнѣнію, могли угрожать и стали позднѣе дѣйствительностью въ отношеніи нашего стратегическаго положенія вообще, и на сѣверѣ въ частности.

Тѣмъ не менѣе въ довольно длительный періодъ колебаній, стали уже постепенно осуществляться мѣры, намѣчавшіяся къ исполненію согласно первоначальнаго рѣшенія Великаго Князя.

Противъ 83-хъ непріятельскихъ дивизій, каковую цифру въ серединѣ января 1915-го года Русская Ставка принимала въ основаніе расчетовъ того времени, мы имѣли на фронтѣ 99 пѣх. дивизій и кромѣ того въ непосредственномъ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго находились 4½ отборныхъ пѣх. дивизіи. Соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ этихъ дивизій и укрѣпленіемъ занимавшихся позицій мы достигли прежде всего того, что положеніе нашего фронта должно было считаться достаточно прочнымъ и никакая неожиданность не могла намъ угрожать своими послѣдствіями.

Къ февралю мѣсяцу мы имѣли основаніе расчитывать влить въ войска новобранцевъ 1914-го года и нѣсколько улучшить положеніе подвижныхъ артиллерійскихъ запасовъ.

Въ Восточной Пруссіи къ этому времени находилась наша 10-я армія, имѣвшая 15. численно довольно слабыхъ дивизій, противъ 8-ми германскихъ. Армія эта остановилась въ своемъ наступленіи передъ укрѣпленной позиціей германцевъ на фронтѣ Мазурскихъ

озеръ. Командующій этой арміей генералъ Сиверсъ полагалъ возможнымъ лишь медленное продвиженіе ея впередъ, при помощи саперныхъ и минныхъ работъ.

Наиболѣе притягивавшимъ къ себѣ вниманіе, въ смыслѣ возможности наступленія, было Млавское направленіе, на которомъ войска Новогеоргіевской крѣпости (4 пѣх. дивизіи) вели довольно успѣшную борьбу противъ относительно слабыхъ силъ нѣмцевъ (вѣроятно 2 дивизіи). Чувствовалось, что, при энергичномъ нажимѣ, противникъ можетъ быть здѣсь отброшенъ на свою территорію.

Для наступленія предполагалось образовать ударную группу изъ трехъ отборнѣйшихъ корпусовъ (Гвардейскаго, IV-го Сибирскаго, только что прибывшаго съ Дальняго Востока, и XV-го корпуса, заново сформированнаго). Вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополнительными частями, сила ударной группы могла быть доведена до 8½-9 пѣх. дивизій.

Для главнаго удара было избрано направленіе съ фронта Пултускъ-Остроленка на фронтъ Сольдау-Ортельсбургъ, причемъ обезпеченіе фланговъ ударныхъ группъ должно было лежать: лѣваго на войскахъ, уже находившихся на Млавскомъ направленіи, и праваго на частяхъ 10-й арміи.

На переброску нѣмецкихъ войскъ съ лѣваго берега р. Вислы, мы очевидно должны были отвѣтить переброской съ того же фронта нашихъ войскъ, причемъ выгода болѣе короткихъ разстояній была бы на нашей сторонѣ.

Само собой разумѣется, что атака ударной группы должна была поддерживаться демонстративными дѣйствіями остальныхъ армій С.-З. фронта; 10-я же армія должна была совершить энергичный натискъ на противника со стороны одного изъ ея фланговъ. Съ предположеніями этими былъ своевременно ознакомленъ лично мною генералъ Рузскій, Главнокомандующій арміями С.-З. фронта, а 18-го января онъ былъ оффиціально увѣдомленъ, что Верховный Главнокомандующій вполнѣ одобрилъ формированіе новой 12-й арміи для Млавскаго направленія и утвердилъ назначеніе Командующимъ этой арміей генерала Плеве, котораго вмѣстѣ съ его начальникомъ штаба генераломъ Миллеромъ считалъ наиболѣе подготовленнымъ для выполненія задуманной операціи.

Однако уже въ это время Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ, отчасти поддерживаемый начальникомъ штаба этого фронта генераломъ Алексѣевымъ, выражалъ явное тяготѣніе къ мысли о необходимости форсированія Карпатъ и вторженія въ Вен-

герскую равнину, въ результатѣ чего генералу Иванову заманчиво рисовалась картина распаденія австро-венгерской монархіи и заключеніе сепаратнаго отъ Германіи мира.

Вначалѣ идея зимняго форсированія Карпатъ стала проводиться Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронта только подъ видомъ частной задачи фронта, преслѣдующей исключительно мѣстную цѣль исправленія невыгоднаго положенія, занятаго войсками этого фронта. Но затѣмъ, по мѣрѣ привлеченія къ ней интереса со стороны Верховнаго Главнокомандующаго, задачи наступленія армій Ю.-З. фронта стали постепенно расширяться и къ зонѣ наступленія стали притягиваться войска хотя и того же пока фронта, но другихъ раіоновъ. При этомъ войска въ этихъ послѣднихъ раіонахъ стали ослабляться въ такой мѣрѣ, что уже 26-го января общее положеніе на Ю.-З. фронтѣ заставило Верховное Главнокомандованіе согласиться на переброску съ С.-З. фронта на Ю.-З. XXII-го корпуса, для закрытія имъ важнаго Мункачскаго направленія, оказавшагося, вслѣдствіе ослабленія на немъ войскъ, въ явно угрожаемомъ положеніи.

Въ то же время выполненіе задуманнаго на Млавскомъ направленіи наступленія все откладывалось, пока неожиданное наступленіе германцевъ въ Восточной Пруссіи, исполненное со свѣжими силами въ началѣ февраля, не заставило отъ него отказаться вовсе, а послѣдовавшая затѣмъ перемѣна въ планахъ Верховнаго Главнокомандующаго не измѣнила кореннымъ образомъ всей обстановки войны.

2. Миражи генерала Людендорфа.

Наши противники, въ теченіе минувшей войны, были всегда достаточно хорошо освѣдомлены о передвиженіяхъ русскихъ войскъ и по нимъ составляли себѣ представленіе о планахъ русскаго командованія. Начавшееся сосредоточеніе нашихъ войскъ въ направленіи Восточной Пруссіи и перегруппировки, выполнявшіяся ими въ Карпатахъ, конечно, не ускользнули отъ непріятельскаго вниманія, но онѣ создали совершенно ложное, какъ мы видѣли, представленіе о наличіи у русскаго Верховнаго Главнокомандующаго въ началѣ 1915-го года особаго «гигантскаго», какъ его назвалъ генералъ Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ, наступательнаго плана.

Планъ этотъ рисовался автору упомянутыхъ воспоминаній въ видѣ одновременнаго наступленія нашихъ войскъ на обоихъ флангахъ ихъ обширнаго стратегическаго фронта въ двухъ направленіяхъ: въ сторону Восточной Пруссіи и въ направленіи Венгерской

равнины. Цѣлью же его повидимому должно было служить стремленіе къ выпрямленію той огромной дуги, которую въ дѣйствительности представляла линія нашего фронта, имѣвшаго вершину на лѣвомъ берегу р. Вислы, а основаніе въ раіонахъ къ западу отъ средняго Нѣмана и въ Буковинѣ.

Если бы основная мысль плана, который генералъ Людендорфъ приписываетъ русскому Главнокомандующему, была дѣйствительно такова, то едва ли ее можно было бы назвать цѣлесообразной, ибо она предусматривала бы одновременное наступленіе въ двухъ расходящихся направленіяхъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга и ничѣмъ идейно не связанныхъ. Но во всякомъ случаѣ предположеніе бывшаго начальника штаба Восточнаго германскаго фронта о наличіи у насъ какого то, «гигантскаго», плана наступательнаго характера, любопытно въ томъ отношеніи, что оно свидѣтельствуетъ о степени той мощи и энергіи, которыя приписывались русскимъ арміямъ и ихъ Главнокомандующему противниками еще въ началѣ 1915-го года.

На самомъ дѣлѣ читатель уже знаетъ, что дѣйствительное состояніе русскихъ армій не позволяло имъ задаваться какими либо широкими стратегическими операціями. Иллюзія существованія наступательнаго плана, приписываемаго намъ генераломъ Людендорфомъ, могла, такимъ образомъ, создаться лишь въ результатѣ тѣхъ колебаній, которыя существовали въ русской Ставкѣ и которыя выразились въ принятіи сначала плана наступленія въ Восточную Пруссію, а затѣмъ въ измѣненіи его на противоположный, имѣвшій задачей форсированіе Карпатскаго хребта.

Тѣмъ не менѣе, какъ бы въ противовѣсъ русскому «гигантскому» плану, со стороны нашихъ противниковъ намѣтились совершенно опредѣленно два контръ-удара: одинъ со стороны Карпатъ соединенными силами австро-германцевъ, и другой — изъ Восточной Пруссіи силами однихъ германцевъ. Я не берусь утверждать, составляли ли эти отдаленные другъ отъ друга удары части одного и того же плана, но полагаю, что для достиженія ими такихъ результатовъ, которые могли бы ихъ идейно связать въ одну общую стратегическую комбинацію, свободныя силы и средства нашихъ противниковъ были совершенно недостаточны, почему эти удары и были заранѣе обречены на стратегическій неуспѣхъ.

Вотъ какъ рисуется, съ точки зрѣнія русскаго изслѣдователя, зарожденіе обоихъ ударовъ.

Какъ извѣстно, всю зиму 14-го года германское военное мини-

стерство тщательно подготовляло внутри страны четыре новыхъ корпуса (XXXVIII-XXXXI). Они предназначались для новаго очередного удара ранней весной. Съ особымъ вниманіемъ были подобраны для этихъ ударныхъ корпусовъ начальствующія лица, а также кадры офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

Въ сущности, генераломъ Фалькенгайномъ, замѣстившимъ въ Германіи, послѣ неудачнаго похода нѣмцевъ на Парижъ, генерала Мольтке на посту начальника полевого штаба, вопросъ объ использованіи названныхъ корпусовъ былъ твердо предрѣшенъ въ смыслѣ направленія ихъ на Западный фронтъ. Раннимъ переходомъ къ активнымъ дѣйствіямъ на этомъ фронтѣ можно было вновь попытаться захватить ускользавшую изъ рукъ нѣмцевъ инициативу дѣйствій. Поэтому требовались особо серьезные доводы, въ пользу измѣненія боевого предназначенія названныхъ корпусовъ.

Первое покушеніе на вновь формировавшіеся корпуса было сдѣлано еще въ концѣ декабря со стороны австрійскаго командованія. Начальникъ австро-венгерскаго штаба, генералъ Конрадъ, отмѣчая, что наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ въ Галичинѣ серьезно расшатали австрійскій фронтъ, просилъ генерала Фалькенгайна объ оказаніи австро-венгерскимъ войскамъ серьезной помощи со стороны германцевъ. Свою просьбу онъ настойчиво повторилъ въ январѣ 1915-го года въ Берлинѣ, на совѣщаніи, но ни въ первый, ни во второй разъ ему не удалось заручиться согласіемъ генерала Фалькенгайна на направленіе новыхъ германскихъ корпусовъ на восточный фронтъ, въ помощь австрійцамъ.

Начальникъ германскаго полевого штаба генералъ Фалькенгайнъ выразилъ лишь согласіе на перевозку въ Венгрію части германскихъ войскъ изъ состава находившихся въ распоряженіи фельдмаршала Гинденбурга. Вслѣдствіе этого, для отправки въ Венгрію были выдѣлены изъ различныхъ участковъ Восточнаго фронта нѣсколько пѣх. и одна кав. дивизія, которыя и составили ядро новой «южной», германской арміи, поступившей подъ начальство генерала Линзингена.

Армія эта, по сосредоточеніи на Карпатахъ, должна была начать наступленіе на направленіи Мункачъ-Стрый. Это то самое наступленіе, которое заставило русскую Ставку согласиться на переброску XXII-го русскаго корпуса, взятаго съ С.-З. фронта на Стрыйское направленіе.

Въ нѣмецкихъ источникахъ можно найти указанія, что генералъ Фалькенгайнъ согласился на формированіе Южной арміи безъ особаго энтузіазма, считая германскія войска мало подготовленны-

ми для горной войны, да еще зимой. И дѣйствительно наши части XXII-го корпуса, въ мирное время стоявшія въ Финляндіи и потому особо подготовленныя для дѣйствій въ снѣгахъ и горахъ, сумѣли весьма скоро остановить начавшееся наступленіе.

Одновременно съ «Южной» арміей, но нѣсколько западнѣе ея, на фронтѣ между Ужокскимъ и Дукленскимъ перевалами, распоряженіями австро-венгерской главной квартиры, должны были быть собраны наиболѣе сохранившіяся части Двуединой Монархіи. Эти войска, составившія 3-ю австрійскую армію генерала Бороевича, предназначены были для наступленія на Перемышль и Самборъ, одновременно съ «Южной» арміей генерала Линзингена.

Цѣлью такого совмѣстнаго наступленія должно было быть — поднятіе падавшаго настроенія австрійцевъ, деблокада Перемышля, въ которомъ нашими войсками былъ запертъ болѣе чѣмъ стотысячный гарнизонъ, и угроза Львову — важному политическому, историческому и административному центру всей Галичины.

Кромѣ того успѣхомъ этого наступленія наши противники могли имѣть въ виду достиженіе, также политическаго воздѣйствія на Италію и Румынію, гдѣ въ это время складывались настроенія не въ пользу Имперіи Габсбурговъ.

Но еще болѣе настойчивый нажимъ на нѣмецкую главную квартиру, въ отношеніи использованія новыхъ корпусовъ, былъ сдѣланъ нѣмецкимъ командованіемъ Восточнаго фронта. Генералъ Людендорфъ не безъ основаній доказывалъ начальнику германскаго полевого штаба, что пока не будетъ подавленъ наступательный порывъ русскихъ войскъ, до тѣхъ поръ невозможны никакіе рѣшительные результаты на западѣ. Хотя число германскихъ дивизій противъ Россіи достигало уже весьма почтенной цифры (по русскимъ даннымъ того времени — 42), тѣмъ не менѣе силы эти все же считались недостаточными для успѣшнаго противодѣйствія русскимъ наступательнымъ планамъ, которые надлежало во что бы то ни стало предупредить собственнымъ контръ-наступленіемъ.

— Если бы намъ удалось уничтожить въ Восточной Пруссіи непріятеля, то мы могли бы, прикрываясь къ сторонѣ Ковны и Гродны, начать наступленіе на линію Осовецъ-Гродна и захватить переправы черезъ р. Бобръ. Въ такомъ заманчивомъ видѣ генералъ Людендорфъ рисовалъ будущія перспективы активныхъ дѣйствій нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи. Не договаривалось только, что съ линіи Бобра шли прямые пути къ Бѣлостоку.

Итакъ Бѣлостокъ — съ сѣвера, Львовъ съ юга, иначе говоря — охватъ обоихъ фланговъ русскихъ армій, находившихся вытя-

нутыми въ линію по Нареву, лѣвому берегу р. Вислы, а также вдоль Карпатскаго хребта!... Это ли не «гигантскій» планъ «контръ-наступленія», которымъ намѣчали отвѣтить наши противники на «воображаемые» замыслы русской арміи!... На приписывавшееся намъ стремленіе къ разжатію дуги, противники имѣли въ виду отвѣтить еще болѣе тѣснымъ ея сжатіемъ.

Генералъ Фалькенгайнъ, повидимому убѣжденный въ концѣ концовъ доводами германскаго командованія Восточнымъ фронтомъ, отказался отъ организаціи весенняго наступленія на западѣ и выразилъ свое согласіе на направленіе новыхъ корпусовъ въ распоряженіе фельдмаршала Гинденбурга. Уже въ третій разъ, Россія такимъ образомъ привлекала къ себѣ въ значительномъ числѣ германскіе корпуса, первоначально предназначавшіеся Германіей для Запада или уже дѣйствовавшие на немъ.

Четыре корпуса*) должны были прибыть на востокъ въ самомъ началѣ февраля и быть использованными для нанесенія рѣшительнаго удара противъ фланговъ нашей 10-й арміи, находившейся, какъ мною уже было отмѣчено, въ Восточной Пруссіи. Тамъ она занимала укрѣпленную позицію вдоль восточныхъ береговъ р. Ангераппъ и Мазурскихъ озеръ.

Наступленіе германскихъ войскъ было обнаружено войсками этой арміи 7-го февраля. Неожиданный бросокъ среди лютой зимы непріятельскихъ войскъ въ обходъ обоихъ фланговъ, произведенный съ выдающейся даже для нѣмцевъ силой и энергіей, произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Вся операція велась при частыхъ снѣжныхъ буранахъ, которые засыпали дороги и наметали огромные сугробы снѣга, вышиною до одного метра и болѣе. Неожиданно морозъ смѣнялся оттепелью и тогда дороги превращались въ озеро талаго снѣга. Затѣмъ — снова морозъ; вода замерзала, вѣтеръ сдувалъ на открытыхъ пространствахъ снѣгъ, и войскамъ приходилось имѣть дѣло съ еще болѣе трудной гололедкой.

Тѣмъ не менѣе, преодолѣвая всѣ трудности, свѣжіе германскіе корпуса быстрымъ и неожиданнымъ ударомъ смяли правофланговый корпусъ нашей 10-ой арміи. Затѣмъ они отбросили остальные корпуса въ Августовскіе лѣса и притиснули ихъ къ болотистымъ верховьямъ р. Бобра.

Находившійся въ арьергардѣ XX-й русскій корпусъ, самоот-

---

*) XXXI Кор. былъ замѣненъ XXI полевымъ корпусомъ, комплектовавшійся Эльзасцами, боевое использованіе которыхъ на западѣ оказалось нецѣлесообразнымъ.

верженно прикрывалъ отходъ остальныхъ корпусовъ арміи за названную рѣку, но въ результатѣ своихъ дѣйствій, былъ окруженъ непріятелемъ въ Августовскихъ лѣсахъ. Попытка его пробиться къ Гроднѣ окончилась неудачей и 22-го февраля остатки корпуса принуждены были положить оружіе у мельницы на р. Волькушекъ.

Только этимъ тактическимъ успѣхомъ, нѣмцы успѣли прикрыть общее крушеніе ихъ несообразованнаго со средствами плана, предвидѣвшаго, какъ мы видѣли, по меньшей мѣрѣ закрѣпленіе на переправахъ черезъ р. Бобръ. Наступательный порывъ ихъ свѣжихъ корпусовъ былъ поглощенъ не доходя линіи названной рѣки, а на среднемъ Нѣманѣ, въ раіонѣ Друскеникъ, ихъ поджидала уже прямая и очень серьезная кровавая неудача...

Равнымъ образомъ и попытка наступленія австро-германцевъ въ Карпатахъ была остановлена весьма быстро. Хотя бои въ горахъ продолжались еще весь мартъ мѣсяцъ, но уже къ серединѣ февраля былъ ясенъ полный неуспѣхъ предпринятой операціи. Наши противники встрѣтились здѣсь съ контръ-наступленіемъ русскихъ войскъ и движеніе ихъ впередъ разбилось не только о необычайную трудность мѣстности, усугубленную снѣжной и морозной зимой, но и стойкость встрѣченнаго сопротивленія. Несмотря на весьма крупныя потери и крайнюю скудость артиллерійскаго снабженія, русскимъ войскамъ удалось постепенно одержать верхъ, и теперь уже непріятелю пришлось заботиться объ упроченіи своего положенія введеніемъ въ линію фронта новыхъ германскихъ и австрійскихъ дивизій.

Наконецъ, 22 марта палъ Перемышль и у ген. Иванова оказались въ распоряженіи новые корпуса для выполненія взятой имъ на себя задачи — по прорыву въ Венгерскую равнину. Къ этому времени, какъ мы уже узнаемъ, и Верховный Главнокомандующій рѣшительно склонился на сторону этого плана. На Ю.-З. фронтъ полились новыя подкрѣпленія, въ лицѣ III-го Кав. корпуса и Заамурцевъ.

Такимъ образомъ день за днемъ борьба на Карпатахъ ширилась и судьба Австро-Венгерской монархіи казалась дѣйствительно висѣвшей на волоскѣ. Напрасно генералъ Алексѣевъ, получившій къ тому времени отвѣтственный постъ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ и потому поставленный въ необходимость прикрывать главную операцію, которая велась въ сторону Австріи, писалъ теперь (6-го апрѣля) генералу Янушкевичу, что, по его глубокому убѣжденію, основной нашей операціонной линіей слѣдуетъ счи-

тать путь «на Берлинъ», и что «пути черезъ Австрію, по своей длинѣ, сложности и необезпеченности не могутъ почитаться желательными». Стремясь повидимому оправдать свое прежнее сочувствіе наступательной операціи противъ Австріи, генералъ Алексѣевъ въ томъ же письмѣ высказывалъ, что для него это наступленіе «являлось задачей промежуточной» и что это наступленіе на Ю.-З. фронтѣ было предпринято, какъ слѣдствіе заминки на С.-З. фронтѣ, какъ контръ-маневръ противъ сбора значительныхъ силъ противника на путяхъ къ Перемышлю, съ попутнымъ нанесеніемъ австрійцамъ пораженія»...

Намѣчавшаяся высадка на Галлиполійскомъ полуостровѣ сухопутнаго англо-французскаго дессанта и налаживавшіеся переговоры о присоединеніи къ Державамъ Согласія Италіи приковывали всецѣло вниманіе Державъ Согласія къ Придунайскому театру.

Восточно-Прусскій раіонъ остался въ рукахъ нѣмцевъ и временно онъ не давалъ о себѣ знать.

3. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Николаемъ II Галичины.

Подъ такимъ радужнымъ настроеніемъ близкаго и рѣшительнаго успѣха надъ австрійцами состоялось посѣщеніе Императоромъ Николаемъ II Галичины.

Въ придворныхъ кругахъ это путешествіе намѣчалось уже давно, при первыхъ же успѣхахъ нашихъ войскъ, но Великій Князь Верховный Главнокомандующій всячески стремился отдалить время Высочайшей поѣздки, предвидя тѣ политическія затрудненія, которыя, при организаціи ея, могутъ возникнуть.

Очевидно, что въ простомъ посѣщеніи русскихъ войскъ, находящихся на боевомъ фронтѣ, ихъ Верховнымъ Главой — Императоромъ Всероссійскимъ не могло встрѣтиться никакихъ особыхъ препятствій, кромѣ заботы о личной безопасности Монарха. Но нѣкоторыми кругами посѣщенію Императоромъ Николаемъ завоеваннаго края имѣлось въ виду придать характеръ болѣе внушительнаго акта, которымъ какъ бы закрѣплялось стремленіе Россіи къ будущему присоединенію къ ней Галичины. Поѣздка такого рода могла вызывать уже сомнѣнія политическаго свойства.

Не входя въ подробный ихъ разборъ, укажу лишь на перемѣнчивость военнаго счастья, которое могло это стремленіе, какъ это и случилось впослѣдствіи, дискредитировать неожиданнымъ образомъ.

Въ подобномъ случаѣ авторитетъ Русскаго Монарха могъ подвергнуться нежелательному умаленію, если бы при посѣщеніи Государемъ Галичины не было проявлено должной сдержанности и такта. Къ сожалѣнію, на это не приходилось расчитывать ни со стороны администраціи, ни со стороны придворныхъ чиновъ. Къ тому же Великому Князю было совершенно ясно, что опрометчивая политика русскаго правительства въ Галичинѣ не подготовила благопріятной почвы для возбужденія въ населеніи симпатій къ русскимъ пріемамъ управленія.

Недостаточно отзывчивое отношеніе Верховнаго Главнокомандующаго къ вопросу о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Галичины было въ свою очередь истолковано при Дворѣ, какъ доказательство чрезмѣрно развившагося у Великаго Князя честолюбія. Его обвиняли въ простомъ нежеланіи допустить въ завоеванный край Государя, имѣвшаго законное право на доминирующій почетъ и уваженіе. Уже давно за спиной Великаго Князя Николая Николаевича ходила злая клевета о тайномъ его намѣреніи занять Россійскій Престолъ, пользуясь пріобрѣтенной имъ во время войны популярностью. Эта клевета вызывала къ Великому Князю недружелюбныя чувства не только въ ближайшихъ ко Двору сферахъ, но вполнѣ вѣроятно она доходила и до самого Императора.

Придворные круги отвѣтили на сдержанность Ставки къ задуманному путешествію Государя стремленіемъ не допустить къ участію въ немъ ни Великаго Князя, ни чиновъ Ставки. Офиціальнымъ мотивомъ такого намѣренія было соображеніе о невозможности для Верховнаго Главнокомандующаго и его ближайшихъ сотрудниковъ покинуть Ставку на нѣсколько дней, что якобы могло нарушить руководство боевыми дѣйствіями.

При нынѣшнихъ средствахъ связи и томъ обстоятельствѣ, что поѣздка въ Галичину совпала съ пребываіенемъ Верховнаго какъ разъ въ раіонѣ главнѣйшихъ дѣйствій, очевидна вся нелѣпость подобнаго соображенія. Но отсутствіе Великаго Князя, какъ Верховнаго Русскаго Главнокомандующаго, представляло еще особыя опасности: поѣздкѣ Императора Николая II-го могъ быть въ этомъ случаѣ приданъ особенно ярко именно тотъ характеръ, котораго такъ желалъ избѣжать Великій Князь.

Въ концѣ концовъ пришлось примириться на томъ, что поѣздка все же состоится, что ей долженъ быть приданъ строго военный характеръ и что въ ней должны будутъ принять участіе Верховный Главнокомандующій, его личная свита, и сверхъ того Начальникъ штаба, генералъ-квартирмейстеръ и два офицера Генеральнаго Штаба Ставки.

Государь со свитой въ назначенное утро 22-го апрѣля прибылъ на пограничную станцію Броды, гдѣ его уже ждали Верховный Главнокомандующій съ указанными выше чинами. Отсюда дальнѣйшее путешествіе до Львова должно было быть совершено въ автомобилѣ.

Стоялъ тихій и ясный весенній день, дѣлавшій этотъ переѣздъ въ 100-120 километровъ особенно пріятнымъ. Государь сѣлъ въ автомобиль съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Начальникъ Штаба генералъ Янушкевичъ помѣстился со мною, въ прочихъ автомобиляхъ — остальные сопровождавшіе.

Ѣхали по пути наступленія нашей 3-й арміи. Близъ Золочева, случайно, у братской могилы чиновъ 166-го пѣх. Ровенскаго полка кортежъ остановился. Государь оставилъ автомобиль, немного прошелся по полю бывшаго здѣсь сраженія и выслушалъ разсказъ о дѣйствіяхъ русскихъ полковъ. Для меня вся эта сцена имѣла особенно трогательное значеніе, такъ какъ, по странному совпаденію, за нѣсколько лѣтъ до войны я имѣлъ высокую честь командовать именно названнымъ полкомъ въ родномъ мнѣ Кіевѣ.

Конечно, фактъ пребыванія Русскаго Монарха у братской могилы чиновъ полка былъ мною подробно описанъ и сообщенъ въ полкъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи запись эта будетъ включена въ полковую исторію, — какъ интересный для полка эпизодъ изъ минувшей войны.

Слѣдующая остановка была сдѣлана, когда мы подъѣзжали ко Львову, при встрѣчѣ какой то довольно жидкой депутаціи, при которой находился генералъ-губернаторъ Галичины графъ Г. А. Бобринскій. Подношеніе русскаго «хлѣба-соли», чтеніе адреса, пожеланія, привѣтствія — во всемъ этомъ уже было нѣчто, выходившее за предѣлы простого военнаго объѣзда.

Остановка эта пришлась близъ огромной закрытой сигарной фабрики. Мнѣ припомнилась кѣмъ то описывавшаяся забавная сценка. Сидитъ въ полковомъ обозѣ 2-го разряда на облучкѣ нашъ несуразный подолянинъ-хохолъ Никита Ткачукъ, призванный по мобилизаціи; лѣниво размахиваетъ онъ кнутищемъ и сосетъ, вмѣсто обычной «цыгарки» изъ «тютюна» предлинную никогда имъ до сего времени невиданную заграничную сигару. Она однако ему не по вкусу и онъ непрерывно поплевываетъ направо и налѣво. Мнѣ разсказывали впрочемъ, что наши солдатишки предпочитали крошить сигару и такой «крошенкой» набивать свои «люльки»*). — Привычнѣе и потому вкуснѣе.

---

*) «Цыгарка» — самодѣльная папироса; «тютюнъ» — по малороссійски: — табакъ, а «люлька» — малороссійская трубка.

Во Львовѣ Государь остановился во дворцѣ бывшаго Намѣстника, занимавшемся теперь графомъ Бобринскимъ. Великій Князь, генералъ Янушкевичъ и я — въ домѣ одного изъ польскихъ магнатовъ, по приглашенію послѣдняго, переданному намъ графомъ Адамомъ Замойскимъ. Этотъ графъ Замойскій поступилъ въ самомъ началѣ войны вольноопредѣляющимся въ Л.-Гв. Уланскій Его Величества полкъ, состоялъ сначала ординарцемъ у Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, а затѣмъ, будучи произведенъ въ офицеры, находился при Ставкѣ; впослѣдствіи онъ былъ, кажется, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству.

Лично отъ меня многія детали пребыванія Государя въ Галиціи ускользнули, такъ какъ я видѣлъ Императора лишь мелькомъ, имѣя свое прямое дѣло и стараясь не удаляться слишкомъ далеко и надолго отъ помѣщенія, гдѣ расположилась моя походная канцелярія, которая была связана прямымъ проводомъ со Ставкой. Но Великій Князь былъ во время всей поѣздки не въ духѣ и лица, непосредственно при немъ состоявшія, разсказывали мнѣ не мало случаевъ, явно выражавшихъ стремленіе администраціи, шедшей въ этомъ отношеніи даже противъ графа Бобринскаго, придать посѣщенію Императора Николая II-го болѣе широкое, чѣмъ это хотѣлось Ставкѣ, значеніе. Въ этомъ отношеніи особенно мало такта проявили власти въ Перемышлѣ, съ русскимъ комендантомъ генераломъ А. во главѣ.

Въ день пріѣзда Государя во Львовъ во Дворцѣ Намѣстника былъ пріемъ, затѣмъ обѣдъ и вечеромъ раутъ, на которомъ графъ Бобринскій получилъ званіе генералъ-адютанта. На всѣхъ этихъ празднествахъ присутствовали сотни приглашенныхъ. Преимущественно военные. Статскіе лишь изрѣдка выдѣлялись на фонѣ походныхъ мундировъ своими черными фраками. Были ли дамы — не помню. У меня осталось внѣшнее впечатлѣніе какъ бы спеціально военнаго собранія. Впрочемъ на раутѣ я оставался очень недолго, занятый собираніемъ данныхъ для подробнаго доклада Императору. Докладъ этотъ былъ назначенъ на утро на вокзалѣ, передъ отправленіемъ Государя въ дальнѣйшую поѣздку.

Ночлегъ во Львовѣ, въ роскошныхъ палатахъ польскаго магната, связанъ у меня съ чрезвычайно оригинальнымъ утреннимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ мною при пробужденіи отъ обширныхъ размѣровъ занимавшейся мною комнаты и ея высокаго потолка. Съ моего выѣзда на войну изъ Петрограда 14-го августа 1914-го

года, то есть, свыше 8-ми мѣсяцевъ, я вѣдь спалъ все время въ узкомъ низкомъ помѣщеніи вагоннаго купе! Понятно поэтому мое удивленіе, когда, проснувшись во Львовѣ и забывъ о перемѣнѣ обстановки, я, вмѣсто своихъ обычныхъ тѣсныхъ и сдавленныхъ перегородокъ, получилъ сразу впечатлѣніе большой и радостно залитой солнцемъ комнаты! — Съ чувствомъ какой то особенной свободы я только и могу сравнить мое первое утреннее ощущеніе.

Прибывшій на вокзалъ лишь за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, Государь не могъ, конечно, вдумчиво отнестись къ сдѣланной мною оцѣнкѣ общей обстановки, а между тѣмъ, уже тогда съ запада стали поступать глухія свѣдѣнія о какихъ то перевозкахъ, совершаемыхъ нѣмцами на востокъ. — Я особенно дорожилъ поэтому наличіемъ у Хырова, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, III-го Кавк. корпуса. — Этотъ корпусъ, подъ командой своего доблестнаго командира генерала Ирманова, пріобрѣлъ громкую боевую репутацію въ русской арміи, и мнѣ стоило не мало усилій сберечь его до описываемой поѣздки отъ всепоглощающей наступательной энергіи генерала Иванова, отправлявшаго всѣ попадавшія къ нему войска въ карпатскія горы и тѣмъ лишь облегчавшаго непріятелю выполненіе уже подготовлявшагося контръ-удара. Корпусъ этотъ составлялъ «единственный» резервъ на всемъ Ю.-З. фронтѣ и тѣмъ съ большимъ усердіемъ я стремился къ его наилучшему пополненію и снабженію, что было очень нелегко въ виду общаго недостатка вооруженія и снабженія. — Меня также искренно радовалъ предстоявшій корпусу Высочайшій смотръ и предположенная раздача самимъ Государемъ нѣкоторыхъ боевыхъ наградъ, что должно было поднять духъ корпуса еще на большую высоту. «Возможно и даже вѣроятно, писалъ я въ одной докладной запискѣ еще отъ 12-го апрѣля, что германцы имѣютъ въ виду собрать значительныя силы на австро-венгерской территоріи, дабы не дать развиться нашему наступленію за Карпаты. Имѣются указанія о вѣроятности удара германцевъ на центръ 3-й арміи, съ цѣлью выйти на правый флангъ нашихъ войскъ, переваливших главный карпатскій хребетъ, каковой ударъ можетъ обѣщать имъ успѣхъ, въ силу происшедшей растяжки фронта названной арміи».

Къ сожалѣнію, я оказался правымъ въ своихъ соображеніяхъ. Но, что могъ сдѣлать одинъ корпусъ противъ макензеновской фаланги, да еще тактически неудачно направленный! Онъ только увеличилъ собою ряды отступавшихъ!

Въ этотъ день, 23-го апрѣля, предстояли: желѣзнодорожный переѣздъ въ Самборъ — мѣсто расположенія штаба 8-й арміи, затѣмъ

въ Хыровѣ, какъ я уже сказалъ, смотръ III Кавк. корпусу и вечеромъ — прибытіе въ Перемышль.

Въ Самборѣ насъ привѣтствовалъ командующій 8-й арміей, генералъ Брусиловъ. Для встрѣчи Государя былъ вызванъ изъ Карпатскихъ дебрей почетный караулъ 16-го стрѣлк. полка, шефомъ котораго состоялъ Государь. Полкъ этотъ принадлежалъ къ составу 4-й стрѣлковой бригады, которая была прозвана еще по отличіямъ въ Турецкую войну «желѣзной» бригадой. — Тотъ же видъ «желѣзныхъ стрѣлковъ» сохраняли и теперь смуглыя загорѣлыя лица людей «почетнаго» караула, въ большинствѣ украшенныхъ однимъ, двумя и болѣе георгіевскими крестами. — Ихъ бравая внѣшность и молодецкая выправка, прекрасное обмундированіе и хорошо пригнанное снаряженіе, конечно, весьма мало говорили о страданіяхъ и лишеніяхъ тѣхъ русскихъ воиновъ, которые вынуждены были карабкаться въ горахъ съ камня на камень и гнать штыками передъ собою австрійцевъ, безъ содѣйствія артиллерійскаго и ружейнаго огня, изъ-за отсутствія боевыхъ патроновъ.

Полный порыва, Брусиловъ ручался за успѣхъ, но.... просилъ подкрѣпленій и патроновъ!...

Читатель уже знаетъ, что генералъ Брусиловъ былъ въ свое время начальникомъ офицерской кавалерійской школы въ Петербургѣ и что онъ являлся ближайшимъ сотрудникомъ Великаго Князя Николая Николаевича въ вопросахъ совершенствованія кавалерійскихъ офицеровъ въ ихъ спеціальной службѣ. — Это былъ очень образованный генералъ, хотя и не прошедшій академическаго курса, но много читавшій и размышлявшій надъ военными вопросами.

Непосредственно до войны генералъ Брусиловъ былъ одно время помощникомъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; затѣмъ онъ командовалъ XII-мъ армейскимъ корпусомъ и съ перваго же дня мобилизаціи вступилъ въ командованіе 8-й арміей.

Генералъ Брусиловъ былъ военноначальникомъ, такъ сказать, кавалерійскаго типа и по своему физическому строенію и по моральнымъ даннымъ. Въ дѣлѣ веденія боевыхъ операцій онъ отличался большимъ порывомъ и необыкновенною стремительностью, каковыя качества удваивались при успѣхѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ встрѣчавшихся затрудненій и особенно при отсутствіи немедленной поддержки, эти его качества имѣли свойство довольно быстро падать. — Во всякомъ случаѣ, это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ генераловъ. Въ революціонное время онъ занималъ одно время даже должность Верховнаго Главнокомандую-

щаго, не имѣя. впрочемъ, какъ это видно изъ изложеннаго, необходимыхъ для этой должности данныхъ.

Извѣстна позиція Брусилова во время русской революціи и послѣ перехода власти въ Россіи въ руки большевиковъ. — Никто, конечно, серьезно не заподозритъ генерала Брусилова въ большевизмѣ. — Но въ періодъ русской революціи, онъ, какъ мнѣ думается, находя ее, видимо, непредотвратимой, слишкомъ тѣсно, хотя, быть можетъ, только и внѣшне, связалъ себя съ нею. Такимъ образомъ, съ незамѣтнымъ скатываніемъ власти къ большевизму, ему обратнаго пути уже больше не было, тѣмъ болѣе, что путь этотъ былъ связанъ съ мучительною долею изгнанника-эмигранта.

Во всякомъ случаѣ, не намъ, современникамъ, слишкомъ близко стоящимъ къ печальнымъ событіямъ нашей Родины, судить этого генерала, давшаго Россіи не мало блестящихъ побѣдъ.

Съ прибытіемъ Государя въ Самборъ, послѣ бодраго и полнаго надеждъ доклада генерала Брусилова, въ штабѣ армій, помѣщавшемся въ какомъ то училищѣ, состоялся завтракъ, за которымъ мы всѣ увидѣли генерала Брусилова въ свѣжихъ генералъ-адъютантскихъ погонахъ и золотомъ аксельбантѣ. — Такой знакъ монаршаго вниманія къ командующему 8-й арміей, которая предназначена была для нанесенія рѣшительнаго удара австрійцамъ, подняль настроеніе присутствовавшихъ на особую высоту и, глядя на общее воодушевленіе, хотѣлось вѣрить въ близкій успѣхъ!

Послѣ завтрака состоялась поѣздка въ Хыровъ, къ мѣсту стоянки частей III-го Кавк. корпуса. Весь смотръ прошелъ въ столь же радужномъ настроеніи, если бы не недовольство Верховнаго Главнокомандующаго, выразившееся на сей разъ въ замѣчаніи начальнику штаба корпуса за какое то не совсѣмъ удачное и никѣмъ не замѣченное построеніе частей корпуса. Корпусъ въ общемъ представился отлично, имѣя полное число рядовъ и комплектъ офицеровъ. Люди выглядѣли бодро, имѣли на себѣ прекрасную обувь, въ которой чувствовалась уже острая нужда въ арміи, а апшеронцы, у которыхъ въ мирное время верхняя часть сапожныхъ голенищъ полагалась изъ краснаго сафьяна, въ память исторической атаки при Кунерсдорфѣ, въ которой они, по полковому преданію, наступали «по колѣна въ крови», умудрились даже обтянуть соотвѣтственную часть голенищъ краснымъ кумачомъ, что придавало имъ необыкновенно щегольской видъ.

Я внутренне радовался, что старанія Ставки возможно полнѣе

снабдить корпусъ, состоявшій въ резервѣ Верховнаго Главнокомандующаго, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. — Куда только этому корпусу придется направить свой ударъ! Приведетъ ли онъ къ разгрому австрійцевъ, или только къ отраженію германскаго контръ-наступленія? Ясно для меня было только одно, что дальнѣйшее удержаніе корпуса въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго немыслимо. — Все кругомъ кричитъ: впередъ, впередъ... безъ оглядки впередъ!.. Внѣ сомнѣнія было, что передача корпуса въ распоряженіе генерала Иванова явится для послѣдняго въ своемъ родѣ царскимъ подаркомъ!

Вечеромъ состоялся пріѣздъ Государя со всѣми сопровождавшими его лицами въ недавно взятую австрійскую крѣпость Перемышль. Свыше 100.000 плѣнныхъ и до 1000 орудій принесла русской арміи эта сдача! Русскимъ комендантомъ крѣпости назначенъ былъ генералъ А., незадачливый командиръ одной изъ очень крупныхъ войсковыхъ частей 2-й Самсоновской арміи, повидимому, разсчитывавшій своимъ пріемомъ «Русскаго Царя» возстановить поколебленное къ себѣ довѣріе. Всей русской арміи хорошо были извѣстны исключительныя способности названнаго генерала «втирать въ глаза очки», какъ у насъ говорили. Пріемы, впрочемъ, несложны: побольше лести, низкопоклонничества и проявленія дешевой преданности «своему Государю». И вотъ, въ тотъ же вечеръ — привѣтствія и торжественный молебенъ превращены, вопреки указаній Верховнаго Главнокомандующаго, въ арену неподобающихъ условіямъ обстановки рѣчей и пожеланій!

На слѣдующій день, 4-го апрѣля, — посѣщеніе нѣсколькихъ полуразрушенныхъ нашимъ огнемъ и непріятельными взрывами фортовъ, краткіе доклады о событіяхъ и завтракъ-обѣдъ въ прекрасномъ помѣщеніи гарнизоннаго собранія, на который сквозь прозрачное покрывало, неопредѣленными глазами смотрѣлъ изъ рамы огромнаго портрета престарѣлый императоръ Францъ-Іосифъ.

Посѣщеніемъ Перемышля закончилась главнѣйшая часть императорскаго путешествія по прекрасной Галичинѣ, такъ близко напоминающей по своей чудной природѣ сосѣднюю Волынь и Подолію! — Обратный путь Государь и сопровождавшіе его лица совершили до Львова на автомобиляхъ, съ краткими остановками для выслушиванія встрѣчныхъ привѣтствій, а отъ Львова — по желѣзной дорогѣ до Бродъ, куда прибыли уже поздно вечеромъ. — Въ поѣздѣ же былъ сервированъ для ѣхавшихъ холодный ужинъ.

А въ это самое время, подъ руководствомъ германскаго полковника фонъ-Секта, искуснаго начальника штаба генерала Макензена, уже подвозилась и устанавливалась мощная непріятельская артиллерія на р. Дунайцѣ, на пространствѣ между верхней Вислой и Бескидами, предназначенная смаху снести укрѣпленную позицію, а вмѣстѣ съ нею и войска нашей численно ослабленной 3-й арміи, находившейся подъ начальствомъ генерала Радко-Дмитріева!

Въ періодъ этой подготовки, заграницей вражеской печатью усиленно муссировалось свѣдѣніе о томъ, что Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ серьезно заболѣлъ.

Свѣдѣніе это вызвало настолько большую тревогу у нашихъ союзниковъ, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ принужденъ былъ, особой телеграммой отъ 29-го апрѣля, просить нашего посла въ Парижѣ опровергнуть это извѣстіе, какъ безусловно ложное, и завѣрить французское общественное мнѣніе въ отличномъ состояніи здоровья Великаго Князя, пользовавшагося, какъ это видно изъ даннаго факта, огромнымъ довѣріемъ и популярностью заграницей.

4. Германскій контръ-маневръ.

«Сегодня съ утра ополченскія части, занимавшія позицію на правомъ флангѣ 3-й арміи, отошли подъ напоромъ противника отъ р. Дунайца. — Съ ночи начался жесточайшій обстрѣлъ, а затѣмъ и атака противникомъ лѣваго участка IX-го и всего фронта X-го корпусовъ», — такой телеграммой начальника штаба Ю.-З. фронта въ Ставку начинается печальная хроника нашего отступленія изъ Галичины!

Какъ мы видѣли, наступательныя дѣйствія нѣмцевъ противъ французовъ, а затѣмъ англичанъ, не удались въ той мѣрѣ, въ которой онѣ были задуманы.

Но въ теченіе протекшаго времени многое измѣнилось въ обстановкѣ и на восточно-германскомъ фронтѣ. — Мы успѣли подтянуть на театръ военныхъ дѣйствій всѣ наши силы, не исключая даже войскъ изъ Владивостока. Мы успѣли также доказать своими активными дѣйствіями, что, ради общаго дѣла, готовы на великія жертвы, и что до тѣхъ поръ, пока не потушенъ наступательный порывъ нашихъ войскъ, никакіе рѣшительные успѣхи на западномъ фронтѣ неосуществимы.

Этотъ послѣдній фактъ вошелъ въ сознаніе начальника германскаго полевого штаба, генерала Фалькенгайна, — дѣйствительнаго

руководителя въ тотъ періодъ войны боевыми дѣйствіями германской арміи. Его рѣшеніемъ, въ началѣ 15-го года, вновь сформированные въ Германіи корпуса были направлены не на западный, а восточный фронтъ войны, и использованы, какъ о томъ уже разсказано въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ очерковъ. Коренного измѣненія въ обстановкѣ эта жертва со стороны германскаго командованія, впрочемъ, не принесла, и положеніе на русскомъ фронтѣ оставалось угрожающимъ. Въ теченіе всего марта австрійцы постепенно сдавали на Карпатахъ и руководители центральнаго союза должны были опасаться полнаго крушенія австро-венгерской монархіи. При условіи наростанія опасности въ районѣ Константинополя (Дарданелльская экспедиція англо-французовъ) и колеблющихся настроеніяхъ въ Италіи и Румыніи, прорывъ русскихъ войскъ въ венгерскую равнину могъ явиться для центральныхъ державъ весьма и весьма грознымъ факторомъ въ военномъ отношеніи. Необходимо было во что бы то ни стало предупредить эту ближайшую опасность.

Такъ думалось въ началѣ апрѣля въ Мезіерѣ и Тешенѣ, въ пунктахъ расположенія въ то время главныхъ квартиръ германской и австро-венгерской армій.

Генералъ Конрадъ, начальникъ австро-венгерскаго генеральнаго штаба и ближайшій сотрудникъ австрійскаго главнокомандующаго эрцгерцога Фридриха, предпочиталъ, однако, для поддержанія разлагавшагося фронта, частичное вкрапливаніе въ австрійскія войска германскихъ частей. При такихъ условіяхъ, не могло возникать вопроса о передачѣ руководства австрійскимъ фронтомъ германскому командованію, и такимъ путемъ генералу Конраду удавалось оберечь внѣшній престижъ арміи и своей страны. Но германское верховное командованіе вскорѣ убѣдилось, что такой способъ частичнаго подпиранія не даетъ положительныхъ результатовъ, и что дѣятельность прибывающихъ германскихъ войскъ какъ бы растворяется въ общемъ безсиліи австрійскаго фронта. Необходимо было, поэтому, принять рѣшеніе, которое могло бы въ корнѣ измѣнить положеніе. Такимъ рѣшеніемъ могло быть только временное перенесеніе главныхъ дѣйствій германцевъ на востокъ. Приходилось разстаться съ мыслью о нанесеніи смертельнаго удара на западѣ, и, не покончивъ тамъ съ врагами, обратиться противъ того изъ противниковъ, который въ данный періодъ времени являлся наиболѣе угрожающимъ. Этому рѣшенію отчасти благопріятствовала и сложившаяся обстановка въ томъ смыслѣ, что, создавъ на западномъ фронтѣ, отъ

Сѣвернаго моря до швейцарской границы, почти неодолимую стѣну укрѣпленій, оплетенныхъ проволокой и усиленныхъ мощной артиллеріей, германцы получали возможность безопасной переброски значительныхъ силъ на востокъ.

Но, куда же именно направить этотъ принципіально рѣшенный ударъ? Гдѣ та больная точка, на которую всего расчетливѣе нацѣлить новый германскій молотъ?

Надо сказать, что къ веснѣ 15-го года нашъ растянутый фронтъ, представлявшій огромную дугу, обращенную выпуклостью къ противнику, имѣлъ много слабыхъ мѣстъ. Русская армія, какъ читатель уже знаетъ, была на исходѣ своихъ силъ. Въ непрестанныхъ бояхъ на Карпатахъ она понесла очень крупныя потери. Некомплектъ во многихъ частяхъ былъ угрожающій. Катастрофиченъ былъ недостатокъ въ предметахъ вооруженія и боевыхъ припасахъ. При такихъ условіяхъ, войска могли еще продвигаться впередъ, имѣя своимъ противникомъ австрійцевъ, но выдержать серьезный напоръ болѣе энергичнаго и настойчиваго врага имъ было едва ли по силамъ. Лишь побѣда надъ австрійцами могла влить въ усталую русскую армію свѣжія силы, но эту-то побѣду германское верховное главнокомандованіе и рѣшило вырвать своимъ контръ-ударомъ.

Для германцевъ, однако, было далеко не все равно, гдѣ нанести подготовлявшійся контръ-ударъ. Ихъ успѣхъ долженъ былъ оказать непосредственное вліяніе на улучшеніе положенія австрійцевъ. Къ тому же, на юго-восточномъ театрѣ центральныхъ державъ, какъ я уже говорилъ, зарождались новые политическіе факторы, развитіе которыхъ надлежало по возможности задержать или затруднить.

При такихъ условіяхъ, весьма важно было демонстрировать мощь Германіи сильнымъ ударомъ въ предѣлахъ именно австро-венгерской территоріи. Вступленіемъ значительныхъ силъ на территорію ея союзницы устанавливался, кромѣ того, и извѣстный контроль надъ нею, не безполезный съ точки зрѣнія германской политики и стратегіи.

«Я уже давно обдумываю, — писалъ въ апрѣлѣ 1915-го года генералъ Фалькенгайнъ, — сильное наступленіе изъ раіона Горлице въ направленіи къ Саноку». И, дѣйствительно, успѣхъ наступленія въ этомъ направленіи могъ свести на нѣтъ всѣ наши успѣхи на Карпатскомъ фронтѣ, по отношенію къ которому намѣчавшійся ударъ являлся фланговымъ. Въ особо трудное положеніе онъ могъ

поставить тѣ изъ нашихъ войскъ (лѣвый флангъ 3-й арміи и всю 8-ю армію), которыя далеко углубились къ тому времени въ горы на Бартфельдскомъ, Дуклинскомъ и Лупковскомъ перевалахъ.

Генералу Конраду, ясно видѣвшему безвыходное положеніе австро-венгерской арміи, ничего не оставалось, какъ пойти навстрѣчу предположеніямъ Фалькенгайна, и задуманное наступленіе было окончательно рѣшено на одномъ изъ апрѣльскихъ совѣщаній въ Берлинѣ.

Свыше 16-ти пѣх. дивизій, съ невиданной по числу и мощности артиллеріей, должны были развернуться на фронтѣ между Верхней Вислой и подножіемъ Бескидъ: 11-я германская армія — на участкѣ Горлице—Громникъ и 4-я австрійская армія — сѣвернѣе до Вислы. Въ составъ этой фаланги должны были войти четыре германскихъ корпуса, подлежавшихъ перевозкѣ съ запада и, какъ я уже говорилъ, избранныхъ изъ числа лучшихъ ударныхъ войскъ германской арміи. Такъ, въ составѣ этихъ корпусовъ находилась, и императорская гвардія.

Понятно, что руководство столь отвѣтственной операціей соединенныхъ германо-австрійскихъ силъ имѣлось въ виду поручить германскому генералу. Это предположеніе не вызывало возраженій даже со стороны Конрада, тѣмъ болѣе, что таковымъ лицомъ являлся стяжавшій себѣ блестящую боевую репутацію и отличавшійся большимъ тактомъ генералъ фонъ-Макензенъ. Но вотъ вопросъ: отъ кого самъ Макензенъ долженъ былъ получать директивы? Конрадъ здѣсь не сдалъ и настоялъ на сохраненіи этого права за австро-венгерскимъ главнокомандованіемъ, хотя постепенно, съ развитіемъ наступательныхъ операцій противъ Россіи, право это и пріобрѣло характеръ простой фикціи.

Согласившись на то, чтобы генералъ Макензенъ былъ подчиненъ на время совмѣстной наступательной операціи австро-венгерскому главнокомандованію, генералъ Фалькенгайнъ, однако, не имѣлъ желанія выпустить изъ своихъ рукъ высшаго наблюденія за общимъ ходомъ военныхъ событій на восточномъ фронтѣ. Въ началѣ мая главная германская квартира была перемѣщена въ небольшой пограничный городокъ Плессъ, находившійся всего лишь въ разстояніи одного часа автомобильной ѣзды отъ Тешена — пункта расположенія австро-венгерской главной квартиры. Этимъ перемѣщеніемъ центральнаго органа германскаго руководства войной — всего лучше подтверждается та мысль, что соединеннымъ дѣйствіямъ

вооруженныхъ силъ центральныхъ державъ на востокѣ придавалось въ этотъ періодъ времени первенствующее значеніе. И, такимъ образомъ, западный фронтъ на тотъ же періодъ времени долженъ былъ явиться для нѣмцевъ лишь источникомъ для питанія силами и средствами задуманнаго удара на востокѣ.

1-го мая 15-го года, свыше 1000 непріятельскихъ пушекъ, до самаго большого калибра включительно, зарокотали на пространствѣ отъ Вислы до Бескидъ, протяженіемъ около 80 километровъ. Въ короткій срокъ наши окопы и проволочныя загражденія были сравнены съ землею. Съ нашей стороны, на этомъ участкѣ находились части только двухъ корпусовъ, въ составъ которыхъ были введены ополченцы. — 2-го мая противникомъ произведенъ былъ прорывъ у Горлице, а на слѣдующій день онъ овладѣлъ Тарновымъ. При отходѣ, въ особо трудномъ положеніи оказался нашъ XXIV-й, одной изъ дивизій котораго командовалъ Лавръ Георгіевичъ Корниловъ, имя котораго впослѣдствіи прогремѣло далеко за предѣлами Россіи. Раненый въ руку и захваченный австрійцами, генералъ Корниловъ, какъ извѣстно, бѣжалъ потомъ изъ плѣна и поспѣшилъ вернуться къ роднымъ знаменамъ.

Боевые успѣхи, сопровождавшіе дѣйствія германо-австрійцевъ надъ нашими истомленными войсками, лишенными къ тому же боевыхъ припасовъ, развились настолько быстро, что уже къ серединѣ мая арміи нашего Ю.-З. фронта оказались отошедшими за Санъ и къ Днѣстру. Здѣсь была надежда отстояться, но новый толчокъ непріятеля къ югу и сѣверу отъ Перемышля, повелъ къ оставленію нами названной линіи и къ дальнѣйшему отходу изъ Галичины. — 22-го іюня, былъ оставленъ нами Львовъ, и, вслѣдъ затѣмъ, войска Ю.-З. фронта были поставлены въ необходимость раздѣлиться на двое. Одна часть должна была удерживать непріятеля на фронтѣ между Вислой и Припятью, базируясь на пути къ сѣверу отъ Полѣсья; другой, меньшей части — оставалась задача, по возможности удерживая наступленіе противника, выполнить отходъ къ предѣламъ кіевскаго военнаго округа.

Въ этотъ же періодъ времени, наши западные союзники, англо-французы, не преминули использовать отвлеченіе части германскихъ силъ на востокъ и приступили, въ концѣ апрѣля или началѣ мая, къ подготовкѣ собственнаго наступленія въ Артуа, сѣвернѣе Арраса. Генералъ Жоффръ, освѣдомленный Великимъ Княземъ о серьезности нашего положенія послѣ германскаго прорыва, началъ

свое наступленіе уже 9-го мая. Развернувшіеся на западѣ бои продолжались съ довольно большимъ, впрочемъ, перерывомъ по серединѣ, до конца іюня. Но эти наступательныя дѣйствія не остановили и даже не ослабили напора враждебныхъ силъ противъ насъ. Германское командованіе было увѣрено въ прочности своихъ позицій на западѣ и продолжало безбоязненно усиливать свои войска на востокѣ.

Неблагопріятно складывалась для Державъ Согласія и обстановка въ районѣ Дарданеллъ; затягивались также безнадежно переговоры о выступленіи Румыніи. Что касается Италіи, то, хотя правительствомъ Саландры и было подписано политическое соглашеніе въ концѣ апрѣля, но Италія выговорила себѣ мѣсячный срокъ для вступленія въ войну, которое, такимъ образомъ, отодвигалось до 26-го мая. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ, въ письмѣ отъ 27-го апрѣля на имя нашего посла въ Лондонѣ, горько сѣтовалъ на позицію, занятую въ переговорахъ съ Италіей союзной дипломатіей вообще и англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Грэемъ въ частности, согласившимися на слишкомъ широкія требованія Италіи. «Результатъ подобнаго веденія переговоровъ налицо, говоритъ онъ, и его нельзя назвать иначе, какъ полною капитуляціей трехъ великихъ державъ (Россія, Англія и Франція) передъ предъявленными имъ Италіей требованіями, при чемъ не удалось даже обезпечить достаточно скорое выступленіе послѣдней».

Ради какихъ же военныхъ результатовъ была принесена Державами Согласія эта политическая «капитуляція»?

Италія открыла военныя дѣйствія противъ Австріи, дѣйствительно, 26-го мая. Но ея наступленіе на востокъ замерло въ пограничной же полосѣ на р. Изонцо.

Это было большой неожиданностью для Конрада, который всегда держался мнѣнія, что одновременное наступленіе Италіи и Россіи создастъ неразрѣшимую для Австро-Венгріи задачу войны на два фронта. Въ стремленіи избѣжать таковой, въ австро-венгерскомъ генеральномъ штабѣ, какъ намъ позже стало извѣстно, обсуждалась даже мысль о заключеніи съ Россіей сепаратнаго соглашенія, съ уступкой послѣдней восточной части Галичины, какъ разъ по линіи р.р. Сана и Днѣстра, но подъ условіемъ свободы дѣйствій Австріи въ западной части Балканскаго полуострова. Эти настроенія австрійцевъ, повидимому, даже создали временное колебаніе въ планахъ генерала Фалькенгайна, который одно время думалъ о пріостановкѣ дальнѣйшаго наступленія противъ Россіи и о поворотѣ

германскихъ войскъ на югъ, въ сторону Балканъ, для установленія надежнаго сообщенія съ Турціей. Лишь колеблющаяся политика болгарскаго правительства, не выражавшаго еще окончательнаго рѣшенія стать на сторону Державъ Согласія, временно, до осени, оставила германскую стратегію на прежнемъ пути и при прежней задачѣ — наступленія противъ Россіи. — Предоставивъ въ распоряженіе Австріи альпійскій корпусъ — для обороны Тироля и еще три дивизіи — для наблюденія за Сербіей и Румыніей, германское командованіе облегчило тѣмъ самымъ австрійцамъ задачу сосредоточенія необходимъ силъ противъ итальянцевъ. Въ результатѣ, съ русскаго фронта было переброшено австрійцами на границу съ Италіей лишь минимальное количество войскъ (по нѣкоторымъ источникамъ, всего 2 дивизіи) и, такимъ образомъ, выступленіе Италіи также не дало русскому фронту сколько нибудь осязательнаго облегченія.

Трудность изолированной борьбы съ соединенными силами германо-австрійцевъ увеличивалась еще крайне недостаточнымъ развитіемъ въ нашемъ тылу рокадныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Подкрѣпленія съ С.-З. фронта могли прибывать только «малыми пакетами», и немедленно же расходовались генераломъ Ивановымъ на подкрѣпленіе передовыхъ линій. Попытки организовать контръ-маневръ при такомъ способѣ расходованія резервовъ, естественно, не удавались, и вновь прибывшія части быстро сгорали въ общемъ огнѣ пожара, не принося коренного измѣненія въ обстановкѣ.

Наконецъ, 7-го іюля, по инициативѣ генерала Жоффра, въ Шантійи былъ собранъ междусоюзный военный совѣтъ, имѣвшій задачей обсудить мѣры помощи Россіи. По донесенію А. П. Извольскаго нашему министру иностранныхъ дѣлъ, генералъ Жоффръ, открывая засѣданіе, сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

— Въ августѣ и сентябрѣ 1914-го года русская армія перешла въ наступленіе въ Восточной Пруссіи и Галичинѣ, чтобы облегчить положеніе французовъ и англичанъ, вооруженныя силы которыхъ отступали передъ напоромъ почти всей германской арміи. Нынѣшнее положеніе въ Россіи требуетъ такихъ же дѣйствій съ нашей стороны. Это необходимо съ точки зрѣнія какъ военной чести Франціи и Англіи, такъ и собственныхъ ихъ интересовъ.

Всѣ присутствовавшіе присоединились къ словамъ, выраженнымъ въ столь трогательной формѣ генераломъ Жоффромъ, и нашъ представитель (графъ Игнатьевъ) счелъ необходимымъ благодарить

собравшихся за намѣреніе предпринять наступленіе, имѣющее цѣлью облегчить наше положеніе на восточномъ фронтѣ.

Но дѣйствительность оказалась сильнѣе словъ и желаній. Новое англо-французское наступленіе въ Шампани и Артуа началось лишь 25-го сентября. Наступленіе же итальянцевъ, какъ я уже сказалъ, не развилось далѣе р. Изонцо. При такомъ положеніи, самостоятельное выдвиженіе ослабленной и обезкровленной сербской арміи являлось, конечно, нецѣлесообразнымъ. Русскія арміи, предоставлены себѣ, обречены были на дальнѣйшій отходъ.

12-го іюля началось наступленіе непріятеля и на Наревскомъ фронтѣ. Будь у нѣмцевъ побольше свободныхъ силъ въ описываемый періодъ времени, уже тогда могло бы со всей силою выявиться грозное значеніе восточно-прусскаго раіона. Извѣстно, что по вопросу о «направленіи» германскаго наступленія изъ этого раіона, среди нѣмецкихъ военноначальниковъ возникли серьезныя разногласія. Нѣмецкое командованіе восточнымъ фронтомъ было сторонникомъ глубокаго удара на Ковну и развитія затѣмъ широкой наступательной операціи въ направленіи на Вильну и на Минскъ. Ударъ этотъ, своевременно организованный, могъ создать, конечно, очень трудное положеніе для нашихъ отступавшихъ сѣвернѣе Полѣсья армій. Но генералъ Фалькенгайнъ, не сочувствовавшій столь широкому размаху, можетъ быть по недостатку силъ, и все еще опиравшійся на авторитетъ императора Вильгельма, ограничилъ первоначальное наступленіе изъ Восточной Пруссіи направленіемъ къ нижнему Нареву.

Это рѣшеніе, несомнѣнно, способствовало въ значительной мѣрѣ благополучному выполненію русскимъ командованіемъ очень труднаго вытягиванія нашихъ войскъ изъ польскаго мѣшка. Въ началѣ августа нами была эвакуирована Варшава, а въ послѣдней трети того же мѣсяца — крѣпость Осовецъ.

Что же стало съ Новогеоргіевскомъ, въ которомъ былъ оставленъ гарнизонъ въ составѣ до 100 тысячъ человѣкъ при огромномъ количествѣ орудій?

По поводу этой крѣпости напомню, что въ 1910-мъ году, при пересмотрѣ системы инженерной подготовки нашей западно-пограничной полосы, Новогеоргіевскъ былъ единственнымъ пунктомъ на Вислѣ и Наревѣ, за которымъ было рѣшено сохранить значеніе крѣпости. Главнымъ основаніемъ къ такому рѣшенію было стремленіе нѣсколько успокоить общественное мнѣніе нашей союзницы

Франціи и мѣстнаго населенія, взволновавшихся неправильнымъ освѣщеніемъ вопроса о мѣрахъ, принимаемыхъ въ связи съ новымъ планомъ войны, и видѣвшихъ въ упраздненіи нѣкоторыхъ крѣпостей доказательство оставленія русской Польши, въ случаѣ войны, на произволъ судьбы. Но независимо отъ этого мотива, характера скорѣе политическаго, Новогеоргіевская крѣпость могла имѣть также нѣкоторое военное значеніе. Она заключала въ себѣ постоянныя мостовыя переправы черезъ Вислу и Наревъ, удержаніе которыхъ въ первый періодъ войны имѣло для насъ существенное значеніе.

Къ сожалѣнію, ко времени открытія военныхъ дѣйствій, перестройка устарѣлыхъ укрѣпленій Новогеоргіевска, требовавшая примѣненія совершенно новыхъ началъ, далеко не была закончена и, по расчетамъ инженеровъ, бетонныя работы были выполнены всего лишь въ размѣрѣ 25—30 проц. Совершенно не были подготовлены, напримѣръ, къ оборонѣ промежутки между фортами. Тѣмъ болѣе, конечно, тяжела отвѣтственность коменданта и старшихъ начальниковъ, которымъ въ военное время крѣпость была подчинена, и которые не позаботились въ теченіе годичнаго срока восполнить инженерные недочеты крѣпости мобилизаціонными работами!

Что касается артиллеріи, то она состояла преимущественно изъ орудій устарѣлыхъ типовъ, но все же среди нихъ имѣлись и новыя орудія — дальнобойныя, подвижныя и скорострѣльныя. Хуже обстояло дѣло съ боевыми припасами, которые надо было экономить.

Постояннаго пѣхотнаго гарнизона крѣпость не имѣла, да по условіямъ войны и не могла имѣть. Трудно было бы удерживать въ крѣпости ея гарнизонъ въ то время, когда впереди въ полѣ шли отвѣтственныя операціи. Это было бы нарушеніемъ одного изъ основныхъ правилъ стратегіи о разумномъ сосредоточеніи всѣхъ силъ къ мѣсту рѣшительнаго боя. Но все же, надо сказать, что въ Новогеоргіевскѣ пѣхотныя части мѣнялись излишне часто и, въ концѣ концовъ, въ составъ этого гарнизона, по распоряженію главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, вошли дивизіи очень слабыхъ боевыхъ качествъ, изъ которыхъ двѣ (ополченскія) не закончили даже своего формированія. Отъ всѣхъ этихъ дивизій нельзя было, конечно, ожидать проявленія высокаго воинскаго духа. Между тѣмъ, при технической неготовности крѣпости, активность гарнизона имѣетъ, конечно, особо-существенное значеніе.

Таковы были элементы, изъ которыхъ должно было сложиться сопротивленіе крѣпости.

Мы вправѣ, однако, поставить рядомъ и другой вопросъ о томъ,

какое вліяніе имѣло вообще наличіе Новогеоргіевской крѣпости на сложившуюся въ то время стратегическую обстановку даннаго театра военныхъ дѣйствій. Генералъ Людендорфъ по этому поводу говоритъ, что дѣйствія подъ Новогеоргіевскомъ не оказали непосредственнаго вліянія на общій ходъ германскаго наступленія. Дѣйствія эти были, по его словамъ, лишь «отдѣльнымъ эпизодомъ въ тылу германскихъ армій, которыя продолжали продвигаться на востокъ». И этотъ взглядъ на значеніе сопротивленія Новогеоргіевской крѣпости являлся глубоко справедливымъ. Взятіе Новогеоргіевска было нѣмцами поручено ближайшимъ частямъ ихъ 12-й и 9-й армій, вошедшимъ въ подчиненіе генерала Безелера, покорителя Антверпена. Въ его распоряженіе была предоставлена также мощная тяжелая артиллерія до 16 дм. калибра (австрійскія гаубицы), обильно снабженная боевыми припасами. При такихъ условіяхъ генералъ Безелеръ не сомнѣвался въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла и высказывался даже противъ обложенія крѣпости, требовавшаго нѣкотораго времени.

Такимъ образомъ, Новогеоргіевская крѣпость своимъ сопротивленіемъ могла дать Россіи лишь новую героическую главу для исторіи ея арміи. Но вправѣ ли были современники ее ожидать при тѣхъ средствахъ, которыя для этого были затрачены?

Значеніе крѣпостей-точекъ и весь характеръ инженерной подготовки территоріи претерпѣли въ послѣднее время существенныя измѣненія въ результатѣ условій современныхъ войнъ, и нельзя было не привѣтствовать отвѣтственнаго распоряженія Великаго Князя Николая Николаевича о томъ, чтобы въ будущемъ всѣ остальныя наши крѣпости, находившіяся въ смыслѣ обороны въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ Новогеоргіевскъ, эвакуировались по распоряженіямъ командующихъ арміями, какъ только выяснится безполезность ихъ дальнѣйшей обороны для полевыхъ дѣйствій. Въ силу этого распоряженія, эвакуированы были Осовецъ, укрѣпленія Ивангорода, Гродна и Брестъ-Литовска.

Въ серединѣ августа, въ ясный солнечный день, среди полной тишины чуднаго сосноваго лѣса, въ которомъ близъ Барановичей была расположена Ставка Верховнаго Главнокомандующаго, неожиданно раздался артиллерійскій выстрѣлъ, гулко разнесшійся по всей Ставкѣ. Затѣмъ послышался шумъ быстро опускавшагося аэроплана.

— Что это, «свой» или «чужой»? Непріятель неизмѣнно надвигался на востокъ, и появленіе его воздушной развѣдки надъ нами могло казаться вполнѣ естественнымъ.

— Молодцы артиллеристы, — подумалъ я о взводѣ, находившемся при Ставкѣ, и кустарнымъ образомъ приспособившемъ свои полевыя пушки къ стрѣльбѣ по аэропланамъ. — Но если опустившійся аппаратъ «свой», то какъ бы не былъ на немъ кто-либо раненъ!...

Черезъ нѣсколько минутъ стало извѣстнымъ, что опустился «свой» изъ Новогеоргіевска, и что на немъ прибылъ изъ крѣпости офицеръ.

Вѣсти, доставленныя имъ, были плохія. По словамъ прибывшаго, крѣпость находилась въ безнадежномъ состояніи. Сѣверо-восточные форты, обращенные къ Млавѣ, были разрушены и настроеніе въ гарнизонѣ подавленное. Побѣдителемъ явилась мощная непріятельская артиллерія, бросавшая снаряды ужасающей силы. Распространявшіеся при разрывахъ ядовитые газы и звуковой эффектъ поражали нервы защитниковъ.

Тяжелыя предчувствія прибывшаго вѣстника оправдались: крѣпость, какъ потомъ выяснилось, была 19-го августа сдана нѣмцамъ.

Печальныя подробности хода ея обороны долго не были извѣстны. Ходили кошмарные слухи объ измѣнѣ какихъ-то инженерныхъ офицеровъ, якобы, выѣхавшихъ изъ крѣпости навстрѣчу нѣмцамъ съ подробными планами. Этому плохо вѣрилось, ибо на кого только въ то тяжелое и обидное для русскаго національнаго чувства время, на падали легкомысленныя обвиненія въ предательствѣ. И, дѣйствительно, въ приведенномъ разсказѣ, насколько мнѣ извѣстно, *правда* только въ томъ, что три инженерныхъ офицера, выѣхавъ однажды въ автомобилѣ на передовыя позиціи, дѣйствительно, тамъ случайно попали въ районъ дѣйствій нѣмецкой развѣдки. Возможно, и даже вѣроятно, что при нихъ были нѣкоторые планы, безъ которыхъ при работѣ обойтись невозможно. Въ завязавшейся съ нѣмцами перестрѣлкѣ, два офицера были убиты, а третій, вмѣстѣ съ автомобилемъ и содержимымъ въ немъ, взятъ въ плѣнъ. Такъ именно рисуется въ письмахъ ко мнѣ картина печальнаго эпизода тѣми, для которыхъ дорога память и доброе имя упомянутыхъ офицеровъ. Своимъ нравственнымъ долгомъ считаю и я предать гласности сообщенный мнѣ разсказъ.

Къ концу августа на фронтѣ С.-З. армій уже не было войскъ западнѣе линіи Бѣлостокъ—Брестъ и, такимъ образомъ, роковая опасность, висѣвшая надъ арміями этого фронта быть сдавленными двухстороннимъ охватомъ въ русской Польшѣ миновала.

Нашъ вынужденный отходъ изъ Галичины и Польши лѣтомъ 1915-го года вызывалъ у Верховнаго Главнокомандованія естественный вопросъ, гдѣ же тотъ наивыгоднѣйшій рубежъ, на которомъ желательно было бы остановить дальнѣйшее продвиженіе непріятеля въ глубь страны. Казалось, что наиболѣе удобной и короткой линіей для нашего будущаго фронта къ сѣверу отъ Полѣсья представлялась линія къ юго-западу отъ желѣзной дороги Либава-Радзивилишки-Кошедары, (напримѣръ, въ южной части по теченію р. Дубиссы); затѣмъ среднее теченіе р. Нѣмана (съ крѣпостями Ковна, Гродно и предмостнымъ укрѣпленіемъ у Олиты); далѣе Бѣловѣжская Пуща и крѣпость Брестъ-Литовскъ, которая уже примыкала къ верховьямъ Пинскихъ болотъ.

На фронтѣ этой линіи имѣлись природой заготовленныя для непріятеля препятствія, въ видѣ рѣкъ, которыя были усилены въ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ пунктахъ, крѣпостями и долговременными укрѣпленіями. Правда, крѣпости были въ періодѣ перестройки, но все же представляли извѣстную силу. Правый флангъ названнаго фронта упирался въ Либаву, представлявшую передовую базу для нашего миннаго и подводнаго флота. Обходъ же лѣваго фланга заставилъ бы противника втянуться въ лѣсисто-болотистыя пространства Полѣсья. Наконецъ, въ тылу прилегала, въ видѣ рокадной линіи, желѣзная доорга Либава-Вильна-Барановичи, съ нѣсколькими отвѣтвленіями въ сторону фронта.

Но не всѣ оцѣнивали такъ значеніе упомянутой линіи.

«Отечественная война», — пустилъ кто-то мысль, быстро привившуюся.

Надо, впрочемъ, сказать, что сближеніе наступившей войны съ Отечественной носилось вообще въ воздухѣ съ самаго ея начала. Извѣстныя, напримѣръ, слова Императора Александра I объ условіяхъ, при которыхъ могъ быть заключенъ миръ съ Наполеономъ, почти дословно вошли въ рѣчь, произнесенную 2 августа 1914-го года его правнукомъ, послѣ торжественнаго молебна въ Зимнемъ Дворцѣ по случаю открытія военныхъ дѣйствій съ нѣмцами.

Въ тотъ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, оскорбленное самолюбіе русскихъ людей сравненіемъ развертывавшихся событій съ обстановкой 1812-го года, повидимому, стремилось вложить въ отступленіе, являвшееся несомнѣнно вынужденнымъ, идею какого-то преднамѣреннаго внутренняго замысла.

— Чѣмъ дальше мы уйдемъ на востокъ, тѣмъ лучше. Придетъ

наше время, тогда зарвавшемуся нѣмцу труднѣе будетъ убраться во-свояси.

Да, конечно, война въ концѣ лѣта 1915-го года приняла для русской стороны характеръ «отечественной». Но лишь въ смыслѣ перенесенія ея на отечественную территорію. Всякое иное сближеніе переживавшагося времени съ эпохой 1812-года являлось неправильнымъ и практически только вреднымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оно приводило лишь къ тому, что подъ конецъ отступленія довольно легко отдавалось то пространство родной земли, которое, въ сущности, можно было оберечь отъ тяжестей непріятельскаго нашествія. Начиная съ конца августа, врагъ уже не съ прежней энергіей нажималъ на наши войска.

Замѣчалось даже нѣкоторое ослабленіе его силъ, вслѣдствіе увода ряда австро-германскихъ дивизій въ тылъ. Теперь то мы знаемъ, что во второй половинѣ августа германское командованіе задумывало уже новую операцію въ сторону Балканъ и потому стало перевозить въ южную Венгрію часть своихъ дивизій. Между тѣмъ, въ нашихъ войскахъ, подъ вліяніемъ мысли объ отечественной войнѣ, постепенно вырабатывалась дурная деморализующая привычка, какъ тогда говорили «выравнивать» фронтъ. Достаточно было непріятелю толкнуть наши войска назадъ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, чтобы отступали и сосѣди, во избѣжаніе угрозы флангу. Съ этой легкостью отхода на неатакованныхъ или слабо атакованныхъ участкахъ боролись вначалѣ недостаточно энергично, и зло постепенно пустило болѣе глубокіе корни; оно пріобрѣло даже какъ бы право нѣкоторой законности.

Съ другой стороны, обратное отобраніе каждой пяди отданной врагу земли, при современныхъ способахъ ея закрѣпленія и отсутствіи у насъ достаточныхъ техническихъ средствъ, должно было столкнуться съ крайними трудностями, почти невозможностью.

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мнѣ неоднократно приходилось докладывать Великому Князю Верховному Главнокомандующему, убѣждая его громко произнести свое властное слово для прекращенія дальнѣйшаго отхода. Я напоминалъ Великому Князю, какое магическое дѣйствіе произвело его слово въ августѣ 1914-го года, когда потребовалось вырвать побѣду изъ рукъ австрійцевъ. Великій Князь терпѣливо меня выслушивалъ, но... молчалъ. Была ли это потеря вѣры въ войска, или же сознаніе, что онъ доживаетъ, въ должности Верховнаго, свои послѣдніе дни и по-

тому не долженъ затруднять работы ген. Алексѣева, Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, пріобрѣтавшаго все большее вліяніе на ходъ дѣлъ и очевидно шедшаго ему на смѣну, мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

—Ваше Высочество, пока вы у власти, Россія знаетъ только васъ одного и только вы одинъ отвѣчаете за общій ходъ войны! — сказалъ я ему однажды.

— Я подумаю, — коротко отвѣтилъ мнѣ Великій Князь, замявъ этимъ дальнѣйшій разговоръ! Только въ послѣднемъ словѣ, передъ своимъ отбытіемъ изъ Ставки, благодаря меня за совмѣстную годовую работу, Великій Князь добавилъ:

— Я особенно цѣнилъ ваше откровенное слово, высказывавшееся мнѣ во всѣхъ случаяхъ!

Я понялъ о какомъ случаѣ онъ говорилъ.

Явились, впрочемъ, и другія обстоятельства, которыя сдѣлали неосуществимою остановку русской арміи на той линіи фронта, о которой я говорилъ въ началѣ моего настоящаго очерка.

Пока наши войска удерживали въ своихъ рукахъ, хотя бы только и частично, территорію Восточной Пруссіи, до тѣхъ поръ было немыслимо распространеніе непріятельскихъ вооруженныхъ силъ въ направленіяхъ къ среднему и нижнему Нѣману. Но, съ отступленіемъ послѣ февральскихъ боевъ нашей 10-й арміи къ Нѣману и Бобру и послѣ окончательнаго оставленія въ серединѣ марта мысли о возстановленіи прежняго положенія, правый флангъ нашего стратегическаго фронта оказывался на-вѣсу. Германцы получали возможность продвиженія не только въ направленіи на Ковну, но и въ *обходъ этого пункта съ сѣвера*, со стороны Тильзита на Шавли. Значеніе Риго-Шавельскаго района, черезъ который возможенъ былъ обходъ нашихъ войскъ съ сѣвера, начало вырисовываться тогда съ полной отчетливостью.

Опытный глазъ генерала Людендорфа сразу оцѣнилъ выгоды вторженія германскихъ войскъ въ Россію черезъ Литву и Курляндію. Однако настойчивыя аттаки русскихъ армій на Карпатахъ и грозившій нашимъ противникамъ развалъ австро-венгерскаго фронта отвлекалъ въ то время вниманіе германскаго верховнаго командованія въ другую сторону. Тѣмъ не менѣе Людендорфу, подъ предлогомъ демонстраціи, все же удалось собрать на фронтѣ Юрбургъ-Мемель нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ дивизій, съ которыми генералъ Лауэнштейнъ — бывшій германскій военный агентъ въ Петербургѣ — и произвелъ въ концѣ апрѣля вторженіе въ Литву на Шавли и Либаву.

Уже через нѣсколько дней послѣ начала этой операціи германцами были взяты оба упомянутыхъ выше пункта, а затѣмъ правый флангъ нашихъ войскъ пришлось отнести въ направленіи къ Виндавѣ.

Вскорѣ постепенно усиливавшіяся въ Литвѣ и Курляндіи германскія войска образовали особую Нѣманскую армію, командованіе которой было ввѣрено энергичному и дѣятельному нѣмецкому генералу Отто фонъ Белову.

Съ нашей стороны на правомъ берегу р. Нѣмана нѣмцы встрѣтили сначала лишь слабые отряды, прикрывавшіе границу съ Германіей. Стереотипное выраженіе въ донесеніяхъ: «въ Риго-Шавельскомъ районѣ безъ перемѣнъ», — характеризовало положеніе въ этомъ краѣ. Только однажды, въ февралѣ, обычное спокойствіе здѣсь было нарушено пограничнымъ наступленіемъ нѣмцевъ на Таурогенъ, — въ концѣ концовъ отбитымъ, и отвѣтнымъ набѣгомъ нашихъ войскъ на Мемель, выполненнымъ, впрочемъ, уже въ мартѣ. Теперь, подъ давленіемъ войскъ ген. Лауэнштейна, русскія части стали отходить, какъ уже сказано, на Виндаву и Дубиссу.

Съ началомъ этого наступленія нѣмцевъ, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ генералъ Алексѣевъ распорядился усиленіемъ даннаго района новыми войсками. Эти войска вошли въ составъ ближайшей 10-й арміи, штабъ которой находился, однако, въ Гроднѣ, въ 200-250 верстахъ отъ центра Шавельскаго района. Оказавшіяся при такомъ способѣ управленія суетливость и безпланность дѣйствій войскъ Риго-Шавельскаго района были столь велики, что генералъ Алексѣевъ вынужденъ былъ даже командировать туда особое лицо разобраться въ обстановкѣ.

«Съ глазу на глазъ, пишетъ командированный генералъ Палицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я попросилъ начальника штаба 10-й арміи хотя бы три дня не посылать старшему начальнику въ Шавельскомъ районѣ никакихъ приказаній и вообще не вмѣшиваться въ его работу»...

Позднѣе генералу Алексѣеву пришлось перевести въ этотъ районъ генерала Плеве съ его штабомъ. Хотя съ этого момента управленіе войсками было упорядочено и дальнѣйшее распространеніе непріятеля пріостановлено, но время для «вытѣсненія» нѣмцевъ за Нѣманъ было упущено, и непріятель своимъ присутствіемъ на Виндавѣ и Дубиссѣ, долженъ былъ всегда напоминать объ опасности возможнаго продвиженія его дальше, въ направленіи на Вильну, Двинскъ и Ригу.

Собственно говоря уже съ этого времени (конецъ мая и начало

іюня) настала пора для выдѣленія арміи генерала Плеве изъ вѣдѣнія С.-З. фронта и непосредственнаго подчиненія ея Верховному Главнокомандующему. Можетъ быть тогда и удалось бы болѣе своевременно сформировать особый сѣверный фронтъ, для прикрытія путей сѣвернѣе Ковны, на Петроградъ и Москву. Но образованіе этой новой группы войскъ могло идти лишь за счетъ Западнаго фронта, въ связи съ эвакуаціей имъ Польши. А такъ какъ эту трудную операцію Великій Князь Николай Николаевичъ ввѣрилъ генералу Алексѣеву, то онъ и опасался своимъ вмѣшательствомъ стѣснить свободу его дѣйствій.

«Мы должны, — писалъ я въ концѣ іюля, послѣ цѣлаго ряда словесныхъ докладовъ, — отказаться отъ стремленія удерживать во что бы то ни стало линію р. Вислы и въ своихъ рѣшеніяхъ принимать исключительно требованія стратегической обстановки, стремясь при первой возможности усилить и закрѣпить наше положеніе въ Риго-Шавельскомъ районѣ, который пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе при данныхъ условіяхъ обстановки»...

17-го августа русскую армію постигъ, наконецъ, на ея правомъ флангѣ очень тяжелый ударъ: въ результатѣ германскаго штурма пала крѣпость Ковна.

Общественное мнѣніе привыкло въ теченіе минувшей войны, по опыту Западнаго фронта, къ безсилію крѣпостей и довольно быстрому переходу ихъ въ руки непріятеля; поэтому оно не обратило особаго вниманія на паденіе названной крѣпости. Едва ли была даже усмотрѣна разница въ положеніе и условіяхъ обороны Ковны и Новогеоргіевска, перешедшихъ въ руки германцевъ почти одновременно. На самомъ дѣлѣ различіе было весьма и весьма существенное. Новогеоргіевскъ сдался, *по оставленіи нашими полевыми войсками линіи р. Вислы и нижняго Нарева,* то-есть, въ условіяхъ такъ сказать «*изолированной*» обороны. Ковенская же крѣпость была расположена на линіи общаго фронта и не была окружена непріятелемъ, *сохранивъ* такимъ образомъ *боевую связь съ полевыми войсками,* отъ которыхъ, при лучшемъ управленіи, должна была бы получить помощь. Помощь эта могла сказаться тѣмъ болѣе дѣйствительной, что атаковавшій ее германскій корпусъ Лицмана едва ли въ значительной мѣрѣ превосходилъ гарнизонъ крѣпости въ силахъ, а его артиллерію никакъ нельзя было назвать «подавляющей». «Ни одна крѣпость не бралась еще такими скромными средствами», говоритъ о штурмѣ Ковны, въ своихъ воспоминаніяхъ, генералъ Людендорфъ. «Даже съ паденіемъ западныхъ отдѣловъ обороны, располагавшихся на лѣвомъ берегу Нѣмана, Ковенская крѣ-

ность имѣла, въ сущности, возможность продолжать сопротивленіе, сомкнувшись укрѣпленіями на правомъ берегу той же рѣки!

Комендантъ крѣпости, въ дѣйствіяхъ котораго оказалось не мало погрѣшностей, былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ полевому суду и понесъ очень суровое наказаніе; вопросъ же о томъ, почему крѣпость, нуждаясь въ помощи полевыхъ войскъ, *не получила таковой*, къ сожалѣнію не подвергся соотвѣтственному освѣщенію.

Въ этомъ печальномъ эпизодѣ для общей обстановки хуже всего было то, что, съ переходомъ Ковны въ руки непріятеля фронтъ нашъ по существу оказывался *прорваннымъ* въ прямомъ направленіи на Вильну. Въ руки непріятеля перешли мосты черезъ р. Нѣманъ и желѣзнодорожная линія на Вильну, только частично разрушенная гарнизономъ крѣпости. Вслѣдствіе этого, штурмъ Ковенской крѣпости не остался отдѣльнымъ эпизодомъ; онъ повлекъ за собою дальнѣйшее наступленіе нѣмцевъ на правомъ берегу р. Нѣмана. Генералъ Людендорфъ вернулся къ своей первоначальной завѣтной идеѣ наступленія *въ обходъ праваго фланга* русскихъ войскъ, въ общемъ направленіи на Вильну-Минскъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, дѣла на нашемъ правомъ флангѣ становились для насъ все болѣе угрожающими. Чтобы облегчить ихъ, Ставкой были приняты самыя рѣшительныя мѣры, заключавшіяся въ распоряженіяхъ по сосредоточенію гвардейскаго корпуса къ Вильнѣ, по перебросксѣ туда же двухъ пѣхотныхъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи и, наконецъ, по выдѣленію изъ войскъ Ю.-З. фронта 120-ти отдѣльныхъ ротъ съ офицерами и *вооруженіемъ* «для быстраго и надежнаго усиленія сплоченными частями корпусовъ арміи генерала Плеве». Эта исключительная мѣра была вызвана крайне отвѣтственнымъ положеніемъ названной арміи, ослабленной предыдущими боями. Съ помощью полученныхъ подкрѣпленій, генералу Плеве удалось остановить нѣмецкое наступленіе на лѣвомъ берегу р. Сѣв. Двины.

Наконецъ къ 31-му августа съ большими трудностями было закончено формированіе штаба Сѣвернаго фронта, и въ командованіе имъ вступилъ генералъ Рузскій.

Всѣ упомянутыя распоряженія относятся къ числу послѣднихъ, исходившихъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича. Какъ извѣстно читателю, 5-го сентября во главѣ всѣхъ дѣйствующихъ войскъ арміи и флота сталъ Императоръ Николай, а начальникомъ полевого штаба къ нему былъ назначенъ генералъ Алексѣевъ.

Съ большихъ трудомъ къ концу сентября русская армія вышла

изъ очень опаснаго для нея положенія, создавшагося стремленіемъ нѣмцевъ охватить правый флангъ ихъ главной массы. Идея наступательной операціи германцевъ, явившаяся въ результатѣ систематическаго пренебреженія русскими арміями вопроса о прикрытіи ихъ операціонныхъ линій со стороны Восточной Пруссіи, не разразилась катастрофой и «повисла въ воздухѣ» лишь вслѣдствіе недостатка у германцевъ силъ для ея выполненія. Но, въ результатѣ нѣмецкаго наступленія по правому берегу р. Нѣмана, мы все же потеряли значительную полосу мѣстности и должны были закрѣпиться къ сѣверу отъ Полѣсья на довольно случайной линіи отъ Риги по Двинѣ до Двинска и далѣе на югъ до Припяти, восточнѣе Пинска. Мы потеряли возможность пользоваться, въ качествѣ рокадной, не только желѣзной дорогой Либава-Радзивилишки-Вильна, но и линіей Рига-Двинскъ-Вильна. Южнѣе же мы цѣликомъ отдали нѣмцамъ желѣзнодорожный путь отъ Вильны на Барановичи и такіе важные желѣзнодорожные узлы, какъ Вильну, Лиду и Барановичи, владѣніе которыми представляло бы для насъ существенную пользу въ дальнѣйшей длительной позиціонной войнѣ.

Такъ или иначе, но лишь къ концу сентября 1915-го года, русскія арміи вновь заняли сплошной фронтъ отъ Риги до Румынской границы, на которомъ онѣ и успѣли закрѣпиться.

Я не стану вводить читателя въ трудные и спорные разсчеты того количества войскъ, которое было переброшено германцами противъ насъ съ ихъ западнаго фронта за весь періодъ наступательной операціи, приведшей ихъ отъ Дунайца къ Западной Двинѣ и Стыри. Укажу только на вполнѣ достовѣрное распредѣленіе непріятельскихъ силъ, данное нашимъ военнымъ представительствомъ въ Парижѣ въ 1920 году, въ распоряженіи котораго имѣлись всѣ необходимые для подсчета документы и данныя. Изъ этого распредѣленія видно, что, въ то время, какъ отъ начала войны до сентября 1915-го года непріятельскія силы на Западѣ, по числу дивизій, не увеличились, держась на цифрѣ 83 пѣх. дивизій — въ это время на Восточномъ фронтѣ противъ насъ число непріятельскихъ дивизій возросло съ 50-ти до 137-ми.

Эти цифры лучше всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о томъ, какая помощь была оказана рускими войсками ихъ союзникамъ на протяженіи перваго года войны, равно какъ ясно иллюстрируютъ размѣры той опасности, которая была отведена жертвенностью русской арміи отъ нашихъ западныхъ союзниковъ.

ГЛАВА IX-я.

НѢКОТОРЫЯ ХАРАКТЕРНЫЯ ЧЕРТЫ И СОБЫТІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ФРОНТА И ТЫЛА.

1. Отношенія между Правительствомъ и Ставкой.

Минувшая война не только въ Россіи, но и въ остальныхъ государствахъ принявшихъ въ ней участіе, развернулась въ войну общенародную. Она поэтому несомнѣнно требовала предѣльнаго напряженія всѣхъ живыхъ и матеріальныхъ силъ борющейся націи.

Чтобы дать это напряженіе и тѣмъ облегчить побѣду необходимо было обезпечить тѣсное единеніе фронта съ тыломъ, арміи съ народомъ. Отсутствіе таковаго единенія составляло одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ организаціи войны въ Россіи.

Проистекало это больное явленіе изъ того, что въ годы мира, правительствомъ, которое не вело активной политики и вмѣстѣ съ тѣмъ, по причинамъ внутреннимъ, опасалось пріобщенія населенія къ государственнымъ дѣламъ, ничего не было сдѣлано для созданія въ народѣ къ моменту возникновенія вооруженнаго конфликта соотвѣтственной «психологіи». Въ силу этого населеніе Россіи въ общемъ встрѣтило войну безъ необходимаго «пафоса».

Народъ въ Россіи держался вдали отъ государственной жизни; ему были очень мало знакомы интересы страны и дальше своей деревенской колокольни онъ въ большинствѣ мало что и видѣлъ.

Нельзя отрицать, конечно, факта нѣкотораго подъема настроенія въ населеніи въ началѣ войны, но таковой сосредоточивался по преимуществу въ городахъ, гдѣ больше слѣдили за событіями, и главное, подъемъ этотъ имѣлъ только поверхностный характеръ. Въ глубинѣ народа не было убѣжденія въ необходимости побѣдить и запасные шли на призывъ скорѣе изъ чувства послушанія къ требованіямъ власти, чѣмъ изъ патріотическаго сознанія. — Эта мысль

лучше всего доказывается тѣми безпорядками, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ отмѣченъ призывъ запасныхъ.

Въ интеллигентскихъ кругахъ также не было всеобщаго подъема. — Молодежь часто не стѣснялась искать случая или уклониться отъ призыва вовсе, или пристроиться на службу въ тылу.

Въ свою очередь и власть стала на ту ложную точку зрѣнія, что войну можно выиграть безъ организаціи народныхъ силъ, усиліями одной арміи, опирающейся на свой кадровый составъ мирнаго времени и поддерживаемый правительствомъ. Мобилизація арміи не повлекла за собою мобилизаціи всей страны, то есть приспособленія строя всей ея жизни къ суровымъ требованіямъ войны. Опытъ Русско-Японской войны въ этомъ смыслѣ не былъ достаточенъ. На фактъ объявленія войны взглянули недостаточно серьезно; больше гадали о томъ, когда войны можетъ закончиться, чѣмъ думали, какъ бы придать ей силы для побѣднаго конца.

Недостаточная сознательность важности и отвѣтственности наступившаго съ войною періода времени, была, такимъ образомъ, первою причиною тому, что внутренняя жизнь фронта и тыла, подъ коимъ слѣдовало понимать всю страну, пошли не по одному руслу.

Русскіе люди, покорные и въ большинствѣ инертные, шли на призывъ и умирали лишь до тѣхъ поръ, пока не настали великія испытанія. Очевидно, что въ изложенныхъ условіяхъ достигаемые успѣхи не могли быть прочными. И когда въ 15-мъ году, Германія нашла возможнымъ, прочно укрѣпившись на Западѣ, сосредоточить противъ Россіи свои главныя силы, то русская армія, къ тому же лишенная боевыхъ припасовъ, не могла не сдать и не откатиться обратно на свою территорію.

Второй причиной расхожденія жизни фронта и тыла, явилось то недовѣріе, которое, какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, сложилось при Дворѣ къ личности Великаго Князя, а за нимъ и къ его ближайшимъ сотрудникамъ. Недовѣріе это было настолько чудовищно, что едва ли его цѣликомъ могъ раздѣлить лично Государь. По крайней мѣрѣ онъ тщательно скрывалъ все то, что ему нашептывалось, и, наоборотъ, всегда умѣлъ маскировать свое дѣйствительное отношеніе къ Ставкѣ знаками особаго внѣшняго вниманія къ ней и расположенія.

Глубина всѣхъ подозрѣній стала извѣстна лишь впослѣдствіи, когда всеобщимъ достояніемъ явились письма Императрицы Александры Федоровны къ ея супругу.

Изъ этихъ писемъ видно, что Императрица считала Великаго Князя опаснымъ честолюбцемъ. Ея больной мозгъ вмѣстѣ съ тѣмъ

подозрѣвалъ Ставку то въ какомъ то ужасающемъ предательствѣ, то въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью низложеніе царствовавшаго Императора и насильственное удаленіе ея въ монастырь. Само собой разумѣется, что всѣ эти слухи, отнесенные къ первому періоду войны, были сплошнымъ вздоромъ.

— Шпіоны, находящіеся въ Ставкѣ, писала Императрица по поводу одной изъ предполагавшихся поѣздокъ Царя на фронтъ, сразу же сообщатъ нѣмцамъ, и тогда ихъ аэропланы начнутъ дѣйствовать*)....

Надо было быть очень злостно настроеннымъ и совсѣмъ не знатъ духовнаго облика Великаго Князя, чтобы можно было питать въ этомъ смыслѣ какія либо опасенія!

Верховный Главнокомандующій былъ однимъ изъ самыхъ лойяльныхъ подданныхъ своего Монарха. — Подобно многимъ лицамъ, получившимъ религіозно-мистическое воспитаніе, онъ видѣлъ въ русскомъ Царѣ Помазанника Божьяго и, только внутренне скорбя, что его окружали близорукіе, а иногда и темные совѣтники, стремился изыскать способы къ улучшенію положенія.

Тѣмъ не менѣе недовѣріе къ Верховному Главнокомандующему Императрицы, не встрѣчавшее должнаго отпора у Государя, несомнѣнно клало извѣстный отпечатокъ на отношенія къ Великому Князю правительства, среди членовъ котораго было много закоснѣлыхъ реакціонеровъ и таилось, отчасти, желаніе подчеркнуть свою отъ Ставки независимость.

Этому способствовало и наше Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, которое было составлено, какъ я уже отмѣчалъ, въ томъ предположеніи, что во главѣ Дѣйствующей Арміи будетъ находиться самъ Императоръ. — Въ этомъ случаѣ на военномъ и морскомъ министрахъ, органы которыхъ должны были нести функціи заготовителей всѣхъ снабженій, необходимыхъ для арміи и флота, естественно лежала бы обязанность быть выразителями и проводниками въ Совѣтѣ Министровъ всѣхъ требованій къ странѣ войны. Черезъ посредство этихъ лицъ должна была быть устанавлимаема прочная связь фронта съ тыломъ и достигаемо необходимое объединеніе арміи съ народомъ въ теченіе самой войны. Съ нарушеніемъ же основной схемы управленія, то есть со врученіемъ обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго особому лицу, оба

*) Письма Императрицы Александры Феодоровны, Кн-во «Слово», Берлинъ.

министра выходили, такимъ образомъ, изъ подчиненія Верховнаго Главнокомандующаго, который лишался возможности авторитетно вліять на Совѣтъ Министровъ и чувствовать увѣренность, что его требованія будутъ исполнены. Въ Совѣтѣ Министровъ онъ не имѣлъ даже своего представителя!

Въ дополненіе ко всей этой картинѣ, надо добавить еще и то, что начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, вслѣдствіе недисциплинированности своего характера, легко переходившаго допустимыя границы, совершенно не сумѣлъ установить правильныхъ отношеній и пріобрѣсти необходимое вліяніе на направленіе дѣятельности министровъ, которые имѣли весьма много основаній жаловаться на его дѣйствія.

Держась, въ силу своей неподготовленности въ вопросахъ стратегіи по большей части нейтрально, онъ проявлялъ зато свою властную жестокость и малодисциплинированный характеръ въ отношеніяхъ своихъ съ министрами и въ доходившихъ на его разрѣшеніе дѣлахъ внутренняго управленія тѣмъ обширнымъ райономъ, который, составляя театръ военныхъ дѣйствій, былъ, въ извѣстной степени, изъятъ изъ общаго управленія территоріей всей Имперіи.

Въ результатѣ такого положенія, многіе министры избѣгали лично бывать въ Ставкѣ и входить съ нимъ въ общеніе; старый же предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ, чаще другихъ навѣщавшій Ставку, не пользовался въ правительствѣ тѣмъ авторитетомъ, который соотвѣтствовалъ бы важности переживаемаго военнаго времени.

Я не помню случаевъ посѣщенія генераломъ Янушкевичемъ Совѣта Министровъ, съ цѣлью установленія единства взглядовъ взимнаго обмѣна мнѣніями или подробнаго доклада о нуждахъ арміи. Единственное соединенное засѣданіе Совѣта Министровъ и чиновъ Главнокомандованія было то совѣщаніе, о которомъ читатель найдетъ свѣдѣнія нѣсколько дальше.

Жизнь въ странѣ текла своимъ особымъ русломъ, внѣ вліянія на нее требованій войны!

2. Шпіономанія и тыловые непорядки.

Уже неудачная Восточно-Прусская операція заставила русскія войска съ необычайной внимательностью взирать на всѣ казавшіяся имъ подозрительными явленія, происходившія кругомъ. Съ

другой стороны участники названнаго похода единогласно подтверждаютъ о дѣйствительномъ наличіи выдающейся организаціи помощи нѣмецкаго населенія своимъ войскамъ. — Вслѣдствіе этихъ причинъ, во всякомъ обывателѣ, шнырявшемъ на своей мотоциклеткѣ или велосипедѣ по восточно-прусскимъ дорогамъ, русскія войска склонны были видѣть шпіона, высматривавшаго ихъ расположеніе или движеніе; во всякомъ мерцавшемъ огонькѣ, лишнемъ поворотѣ колесъ вѣтряныхъ мельницъ, или ударѣ колокола — чудилось, а можетъ быть происходило и въ дѣйствительности — сигнализированіе отрядамъ непріятеля. — Такъ въ русскихъ войскахъ развилась нервировавшая подозрительность.

Въ польскихъ мѣстечкахъ и городкахъ, расположенныхъ на территоріи Россіи, подозрѣніе въ шпіонажѣ по большей части падало на еврейское населеніе, считавшееся болѣе податливымъ на подкупъ деньгами и другія мѣры непріятельскаго воздѣйствія.

Правильно или неправильно было это предположеніе — въ этотъ вопросъ я не вхожу, но общеизвѣстно, что въ Россіи еврейское населеніе не пользовалось, въ извѣстныхъ кругахъ, симпатіями, и къ нему готовы были предъявлять всякія обвиненія до самыхъ причудливыхъ включительно. На предположеніи о нелойяльности этой части населенія Россіи стали играть нѣкоторые недобросовѣстные агенты полиціи и контръ-развѣдки, видѣвшіе въ раскрытіи возможно большаго числа всякаго рода шпіонскихъ организацій способъ проявить свое служебное рвеніе, и тѣмъ выдвинуться по своей спеціальности. Война создавала для этого крайне благопріятную обстановку, ибо, рядомъ съ напрасными жертвами контръ-развѣдки, несомнѣнно существовали и дѣйствовали преступныя организаціи, требовавшіе безпощадной съ ними борьбы и уничтоженія. — Времени разобраться было немного, шпіонскія организаціи были многочисленны и потому у низшихъ агентовъ образовалась тенденція обвинять въ предательствѣ огуломъ ту или другую часть населенія, или категорію людей, вмѣсто розыска дѣйствительно виновныхъ отдѣльныхъ лицъ.

Ясно, что легче было подвести подъ подозрѣніе все инородческое населеніе: евреевъ, нѣмцевъ, поляковъ или другія народности, чѣмъ выдвигать противъ того или другого *отдѣльнаго* лица какое либо конкретное обвиненіе, которое еще нужно было доказать. На почвѣ этой обстановки, создаваемой къ сожалѣнію каждой войной, возникало много печальныхъ случаевъ и недоразумѣній.

Съ началомъ нашихъ военныхъ неудачъ, подозрительность естественно увеличилась и захватила все большій и большій кругъ

людей. Нѣкоторые на этой подозрительности строили свою служебную карьеру, и я самъ знавалъ одного очень крупнаго начальника, который, въ періодъ отступленія русскихъ войскъ изъ Галичины и Польши, хвастался говоря:

«Всякаго инородца, котораго я встрѣчаю съ лицомъ, обращеннымъ къ противнику, я разсматриваю, какъ предателя Россіи!..»

Особенно прославился своею жестокостью къ инородцамъ начальникъ штаба Сѣвернаго фронта ген. Бончъ-Бруевичъ. Когда мнѣ пришлось занять этотъ же постъ послѣ него, то первыя недѣли едва ли не половину времени мнѣ потребовалось употребить для разбора всякаго рода жалобъ на его дѣятельность. Этотъ Бончъ-Бруевичъ слылъ за анти-праваго, а его братъ — былъ извѣстнымъ большевикомъ, игравшимъ въ началѣ революціи большую роль. Впослѣдствіи и правый Бончъ-Бруевичъ оказался на службѣ большевиковъ. — Недаромъ про него ходилъ пророческій разсказъ, что во время маневровъ его суетливый начальникъ, терявшій быстро голову кричалъ: Скачите Бончъ — направо, Бруевичъ — налѣво! — Такой способъ двойного охвата всего обширнаго діапазона политическихъ партій, генералъ Бончъ-Бруевичъ и провелъ полностью въ своей дальнѣйшей служебной карьерѣ, пользуясь позиціей, занятой его братомъ большевикомъ.

Разумѣется Ставка должна была дать въ вопросѣ объ отношеніи къ инородцамъ соотвѣтственную директиву, и обязанность эта лежала на начальникѣ штаба Верховнаго, въ распоряженіи котораго имѣлась гражданская канцелярія для всѣхъ дѣлъ по части управленія населеніемъ, проживавшимъ на территоріи военныхъ дѣйствій. Но къ сожалѣнію здѣсь то именно и проявился мало-уравновѣшенный характеръ начальника штаба Верховнаго, человѣка мало опытнаго и не вѣдавшаго, что неправильно, хотя и слегка только нажатая сверху кнопка отражается внизу всегда чрезвычайно болѣзненными явленіями. Несомнѣнно, что онъ «горѣлъ» праведной ненавистью ко всякой возможности предательства и шпіонажа. Но отъ этого «горѣнія», вслѣствіе его неуравновѣшенной системы управленія, къ сожалѣнію много страдали не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя группы населенія.

Недовѣріе обуяло въ этотъ періодъ времени русскую армію не только въ отношеніи мирнаго населенія. Оно распространилось также частично на офицерскій составъ.

Печальный образецъ представляетъ собою, напримѣръ, дѣло бывшаго подполковника Мясоѣдова, преступленіе котораго такъ и осталось не достаточно доказаннымъ.

Въ дневникѣ одного изъ чиновъ штаба генерала Алексѣева*) имѣется по поводу этого дѣла слѣдующій абзацъ:

«Пустовойтенко (ближайшій сотрудникъ генерала Алексѣева) говоритъ, что, когда онъ прибылъ съ Алексѣевымъ на С.-З. фронтъ, въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба уже служилъ и работалъ прапорщикъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, призванный изъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ округа Варшавской судебной палаты. Онъ тогда же потребовалъ у него докладъ по дѣлу шпіона Мясоѣдова и, якобы, оказалось, что во всемъ обширномъ дѣлѣ не было ни одного документа, объективно доказывающаго виновность повѣшеннаго. Все инкриминируемое Мясоѣдову было таково, что никоимъ образомъ не доказывало чего нибудь неопровержимаго»...

Подобныя же сужденія приходилось встрѣчать въ воспоминаніяхъ и другихъ лицъ.

Много доставалось начальникамъ съ нѣмецкими фамиліями, изъ которыхъ нѣкоторые, чувствуя себя давно русскими, спѣшили ходатайствовать, даже объ измѣненіи своихъ фамилій. Лицъ нѣмецкаго происхожденія обвиняли въ томъ, что они сумѣли, опираясь на министра двора графа Фредерикса, (кстати не нѣмца по происхожденію), образовать въ арміи и даже вокругъ русскаго престола, замкнутую цѣпь членовъ, сочувствующихъ Германіи. Дѣло дошло до того, что Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, пришлось издать особо-строгій приказъ, имѣвшій цѣлью положить предѣлъ необоснованнымъ обвиненіямъ, которыя вносили лишь смуту и разложеніе въ армейскую среду.

Особенно разраслись непорядки въ ближайшихъ войсковыхъ тылахъ во время отхода русскихъ войскъ изъ Польши и Галичины. Великому Князю, какъ Верховному Главнокомандующему, и въ этомъ вопросѣ пришлось самому вмѣшаться, напоминая телеграммами на имя главнокомандующаго С.-З. фронтомъ генерала Алексѣева, о безсистемности эвакуаціонныхъ распоряженій и о неправильно создавшемся у войскъ представленіи, что принимаемыя мѣры являются «репрессіями». Телеграммой, напримѣръ, отъ 20-го іюня 15-го года Великій Князь напоминаетъ: 1) что удаляться и уничтожаться должно лишь то имущество, которое можетъ *непосредственно* послужить на пользу противнику, или препятствовать нашимъ военнымъ дѣйствіямъ; 2) что при уничтоженіи, по распоряженію военныхъ властей, имущества, должны непремѣнно со-

---

*) Мих. Лемке. «250 дней въ Царской Ставкѣ», стр. 190.

ставляться требуемые закономъ акты: 3) что населеніе, при отсутствіи крайней необходимости, не должно подлежать принудительному выселенію и не должно лишаться необходимыхъ запасовъ продовольствія; 4) что лицамъ добровольно покидающимъ свой кровъ должна *облегчаться* возможность выбора временнаго мѣстожительства; и 5) что члены одной семьи ни въ коемъ случаѣ не должны разселяться по различнымъ пунктамъ.

Мѣры эти надлежало примѣнять разумѣется въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ слоямъ населенія безразлично.

Но Верховный Главнокомандующій принималъ и болѣе строгія мѣры къ уничтоженію тыловыхъ безобразій. Такъ напримѣръ 6-го іюня 15-го года Великій Князь телеграфировалъ о необходимости преданія военно-полевому суду командировъ тѣхъ полковъ, «чины которыхъ будутъ изобличены въ учиненіи погромовъ».

Къ сожалѣнію «шпіономанія» внѣдрилась глубоко не только въ арміи, но и въ народѣ, не исключая и царскихъ дворцовъ. Въ придворныхъ сферахъ въ предательствѣ, и даже измѣнѣ, тайкомъ обвиняли даже Верховнаго Главнокомандующаго и его сотрудниковъ, въ народѣ же и въ арміи напротивъ, — подозрѣнія въ измѣнѣ шли въ царскіе покои. Все объясняли измѣной. Это обвиненіе являлось простѣйшимъ способомъ облегчить свое личное неудовольствіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдать неудачу. Чего проще: «Измѣна кругомъ!». — Въ этомъ общемъ стонѣ только и проявлялось уродливое единеніе и общность настроеній фронта и тыла, арміи и народа. — И если на фронтѣ указанное настроеніе въ силу дисциплинированности войскъ не давало еще вспышекъ, то въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, оно разразилось въ іюнѣ 15-го года огромными безпорядками, заставившими, наконецъ, Царя и правительство призадуматься надъ охватившимъ всѣхъ настроеніемъ.

3. 14/27 іюня 1915 года въ Ставкѣ.

Уже почти два мѣсяца наши войска, не выдержавъ стремительнаго удара Макензена у Горлице и Тарнова — находились въ отступленіи изъ Галичины.

Попытки зацѣпиться за Вислоку и позднѣе за р. Санъ не удались. Врагу былъ отданъ обратно Перемышль и Львовъ, и уже недалекимъ казалось время, когда ужасы войны должны были коснуться нашихъ собственныхъ предѣловъ.

Россія, оскробленная военными неудачами, глухо волновалась. Слово «измѣна», какъ читатель уже знаетъ, ходило кругомъ.

Но и другихъ поводовъ для недовольства было не мало. Наша центральная власть уже давно стала терять довѣріе широкихъ общественныхъ круговъ и народныхъ массъ. Не Горемыкину, конечно, незадолго до войны назначенному на постъ предсѣдателя совѣта министровъ, было подъ силу, хотя бы временно, на періодъ войны, смягчить тѣ причины, которыя отдѣляли власть отъ народа.

Всѣ качества этого застывшаго въ своихъ воззрѣніяхъ старца, не только внутреннія, но и просто внѣшнія находились въ яркомъ противорѣчіи съ требованіями того труднаго времени, которое надвинулось на Россію. Нужны были широкій государственный умъ, желѣзная воля, кипучая энергія. Наблюдая же Горемыкина во время мимолетныхъ наѣздовъ въ Ставку, я лично всегда выносилъ впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ, переутомленномъ жизнью и больше всего сосредоточенномъ на себѣ.

Въ такихъ условіяхъ, внутри Россіи, въ ея сердцѣ — Москвѣ — накопившіяся нездоровыя настроенія разразились въ началѣ іюня 1915 года серьезными народными безпорядками. Полиція вначалѣ бездѣйствовала, и дала уличной толпѣ «разойтись». Сперва подверглись разгрому магазины, принадлежавшіе лицамъ нѣмецкаго происхожденія, а затѣмъ и вообще — носившіе вывѣски съ иностранными фамиліями. Возбужденные погромомъ люди стали, въ концѣ концовъ, врываться въ частныя квартиры, и громить находившееся въ нихъ имущество. Были случаи побоевъ и даже отдѣльныхъ убійствъ.

Постепенно безпорядки въ городѣ разраслись и приняли коегдѣ враждебныя правительству формы. Властямъ пришлось вызвать войска и прибѣгнуть къ силѣ оружія. Только уступая этой силѣ, народныя толпы, производившія волненія, разсѣялись и въ Москвѣ установился наружный порядокъ.

Причины волненій и погрома, происходившихъ въ Первопрестольной, объяснялись въ то время различно. Наиболѣе просто было приписать безпорядки раздраженію столичнаго населенія противъ нѣмцевъ. — Они насъ бьютъ на фронтѣ, за это имъ здѣсь расправа въ тылу.

Взрывъ оскорбленнаго народнаго чувства, — буйнаго, разнузданнаго, — но все же въ основѣ своей имѣющаго нѣчто отъ патріотизма!

Такова была оффиціальная версія мѣстныхъ московскихъ властей по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Ставки.

Но уже за-границей наши союзники взглянули на московскую вспышку болѣе широко. Тамъ въ ней увидѣли проявленіе народна-

го негодованія и раздраженія не только противъ нѣмцевъ — нашихъ военныхъ противниковъ, но и противъ союзниковъ, оставившихъ насъ одинокими въ трудный періодъ отхода изъ Галичины.

— За послѣднее время, — доносилъ телеграммой отъ 12/25 іюня нашъ посолъ въ Парижѣ — французское правительство и военные круги озабочены извѣстіемъ о неблагопріятномъ по отношенію къ Франціи настроеніи общественнаго мнѣнія, обвиняющаго французскую армію въ бездѣйствіи. Даже въ недавнихъ погромахъ въ Москвѣ — добавляетъ А. П. Извольскій — здѣсь склонны видѣть враждебное отношеніе русскаго народа не только къ нѣмцамъ, но и вообще къ иностранцамъ.

— Во Франціи обвиняютъ въ созданіи такого настроенія военную цензуру, давившую на прессу и не дававшую ей возможности говорить о потеряхъ союзниковъ въ операціяхъ у Арраса, предпринятыхъ въ началѣ мая, съ понятной цѣлью помочь намъ. Операціи эти, какъ извѣстно, тянулись съ перерывами до второй половины іюня, но не сопроводились какими либо замѣтными результатами.

Въ нашихъ правящихъ кругахъ, люди хорошо знавшіе внутреннія настроенія народныхъ массъ взглянули на московскія событія съ еще болѣе общей точки зрѣнія. Военныя неудачи и одиночество Россіи могли, конечно, служить «поводомъ», для взрыва, но столь бурное проявленіе народнаго гнѣва могло случиться лишь въ обстановкѣ крайняго раздраженія внутреннимъ положеніемъ въ странѣ. Оскорбительныя и грозныя рѣчи, слышавшіяся по адресу царской семьи и гремѣвшаго на всю Россію Распутина, были тому яркимъ доказательствомъ.

Шутить съ этими настроеніями, да еще въ условіяхъ тяжелой войны — не приходилось.

Событія въ Москвѣ дали, поэтому, новый толчокъ тому теченію, которое давно уже образовалось въ средѣ Совѣта Министровъ изъ болѣе передовыхъ его членовъ. Это теченіе, по свѣдѣніямъ Ставки, возглавлялось А. В. Кривошеинымъ — Главноуправляющимъ Земледѣліемъ и поддерживалось С. Д. Сазоновымъ и нѣкоторыми другими членами Совѣта Министровъ. Всѣ они настойчиво выдвигали необходимость правительству въ своихъ дѣйствіяхъ опереться на общественныя силы и вообще, какъ говорили тогда, «открыть клапанъ сверху», дабы уже чувствовавшійся революціонный вихрь не взорвалъ всей государственной машины изнутри.

Верховный Главнокомандующій горячо сочувствовалъ этому движенію и въ Ставкѣ были очень обрадованы извѣстіемъ о подробномъ и настойчивомъ докладѣ Императору Николаю II мнѣнія

названной группы министровъ, сдѣланномъ А. В. Кривошеинымъ.

Императоръ Николай II вообще не любилъ, чтобы отдѣльные министры затрагивали вопросы, касавшіеся общей политики государства. Однако, при отсутствіи у совѣта министровъ принятой всѣми его членами единой программы и при окаменѣлости предсѣдателя, такіе доклады являлись, въ сущности, единственнымъ средствомъ доводить до свѣдѣнія верховной власти объ опасностяхъ, которыя ясно видѣли одни и не желали видѣть другіе члены высшаго правительственнаго аппарата.

Точка зрѣнія группы А. В. Кривошеина была поддержана Верховнымъ Главнокомандующимъ и въ Ставкѣ, какъ только въ нее прибылъ Государь, черезъ нѣсколько же дней послѣ московскихъ событій. Къ новой предполагавшейся программѣ, не шедшей, впрочемъ, далѣе увольненія нѣкоторыхъ наиболѣе дискредитированныхъ министровъ и привлеченія къ дѣлу обороны общественныхъ силъ, въ Ставкѣ добавляли еще необходимость обезпеченія болѣе тѣсной связи между фронтомъ и тыломъ, для начала которой Великій Князь предложилъ собрать соединенное совѣщаніе изъ членовъ правительства и главнаго командованія.

Вокругъ верховной власти работали, конечно, и другія теченія, но на сей разъ Императоръ повидимому склонялся на сторону тѣхъ совѣтчиковъ, которые являлись отголоскомъ общественныхъ желаній.

Вначалѣ были намѣчены болѣе рѣшительныя перемѣны въ составѣ правительства. Предусматривался уходъ Горемыкина, причемъ кандидатомъ на постъ премьера называли въ Ставкѣ либо Кривошеина, либо Сазонова. Этого, однако, не случилось: Императоръ не пожелалъ разстать съ «Милымъ Старикомъ», какъ Горемыкина называла Императрица. Должны были также оставить свои посты министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ (Н. А.), военный — ген. Сухомлиновъ, юстиціи — Щегловитовъ, и оберъ-прокуроръ Синода — Саблеръ. Эти лица и въ самомъ дѣлѣ были постепенно уволены и замѣнены новыми министрами. Преемниками ихъ соотвѣтственно явились: кн. Б. Н. Щербатовъ, ген. А. А. Поливановъ, А. А. Хвостовъ и А. Д. Самаринъ.

Среди новыхъ министровъ были не просто «новые» люди: большинство ихъ были подобраны съ извѣстнымъ символическимъ значеніемъ. Кн. Щербатовъ довольно хорошо былъ извѣстенъ въ земскихъ кругахъ; его лично зналъ и Великій Князь, у котораго братъ новаго министра полк. кн. Щербатовъ состоялъ однимъ изъ адъютантовъ. Ген. Поливановъ слылъ опытнымъ военнымъ админист-

раторомъ и пользовался особымъ довѣріемъ въ средѣ членовъ Государственной Думы; А. Д. Самаринъ — московскій губернскій предводитель дворянства выдвигался московскими общественными кругами и лучшею частью православнаго духовенства.

Соглашаясь на эти назначенія, Императоръ Николай поступался даже собственными симпатіями и симпатіями Императрицы. Ген. Поливанова, напримѣръ, царская чета не любила именно за его близость къ думскимъ кругамъ; съ именемъ же Самарина связывалось представленіе, какъ о лицѣ, готовомъ пойти на рѣшительныя мѣры по оздоровленію высшаго церковнаго управленія и по борьбѣ съ распутинскимъ вліяніемъ.

— Самаринъ пойдетъ противъ нашего друга и будетъ заступаться за епископовъ, которыхъ мы не любимъ, — такъ писала о немъ Императрица, въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Поступаясь собственными симпатіями, Государь какъ бы этимъ самымъ доказывалъ искренность своихъ намѣреній стать на примирительную по отношенію къ общественнымъ кругамъ позицію.

Въ интересахъ сближенія работы фронта съ работой тыла и для обсужденія программы ближайшихъ мѣропріятій, Императоръ Николай II согласился собрать въ Ставкѣ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, соединенное совѣщаніе, почему совѣтъ министровъ въ обновленномъ видѣ выѣхалъ въ Ставку въ Барановичи, къ 27-му іюня н. ст.

Это была съ начала войны первая встрѣча Совѣта Министровъ, въ его, почти полномъ составѣ, съ Верховнымъ Главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба. Правда, въ отдѣльности, предсѣдатель Совѣта и нѣкоторые министры навѣщали Ставку и раньше, но бесѣды съ И. Л. Горемыкинымъ, въ силу его извѣстной политической предвзятости и старческой немощности, не могли имѣть рѣшающаго значенія; съ отдѣльными же министрами оффиціально обсуждались въ Ставкѣ лишь вопросы частнаго характера.

Фронтъ и тылъ до того времени были разъединены взаимнымъ недовѣріемъ и какимъ то особенно упорнымъ нежеланіемъ признать необходимость общей согласованной работы для достиженія конечнаго успѣха.

Наша тихая и скромная Ставка, расположенная въ обширномъ сосновомъ лѣсу близъ ст. Барановичи, приняла уже наканунѣ совѣщанія праздничный видъ. Появились министерскіе вагоны. Необычно загудѣли автомобили, развозившіе по Ставкѣ пріѣхав-

шихъ изъ столицы лицъ, которыя своими бѣлыми, свѣжими кителями, рѣзкими пятнами выдѣлялись на общемъ сѣро-зеленомъ фонѣ.

Прибывшіе министры оставались жить въ тѣхъ же вагонахъ, въ которыхъ они пріѣхали изъ столицы. Такое размѣщеніе вызывалось тѣмъ, что сама Ставка въ періодъ своего пребыванія въ Барановичахъ продолжала тѣсниться въ вагонахъ.

Въ императорскомъ же поѣздѣ оставался жить и Государь со своей свитой, въ періоды довольно частыхъ, хотя непродолжительныхъ наѣздовъ его въ Ставку. Для царскаго поѣзда была устроена своя особая вѣтка въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ вѣтки къ Ставкѣ. Къ Царскому поѣзду была проложена также своя автомобильная доорга.

Зимою Государь принималъ приглашаемыхъ къ нему лицъ въ вагонѣ-столовой, передняя часть котораго служила небольшой гостиной. Вагонъ этотъ впослѣдствіи сталъ историческимъ, такъ какъ въ немъ Императоръ Николай II подписалъ актъ о своемъ отреченіи отъ престола.

Лѣтомъ, въ виду жары, на лѣсной полянкѣ подлѣ царскаго поѣзда былъ раскинутъ просторный шатеръ-столовая. Въ этомъ шатрѣ и было назначено намѣчавшееся совѣщаніе.

Чрезвычайно трудно, послѣ длинной цѣпи пережитыхъ разочарованій, передать то торжественно-свѣтлое настроеніе, которымъ была охвачена Ставка въ день 27 іюня 15-го года! Чувствовался притокъ свѣжихъ силъ, и чудился поворотъ къ лучшему будущему!

День по погодѣ выдался на славу. Солнце съ утра заблистало ярко и обливало всѣхъ своими свѣтлыми радостными лучами.

По случаю воскреснаго дня, наша походная церковь, устроенная въ деревянномъ баракѣ, и украшенная старинными иконами, наполнилась утромъ до отказа. Вдохновенно служилъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства о. Георгій Шавельскій, въ сослуженіи нѣсколькихъ военныхъ священниковъ и монаховъ, привезшихъ изъ дальнихъ монастырей особо почитаемыя иконы. Одна изъ нихъ была нѣмой свидѣтельницей Бородина. Трогательно пѣлъ небольшой, но прекрасный мужской хоръ пѣвчихъ.

Императоръ Николай II и рядомъ съ нимъ Верховный Главнокомандующій русской дѣйствующей арміей!.. Оба фанатично религіозные, они занимали свои обычныя мѣста въ церкви на лѣвомъ клиросѣ. Ихъ почти не было видно: только въ короткіе періоды колѣнопреклоненій, педантично ими выполнявшихся, вырисовывались ихъ силуэты.

Вся середина церкви была занята бѣлой группой пріѣхавшихъ министровъ, окруженныхъ чинами Ставки, въ ихъ сѣрыхъ рабочихъ кителяхъ. У всѣхъ торжественно-серьезныя лица, отвѣчавшія внутреннему настроенію радостнаго ожиданія....

Послѣ завтрака, въ 2 часа дня, началось совѣщаніе. Какъ я уже сказалъ, оно происходило подъ предсѣдательствомъ Государя.

Первымъ докладывалъ приглашенный въ Ставку главнокомандующій въ Москвѣ кн. Юсуповъ о недавнихъ событіяхъ въ Первопрестольной. Докладъ этотъ и послужилъ основаніемъ для сужденій о внутреннемъ состояніи Россіи. Совѣщаніе въ своемъ большинствѣ рѣшительно высказалось за скорѣйшій созывъ Государственной Думы и за необходимость обращенія Императора Николая II-го къ русскому народу съ призывомъ проявить, совмѣстно съ правительствомъ, усиліе для доведенія войны до побѣднаго конца. Всѣ эти мѣры искренно поддерживались Великимъ Княземъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Затѣмъ совѣщаніе перешло къ вопросу о средствахъ къ коренному обновленію нашей арміи и къ улучшенію условій ея пополненія и снабженія. Рѣшено было произвести досрочный призывъ новобранцевъ, а для улучшенія условій снабженія арміи — призвать общественные элементы къ тѣсному сотрудничеству съ властью и въ этой области.

Проектъ обращенія Царя къ народу былъ тутъ же въ совѣщаніи прочитанъ А. В. Кривошеинымъ. Составленный въ видѣ особаго рескрипта на имя предсѣдателя совѣта минстровъ, онъ говорилъ о томъ, что затянувшаяся война требуетъ для доведенія ея до благополучнаго конца дальнѣйшихъ напряженій, и что въ виду этого правительство, общественныя учрежденія, русская промышленность и весь русскій народъ, безъ различія взглядовъ и положенія, призываются къ сплоченной дружной работѣ для потребностей войны.

«Образовавъ, по вопросамъ снабженія арміи особое совѣщаніе, съ участіемъ членовъ законодательныхъ учрежденій и представителей промышленности, — говорилось отъ лица Государя въ рескриптѣ, — я признаю необходимымъ приблизить и время созыва законодательныхъ учрежденій, дабы выслушать голосъ земли русской».

Затѣмъ совѣту министровъ указывалось ко времени созыва Государственной Думы разработать законопроекты, «вызванные потребностями военнаго времени»...

По окончаніи совѣщанія, участники его получили приглашеніе къ торжественному высочайшему обѣду, причемъ передъ обѣдомъ

члены обновленнаго совѣта министровъ были сняты въ общей группѣ, съ Государемъ въ центрѣ, какъ бы въ удостовѣреніе новаго курса правительственной политики. Обѣдъ въ общемъ прошелъ въ столь же повышенномъ настроеніи и только мой сосѣдъ, — А. Д. Самаринъ относился пессимистически къ будущему. Затѣмъ вечеромъ, по окончаніи обѣда, часть министровъ, съ А. В. Кривошеинымъ во главѣ, прошли въ мой рабочій кабинетъ, чтобы выслушать докладъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ ихъ порадовать какими либо утѣшительными свѣдѣніями съ фронта, и, напротивъ, счелъ себя обязаннымъ предупредить о вѣроятномъ оставленіи нами въ будущемъ Варшавы. Тѣмъ не менѣе, хотѣлось вѣрить и вѣрилось, что въ задуманномъ общеніи Ставки, правительства и всего русскаго народа найдутся новыя силы для выправленія трудной обстановки того времени.

Увы! «Не вливаютъ новаго вина въ старые мѣхи».

Одно оставленіе на высокомъ, отвѣтственномъ посту И. Л. Горемыкина — должно было подорвать довѣріе къ прочности новаго курса.

Открытіе Государственной Думы затягивалось и было выполнено лишь ко дню годовщины объявленія войны. Правительство, въ концѣ концовъ, не приняло программы образовавшагося въ Думѣ прогрессивнаго блока, который предложилъ ему свою поддержку, и отказало въ образованіи кабинета «пользующагося довѣріемъ страны». Постепенно наиболѣе передовые министры, мечтавшіе о примиреніи и совмѣстной работѣ съ Государственной Думой, принуждены были оставить свои посты.

Русская армія продолжала отступленіе. Война была перенесена на родную территорію, и надъ Россіей стали сгущаться темныя сумерки...

ГЛАВА X-я.

ОТНОШЕНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, КАКЪ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО, КЪ РАЗЛИЧНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ВОЕННО - ДИПЛОМАТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА.

Россія вела противъ Союза Центральныхъ Державъ коалиціонную войну и эти сложныя условія, въ значительной мѣрѣ, требовали привлеченія Главнокомандующаго русскими вооруженными силами къ участію въ рѣшеніи разнаго рода возникавшихъ дипломатическихъ вопросовъ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ былъ человѣкомъ либерально-прогрессивнаго направленія; онъ не замкнулся въ кругу собственнаго вѣдомства и ясно понималъ важность и цѣлесообразность тѣснаго взаимодѣйствія дипломатіи и обнажившагося меча, почему допускалъ довольно широкій обмѣнъ мнѣній между чинами своего министерства и Ставкой.

Къ тому же, ко времени начала войны та холодность отношеній, которая существовала раньше у Сазонова по отношенію къ Великому Князю Николаю Николаевичу, изъ-за эгоистической балканской политики родственниковъ послѣдняго по женѣ, совершенно изгладились, подъ впечатлѣніемъ тактичности и выдержки въ томъ же вопросѣ самого Великаго Князя.

Впрочемъ и по Положенію о полев. управленіи войскъ въ военное время министръ иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ ставить Верховнаго Главнокомандующаго въ извѣстность о всѣхъ важнѣйшихъ и могущихъ имѣть значеніе для войны дипломатическихъ договорахъ съ иностранными державами, а Верховному Главнокомандующему, въ случаѣ нахожденія вооруженныхъ силъ на территоріи союзныхъ государствъ, принадлежало право опредѣленія отношеній войскъ къ правительственнымъ учрежденіямъ и къ мѣстному насе-

ленію этихъ государствъ, руководствуясь соотвѣтствующими соглашеніями и договорами русскаго правительства.

Съ цѣлью облегченія сношеній по дипломатической части, при начальникѣ штаба состояла особая дипломатическая канцелярія, во главѣ которой стоялъ князь Н. Кудашевъ — бывшій совѣтникъ россійскаго посольства въ Вѣнѣ, а въ виду его запоздалаго прибытія и частыхъ отлучекъ, по службѣ въ Петербургъ — Н. А. Базили, исполнявшій обязанности вице- директора.

Оба названныхъ лица, и въ особенности Н. А. Базили, сумѣли своимъ тактомъ и выдержкою пріобрѣсти большое довѣріе старшихъ военныхъ чиновъ Ставки, тѣмъ въ значительной степени сглаживали возникавшія дѣловыя разногласія и облегчали общую работу министерства иностранныхъ дѣлъ и Ставки, на пользу Россіи и ея союзниковъ.

Ниже характеризуется отношеніе Великаго Князя ко всѣмъ главнѣйшимъ военно-дипломатическимъ вопросамъ, возникавшимъ въ періодъ пребыванія его на посту Верховнаго Главнокомандующаго.

1. Польскій вопросъ и взглядъ Великаго Князя Николая Николаевича на управленіе завоеванной Галичиной.

Въ вопросѣ о покровительствѣ Россіи западнымъ славянамъ, русскому правительству всегда давали понять, что ея внутренняя политика по отношенію къ подвластной ей части Польши не даетъ увѣренности въ томъ, что прочіе славянскіе народы, подпавъ подъ вліяніе русской монархіи, не подвергнутся насильственной «руссификаціи», совершенно для этихъ народовъ непріемлемой. Поэтому, когда началась война съ Центральными Державами, которая по существу въ отношеніи австрійскихъ славянъ являлась войной «освободительной», то для пріобрѣтенія симпатій и довѣрія тѣхъ милліоновъ населенія средней Европы и Балканскаго полуострова, которые такъ или иначе связаны со славянствомъ, явилась необходимость дать прежде всего яркое доказательство уступчивости Россіи въ вопросѣ о внутренней свободѣ поляковъ.

На почвѣ этихъ соображеній, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ родилось предположеніе о необходимости изданія особаго воззванія къ полякамъ, которымъ закрѣплялось бы ихъ будущее національное развитіе.

Эта мысль въ полной мѣрѣ раздѣлялась Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, призваннымъ къ тому времени на вы-

сокій постъ русскаго Верховнаго Главнокомандующаго. Великій Князь ясно понималъ необходимость такого шага для привлеченія на русскую сторону сердецъ тѣхъ, которые съ надеждою взирали на Россію, но съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относились къ правительству, стоявшему до войны во главѣ русскаго народа.

Къ тому же Великій Князь, по своимъ настроеніямъ, сложившимся подъ вліяніемъ частыхъ поѣздовъ въ Польшу на воинскіе маневры или просто для развлеченія охотой, искренно симпатизировалъ населенію этого края; онъ хорошо его зналъ и имѣлъ въ немъ многочисленныхъ друзей и почитателей, особенно среди польской знати. — Скерневицы и Бѣловѣжъ, обиліемъ разнаго рода дичи, часто привлекали его въ осеннее охотничье время, а обширныя знакомства въ польскомъ обществѣ, и рѣдко импозантная фигура Великаго Князя создали ему широкую въ краѣ популярность.

Одно время Императоръ Николай II-й даже какъ будто подумывалъ о назначеніи его (послѣ генерала Черткова) въ Варшаву своимъ намѣстникомъ.

Въ общемъ Великій Князь являлся безусловно скорѣе другомъ, чѣмъ врагомъ раскрѣпощенія внутренней свободы польскаго народа.

По порученію министра иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ сотрудниковъ С. Д. Сазонова князь Гр. Трубецкой, совмѣстно съ членомъ Государственнаго Совѣта графомъ С. Велепольскимъ, составили проектъ соотвѣтствующаго воззванія къ полякамъ, который затѣмъ былъ одобренъ Великимъ Княземъ и имъ подписанъ. Въ такомъ видѣ воззваніе это было представлено Государю. Однако, Императоръ Николай II-й выразилъ мысль, не слѣдуетъ ли данному воззванію, для большей его значительности, придать форму Манифеста отъ Высочайшаго Имени.

Вопросъ вслѣдствіе этого затянулся и, не дождавшись окончательнаго рѣшенія его, Великій Князь уѣхалъ изъ Петербурга въ Ставку.

С. Д. Сазоновъ не придавалъ особаго значенія той или иной формѣ воззванія, но въ нѣкоторыхъ правительственныхъ и особенно дворцовыхъ кругахъ, опасавшихся всякаго рѣшительнаго и безповоротнаго шага, намѣреніе Государя было встрѣчено съ большими сомнѣніями.

Чтобы лучше понять возможность этихъ разногласій, необходимо припомнить, что въ до-военной Россіи не существовало объединеннаго правительства. Министры назначались непосредственной волей Государя, считали себя отвѣтственными только передъ вер-

ховной властью и въ своемъ министерствѣ проводили ту политику, которая считалась ими наилучшей. — Поэтому, наряду съ министерствами болѣе либеральнаго оттѣнка, могли существовать другія министерства, для которыхъ охраненіе государственной рутины и косности было непререкаемымъ лозунгомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, — говорилъ дряхлый, отяжелѣвшій предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ, — что Польша созрѣла до автономіи или самоуправленія, но я очень сомнѣваюсь въ томъ, будетъ ли полезно для Россіи дарованіе внутренней свободы польскому народу.

И въ этомъ направленіи Горемыкинъ шелъ до логическаго конца:

— Не будетъ ли польская автономія служить заразительнымъ примѣромъ для другихъ народовъ Россіи и не выгоднѣе ли въ такомъ случаѣ вовсе отказаться отъ Царства Польскаго?

Съ точки зрѣнія близорукой внутренней охранительной политики того времени, доводы «Милаго Старика» являлись убѣдительными и потому нельзя удивляться, что ими могъ проникнуться Императоръ Николай. Послѣдній предпочелъ отказаться отъ первоначальной своей мысли, вслѣдствіе чего 14-го августа извѣстное воззваніе къ полякамъ появилось въ печати за подписью Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго.

— Поляки , — говорилось въ немъ. — Пробилъ часъ, когда мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться!...

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жива надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія ея съ Великой Россіей!...

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ Скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ Скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ и языкѣ, въ самоуправленіи...

Съ изданіемъ этого воззванія настойчиво торопилъ Велепольскій, повидимому опасавшійся возможности полной перемѣны настроеній въ русскихъ правительственныхъ кругахъ.

— Почему воззваніе вышло за моею подписью, — спросилъ у Н. А Базили, назначеннаго до пріѣзда князя Кудашева состоять при Ставкѣ для веденія дипломатической переписки, Великій Князь Верховный Главнокомандующій, узнавшій объ этомъ фактѣ уже въ

пути, въ Лидѣ, гдѣ временно соединился поѣздъ Верховнаго съ поѣздомъ состоявшаго при немъ штаба.

— Не могу точно доложить Вашему Императорскому Высочеству. Повидимому таково было рѣшеніе Государя Императора, — отвѣтилъ Н. А.

Этимъ отвѣтомъ для Великаго Князя весь вопросъ исчерпывался.

Воззваніе Великаго Князя не произвело ожидавшагося впечатлѣнія среди поляковъ. Какъ лѣвыя группы, придерживавшіяся по преимуществу австрофильской оріентаціи, такъ и умѣренно-правыя объединенія, болѣе склонныя къ сговору съ Россіей, нашли это воззваніе составленнымъ въ слишкомъ неопредѣленныхъ и мало-содержательныхъ выраженіяхъ. Въ этомъ успѣли убѣдиться уже изъ отвѣта министра иностранныхъ дѣлъ, на запросъ русскаго посла въ Парижѣ А. П. Извольскаго, по поводу выраженіе «самоуправленіе», употребленнаго въ воззваніи Великаго Князя и переведеннаго агентствомъ Гавасъ словомъ «autonomie». — С. Д. Сазоновъ, на сдѣланный ему запросъ, принужденъ былъ отвѣтить, указывая, что не настало еще время облекать «общія обѣщанія» въ болѣе конкретныя формы. Полякамъ рекомендовалось проявить «довѣріе» къ сдѣланнымъ заявленіемъ и «терпѣніе» въ отношеніи времени ихъ осуществленія. Базируясь на недостаточность данныхъ обѣщаній, представитель лѣвыхъ политическихъ группировокъ Пилсудскій, со своими легіонерами, боявшійся растворенія этихъ «кадровъ будущей польской арміи» въ австрійскихъ имперскихъ войскахъ, немедленно послѣ воззванія выступилъ съ ними самостоятельно противъ Россіи. Что касается болѣе правыхъ круговъ, мечтавшихъ лишь о федеративномъ устройствѣ, но въ предѣлахъ Россіи, съ которой у Польши существовали крѣпкія экономическія узы, то они сначала отозвались на воззваніе и лишь впослѣдствіи постепенно пришли къ заключенію, что воззваніе Великаго Князя стоитъ совершеннымъ особнякомъ отъ общихъ настроеній правительственныхъ и правящихъ сферъ.

Опираясь на личныя чувства симпатіи къ Великому Князю, нѣкоторые вліятельные представители этихъ круговъ довели до его свѣдѣнія, что, вѣря въ военный успѣхъ русскаго оружія, они выражаютъ готовность выставить при помощи американскихъ соплеменниковъ до полумилліона польскихъ войскъ и взять на себя расходы по ихъ снабженію. При этомъ они ставили условіемъ только — снабженіе этихъ войскъ офицерскимъ составомъ, очевидно, расчитывая на офицеровъ-поляковъ, служившихъ въ русскихъ вой-

скахъ, и предоставленіе права ношенія польскими войсками какого либо внѣшняго признака ихъ національности.

Исходя изъ соображеній осторожности и зная настроеніе правящихъ сферъ, Великій Князь Николай Николаевичъ отвѣтилъ полякамъ въ томъ смыслѣ, что возбуждаемые ими вопросы, вообще говоря, выходятъ за предѣлы его компетенціи, какъ Верховнаго Главнокомандующаго. Чтобы нѣсколько смягчить эту пилюлю, полякамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, было сообщено, что всякая помощь въ борьбѣ, оказываемая намъ поляками, не можетъ быть принята иначе, какъ съ благодарностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Великимъ Княземъ былъ сдѣланъ намекъ польскимъ представителямъ, что образованіе «отдѣльныхъ» польскихъ войскъ можетъ встрѣтить затрудненіе въ томъ, что мы отказались признать за австрійскими сокольскими организаціями характеръ комбатантовъ, но что полякамъ предоставляется полная возможность партизанскихъ дѣйствій въ тылу непріятеля за свой собственный рискъ.

Переговоры эти не получили дальнѣйшаго развитія, хотя Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго послѣ неудачи русскаго наступленія въ Восточную Пруссію и продолжалъ отъ своего имени вести конфиденціальные переговоры съ поляками о призывѣ въ Русской Польшѣ ополченія, въ количествѣ даже нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ. Думается, однако, что каждому лицу, трезво смотрѣвшему на условія обстановки, должна была быть совершенно очевидна несерьезность этихъ переговоровъ.

Въ дальнѣйшемъ, на имѣвшихъ мѣсто русско-польскихъ совѣщаніяхъ предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ ясно подчеркивалъ свою точку зрѣнія о томъ, что заявленія, сдѣланныя въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, даны лишь на случай объединенія Польши въ однѣхъ границахъ.

— Есть Познань и т. д. — есть и автономія, нѣтъ Познани — нѣтъ и автономіи, — такъ приблизительно поняли польскіе члены этого совѣщанія слова Горемыкина. Возникали также горячіе споры вокругъ точнаго значенія слова «автономія» и «самоуправленіе».

Главными заботами Горемыкина на этихъ засѣданіяхъ было выясненіе двухъ вопросовъ: какую форму правленія — монархическую или республиканскую — избрала бы Польша, въ случаѣ отдѣленія отъ Россіи, и не сдѣлалась ли бы она орудіемъ Германіи противъ Россіи?

Создавалось впечатлѣніе будто правительство того времени дѣйствительно предпочло бы потерять Польшу, чѣмъ согласиться на ея федерированіе съ Россіей.

Могла ли, при такихъ условіяхъ, крѣпнуть идея широкой и свободной все-славянской федераціи послѣ побѣдной войны?

Я не имѣю въ данномъ очеркѣ въ виду ни доказывать, ни отвергать поставленный вопросъ. Ограничусь лишь указаніемъ на то, что почва къ образованію славянскаго единенія въ началѣ войны существовала. Созданію благопріятныхъ условій для такого единенія послужило вторженіе въ предѣлы Австро-Венгерской монархіи, являвшейся главнымъ врагомъ западныхъ славянъ, при открытіи военныхъ дѣйствій огромныхъ русскихъ силъ. До 50-ти пѣх. дивизій получили своей задачей разгромъ вооруженныхъ силъ Дунайской лоскутной монархіи, долженствовавшій привести къ возбужденію въ австрійскихъ славянахъ центробѣжныхъ устремленій въ отношеніи Австріи и центростремительныхъ — по отношенію къ Россіи.

Вторженію русскихъ войскъ въ предѣлы Имперіи Габсбурговъ предшествовало обращеніе ко всѣмъ славянскимъ народамъ, находившимся подъ австрійскимъ владычествомъ, русскаго Верховнаго Главнокомандующаго. Въ этомъ обращеніи Великій Князь Николай Николаевичъ призывалъ славянскіе народы встать на борьбу за свою свободу и оказать содѣйствіе успѣхамъ русскихъ войскъ, видя въ этихъ войскахъ своихъ освободителей.

Усилія русскихъ войскъ увѣнчались, какъ извѣстно, значительнымъ успѣхомъ. — 3-го сентября 1914-го года русскія войска заняли Львовъ, а къ серединѣ того же мѣсяца они стояли уже на пути къ Кракову. — Разгромленныя австро-венгерскія арміи уходили за Карпаты.

Цѣлые славянскіе полки передавались на русскую сторону, и въ короткое время за Юго-Западнымъ фронтомъ Русской арміи скопилось нѣсколько сотъ тысячъ австро-венгерскихъ военно-плѣнныхъ, среди которыхъ большинство принадлежало къ славянамъ.

Изъ всѣхъ завоеванныхъ мѣстностей Восточной Галичины, распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго было образовано особое генералъ-губернаторство. Къ сожалѣнію, въ соотвѣтствіи съ Положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ въ военное время генералъ-губернаторъ Галичины былъ непосредственно подчиненъ Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта, генералу Иванову, который слишкомъ прислушивался къ настроеніямъ, господствовавшимъ при Дворѣ и въ соотвѣтствіи съ этими настроеніями подбиралъ необходимый для административнаго устройства края личный персоналъ.

Впрочемъ отвѣтственный постъ военнаго генералъ-губернатора

Галичины, съ согласія Великаго Князя, былъ ввѣренъ генералу графу Г. А. Бобринскому — человѣку лично вполнѣ достойному, но слабому волей и недостаточно подготовленному къ выполненію сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей по управленію занятымъ краемъ.

Въ началѣ своей службы — строевой офицеръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, онъ передъ назначеніемъ въ Галичину состоялъ въ чинѣ генерала при военномъ министрѣ. Я думаю, что при назначеніи его на послѣднюю роль сыграли родственныя связи его съ гр. Бобринскимъ, извѣстнымъ членомъ Государственной Думы, спеціально изучившимъ положеніе славянскаго вопроса въ Австріи.

Какъ бы то ни было, но при графѣ Г. А. Бобринскомъ началась, подъ вліяніемъ прибывшаго изъ Россіи реакціоннаго чиновничества, та несчастная роковая политика, которая на всю войну скомпрометировала русское дѣло среди австрійскихъ славянъ.

Разнаго рода угнетенія и мелкія раздражавшія придирки начались въ области религіи, прессы, свободы передвиженія и внутренней жизни мѣстнаго населенія, привыкшаго, даже въ періодъ австрійскаго владычества, къ извѣстной свободѣ. При этомъ, борьба населенія съ чинившимися ему притѣсненіями мелкаго чиновничества и всякаго рода взяточничествомъ, возводилась, къ сожалѣнію, администраціей на степень борьбы съ Россіей.

Глубоко печальна была политика русской церковной администраціи въ области религіи. Съ цѣлью распространенія православія, къ мѣстному уніатскому населенію стремились примѣнить суровое положеніе объ «упорствующихъ», изданное по отношенію къ русскимъ уніатамъ при Императорѣ Николаѣ I-мъ.

Особое возбужденіе вызвано было высылкой изъ Галичины уніатскаго Митрополита Шептицкаго. Хотя мѣра эта была мотивирована политической дѣятельностью названнаго лица, въ которой мѣстныя власти усмотрѣли агитацію, направленную къ отторженію Украины отъ Россіи, но населеніе почувствовало себя оскорбленнымъ въ религіозномъ отношеніи, лишившись главы исповѣдуемой имъ церкви.

Равнымъ образомъ и въ области свободы слова преслѣдовалось все то, что такъ или иначе служило защитѣ самоуправленія и изъ газетъ разрѣшены были только тѣ, которыя стояли за скорѣйшее сліяніе края съ центральными раіонами Россіи.

Въ установленіи столь тяжкаго для мѣстнаго населенія режима не приходится возлагать вину на Великаго Князя Николая Нико-

лаевича, который, по званію Верховнаго Главнокомандующаго, имѣлъ крайне ограниченное вліяніе на дѣла внутренней политики, не имѣя даже своего представителя въ Совѣтѣ Министровъ. Таковымъ могъ бы быть, конечно, въ порядкѣ неофиціальномъ, военный министръ, но, при недостаточно довѣрчивыхъ отношеніяхъ между Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и генераломъ Сухомлиновымъ, комбинація эта являлась неосуществимой.

Русское Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, какъ я уже отмѣчалъ, было приноровлено къ предположенію, что во главѣ дѣйствующихъ войскъ будетъ находиться Государь Императоръ. Въ этомъ случаѣ одному и тому же лицу были бы подчинены Начальникъ Штаба Дѣйствующихъ Армій и всѣ вообще министры, во главѣ съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. — Объединеніе дѣятельности на фронтѣ и въ тылу, при подобной схемѣ, легко могло бы быть осуществляемо. Но, съ назначеніемъ особаго Верховнаго Главнокомандующаго, связь фронта съ тыломъ порывалась, а при подозрительномъ отношеніи придворныхъ сферъ къ возраставшей популярности Великаго Князя, проведеніе взглядовъ Ставки, въ особенности противорѣчащихъ установившимся взглядамъ на управленіе окраинами, являлось дѣломъ крайне труднымъ и деликатнымъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ отчетливо понималъ, что нарушеніе привычныхъ порядковъ въ странѣ лишь оккупированной, въ результатѣ военнаго успѣха (каковой по существу только и была Галичина), создаетъ въ ней крайне раздражающее впечатлѣніе и можетъ лишь серьезно повредить престижу Россіи во всѣхъ остальныхъ славянскихъ земляхъ. Центральное же правительство Россіи смотрѣло на дѣло иначе: оно вѣрило въ прочность присоединенія восточной Галичины къ Россіи и считало необходимымъ скорѣйшее введеніе въ ней общерусскихъ пріемовъ управленія.

Доказательствомъ правильности этихъ словъ можетъ служить пожалованіе Верховному Главнокомандующему почетной шашки съ надписью: «За свобожденіе Червонной Руси» и вся обстановка поѣздки Императора Николая II-го въ Галичину въ апрѣлѣ 1915 года.

Угодничествомъ мѣстной власти было придано пребыванію Государя во Львовѣ и отчасти въ Перемышлѣ впечатлѣніе тріумфальнаго въѣзда Русскаго Царя въ историческую вотчину потомковъ Галицкихъ Князей, что было сдѣлано несмотря на твердо выраженное Великимъ Княземъ требованіе о придачѣ этой поѣздкѣ характера лишь простого посѣщенія Верховнымъ Главой Русской ар-

міи нѣкоторыхъ войсковыхъ частей въ занятомъ по праву войны участкѣ фронта.

Что могъ сдѣлать при такихъ условіяхъ Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ?

Освѣдомленный о роковой политикѣ русской администраціи въ завоеванной области, Великій Князь съ особымъ сочувствіемъ согласился на предложенное ему осенью 1914-го года министромъ иностранныхъ дѣлъ командированіе во Львовъ, съ информаціонными цѣлями, состоявшаго при Ставкѣ вице-директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Н. А. Базили. Поѣздка эта окончилась, однако, весьма печально. Прибывъ во Львовъ и ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, Н. А. Базили послалъ въ Ставку телеграмму съ рядомъ пунктовъ, въ которыхъ были изложены безтактности и несправедливости, чинимыя чиновничествомъ, по мнѣнію автора, населенію. Содержаніе этой телеграммы сдѣлалось, конечно, немедленно извѣстнымъ генералу Иванову, Главнокомандующему войсками Ю.-З. фронта, человѣку, какъ я уже сказалъ, крайне угодливому и очень примитивной складки. Чувствуя подъ собою въ данномъ вопросѣ наличіе правительственной поддержки, онъ, на слѣдующій день, письменно предложилъ Н. А. Базили оставить предѣлы Галичины. Формально, — это было въ его правахъ.

По возвращеніи въ Ставку Н. А. Базили и подробномъ докладѣ Великому Князю всего имъ видѣннаго, Верховный Главнокомандующій распорядился извѣстить предсѣдателя Совѣта Министровъ подробнымъ письмомъ о несоотвѣтственномъ направленіи внутренней политики, принятой администраціей въ завоеванномъ краѣ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Н. А. Базили имѣлъ личный докладъ по этому вопросу у Горемыкина, но ничто не указывало, чтобы этотъ докладъ имѣлъ какой либо практическій результатъ. Правда, въ январѣ 1915-го года графъ Бобринскій былъ вынужденъ особымъ распоряженіемъ рекомендовать своей администраціи полную вѣротерпимость и прекращеніе какихъ либо враждебныхъ выступленій въ области церковно-религіозной, но насколько этимъ указаніямъ прониклись на мѣстахъ — сказать очень трудно.

2. Турція и вопросъ о проливахъ.

Въ самомъ началѣ войны въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получена была телеграмма М. Н. Гирса, нашего посла въ Константинополѣ, изъ которой было видно, что при свиданіи

Энверъ-паши, назначеннаго только что Главнокомандующимъ мобилизовавшейся турецкой арміи, съ генераломъ Леонтьевымъ, русскимъ военнымъ агентомъ въ Турціи, Энверъ сдѣлалъ рядъ предложеній, касающихся поведенія Турціи въ начавшейся войнѣ.

За извѣстныя компенсаціи и оборонительный союзъ съ Россіей на 5-10 лѣтъ, Энверъ-паша предлагалъ:

1) Отозвать турецкія войска съ Кавказской границы;

2) Предоставить въ распоряженіе Россіи турецкую армію во Фракіи, могущую дѣйствовать противъ любого балканскаго государства, въ томъ числѣ и противъ Болгаріи, если она пойдетъ противъ Россіи;

3) Удалить изъ предѣловъ Турціи всѣхъ германскихъ инструкторовъ;

С. Д. Сазоновъ, сомнѣвавшійся въ искренности предложеній Энвера-паши, тѣмъ болѣе, что послѣдній медлилъ передать свой разговоръ съ генераломъ Леонтьевымъ Великому Визирю, запросилъ по данному вопросу мнѣніе Делькассэ, который въ это время былъ наканунѣ вступленія въ управленіе французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и со времени пребыванія его посломъ въ Петербургѣ пользовался большимъ авторитетомъ въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ.

Нашъ посолъ въ Парижѣ, А. П. Извольскій, служившій въ этомъ вопросѣ посредникомъ, телеграфно отвѣтилъ въ Петербургъ, что Делькассэ не думаетъ, чтобы переговоры съ Турціей могли бы къ чему нибудь привести. Поэтому онъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ обезпечить, не теряя времени, возстановленіе Балканскаго блока, направивъ его противъ Турціи. Такая политика, по мнѣнію Делькассэ, соотвѣтствовала бы въ болѣе значительной степени французской*) и англійской точкѣ зрѣнія на данный вопросъ.

Параллельно съ этимъ, нашему послу на Quai d'Orsay дано было понять, что для дѣла Державъ Согласія быть можетъ было бы даже выгоднѣе допустить Турцію въ составъ противной стороны, дабы, въ случаѣ побѣды, покончить съ нею, какъ съ европейской державой, разъ навсегда.

Такъ какъ въ случаѣ враждебнаго выступленія противъ Державъ Согласія Турціи, главную опасность представляла ея армія, сосредоточенная на европейскомъ театрѣ, а не на азіатскомъ, то, зная вѣроломство турецкой политики, представлялось бы чрез-

---

*) Делькассэ былъ назначенъ франц. мин. ин. дѣлъ 27-го августа 1914-го года.

вычайно рискованнымъ дать Турціи возможность безпрепятственно собрать ея 200-тысячную армію во Фракіи, при каковомъ положеніи она могла оказаться хозяиномъ положенія на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Это соображеніе должно было имѣть тѣмъ большее значеніе, что русскій посолъ въ Константинополѣ, Гирсъ, высказывавшійся вообще за скорѣйшее принятіе предложенія Энвера, въ цѣляхъ отрыва Турціи отъ сближенія съ Германіей, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ, что въ его рукахъ имѣются опредѣленныя свидѣтельства наличія секретныхъ переговоровъ между Турціей и Болгаріей, касательно общности дѣйствій въ наступившемъ кризисѣ, опираясь на Австрію и Германію. Хотя и существовало мнѣніе, что Турція еще не окончательно связана съ Союзомъ Центральныхъ Державъ, но позиція Германіи, занятая ею въ Константинополѣ со времени вступленія Императора Вильгельма II-го на престолъ, и наличіе въ Турціи германской военной миссіи ясно доказывали, что оттоманское правительство давно уже перестало быть свободнымъ въ выборѣ союзниковъ.

Еще въ 1910-мъ году, въ бытность нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Германіи, С. Д. Сазоновъ имѣлъ случай бесѣдовать съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Потсдамѣ по вопросу объ отношеніяхъ Германіи и Турціи.

Въ этой бесѣдѣ русскій министръ коснулся роли Германіи въ развитіи панисламистскаго движенія.

— Пока пропаганда эта оставалась исключительно на религіозной почвѣ, — сказалъ С. Д. Сазоновъ, — т. е., служила проявленіемъ лишь духовной идеи халифата, Россія могла еще относиться къ ней безъ особой тревоги. Но съ тѣхъ поръ, какъ пропаганда панисламизма приняла характеръ политическій, наше отношеніе къ ней, — сказалъ русскій министръ, — должно измѣниться. Выступленіе Германскаго Императора въ роли покровителя мусульманъ не можетъ не внушать намъ немало безпокойства. Появленіе новаго халифата — «Берлинскаго» — естественно должно безпокоить Россію, насчитывающую свыше 20 милліоновъ мусульманскихъ подданныхъ, и вызывать ея недовѣріе.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, предложеніе Энвера, естественно, не могло не вызвать къ себѣ подозрѣній и поэтому Великій Князь Верховный Главнокомандующій не считалъ желательнымъ давать турецкому правительству право дѣлать заключеніе о важности для Россіи отвода отъ нашей Кавказской границы войскъ IX и XI-го пограничныхъ корпусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ политическомъ отношеніи такая позиція могла бы быть истолкована какъ признакъ

слабости Россiи; въ дѣйствительности же, Турцiя, съ военной точки зрѣнiя, по тогдашней оцѣнкѣ, не представляла русской Кавказской границѣ особой угрозы. Гораздо болѣе важной задачей представлялось препятствованiе Турцiи сосредоточить ея силы во Фракiи.

Телеграмма русскаго консула въ Дарданеллахъ о томъ, что германскiя военныя суда «Гебенъ» и «Бреслау» входятъ въ проливъ, прервала обсужденiе предложенiй Энвера, хотя и встрѣчавшихъ, повидимому, сочувствiе у Великаго Визиря, но далеко не вызывавшихъ среди членовъ правительства полнаго единства. По мнѣнiю Верховнаго Главнокомандующаго, фактъ пропуска нѣмецкихъ боевыхъ судовъ черезъ проливы являлся рѣшающимъ въ отношенiи дальнѣйшей позицiи Турцiи. Никакiя увѣренiя о покупкѣ этихъ судовъ у Германiи не могли, конечно, измѣнить впечатлѣнiя грубѣйшаго нарушенiя нейтралитета Турцiи въ пользу Германiи. Русскiй Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, въ своей телеграммѣ на имя посла въ Константинополѣ, свидѣтельствовалъ, что статьей 56-й Лондонской морской декларацiи 1909 г., хотя и не ратифицированной, но уже примѣнявшейся державами и потому прiобрѣвшей характеръ обычнаго международнаго морского права, признается переходъ подъ нейтральный флагъ непрiятельскаго торговаго судна послѣ открытiя военныхъ дѣйствiй ничтожнымъ. Тѣмъ съ большимъ основанiемъ, — добавлялъ С. Д. Сазоновъ, — положенiе это должно быть примѣнимо къ военнымъ судамъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ протестъ, окончательнаго разрыва съ Турцiей не произошло.—Прибывшiе въ Константинополь германскiя военныя суда между тѣмъ продолжаютъ свое вызывающее поведенiе; онѣ бросаютъ якорь у входа, противъ Буюкъ-Дерэ, въ виду лѣтней резиденцiи, занимавшейся русскимъ посломъ. Послѣднему ясно слышны звуки нѣмецкаго гимна «Deutschland über Alles», ежедневно исполняемаго на борту названныхъ крейсеровъ.

Въ дальнѣйшемъ, чтобы симмулировать продажу Турцiи крейсеровъ, нѣмецкiй флагъ на нихъ замѣняется турецкимъ, названiя судовъ передѣлываются на турецкiй ладъ, а команды, оставшiяся на судахъ, довершаютъ маскарадъ замѣною своихъ нѣмецкихъ головныхъ уборовъ на фески.

Прибытiе въ Константинополь нѣмецкихъ военныхъ судовъ вызвало въ населенiи турецкой столицы взрывъ энтузiазма.

М. Н. Гирсъ сообщаетъ въ Петроградъ 14-го августа: «Здѣсь упорно держится слухъ о возможности прихода двухъ австрiйскихъ

военныхъ судовъ, крейсирующихъ въ Эгейскомъ морѣ. Ихъ появленіе окончательно вскружитъ голову туркамъ»...

И въ самомъ дѣлѣ. — Усиленіе турецкаго военнаго флота двумя крупными боевыми судами изъ состава германскихъ морскихъ силъ, дѣлало уже возможнымъ выходъ нашихъ противниковъ въ Черное море. — Къ тому же во главѣ этого соединеннаго флота становится энергичный нѣмецкій адмиралъ Сюшонъ, который, какъ до насъ дошли слухи, по указанію германскаго посла, барона фонъ-Вангенгейма, и выполняетъ въ концѣ октября 1914-го года набѣгъ на русскіе черноморскіе берега, явившійся началомъ открыто-враждебнаго выступленія Турціи противъ Россіи.

По сообщенію русскаго посла въ Константинополѣ, хорошо знавшаго нравы Порты, не будь эта развязка дана самими нѣмцами, неопредѣленное поведеніе Турціи въ отношеніи Россіи — не миръ и не война — могло бы продлиться еще довольно долго. Но Германія была какъ разъ въ это время весьма заинтересована созданіемъ возможныхъ затрудненій Россіи, въ виду развитія арміями послѣдней широкаго наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы, въ направленіи Силезіи.

Впослѣдствіи выяснилось намѣреніе со стороны нашихъ военныхъ противниковъ объяснить нападеніе на русскіе прибрежные пункты репрессіей за минную атаку русскихъ миноносцевъ турецкой эскадры, якобы, мирно упражнявшейся въ Черномъ морѣ, вблизи Босфора, въ учебной стрѣльбѣ. Однако С. Д. Сазоновъ немедленно и вполнѣ категорически отвергъ фактъ враждебной противъ Турціи инициативы со стороны нашего Черноморскаго флота.

Черезъ нѣкоторое время была обнаружена высадка съ шаланды небольшой турецкой партіи на пустынномъ Бессарабскомъ берегу. Эти смѣльчаки, подъ руководствомъ турецкаго офицера, совершили довольно глубокій рейдъ, повидимому, надѣясь поднять возстаніе или произвести панику въ южныхъ уѣздахъ Бессарабіи. — Затѣя ихъ, конечно, не удалась: они были переловлены и объявлены военноплѣнными.

Для Верховнаго Главнокомандующаго совершившійся разрывъ съ Турціей, конечно, не былъ неожиданностью. Великій Князь, будучи назначенъ на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ одинъ изъ первыхъ же докладовъ ему, утвердилъ предположеніе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, разработанное еще въ мирное время, о переброскѣ въ періодъ начальнаго развертыванія русской арміи на западѣ, значительной части кавказскихъ войскъ противъ Центральныхъ Державъ. Для прикрытія же границъ на Кавказѣ, на

случай угрозы со стороны Турціи, были оставлены самыя небольшія силы, которыя должны были быть впослѣдствіи усилены подкрѣпленіями изъ состава войскъ Туркестанскаго и Омскаго военныхъ округовъ.

Несмотря на крайнюю недостаточность этого количества войскъ, состоявшееся выступленіе Турціи не вызвало поэтому сколько нибудь существенной обратной переброски войскъ на Кавказъ. Туда была возвращена съ запада только кавказская кавалерійская дивизія, полки которой сроднились съ Кавказомъ и пріобрѣли тамъ въ прежнія войны съ Турціей неувядаемую боевую славу.

Нужно было все же обладать яснымъ сознаніемъ недопустимости ослабленія войскъ, собранныхъ на главномъ польскомъ театрѣ, гдѣ разыгрывалась Лодзинская операція, въ пользу усиленія театра второстепеннаго, какимъ по существу, являлось Закавказье. Нужно было также проявить со стороны Великаго Князя много твердой рѣшительности и вѣры въ доблесть оставленныхъ на Кавказѣ войскъ, чтобы не поддаться всѣмъ многочисленнымъ ходатайствамъ о помощи войсками нашей окраинѣ, подвергшейся непріятельскому вторженію, которое къ тому же сопровождалось призывами турецкихъ эмиссаровъ мѣстнаго магометанскаго населенія къ священной войнѣ.

Выдержка эта дала свои конечные плоды. Въ жестокихъ бояхъ подъ Ардаганомъ и Саракамышемъ, закончившихся въ началѣ января 1915-го года, турки, предводимые Энверомъ-пашей и руководимые его начальникомъ штаба германскимъ полковникомъ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфомъ, были разбиты на голову и отброшены назадъ въ горы, гдѣ бездорожье и лютые морозы довершили полный развалъ всей наступавшей турецкой арміи.

Впечатлѣніе отъ этого разгрома было столь сильнымъ, что Кавказъ оказался надолго обезпеченнымъ отъ новой угрозы нашествія. Русскія войска, напротивъ того, сумѣли сами въ дальнѣйшемъ перенести войну на турецкую и персидскую территоріи. Въ Малой Азіи они упрочили свое положеніе взятіемъ въ 1916-мъ году Эрзерума и Трапезонда, когда Великій Князь Николай Николаевичъ стоялъ уже во главѣ кавказскихъ войскъ; со стороны же Персіи, гдѣ въ томъ же 1916-мъ году разыгралась жестокая военно-политическая борьба, нашимъ войскамъ удалось установить даже связь съ англійскими войсками, наступавшими въ Мессопотаміи, вверхъ по р. Тигру, на Багдадъ.

Вполнѣ очевидно, что актомъ вѣроломнаго нападенія на русскіе берега долженъ былъ почитаться для Державъ Согласія нару-

шеннымъ въ корнѣ догматъ неприкосновенности Оттоманской Имперіи. Уже 3-го ноября на разсвѣтѣ англо-французская эскадра произвела бомбардировку Дарданелльскихъ укрѣпленій. Послѣднія отвѣчали слабо и если бы эта морская демонстрація сочеталась съ дессантомъ, то возможно, что Дарданелльскій проливъ безъ особыхъ затрудненій могъ бы оказаться въ рукахъ союзниковъ.

Но этого не случилось. Изъ телеграммы русскаго посла въ Парижѣ, отъ 7-го ноября, было видно, что во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, указывавшихъ на намѣреніе англійскаго флота продолжать начатую аттаку и что вообще, по мнѣнію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдовало бы, въ виду громадной сложности интересовъ державъ въ Турціи, установить прежде всего «общій планъ дѣйствій»...

Однако, «общаго плана», о которомъ говорили французы, такъ и не было выработано до конца. Дѣйствія союзниковъ противъ Турціи отличались въ теченіе всей войны не только наибольшей «безпланностью», но они были насквозь пропитаны чувствомъ взаимнаго другъ къ другу недовѣрія.

Удивляться этому нечего, ибо такова природа всякой коаляціонной войны, въ которой стратегія почти всегда оказывается въ плѣну у дипломатіи.

Россію, конечно, больше всего и прежде всего, интересовало въ Турецкомъ вопросѣ то рѣшеніе, которое, въ случаѣ побѣдоносной войны, будетъ принято въ отношеніи проливовъ. Обходя всѣ историческія притязанія, которыя лежатъ отъ насъ въ далекомъ прошломъ, достаточно здѣсь привести въ доказательство важности этого вопрсоа для нашего отечества, что за десятилѣтіе 1903-1912-го года 37 процентовъ вывоза изъ Россіи происходило черезъ Дарданеллы. — При этомъ, морская перевозка грузовъ, вывозившихся черезъ проливъ, не могла быть замѣнена сухопутнымъ транзитомъ, такъ какъ послѣдній обходился въ среднемъ въ 25 разъ дороже перевозки моремъ. Вывозъ же русскихъ грузовъ изъ Чернаго моря состоялъ изъ зерна и вообще сырья, то-есть, грузовъ, не выдерживавшихъ высокихъ фрахтовъ. Подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства можно найти въ томъ фактѣ, что временное закрытіе Турціей проливовъ въ 1912 и 1913 годахъ, по случаю итало-турецкой и балканской войнъ 1911-1913-го годовъ, нанесло экономической Россіи тяжелый ущербъ, исчислявшійся не менѣе, чѣмъ въ 30 милліоновъ рублей. Тѣмъ не менѣе мнѣніе военнаго министерства, къ которому всецѣло примкнулъ Великій Князь Верховный Главно-

командующій, было таково, что къ благопріятному рѣшенію вопроса о проливахъ, путемъ непосредственнаго занятія ихъ вооруженной рукой, Россія, ко времени міровой войны, готова не была. Поэтому, эта задача никогда серьезно и не входила въ предположенія Верховнаго Главнокомандованія, въ періодъ пребыванія во главѣ его Великаго Князя.

На возраженіе же, высказанное однажды С. Д. Сазоновымъ мнѣ, черезъ своего представителя въ Ставкѣ, князя Кудашева, что онъ считаетъ крѣпко пріобрѣтеннымъ только то, «что добыто нами самими, нашей кровью», и на вопросъ, опредѣленно поставленный министромъ иностранныхъ дѣлъ въ концѣ декабря 1914-го года: «можемъ ли мы расчитывать самостоятельно осуществить операцію завладѣнія проливами». Верховный Главнокомандующій столь же опредѣленно отвѣтилъ:

«Одни мы захватить проливы не можемъ ни подъ какимъ видомъ». Въ военной средѣ ясно понималось, что кромѣ слабости русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ и отсутствія достаточнаго количества транспортныхъ средствъ, на пути осуществленія этой задачи стояли препятствіемъ Германія и Австрія, вооруженныя силы которыхъ должны были быть предварительно разбиты.

Въ одномъ изъ секретныхъ совѣщаній, происходившихъ еще до войны, мнѣ пришлось по этому вопросу настойчиво повторить извѣстную фразу Князя Паскевича о томъ, что «кратчайшее и безопаснѣйшее операціонное направленіе на Константинополь, лежитъ черезъ Вѣну» и «Берлинъ», — добавилъ я отъ себя.

Совершенно неосновательна попытка нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изслѣдователей доказать стремленіе Россіи захватить въ минувшую войну вооруженной рукой проливы, ссылкой на составленную въ концѣ ноября 1914-го года записку, принадлежащую перу Н. А. Базили. Записка эта была составлена при моемъ содѣйствіи, какъ генералъ-квартирмейстера арміи, и при участіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу Ставки. Она, дѣйствительно, имѣла цѣлью доказать, что только фактическое утвержденіе въ проливахъ Россіи можетъ гарантировать ея интересы и что всякое другое рѣшеніе будетъ не болѣе какъ полумѣрой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ею доказывалось, что это владѣніе можетъ быть достигнуто, по условіямъ мѣстности, утвержденіемъ не только на обоихъ берегахъ Босфорскаго и Дарданелльскаго проливовъ, но и овладѣніемъ лежащей впереди Дарданелльскаго пролива группой Эгейскихъ острововъ — Тенедосъ, Имбросъ, Лемносъ и Самофракія. Разрѣшеніе же задачи въ такихъ обширныхъ рамкахъ, вслѣдствіе уязвимости су-

хопутныхъ позицій, представлялось связаннымъ со столь крупными затратами силъ и средствъ, что надлежало даже предварительно поставить вопросъ, оправдываются ли эти жертвы цѣнностью пріобрѣтенія и соразмѣримы ли эти жертвы вообще съ силами и средствами Россіи? Вопросъ представлялся далеко не празднымъ еще и потому, что задача обороны проливовъ остается для Россіи все же частною въ общей системѣ обороны государства, и что владѣніе проливами не позволитъ уменьшить количества войскъ, обычно содержавшихся Россіей въ Одесскомъ военномъ округѣ и на Кавказѣ, въ виду сосѣдства Румыніи и близости къ кавказской границѣ Турціи и Персіи. Наличіе же новыхъ уязвимыхъ мѣстъ на Босфорѣ и въ Дарданеллахъ потребовало бы также содержанія довольно многочисленнаго военнаго и транспортнаго флота въ Черномъ морѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни разрѣшался этотъ вопросъ съ общегосударственной точки зрѣнія, Великій Князь и Ставка твердо стояли на томъ, что операція по овладѣнію проливами мыслима лишь въ видѣ отдѣльной экспедиціи, послѣ достиженія рѣшительнаго успѣха надъ Германіей и что она потребуетъ, для своей безопасности, до 8–10 свободныхъ корпусовъ. Ранѣе же достиженія рѣшительнаго успѣха надъ Германіей, выдѣленіе такого большого количества корпусовъ, даже въ случаѣ заключенія сепаратнаго мира съ Австріей, русской Ставкѣ представлялось совершенно невозможнымъ.

По силѣ всѣхъ этихъ соображеній, Великій Князь считалъ, что министру иностранныхъ дѣлъ слѣдовало бы въ своихъ политическихъ шагахъ считаться съ этими обстоятельствами и довольствоваться заявленіями союзниковъ относительно соблюденія нашихъ интересовъ при разрѣшеніи вопроса о проливахъ и Константинополѣ.

Говоря о приступѣ къ Дарданелльской экспедиціи, необходимо разрушить еще другую легенду, рожденную въ Великобританіи и заключающуюся въ утвержденіи, будто начатая англо-французами 19-го февраля 1915-го года операція противъ Дарданеллъ, завершенная высадкой на Галлиполійскомъ полуостровѣ, въ концѣ апрѣля того же года, сухопутнаго дессанта, была выполнена подъ вліяніемъ тяжелаго положенія русскихъ войскъ на Кавказѣ.

Правда состоитъ въ томъ, что въ концѣ декабря 1914-го года, когда передъ вторгнувшимися въ Закавказье турецкими войсками открывались пути къ столицѣ края — Тифлису, въ которомъ начиналось паническое настроеніе, Верховный Главнокомандующій Великій Князь, въ личной бесѣдѣ съ представителемъ Великобританской арміи при русской Ставкѣ, генераломъ Вильямсомъ, упомя-

нулъ, что данная опасность могла бы быть смягчена воздѣйствіемъ союзниковъ на Турцію въ одномъ изъ наиболѣе уязвимыхъ мѣстъ, которыхъ у Турціи много.

— Я особенно подчеркиваю, — добавилъ Великій Князь, — что ничего и ни о чемъ не прошу у союзниковъ и лишь считаю необходимымъ оріентировать ихъ въ складывающейся обстановкѣ.

Заявленіе это переданное въ Лондонъ было тамъ встрѣчено по разному. Британскій военный министръ лордъ Китченеръ прямо указалъ на отсутствіе у него свободныхъ сухопутныхъ войскъ для расширенія зоны англійскихъ дѣйствій. Напротивъ того, первый лордъ Британскаго Адмиралтейства Черчилль, схватился за этотъ предлогъ и сообщилъ, что Адмиралтейство рѣшило «попытаться, путемъ морской демонстраціи, форсировать проходъ черезъ Дарданеллы».

Послѣ предупредительной бомбардировки Дарданелльскихъ укрѣпленій англо-французскимъ флотомъ 3-го ноября 1914-го года и лихорадочной свыше трехмѣсячной работы германскихъ офицеровъ надъ усиленіемъ обороны входа въ проливы, могли ли считаться Дарданеллы «однимъ изъ наиболѣе уязвимыхъ мѣстъ» Турціи, если бы въ основѣ этого рѣшенія не было бы какихъ либо особыхъ соображеній?

Крайне важно сверхъ того отмѣтить, что заявленіе объ этой «попыткѣ» было сдѣлано нашему правительству только 20-го января, къ самому же осуществленію «форсированія» было приступлено лишь 19-го февраля, когда положеніе русскихъ на Кавказѣ, побѣдами начала января, было уже вполнѣ упрочено самосотятельно доблестью русскихъ войскъ.

Будетъ поэтому гораздо вѣрнѣе приписать то рѣшеніе, которое приняли англичане въ Дарданелльскомъ вопросѣ не желанію ихъ придти на помощь Россіи, а чувству необходимости взять въ руки «первую скрипку во враждебномъ Турціи оркестрѣ Державъ Согласія, и стремленію англичанъ во что бы то ни стало отвлечь вниманіе турокъ отъ Египта и Суэцкаго канала, которымъ одновременно стали угрожать турецкія войска, руководимыя германцами. То вниманіе, которое англичане удѣляли въ то время египетскому вопросу, можетъ быть, напримѣръ, легко усмотрѣно изъ сообщенія сэра Бьюкенена, англійскаго посла въ Петроградѣ, съ которымъ онъ 18-го февраля обратился къ С. Д. Сазонову. Въ этомъ сообщеніи русское правительство ставилось въ извѣстность, что Англія имѣетъ намѣреніе присоединить Египетъ къ себѣ, такъ какъ, *при создавшемся положеніи,* только такое присоединеніе можетъ обезпечить англійскіе интересы.

Какъ бы то ни было англійское начинаніе разрослось въ весьма большую дессантную операцію, закончившуюся, какъ извѣстно, довольно безславно для Державъ Согласія полной эвакуаціей Галлиполійскаго полуострова въ первыхъ числахъ января 1916-го года.

Русскій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ уже выяснено, считалъ для Россіи вообще невозможнымъ непосредственныя военныя дѣйствія въ отношеніи проливовъ. Этому, какъ уже выяснено, препятствовали: отсутствіе свободныхъ войскъ, недостаточность въ Черномъ морѣ транспортныхъ средствъ и общая слабость черноморской боевой эскадры. Поэтому къ первоначальнымъ дѣйствіямъ англо-французскаго флота Великій Князь отнесся съ полнымъ скептицизмомъ не допуская къ тому же успѣха дѣйствій флота противъ берега. Извѣстна фраза, однажды сказанная по поводу такихъ дѣйствій адмираломъ Нельсономъ*).

Скептицизмъ Великаго Князя оправдался въ полной мѣрѣ. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ начала операціи въ Ставкѣ стали получаться тревожныя свѣдѣнія. «Операціи англійскаго флота въ Дарданеллахъ встрѣчаютъ серьезныя затрудненія... Операція затягивается... Броненосецъ «Голуа», послѣ поврежденія, выбросился на берегъ» и т. .

Наконецъ, 12-го апрѣля началась высадка англо-французскаго дессанта. Задуманная такимъ образомъ операція союзниковъ становилась на болѣе серьезную базу, и поэтому, съ ея возможными результатами приходилось теперь считаться.

Дипломатическимъ путемъ министру иностранныхъ дѣлъ удалось къ этому времени обезпечить Россіи достаточно благопріятное положеніе при разрѣшеніи вопроса о проливахъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, 12-го марта 1915-го года сэръ Бьюкененъ сообщилъ особымъ меморандумомъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ о томъ, что Великобританія, въ лицѣ своего министра иностранныхъ дѣлъ, изъявляетъ свое полное и окончательное согласіе на разрѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополѣ, согласно желаніямъ Россіи. Въ свою очередь и во Франціи состоялось по данному вопросу столь же благопріятное рѣшеніе. По крайней мѣрѣ А. П. Извольскій телеграфировалъ 24-го марта, въ Петроградъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ предписалъ фран-

---

*) «Всякій морякъ, атакующій съ моря береговыя укрѣпленія, долженъ почитаться сумасшедшимъ».

цузскому послу въ Петроградѣ М. Палеологу сдѣлать С. Д. Сазонову въ письменной формѣ заявленіе о Константинополѣ и проливахъ, *идентичное* съ тѣмъ, которое было получено русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ отъ Бьюкенена.

Такъ какъ Россія не имѣла возможности занять въ операціяхъ, непосредственно направленныхъ для овладѣнія проливами, соотвѣтствовавшую ея достоинству позицію, то Верховный Главнокомандующій оказался вынужденнымъ, черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, напомнить о той безспорной точкѣ зрѣнія, въ силу которой во всякой коалиціонной войнѣ, какую по существу вела Россія, единственнымъ мѣриломъ для распредѣленія пріобрѣтеній, въ результатѣ побѣдоносной войны, должна служить *совокупность* усилій, проявленныхъ каждымъ изъ союзниковъ въ теченіи всей войны и на всѣхъ театрахъ таковой. Самое же распредѣленіе пріобрѣтеній должно быть, конечно, соображено съ тѣми интересами, которые являются для каждаго государства жизненными. Операція въ проливахъ, заявляла Ставка, относится несомнѣнно къ числу частныхъ операцій и потому относительная численность войскъ союзниковъ, принимающихъ въ ней участіе, не можетъ служить основаніемъ для измѣненія тѣхъ рѣшеній, которыя уже состоялись по данному вопросу.

Однако Верховному Главнокомандующему, во избѣжаніе обвиненій въ излишнемъ безразличіи, приходилось, скрѣпя сердце, все же подумать о тѣхъ мѣрахъ, которыя гарантировали бы *прямое* участіе русскихъ вооруженныхъ силъ въ операціи противъ проливовъ. Въ этомъ случаѣ Ставкѣ пришлось даже нѣсколько разойтись съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое находило желательнымъ участіе вооруженной Россіи лишь въ мѣрѣ, соотвѣтствовавшей ея положенію, какъ великой державы, предпочитая, въ случаѣ невозможности такого участія, полное уклоненіе отъ всякихъ дѣйствій. Мы уже видѣли, что выполнить пожеланіе министерства иностранныхъ дѣлъ мы, военные, фактически не имѣли возможности. Полное же неучастіе наше въ организуемой попыткѣ было бы, по мнѣнію Ставки, «психологической» ошибкой, ибо давало бы поводъ, въ виду того оптимизма и вообще огромнаго интереса, который проявлялся печатью и обществомъ къ этой операціи, къ выраженію упрека по адресу Россіи въ ея безучастности и даже въ нарушеніи общаго согласія.

По изложеннымъ соображеніямъ, русскій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, съ присущимъ ему прямодушіемъ, изложивъ всю обстановку въ особомъ отвѣтѣ великобританскому военному министру, лорду Китченеру, предписалъ

въ то же время командовавшему Черноморскимъ флотомъ, адмиралу Эбергардту, вступить въ непосредственныя сношенія съ англійскимъ адмираломъ де Робекомъ, командовавшимъ англо-французскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, по вопросу о возможномъ согласованіи своихъ дѣйствій съ дѣйствіями союзной эскадры. Къ составу сей послѣдней къ тому же успѣлъ присоединиться русскій крейсеръ «Аскольдъ», прибывшій съ Дальняго Востока, которому и поручено было поддерживать по безпроволочному телеграфу связь съ русской Черноморской эскадрой.

Затѣмъ командовавшему Кавказской арміей было приказано, пользуясь бездѣйствіемъ турокъ, выдѣлить для перевозки въ сѣверные порты Чернаго моря одного корпуса (V кавказскаго). Конечно, не съ однимъ корпусомъ надлежало бы приступить ко взятію проливовъ, почему истинной цѣлью передвиженія корпуса съ Кавказа было въ сущности стремленіе имѣть подъ рукою новыя войска для усиленія галичскаго фронта, куда этотъ корпусъ и былъ въ конечномъ счетѣ направленъ. Но попутно, находясь на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, и усиленно симмулируя подготовку къ дессанту, войска этого корпуса могли создать иллюзію направленія ихъ на Босфоръ и тѣмъ служить для цѣлей демонстраціи.

Приходится сказать откровенно, что подъ предлогомъ направленія этого корпуса къ Босфору было гораздо легче взять эти войска съ обездоленнаго Кавказа и избѣгнуть нескончаемыхъ упрековъ и безплодныхъ разговоровъ съ тѣми, кто не желалъ понять или не понималъ въ дѣйствительности непререкаемыхъ законовъ стратегіи о необходимости крайняго сосредоточенія войскъ на главномъ направленіи (каковымъ въ то время и являлся австро-венгерскій фронтъ) и умѣнія жертвовать второстепеннымъ.

Въ цѣляхъ болѣе полной демонстраціи, для обученія дессантнымъ операціямъ, въ раіонъ временнаго расположенія этого корпуса былъ командированъ даже особый генералъ, баронъ Каульбарсъ, который, по бывшей должности командующаго войсками Одесскаго военнаго округа, имъ ранѣе занимавшейся, спеціализировался именно на этого рода операціяхъ.

Кромѣ изложенной мѣры, — во Владивостокѣ было приступлено къ формированію особаго отряда, въ составѣ до 6 тысячъ человѣкъ, который долженъ былъ войти въ составъ союзнаго дессанта, предназначеннаго для дѣйствій со стороны Дарданеллъ. Перевозка этого отряда, однако, не состоялась, вслѣдствіе заявленія союзниковъ объ отсутствіи у нихъ свободнаго тоннажа. Не состоялась также намѣченная одно время покупка двухъ бразильскихъ броненосцевъ.

И такимъ образомъ, въ дѣйствительности, единственнымъ представителемъ Россіи и носителемъ русскаго военно-морского Андреевскаго флага въ союзной эскадрѣ у Дарданеллъ явился крейсеръ 1-го ранга «Аскольдъ».

Хотя дарданелльская эпопея закончилась для Державъ Согласія, какъ это и должно было предполагать, полной тактической неудачей, все же необходимо замѣтить, что атака союзниками подступовъ къ Константинополю со стороны Эгейскаго моря заставила турокъ начать стягиваніе въ раіонъ столицы значительныхъ силъ, въ общемъ повидимому до 200 тысячъ. Это сосредоточеніе естественно способствовало ослабленію турокъ въ другихъ раіонахъ и, такимъ образомъ, англичане и мы, русскіе, успѣли освободиться отъ возможности новаго нападенія на Египетъ и Кавказъ. Впослѣдствіи англичане сами стали подготавливаться ко вступленію въ Палестину; въ Мессопотаміи же они успѣли къ ноябрю 1915-го года продвинуться почти до Багдада. — Въ то же время отвлеченіе вниманія турокъ отъ персидской границы содѣйствовало въ нѣкоторой мѣрѣ торжеству Державъ Согласія въ Персіи, примыкавшей своими восточными границами къ Афганистану и Индіи.

3. Взаимоотношенія Сербіи и Болгаріи. Черногорія.

Положеніе Турціи стало значительно ухудшаться уже съ весны 1915-го года и Германія тогда же стала чувствовать необходимость перенесенія военныхъ дѣйствій на Балканскій театръ, съ цѣлью оживленія Турціи и обезпеченія удобнаго сообщенія съ Константинополемъ. Однако, этому походу должна была предшествовать политическая подготовка и необходимость временнаго обезсиленія Россіи, каковымъ цѣлямъ и было посвящено все лѣто 1915-го года.

Политическая подготовка Германіи къ походу на Балканы имѣла своей задачей привлеченіе къ союзу Центральныхъ Державъ Болгаріи. Эта комбинація, которая справедливо въ Россіи полагалась противоестественной, стала однако возможной, вслѣдствіе австро-германскихъ симпатій Короля Фердинанда, носившаго званіе Царя Болгаръ, и слѣпой вражды между Болгаріей и Сербіей, главнымъ образомъ на почвѣ вліянія и владѣнія Македоніей.

Всѣ попытки дипломатовъ Державъ Согласія къ образованію на Балканахъ блока изъ «христіанскихъ» государствъ, съ цѣлью направленія части силъ этого блока противъ Австро-Венгріи (Румынія, Сербія и Черногорія), части же противъ Турціи (Болгарія и

Греція), не дали практическихъ результатовъ. Къ концу 1914-го года французскій министръ иностранныхъ дѣлъ пришелъ къ твердому выводу, что Державы Согласія должны измѣнить направленіе своей политики и попытаться использовать свой авторитетъ, принявъ на свою отвѣтственность рѣшеніе вопросовъ, тормазившихъ соглашеніе.

Но какъ было разрѣшить македонскую проблему, являвшуюся для двухъ спорящихъ сторонъ — Сербіи и Болгаріи — неразрѣшимой?

Въ началѣ февраля 1915 г. въ Парижѣ происходили важныя финансовыя совѣщанія министровъ трехъ главнѣйшихъ Державъ Согласія. Участвовавшій въ этихъ совѣщаніяхъ англійскій министръ Ллойдъ-Джорджъ на одномъ изъ засѣданій сдѣлалъ совершенно неожиданное для другихъ членовъ совѣщанія предложеніе объ отправкѣ на сербскій фронтъ объединеннаго корпуса изъ войскъ Англіи, Россіи и Франціи. Мѣрѣ этой инціаторомъ предложенія, который былъ поддержанъ британскимъ военнымъ министромъ лордомъ Китченеромъ, придавалось большое значеніе въ смыслѣ побужденія Греціи, Румыніи и Болгаріи немедленно примкнуть къ Державамъ Согласія. Въ связи съ предстоявшими атаками англо-французскаго флота Дарданелльскихъ укрѣпленій, англичане усматривали возможность достигнуть этимъ путемъ полнаго крушенія Турціи; въ наступленіи же союзнаго корпуса на Балканахъ съ юга, совмѣстно съ сербской арміей, они готовы были видѣть возможность не только облегчить дѣйствія русскихъ армій въ Карпатахъ противъ Австро-Венгріи, но и оттянуть часть германскихъ войскъ съ западнаго и англо-французскаго фронта.

Французское министерство иностранныхъ дѣлъ, руководимое Делькассэ, въ этой мѣрѣ усмотрѣло благопріятный факторъ, могущій способствовать осуществленію той политики, которую данный министръ рекмендовалъ, взамѣнъ безплоднаго исканія добровольнаго соглашенія между собой Балканскихъ государствъ.

Предложеніе Ллойдъ-Джорджа вслѣдствіе этого было немедленно передано русскимъ министромъ финансовъ П. Л. Баркомъ въ Петроградъ, въ адресъ предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина.

Однако, оно не встрѣтило сочувствія Великаго Князя Николая Николаевича. Послѣдній находилъ, что состоявшееся въ Парижѣ совѣщаніе являлось некомпетентнымъ для рѣшенія стратегическихъ вопросовъ. При дальности разстояній и трудности сообщеній, войска союзниковъ, отправленныя на Балканскій полуостровъ, могли

бы тамъ, въ случаѣ всегда возможной военной неудачи, оказаться въ весьма тяжеломъ положеніи и только уронить авторитетъ Державъ Согласія, что было бы для нихъ особенно опасно именно на Балканскомъ полуостровѣ. Лишь въ цѣляхъ нѣкотораго нравственнаго содѣйствія сербамъ и изъ-за нежеланія нарушить согласіе среди союзниковъ, русскій Верховный Главнокомандующій изъявилъ согласіе на отправку въ составъ сербской арміи одного казачьяго полка, который, вслѣдствіе дальнѣйшихъ настояній союзниковъ, Великій Князь согласился еще усилить бригадой пѣхоты.

«По поводу отвѣта нашего Верховнаго Главнокомандующаго, — сообщалъ А. П. Извольскій телеграммой отъ 11-го февраля С. Д. Сазонову, что онъ можетъ удѣлить для операціи лишь одинъ казачій полкъ, въ Лондонѣ было высказано предположеніе, что посылкѣ болѣе крупнаго отряда препятствуетъ видимо недостатокъ въ предметахъ вооруженія, что можетъ быть восполнено Англіей и Франціей». — «Китченеръ убѣжденъ, — заключалъ русскій посолъ въ Парижѣ, — что появленіе русскихъ войскъ на Балканахъ тотчасъ увлечетъ болгаръ и окажетъ вліяніе на Румынію».

«Делькассэ, — телеграфировалъ изъ Парижа дополнительно А. П. Извольскій 15-го февраля, — очень доволенъ полученнымъ изъ Петрограда извѣстіемъ, что Верховный Главнокомандующій сможетъ послать на Балканы пѣхотную бригаду и одинъ казачій полкъ. Въ Лондонѣ ему удалось убѣдить Китченера послать дивизію, сверхъ четырехъ, обѣщанныхъ Франціи. — Отсюда также пошлютъ дивизію съ горной артиллеріей. Такимъ образомъ Делькассэ считаетъ, что вопросъ о посылкѣ войскъ на Балканы рѣшенъ окончательно».

Однако затянувшаяся операція у Дарданеллъ и отсутствіе достаточнаго количества войскъ не только для посылки на сербскій фронтъ, но и для сухопутнаго дессанта на Галлиполійскомъ полуостровѣ, отодвинули эту новую отправку войскъ на Балканы на задній планъ и на сей разъ она не состоялась вовсе.

Явныя стремленія англичанъ захватывать новые раіоны дѣйствій, повидимому, проистекали изъ существовавшаго у нихъ убѣжденія, что главный англо-французскій фронтъ (во Франціи) уже насыщенъ вооруженными силами въ достаточной степени и что поэтому дальнѣйшая подача англійскихъ войскъ на материкъ безцѣльна. Съ этимъ мнѣніемъ я встрѣтился въ личной бесѣдѣ съ англійскими офицерами, прибывшими въ Ставку въ началѣ 1915-го года въ свитѣ генерала Педжетта. Офицеры эти интересовались мо-

ей оцѣнкой различныхъ операціонныхъ направленій въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, и я указывалъ имъ, что, въ случаѣ активнаго привлеченія на сторону Державъ Согласія Италіи, пріобрѣтало бы особое значеніе дѣйствія англичанъ со стороны Далматинскаго побережья, въ промежуткѣ между итальянской и сербской арміями, въ цѣляхъ, во-первыхъ, согласованія наступленія обѣихъ названныхъ армій и, во-вторыхъ, направленія общихъ усилій противъ Австро-Венгерской Монархіи, уже сильно поколебленной русскими побѣдами надъ нею.

Въ концѣ мая неожиданно вновь оживила балканскія переговоры новая позиція болгарскаго посланника въ Парижѣ Станчева.

— Въ то время, — говорилъ Станчевъ въ бесѣдѣ съ А. П. Извольскимъ, — когда до сихъ поръ мнѣ никогда не разрѣшалось говорить съ французами о возможности выступленія на ихъ сторонѣ Болгаріи, нынѣ я получилъ предписаніе ознакомить Делькассэ, неофиціальнымъ, правда, образомъ, съ условіями, на которыхъ Болгарія готова тотчасъ присоединиться къ союзникамъ. Условія эти: Македонія, включая спорную полосу; Кавалла, Драма и Сересъ; возвращеніе Добруджи и линія Эносъ-Мидія.

Что могло послужить такой рѣзкой перемѣны въ политикѣ Болгарскаго правительства Радославова? Дошелъ ли до послѣдняго слухъ о предполагавшейся посылкѣ на Балканы союзныхъ войскъ? Произвело ли соотвѣтственное впечатлѣніе свѣдѣніе о предстоявшемъ присоединеніи Италіи къ Державамъ Согласія, или дѣйствовало соображеніе о вѣроятной уступчивости этихъ Державъ, въ виду неблагопріятно складывавшейся обстановки русскихъ на Галичскомъ фронтѣ и англо-французовъ въ Галлиполи? О тѣхъ или иныхъ причинахъ можно было строить только догадки. Возможно, впрочемъ, еще одно предположеніе о недостаточной искренности заявленія болгарскаго посланника въ Парижѣ, имѣвшаго только цѣлью пустить пробный шаръ для выясненія максимума возможныхъ обѣщаній со стороны Державъ Согласія. По мнѣнію бывшаго русскаго посланника въ Софіи Савинскаго, упоминаніе о спорной зонѣ было во всякомъ случаѣ лишь средствомъ запроса.

Получивъ извѣстіе о неожиданныхъ шагахъ Станчева, С. Д. Сазоновъ немедленно телеграфировалъ въ Нишъ о томъ, что, по условіямъ общей обстановки, является необходимымъ привлечь на сторону Державъ Согласія Болгарію, которой вслѣдствіе сего надлежитъ обѣщать особенныя выгоды при заключеніи мира. — Въ виду жертвъ, принесенныхъ на пользу Сербіи, Державы Согласія

ожидаютъ отъ Сербіи предоставленія имъ опредѣленія условій привлеченія Болгаріи къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій посланникъ былъ уполномоченъ объявить Пашичу, съ цѣлью облегченія положенія послѣдняго, о твердомъ рѣшеніи Державъ Согласія взять въ свои руки вопросъ о болгаро-сербскихъ отношеніяхъ. — Жертва, падающая на долю Сербіи, должна была заключаться въ уступкѣ въ пользу Болгаріи, послѣ войны территоріи въ предѣлахъ Македонскихъ земель до линіи Эгри-Паланка-Охрида, признававшейся въ 1912 году принципіально допустимой съ точки зрѣнія сербскихъ правъ и интересовъ. Эту уступку имѣлось въ виду обусловить: немедленнымъ вступленіемъ Болгаріи въ войну и пріобрѣтеніемъ Сербіей, при заключеніи мира, новыхъ обширныхъ территорій, равно какъ выхода въ Адріатическое море.

Параллельно съ этимъ, Державами Согласія задумано было общее выступленіе въ Софіи, въ которомъ должна была принять участіе и недавно присоединившаяся въ Согласію Италія. Четыре державы приглашали Болгарію выступить противъ Турціи, обѣщая ей за это Македонскую границу въ предѣлахъ договора 1912-го года и Фракію до линіи Энось — Мидія. Кромѣ того Державы Согласія готовы были дать обязательства — приложить всѣ старанія къ полученію Болгаріей Каваллы отъ Греціи и содѣйствовать софійскому правительству въ переговорахъ, которые Болгарія и Румынія пожелали бы вести по вопросу о Добруджѣ. Такимъ образомъ, Болгаріи предлагались, за исключеніемъ «спорной» полосы Македоніи, почти всѣ тѣ компенсаціи, о которыхъ упоминалъ Станчевъ въ своихъ парижскихъ бесѣдахъ.

30-го мая намѣченное выступленіе 4-хъ посланниковъ состоялось. По словамъ русскаго посланника въ Софіи Савинскаго, первое впечатлѣніе Радославова было таково, будто онъ удивленъ сдѣланнымъ ему заявленіемъ. Затѣмъ глава болгарскаго правительства выразилъ, что обращеніе четырехъ Великихъ Державъ представляется для Болгаріи большою честью. Обративъ наконецъ, особое вниманіе на уступку Болгаріи Монастыря (Битоли), Радославовъ отмѣтилъ, что владѣніе Каваллой безъ Драмы и Сереса невозможно.

— Если бы рѣшеніе зависѣло отъ меня лично, — заключилъ свою бесѣду первый министръ Болгаріи, — то я сейчасъ далъ бы утвердительный отвѣтъ.

Однако, официальный отвѣтъ Болгаріи послѣдовалъ только 15-го іюня. Указавъ на рядъ неясностей въ заявленіи державъ, болгарское правительство заявляло, что до выясненія послѣднихъ оно не можетъ дать окончательный отвѣтъ.

Это было явнымъ стремленіемъ уклончивымъ отвѣтомъ выиграть время.

Въ концѣ іюля 15-го года лондонское правительство, въ цѣляхъ нейтрализаціи очага недоразумѣній, предложило занять безспорную часть Македоніи небольшимъ союзнымъ отрядомъ изъ состава, напримѣръ, дарданелльскихъ войскъ. Считалось, что этимъ будетъ облегчена для Сербіи возможность передачи занятой союзниками территоріи Болгаріи и что послѣдняя усмотритъ въ данномъ обстоятельствѣ извѣстную для себя гарантію въ возможности фактическаго полученія въ будущемъ этой части Македоніи.

Такимъ образомъ, мысль о посылкѣ на Балканы союзныхъ войскъ окончательно не затухала и только видоизмѣняла свои формы въ зависимости отъ обстановки.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, обсудивъ сдѣланное предложеніе, нашелъ его соотвѣтствующимъ сложившейся обстановкѣ, но высказалъ на сей разъ мнѣніе о необходимости заручиться по содержанію его предварительнымъ согласіемъ Сербіи.

4-го августа утромъ предсѣдатель сербскаго совѣта министровъ Пашичъ поочередно принялъ четырехъ посланниковъ Державъ Согласія, вручившихъ ему тожественный текстъ заявленія по названному вопросу. Пашичъ крайне взволнованный сообщеніемъ отвѣтилъ, что едва ли окажется возможнымъ удовлетворить требованіе державъ, связанное съ союзной оккупаціей Македоніи. Требуемая державами жертва, по словамъ Пашича, превышала возможности Сербіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пашичъ отмѣтилъ, что намѣчаемая отдача Болгаріи Македоніи создала бы для Сербіи невозможную границу съ враждебной Болгаріей, якобы, проявляющей стремленіе къ Адріатикѣ. Стремленіе это, по мнѣнію названнаго сербскаго министра, не можетъ быть парировано узкой полосой земли, которая соединила бы въ этомъ случаѣ Сербію съ Греціей.

Къ возраставшему давленію на Сербію Державы Согласія пришли подъ впечатлѣніемъ поведенія Короля Фердинанда и его перваго министра Радославова. Между тѣмъ лица эти про себя, повидимому, твердо рѣшили вопросъ о присоединеніи Болгаріи къ Центральнымъ Державамъ, и если тѣмъ не менѣе затягивали окончательные переговоры, то по всей вѣроятности въ намѣреніи выгадать на этомъ возможно больше. Болгарское правительство все время не переставало прислушиваться къ обѣщаніямъ Державъ Согласія, повидимому пользуясь этими обѣщаніями и своимъ вы-

годнымъ стратегическимъ положеніемъ въ цѣляхъ усиленія своей требовательности передъ Германіей и Австріей. — Такая двухсторонняя политика должна была вызывать среди Державъ Согласія крайне недовѣрчивое отношеніе къ дѣятелямъ, которые ее вели. — Ихъ подозрѣвали даже въ личной заинтересованности. Ходили, напримѣръ, слухи о намѣреніи австрійскихъ банковъ скупить, для воздѣйствія на вліятельныхъ лицъ въ Болгаріи, весь урожай страны и соотвѣтственно возникало предположеніе не выступить ли съ подобнымъ конкурирующимъ предложеніемъ болѣе сильнымъ банкамъ Державъ Согласія. — Говорили, что самъ Король Фердинандъ весьма заинтересованъ въ поддержкѣ Австро-Венгріи, будучи связанъ съ нею наличіемъ большихъ помѣстій, оцѣниваемыхъ въ 25 милліоновъ франковъ....

Такимъ образомъ, въ общемъ, дипломаты Согласія все еще не теряли надежды на то, что тѣми или иными путями политику Болгаріи удастся согласовать съ политикой Державъ Согласія и что находившееся во главѣ Болгаріи правительство Радославова прислушается къ голосу своего народа, причемъ станетъ на сторону общихъ интересовъ христіанскихъ государствъ на Балканахъ, въ увѣренности, что великія державы сумѣютъ найти справедливыя основанія при будущемъ, послѣ побѣдоносной войны, разграниченіи. — Зараженные неоправдавшимся, къ сожалѣнію, оптимизмомъ, дипломаты Согласія, не переставали поэтому вести на Балканахъ примиряющую политику и работать надъ окончательнымъ выясненіемъ условій для общей коопераціи всѣхъ государствъ этого полуострова противъ Турціи и Центральныхъ Державъ. Но даже потерявъ вѣру въ возможность такой коопераціи, Державамъ Согласія все же приходилось дорожить поддержаніемъ переговоровъ съ Болгаріей, усматривая въ этомъ можетъ быть единственное средство, хотя бы временнаго удержанія болгаръ отъ нападенія на Сербію. Въ этихъ цѣляхъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ и поддерживалъ въ извѣстной мѣрѣ планъ занятія союзниками юго-восточной части Македоніи съ правомъ передачи ея Болгаріи, въ видѣ компенсаціи.

«Оккупаціонныя силы, — телеграфировалъ 27 августа С. Д. Сазоновъ въ Парижъ А. П. Извольскому, — могутъ быть незначительны, ибо значеніе, которое будетъ имѣть ихъ присутствіе, не находится въ связи съ ихъ числомъ»...

Читатель видѣлъ уже выше опредѣленно отрицательное отношеніе Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго къ посылкѣ союзныхъ войскъ на Балканы. — Въ періодъ войны вооруженныя

силы не могутъ распыляться въ зависимости отъ разнаго рода временныхъ дипломатическихъ комбинацій; онѣ должны преслѣдовать преимущественно военныя цѣли, при успѣшномъ разрѣшеніи которыхъ все остальное будетъ достигнуто само собой. Въ данномъ случаѣ союзныя войска, посланныя на Балканы въ ограниченномъ количествѣ, не имѣли бы никакой фактической возможности развить серьезныя стратегическія операціи со стороны Эгейскаго моря. Какъ было уже замѣчено, всегда возможная военная неудача ихъ, при необезпеченномъ тылѣ и враждебномъ настроеніи греческаго правительства Короля Константина, находившагося подъ вліяніемъ германскаго Императора, могло бы привести эти войска къ полной катастрофѣ и главнѣе всего къ паденію авторитета Согласія на Балканахъ.

Вѣроятность встрѣчи съ серьезными силами противной стороны подтверждалась доходившими до русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и Ставки свѣдѣніями о томъ, что въ ближайшее же время (августъ 1915-го года) предстоитъ сосредоточеніе значительныхъ германо-австрійскихъ войскъ противъ Сербіи, съ цѣлью ихъ прорыва на помощь угасавшей Турціи. Вѣроятность эта, несмотря на недовѣріе союзниковъ къ поступавшимъ свѣдѣніямъ, была столь велика, что, по просьбѣ С. Д. Сазонова, Великій Князь Николай Николаевичъ въ особой телеграммѣ на имя Престолонаслѣдника Сербіи обратилъ вниманіе Королевича Александра на вѣроятность такого плана и на необходимость принятія Сербіей соотвѣтствующихъ мѣръ предосторожности.

Сомнѣніе въ вѣрности русскихъ свѣдѣній, подала бесѣда фонъ-Ягова, происходившая въ серединѣ августа въ Берлинѣ съ греческимъ посланникомъ. Во время ея, Яговъ далъ понять собесѣднику, что Германія считаетъ свое наступленіе противъ Россіи законченнымъ и что она, занявъ оборонительное положеніе, дастъ возможность Австріи бросить всѣ ея силы на Италію. — Хотя русская развѣдка доносила вполнѣ опредѣленно объ исчезновеніи съ русскаго фронта не австрійскихъ, а именно германскихъ дивизій, но сосредоточеніе послѣднихъ на сербскомъ фронтѣ, оставалось незамѣченнымъ для французскихъ авіаторовъ, работавшихъ на этомъ фронтѣ.

Телеграмма Великаго Князя Николая Николаевича, посланная имъ въ серединѣ августа Королевичу Александру о вѣроятномъ наступленіи въ ближайшемъ же будущемъ непріятельскихъ силъ противъ Сербіи, впослѣдствіи оправдавшаяся, была однимъ изъ послѣднихъ актовъ первой русской Ставки, которая должна была

черезъ нѣсколько дней перейти въ новыя руки. Какъ будетъ изложено дальше, уже 5-го сентября 15-го года Императоръ Николай II-й принялъ на себя лично обязанности Верховнаго Главнокомандующаго русскими войсками, а нѣсколькими днями ранѣе въ должность начальника штаба дѣйствующей арміи вступилъ генералъ Алексѣевъ.

Что касается Болгаріи, то правительство Радославова, твердо ведомое Фердинандомъ къ союзу съ Германіей, 4-го сентября, вопреки народнымъ чувствамъ, всегда тяготѣвшимъ къ Россіи, подписало въ Софіи договоръ о ея вступленіи въ союзъ съ Центральными Державами. Вступленіемъ въ этотъ союзъ Болгарія пріобрѣтала для себя права на компенсаціи не только за счетъ Македоніи, но и восточной Сербіи.

23-го сентября появился въ Болгаріи декретъ объ общей мобилизаціи. Внутреннія настроенія болгарскаго народа всего ярче выразились въ возгласахъ резервистовъ: «Да здравствуетъ русскій царь!», которые, по словамъ болгарскихъ историковъ, раздавались среди призванныхъ при прохожденіи ими въ Софіи мимо памятника Царю Освободителю Александру II-му. Болгарскій народъ находился въ убѣжденіи, что его призываютъ на помощь Россіи и что онъ будетъ воевать рука объ руку со своими освободителями. Ему пришлось вскорѣ очень горько разочароваться, когда въ Добруджѣ подошло время атаковать русскіе батальоны...

Въ униссонъ съ болгарскими настроеніями звучали и настроенія въ Россіи, въ которой на болгарскій народъ никогда не возлагали отвѣтственности за дѣйствія правительства Радославова.

6-го октября 15-го года германо-австрійскія войска переправились еще одинъ разъ черезъ Дунай и вторглись съ сѣвера и сѣверо-запада (со стороны Босніи) въ предѣлы Сербіи. Уже на слѣдующій день былъ занятъ въ третій разъ Бѣлградъ, и непріятель сталъ развивать свое наступленіе долиною Моравы. Наконецъ, 14-го октября С. Д. Сазоновъ лаконической телеграммой извѣстилъ Извольскаго: «Болгары по всему фронту (восточному) напали на Сербію, которая считаетъ себя въ положеніи войны съ ними».

Огромное, почти тройное численное превосходство вторгшихся въ Сербію непріятельскихъ войскъ, объединенныхъ въ рукахъ германскаго фельдмаршала Макензена, и къ тому же сразу охватившихъ сербовъ съ трехъ сторонъ, дѣлало результаты борьбы предрѣшенными.

Героическая сербская армія вынуждена была сначала къ отходу въ глубь страны; занятіе же болгарами въ тылу Ускюба и Велеса, заставило ее, въ конечномъ счетѣ, уклониться къ юго-западу, стремясь выйти къ Адріатическому побережью.

Такъ начался трагическій «исходъ» изъ родной земли сербской арміи, частично сопровождаемой населеніемъ, и всѣмъ правительствомъ, во главѣ съ Пашичемъ, Королевичемъ Александромъ и престарѣлымъ Королемъ Петромъ. Само собою разумѣется, что русскіе официальные представители при сербскомъ правительствѣ раздѣлили предстоявшую сербскому народу страду.

Стремленіе помочь сербамъ принудило, какъ извѣстно, союзниковъ начать высадку ихъ войскъ въ Салоникахъ. Однако, къ серединѣ октября тамъ успѣли появиться только ихъ головныя дивизіи. Своимъ выдвиженіемъ на сѣверъ онѣ все же успѣли оказать частичную помощь сербамъ, но затѣмъ, по слабости силъ и другимъ обстоятельствамъ, были вынуждены отойти въ раіонъ Салоникъ.

Что касается русской арміи, то она къ этому времени только закончила свой тяжелый и длительный отходъ отъ р. Дунайца до Двины и Стрыпы. Ослабленная и лишенная необходимѣйшихъ предметовъ боевого снабженія, Россія не могла въ это время принять участіе въ посылкѣ своихъ войскъ въ Салоники. Лишь позднѣе, уже въ концѣ декабря, она, въ цѣляхъ облегченія положенія истекавшей кровью Сербіи, пыталась пробиться черезъ непріятельскія укрѣпленныя позиціи на фронтѣ Трембовля — Чертковъ. Цѣль этого наступленія съ военной точки зрѣнія являлась вполнѣ безнадежной, но русская армія была неспособна хладнокровно наблюдать тяжкія страданія братскаго народа.

Страданія сербовъ трудно поддаются краткому описанію. Приведу поэтому лишь выдержки изъ нѣкоторыхъ донесеній нашихъ официальныхъ агентовъ въ Сербіи, относящихся къ данному времени.

«Близится рѣшительный кризисъ. Вся Сербія представляетъ кочующую массу бѣженцевъ, не находящихъ крова и пищи, при ненастьи и бездорожьи»...

«Въ началѣ декабря Пашичъ передалъ дипломатическимъ представителямъ державъ согласія сообщеніе, сущность котораго заключалась въ томъ, что сербское правительство принуждено освѣдомить союзниковъ о критическомъ положеніи арміи и обращается къ нимъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ съ просьбой о помощи. Армія дошла до предѣла своихъ силъ»...

Въ такомъ же духѣ выразился и престолонаслѣдникъ Александръ, сказавъ русскому посланнику при свиданіи съ нимъ въ Скутари: «Я показалъ свою готовность бороться до конца, и эта готовность меня не покидаетъ и нынѣ. Но я умоляю дать хлѣба моей арміи. Я привелъ ее сюда и отвѣчаю передъ людьми, которые умираютъ съ голову. Первый транспортъ муки измѣнитъ все настроеніе»...

По даннымъ русскаго военнаго представителя, въ сербской арміи къ 13-му декабря 15-го года состояло: 3800 офицеровъ и 101 тыс. солдатъ. Армію эту рѣшено было вывезти въ безопасное мѣсто, съ цѣлью, послѣ реорганизаціи, использовать ее на Салоникскомъ фронтѣ.

За выполненіе этой задачи взялось французское правительство, которому удалось походнымъ порядкомъ переправить остатки сербской арміи въ Дураццо и Валону, а оттуда перевезти морскимъ путемъ на о. Корфу. Здѣсь сербская армія реорганизовалась, пополнилась плѣнными изъ австрійскихъ славянскихъ земель и была снабжена распоряженіемъ французскаго правительства необходимою матеріальною частью.

Въ серединѣ апрѣля 16-го года, вновь сформированныя дивизіи стали перевозиться въ районъ Салоникъ, и къ концу мая главнокомандующій союзными арміями генералъ Саррайль былъ усиленъ сербской арміей въ составѣ 6 пѣх. и 1 кав. дивизіи. Во главѣ этой арміи находился сербскій престолонаслѣдникъ Королевичъ Александръ.

Уже въ іюлѣ 1916-го года возрожденная сербская армія появилась на боевомъ фронтѣ, рядомъ съ арміями Державъ Согласія и двумя русскими бригадами, спеціально сформированными и перевезенными изъ Россіи черезъ Архангельскъ. — 19-го ноября сербскія войска, при содѣйствіи франко-русскихъ войскъ, взяли Монастырь, а черезъ два дня состоялся торжественный въѣздъ Королевича Александра въ этотъ городъ, входившій въ составъ территоріи сербскаго королевства.

Затѣмъ въ сентябрѣ 1918-го года сербскія войска прорвали окончательно фронтъ болгарской арміи, преграждавшей имъ дальнѣйшій путь, и, сдѣлавъ въ теченіе 45 дней около 600 километровъ наступательнаго марша, побѣдоносно вошли въ ликовавшій Бѣлградъ. Преодолѣны были, такимъ образомъ, всѣ испытанія, которыя были посланы Сербіи судьбою на протяженіи четырехлѣтней, исключительно тяжелой міровой войны.

Окончательная побѣда достойно увѣнчала успѣхомъ героическій сербскій народъ.

Что касается сосѣдней съ нею Черногоріи, то, по поводу отношеній къ ея интересамъ, враги Великаго Князя Николая Николаевича много злословили, указывая на родственныя отношенія его къ царствовавшему въ Черногоріи дому Нѣгошей, заставлявшія, якобы, покровительствовать ему въ ущербъ Сербіи. Мнѣ представляются эти обвиненія несправедливыми. Политико-географическое положеніе Черногоріи давало скорѣе Италіи почву видѣть въ этомъ государствѣ удобную страну для противопоставленія ея усиленію въ будущемъ Сербскаго королевства. Вниманіе Верховнаго Главнокомандующаго къ сербскимъ интересамъ оставалось постояннымъ и исключительнымъ. Нѣсколько далѣе читатель найдетъ указаніе, изъ котораго увидитъ, что русскій Верховный Главнокомандующій близко оберегалъ интересы Сербіи, при переговорахъ Россіи съ Италіей и съ Румыніей. Но еще ранѣе, когда сербы въ концѣ 1914-го года оказались въ такомъ положеніи, что ихъ верховное командованіе не надѣялось на возможность продлить долѣе извѣстнаго срока сопротивленіе, то, по приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, черезъ сербскаго военнаго представителя полковника Лонткевича, сербской арміи было отпущено до 10 тысячъ австрійскихъ винтовокъ съ патронами, и ему же, полковнику Лонткевичу, было разрѣшено заняться сосредоточеніемъ для Сербіи военнаго снаряженія, переходившаго къ намъ отъ австрійцевъ, при отступленіи послѣднихъ. Если принять во вниманіе, что къ этому времени уже выяснилась острая нужда въ ружьяхъ и патронахъ къ нимъ у насъ самихъ, то становится яснымъ, что только чувство горячаго желанія помочь Сербіи въ ея безвыходномъ положеніи могло въ данномъ случаѣ руководить русскимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Подъ вліяніемъ Великаго Князя, и Франція, насколько могла, пришла Сербіи на помощь артиллерійскими снарядами.

Затѣмъ въ февралѣ 15-го года полковникъ Лонткевичъ обратился въ Ставку съ усиленной просьбой о присылкѣ русскихъ войскъ на сербскій театръ военныхъ дѣйствій, причемъ онъ особенно настаивалъ на моральномъ значеніи этой мѣры. — Несмотря на отсутствіе свободныхъ войскъ и на опасеніе поставить русскій отрядъ на Балканахъ въ трудное положеніе, Великій Князь все же выразилъ согласіе на усиленіе казачьяго полка предназначавшагося къ отправкѣ въ Сербію, бригадой пѣхоты и доведеніе численнаго состава этого отряда до 6 тысячъ человѣкъ.

Наконецъ, когда въ іюлѣ 1915-го года, по поводу вынужденнаго бездѣйствія сербовъ, вновь поползли заграницей зловѣщіе слухи о стремленіи, якобы, Сербіи, выйти изъ войны и даже о возмож-

ности существованія уже негласныхъ австро-сербскихъ переговоровъ, Великій Князь первый отнесся къ Сербіи не только съ полнымъ довѣріемъ, но и вполнѣ по рыцарски.

«Я считаю долгомъ завѣрить Васъ, — писалъ въ особомъ письмѣ къ Великому Князю Николаю Николаевичу отъ 4 іюля 1915-го года Королевичъ Александръ изъ Крагуеваца, — что Сербія и я полны рѣшимости до конца остаться вѣрными на сторонѣ Россіи, такъ какъ убѣждены, что наша судьба неразрывно связана съ судьбою великаго и братскаго русскаго народа». — И далѣе: «Сердечно обнимаю Васъ, дорогой дядя, Вашъ искренно любящій племянникъ Сандро»...

Привезшій въ Ставку это письмо сербскій полковникъ ген. штаба Д. Милоевичъ дополнилъ это письмо подробнымъ докладомъ о состояніи сербской арміи.

— Сербская армія, — говорилъ онъ, — слишкомъ слаба, чтобы она могла одна выступить противъ Австріи и тѣмъ облегчить положеніе атакованныхъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ молчитъ западный фронтъ, стоитъ также на мѣстѣ, точно вкопанная, и итальянская армія на р. Изонцо. — Мы готовы выступить по первому слову русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, но знайте, что нашъ ударъ можетъ быть только короткимъ, и что въ дальнѣйшемъ Сербія будетъ обречена на умираніе. Это наступленіе будетъ для насъ послѣднимъ...

—Послѣднія усилія сербской арміи принадлежатъ только сербскому народу, — отвѣтилъ на эту исповѣдь русскій Верховный Главнокомандующій. — И онъ далъ знать Королевичу Александру, что Россія въ настоящее время не требуетъ наступленія Сербіи, но расчитываетъ на ея готовность къ движенію впередъ, какъ только это потребуется по условіямъ общей обстановки.

Сердечныя отношенія между Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и главами сербскаго и черногорскаго домовъ не служили, однако, помѣхой къ внимательному наблюденію за тѣмъ, чтобы усилія ихъ войскъ были направлены въ сторону главной задачи, то есть къ борьбѣ съ вооруженными силами Австріи. Въ этомъ отношеніи не разъ дѣлались указанія, какъ сербскому, такъ и черногорскому правительствамъ, дабы войска этихъ государствъ не уклонялись отъ общаго плана дѣйствій. Имъ внушалось, что сепаратныя попытки захватить въ свое владѣніе тотъ или другой населенный пунктъ или географическій рубежъ, будь то въ Албаніи, или въ Босніи, отнюдь не предрѣшаютъ присужденія даннаго предмета захватчику при будущемъ заключеніи мира.

Поводомъ къ разнаго рода подозрѣніямъ въ несоотвѣтственномъ вліяніи на военныя операціи Черногорскаго Князя служило, между прочимъ, присутствіе въ Ставкѣ черногорскаго военнаго представителя генерала Мартиновича, несоотвѣтствовавшаго ни по чину, ни по возрасту тѣмъ незначительнымъ силамъ, которыя Черногорія могла выставить для общей борьбы.

Генералъ Мартиновичъ прибылъ въ Ставку позднѣе представителей другихъ военныхъ Державъ Согласія; онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, и лично я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ пользовался въ какомъ либо отношеніи особымъ покровительствомъ Верховнаго Главнокомандующаго.

4. Вопросъ о привлеченіи Румыніи къ Державамъ Согласія.

До войны Румынія офиціально примыкала къ союзу Центральныхъ державъ, связавъ себя еще въ 1900 году военнымъ соглашеніемъ съ Австро-Венгріей. Заключенная между этими государствами конвенція была направлена противъ Россіи и Болгаріи, почему эти послѣднія страны и пришли къ необходимости отвѣтнаго соглашенія, каковое и состоялось въ 1902-мъ году. Однако, съ теченіемъ времени измѣнившаяся политическая обстановка ослабила внутреннюю силу и значеніе обоихъ этихъ договоровъ.

Политическія партіи, стоявшія въ Бухарестѣ у власти, постепенно дали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что на пути національнаго объединенія румынъ стоитъ ближайшимъ образомъ Австро-Венгрія. Въ силу этого, измѣнилось прежнее отношеніе Румыніи къ Дунайской монархіи. Румынія отказалсь отъ враждебнаго отношенія къ Россіи и стала искать путей сближенія съ ней. Симпатіи къ Берлину сохранились лишь при Дворѣ, какъ слѣдствіе родственныхъ связей царствовавшихъ въ Германіи и Румыніи династій, да еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ группировкахъ, отодвинутыхъ внутренней политикой, однако, на задній планъ.

Поворотъ иностранной политики Румыніи въ сторону Россіи, въ оцѣнкѣ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, не являлся особо существеннымъ факторомъ при войнѣ съ Центральными Державами. Румынская армія никогда не считалась въ Россіи первоклассной и менѣе всего была пригодна для наступательныхъ цѣлей. Она всегда страдала отсутствіемъ соотвѣтственнаго техническаго оборудованія и недостаткомъ боевого снабженія. Поэтому помощь ея, при вторженіи русскихъ войскъ въ Австро-Венгрію, не могла быть значительной. При оборонительномъ же образѣ дѣйствій,

протяженіе фронта Румыніи оказывалось несоотвѣтственно великимъ по сравненію съ выставляемыми ею силами, почему присоединеніе румынскихъ вооруженныхъ силъ къ Россіи также не давало послѣдней замѣтнаго усиленія; скорѣе наоборотъ. — Между тѣмъ притязательность Румыніи была у насъ хорошо извѣстна. Такимъ образомъ для Россіи наилучшей формой участія Румыніи въ войнѣ должно было почитаться пребываніе послѣдней въ состояніи «благожелательнаго нейтралитета». Присоединеніе ея къ Согласію могло стать выгоднымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣлась надобность отвлечь Румынію отъ союза съ Центральными Державами, или же явилась возможность образованія блока изъ всѣхъ христіанскихъ державъ на Балканахъ противъ Турціи и Австро-Венгріи.

Правительство Братіано, повидимому, учло послѣднія обстоятельства и задалось цѣлью извлечь для своей страны изъ создавшагося положенія наибольшую пользу. — Тщательно лавируя между дипломатическимъ воздѣйствіемъ Державъ Согласія, съ одной стороны, и Центральнаго европейскаго союза съ другой, — оно выжидало наиболѣе выгодныхъ для себя предложеній, ведя съ обѣими сторонами двухсторонніе переговоры.

Уже въ первый день объявленія Россіи войны со стороны Германіи, А. П. Извольскій телеграфировалъ С. Д. Сазонову, что, по свѣдѣніямъ французскаго правительства, Румынія какъ бы выражаетъ склонность къ общимъ дѣйствіямъ съ Австро-Венгріей. Примѣрно такія же свѣдѣнія были получены и въ Петербургѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, изъ другихъ источниковъ.

Въ виду этихъ слуховъ, тогдашній президентъ французской республики Пуанкарэ, въ бесѣдѣ съ русскимъ посломъ въ Парижѣ, высказалъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы, не теряя времени, произвести воздѣйствіе на Румынію, обѣщая ей Трансильванію.

Опасаясь присоединенія Румыніи къ врагамъ Державъ Согласія, С. Д. Сазоновъ уполномочилъ русскаго посла въ Бухарестѣ Поклевскаго сдѣлать румынскому правительству соотвѣтственное предложеніе.

— «Пока не видно, — сообщалъ Поклевскій, — чтобы Румынія шла на подобное соглашеніе»...

Въ самомъ дѣлѣ, -- Братіано отвѣтилъ, что въ предложеніи Державъ Согласія онъ видитъ цѣнное доказательство дружескаго къ Румыніи расположенія, но что возглавляемое имъ правительство не можетъ себя сейчасъ связать соотвѣтственнымъ соглашеніемъ, хотя и не желало бы отъ него совершенно отказаться въ ожи-

данія обстановки, при которой Румынія найдетъ возможнымъ измѣнить занятое ею положеніе абсолютно-нейтральной страны.

«Абсолютный» нейтралитетъ понимался, однако, Румыніей нѣсколько своеобразно, такъ какъ черезъ румынскую территорію шелъ въ Турцію непрерывный потокъ военной контрабанды. Сами австрійцы привыкли смотрѣть на Румынію, какъ на своего негласнаго союзника. Принужденные, напримѣръ, военной обстановкой эвакуировать Черновцы, они переотправили до 300 вагоновъ съ продовольствіемъ къ границамъ Румыніи.

Въ двадцатыхъ числахъ августа извѣстія о настроеніи въ Румыніи стали столь тревожными, что Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ приказалъ на всякій случай составить для него соображеніе о томъ, какъ приспособить начавшееся въ Галичинѣ наступленіе русскихъ войскъ къ возможному враждебному выступленію противъ Россіи румынъ.

Стратегическое развертываніе русскихъ войскъ было въ нѣкоторой мѣрѣ къ этому приспособлено расположеніемъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на уступѣ довольно сильной арміи генерала Брусилова. Эту 8-ую армію и имѣлось въ виду повернуть, въ случаѣ надобности, на югъ, съ цѣлью удара по румынскимъ войскамъ.

Чтобы отдалить Румынію отъ Центральныхъ Державъ и затруднить ей навсегда возможный безъ этой мѣры поворотъ на сторону Австріи, Верховный Главнокомандующій, въ своей перепискѣ по этому поводу съ С. Д. Сазоновымъ, допускалъ даже занятіе румынскими войсками части Буковины, или вступленіе ихъ въ Трансильванію, но лишь при условіи широкой огласки, долженствовавшей установить, что это занятіе произошло по приглашенію Россіи. Насколько я знаю, румыны отъ этого предложенія отказались.

Къ серединѣ сентября австрійцы, въ результатѣ пораженія въ Галичскихъ бояхъ, стали уходить за Санъ къ Вислокѣ. Очевидно, что въ этотъ періодъ времени активное выступленіе румынъ не имѣло для Россіи значенія. Дѣло было сдѣлано безъ нихъ; австрійская армія получила такіе удары, отъ которыхъ оправляются вообще съ трудомъ. Но Россія вела войну не одна. Союзники продолжали усматривать въ активномъ выступленіи Румыніи способъ увлечь на свою сторону Италію и даже Болгарію, почему русское министерство иностранныхъ дѣлъ принуждено было также стать на эту точку зрѣнія. Однако, Румынія, въ отвѣтъ на заигрыванія съ нею, достаточно ясно намекала на ея желаніе получить ту часть Бессарабіи, которая была присоединена къ Россіи въ 1878-мъ году, умышленно забывая тѣ огромныя компенсаціи на Дунаѣ, которыя она за эту уступку получила.

Наконецъ, 1-го октября 14-го года между русскимъ и румынскимъ правительствами состоялось соглашеніе, въ силу котораго Румынія обязывалась хранить по отношенію Россіи «благожелательный» нейтралитетъ. Въ расплату за таковой, Россія брала на себя обязательство противиться попыткѣ третьей стороны нарушить существовавшія границы Румыніи и признавала за послѣдней право, въ случаѣ побѣды Державъ Согласія, аннексировать австровенгерскія владѣнія, населенныя румынами, не исключая и территоріи Буковины.

Этимъ актомъ Россія пріобрѣтала достаточно прочное прикрытіе на западномъ фронтѣ своего лѣваго фланга. Для Державъ Согласія нейтральная Румынія, благожелательная по отношенію къ этимъ Державамъ, затрудняла своимъ положеніемъ между Австро-Венгріей съ одной стороны, Болгаріей и Турціей съ другой, связь между названными государствами и доставку на Балканы предметовъ военной контрабанды. Независимо отъ того, враждебный Державамъ Согласія союзъ долженъ былъ лишиться возможности эксплоатаціи въ своихъ интересахъ богатаго сырыми продуктами румынскаго рынка.

Что касается попытки вовлечь Румынію въ составъ Балканскаго блока, надъ образованіемъ котораго много трудились одно время дипломаты Державъ Согласія, то таковая не вызывала въ Бухарестѣ никакого отклика, тѣмъ болѣе, что отъ Румыніи требовалась уступка Болгаріи Добруджи. Въ началѣ декабря 14-го года, румынское правительство категорически заявило, что, вслѣдствіе неготовности арміи и трудности зимней кампаніи, оно вынуждено отложить выступленіе Румыніи до февраля слѣдующаго года.

Но и этотъ срокъ оказался не болѣе какъ «блефомъ», въ искусномъ жонглированіи Братіано между Державами Согласія и Центральнаго Союза. Уже въ началѣ января 15-го года въ Ставкѣ были получены свѣдѣнія, что Румынія слишкомъ откровенно проводитъ свои мѣры по укрѣпленію военной готовности, нисколько не боясь встревожить своими военными приготовленіями Австрію, причемъ, въ обмѣнъ на бензинъ, расчитываетъ получить отъ нашихъ военныхъ враговъ въ 2-хъ мѣсячный срокъ, болѣе чѣмъ на 20 мил. франковъ боевыхъ припасовъ. Получалось впечатлѣніе, будто Румынія снабдила Центральныя Державы успокоительными завѣреніями, что ея военныя приготовленія направлены своимъ остріемъ вовсе не противъ нихъ. — Въ этомъ предположеніи насъ укрѣпляли еще болѣе свѣдѣнія о непрекращающемся провозѣ черезъ Румынію военной контрабанды. Всѣ эти свѣдѣнія привлекли къ себѣ серьезное вниманіе Великаго Князя Николая Николаевича, который прика-

залъ на подозрительное поведеніе Румыніи обратить вниманіе Министра Иностранныхъ дѣлъ. Верховный Главнокомандующій допускалъ возможность даже наличія особаго договора съ Австріей, по которому эта послѣдняя могла бы предоставить Румыніи (а можетъ быть и Италіи) занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ своей территоріи, какъ бы въ залогъ расплаты за тотъ нейтралитетъ, который эти государства обязуются соблюдать. Были, правда, факты и противорѣчащіе какъ бы предположенію о возможности перехода политическихъ симпатій Румыніи на сторону нашихъ враговъ. Такъ, въ томъ же январѣ Румынія обратилась къ намъ съ просьбой уступить ей 3 т. лошадей. Великій Князь высказался по этому поводу условно: удовлетвореніе просьбы признавалось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если Румынія безповоротно рѣшитъ примкнуть къ Державамъ Согласія. Всѣ эти запутанныя данныя требовали выведенія политики румынскаго правительства, что называется, на «свѣжій воздухъ». «Съ нами, наконецъ, вы, или противъ насъ?».

Въ серединѣ апрѣля 1915 года А. П. Извольскій, въ подробной телеграммѣ на имя С. Д. Сазонова, подводя итоги своихъ наблюденій надъ событіями на западномъ фронтѣ и надъ настроеніями общественныхъ круговъ во Франціи, выразилъ мысль, что на Западѣ сложилось убѣжденіе въ необходимости введенія въ обстановку войны новыхъ элементовъ, каковыми должны почитаться выступленіе Италіи и Румыніи. Основываясь на уступкахъ, сдѣланныхъ Россіи въ вопросѣ о проливахъ, общественное мнѣніе на Западѣ, по словамъ русскаго посла въ Парижѣ, настойчиво указывало на необходимость проявленія Россіей большей сговорчивости въ переговорахъ съ Италіей и Румыніей.

На западѣ, — указывалъ Извольскій, — «перспектива второй зимней кампаніи можетъ круто повернуть общественное мнѣніе и вызвать въ немъ припадомъ отчаянія».

Въ силу этихъ соображеній нашъ Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ согласія Англіи и Франціи, принялъ на себя 3-го мая, веденіе переговоровъ объ измѣненіи Румыніей своего «благожелательнаго нейтралитета», къ тому же, какъ мы выше видѣли, плохо выполнявшагося, на прямое вступленіе ея въ коалицію Державъ Согласія.

Эти переговоры были приняты благожелательно, по причинамъ «психическимъ», также русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Даже въ арміи, которая должна была лѣтомъ 1915-го года выдерживать натискъ соединенныхъ германо-австрійскихъ силъ, складывалось мнѣніе о психологической пользѣ выступленія какъ Румыніи, такъ и Италіи на помощь Россіи.

Однако переговоры съ Румыніей продолжали затягиваться по причинѣ требовательности послѣдней. Румынія продолжала ставить непріемлемыя условія въ отношеніи будущаго разграниченія съ Россіей и Сербіей, главнымъ образомъ, въ Буковинѣ, Угорской Руси и въ Банатѣ. Къ сожалѣнію, время этихъ переговоровъ совпало съ оставленіемъ русской арміей Перемышля, каковое событіе, несмотря на его военную малозначительность, было принято во Франціи крайне нервно. Русскій посолъ въ Парижѣ, въ рядѣ пространныхъ телеграммъ, сообщалъ С. Д. Сазонову, что тамъ «удручены» извѣстіемъ объ обратной отдачѣ непріятелю Перемышля и съ настойчивостью возвращаются къ вопросу о привлеченіи Румыніи на сторону Державъ Согласія. Мнѣніе о «спасительности» этого привлеченія сложилось также и въ Лондонѣ, не безъ усилій конечно румынскихъ дипломатовъ.

Въ эти тяжелые дни нажима на нашу дипломатію, въ Ставку пріѣзжалъ за совѣтомъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ А. А. Нератовъ. На происшедшемъ совѣщаніи мнѣ пришлось высказать мысль, что выступленіе румынской арміи не способно измѣнить обстановки на нашемъ фронтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выразилъ сомнѣніе въ пользѣ привлеченія на нашу сторону государствъ, арміи который нуждаются столь же остро въ матеріальномъ и техническомъ снабженіи, какъ и сами мы.

Постановка рѣшенія не входила въ полномочія совѣщанія, носившаго лишь предварительный характеръ. Въ концѣ концовъ дѣло свелось къ тому, что Румынія получила полное удовлетвореніе выставленныхъ ею требованій. С. Д. Сазоновъ былъ вынужденъ проявить вновь свою уступчивость, главнымъ образомъ вслѣдствіе настойчивыхъ пожеланій Англіи и Франціи видѣть Румынію нашей союзницей.

Такимъ образомъ Бухарестскому правительству, получившему полное удовлетвореніе своихъ требованій, предстояло окончательно вскрыть свои карты. Но здѣсь то и обнаружилось наиболѣе ярко лицемѣріе румынской политики. Глубоко оказался правымъ одинъ изъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей Италіи, который, по словамъ русскаго посла въ Римѣ М. Н. Гирса, увѣренно высказывалъ, что выступленіе Румыніи зависитъ не столько отъ удовлетворенія ея пожеланій, сколько отъ военнаго положенія на ближнемъ къ Румыніи Галичскомъ фронтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля Братіано заявилъ о своей готовности теперь же подписать политическое соглашеніе и военную конвенцію, съ обязательствомъ выступить противъ Австріи,

но, въ виду оборота, принятаго военными событіями въ Галичини въ Русской Польшѣ, онъ не рѣшается опредѣлить срокъ выступленія. Впрочемъ, добавилъ Братіано въ видѣ нѣкотораго утѣшенія, военныя дѣйствія должны будутъ во всякомъ случаѣ начаться Румыніей съ такимъ расчетомъ, чтобы ко времени перваго снѣга (примѣрно значитъ къ концу октября) ея войска уже находились по ту сторону Карпатъ.

Надо было быть очень нервно и пессимистически настроеннымъ, чтобы согласиться на подобныя условія, предоставлявшія Румыніи всѣ преимущества и оставлявшія для нея лазейку, при помощи которой фактическое выступленіе могло быть его оттянуто ad calendas graecas. Тѣмъ не менѣе наши союзники находили и въ такомъ соглашеніи возможность: во-первыхъ — окончательно связать будущую судьбу Румыніи съ Державами Согласія, а во-вторыхъ—потребовать отъ румынскаго правительства полнаго прекращенія пропуска военныхъ припасовъ въ Турцію. Въ конечномъ счетѣ все же такое соглашеніе подписано не было и выступленіе Румыніи состоялось лишь осенью 16-го года.

Результаты извѣстны. — Румынская армія была легко разбита германо-австрійско-турецкими войсками, а Россія, для спасенія остатковъ этой арміи и прикрытія своего лѣваго флангѣ, принуждена была ввести въ Румынію около 1/4 части всѣхъ ея вооруженныхъ силъ. При этомъ растянутый и безъ того сухопутный фронтъ ея удлинился еще болѣе, на 500 километровъ, дотянувшись до береговъ Чернаго моря.

5. Военная конвенція съ Италіей.

«Выступленіе Италіи,—писалъ Великій Князь Верховный Главнокомандующій Министру Иностранныхъ дѣлъ въ маѣ 1915-го года, по поводу чрезмѣрныхъ требованій Румыніи, — даетъ намъ такой существенный плюсъ, что присоединеніе къ намъ Румыніи получаетъ второстепенное значеніе».

И дѣйствительно. Кто могъ себѣ представить тогда военную безпомощность Италіи по отношенію къ уже поколебленной русскими побѣдами Австро-Венгріи! Въ Ставкѣ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, существовало твердое убѣжденіе, что, съ присоединеніемъ Италіи къ Державамъ Согласія, Имперія Габсбурговъ должна развалиться окончательно.

Поэтому съ затаеннымъ вниманіемъ слѣдили мы за ходомъ переговоровъ съ римскимъ правительствомъ, центръ которыхъ нахо-

дился въ Лондонѣ. Крайняя требовательность Италіи и то обстоятельство, что компенсаціи этому государству за его выступленіе могли быть направлены только въ сторону Австро-Венгріи, въ направленіяхъ, затрагивавшихъ интересы Сербіи и Черногоріи, дѣлали очень трудными достиженіе положительныхъ результатовъ. Великій Князь Главнокомандующій особенно настаивалъ на необходимости возвратить Черногоріи территоріи, уступленныя Австріи Александромъ I-мъ, и прежде всего въ раіонѣ Катарро, а также на предоставленіи Сербіи выхода къ Средиземному морю, и на возможно широкомъ удовлетвореніи всѣхъ ея интересовъ въ Адріатикѣ. Однако, послѣ очень упорныхъ попытокъ отстоять возможно полнѣе интересы западныхъ славянъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ директиву отъ Императора Николая II-го, въ силу которой ему разрѣшалось въ крайнемъ случаѣ согласиться со всѣми требованіями Италіи. Уступчивость эта являлась результатомъ настойчиваго давленія на Россію ея союзниковъ. Такъ, 20-го апрѣля президентъ французской Республики Пуанкарэ прислалъ на имя нашего Государя, черезъ французскаго посла въ Петербургѣ, телеграмму, въ которой, указывая на важность скорѣйшаго заключенія соглашенія съ Италіей, Президентъ просилъ Государя, во имя интересовъ союзниковъ, согласиться на подписаніе этого соглашенія, не настаивая на приняти всѣхъ поставленныхъ Россіей условій. Императоръ Николай II-й, воспользовавшись въ свою очередь для своего отвѣта посредничествомъ французскаго посла въ Петроградѣ М. Палеолога, вынужденъ былъ отвѣтить, что, хотя условія соглашенія во многомъ его не удовлетворяютъ, однако, разъ Глава Франціи обратился къ нему, ссылаясь на интересы союзниковъ, то онъ не считаетъ возможнымъ ему отказать и соглашается уполномочить русскаго посла въ Лондонѣ на подписаніе договора, въ надеждѣ, что всѣ соглашенія, ранѣе заключенныя Россіей, Франціей и Англіей останутся незыблемыми.

Эта телеграмма вызвала новую телеграмму г. Пуанкарэ, въ которой онъ выражалъ свою благодарность за уступчивость, и давалъ, въ свою очередь завѣреніе, что, при заключеніи мира, Франція окажетъ горячее содѣйствіе къ защитѣ интересовъ славянскихъ народовъ, а также что состоявшіяся уже ранѣе между союзниками соглашенія, въ глазахъ французскаго правительства, не могутъ подвергнуться измѣненіямъ, вслѣдствіе предстоящаго присоединенія къ Державамъ Согласія Италіи.

Послѣдняя телеграмма пришла во время пребыванія Императора Николая II-го и Верховнаго Главнокомандующаго въ концѣ апрѣля въ Галичинѣ.

Сдѣланныя уступки въ пользу Италіи глубоко взволновали однако Сербію — Королевичъ Александръ счелъ необходимымъ обратиться къ Великому Князю Николаю Николаевичу съ особымъ письмомъ, въ которомъ называлъ его «Дорогой Дядя» и уповая на его заступничество, Сербскій Престолонаслѣдникъ горько жаловался, что Италія по отношенію къ Сербіи повидимому «займетъ мѣсто Австріи, отъ которой мы (Сербы) надѣемся, что эта война навсегда освободитъ насъ». Затѣмъ Королевичъ высказывалъ мысль, что сдѣланныя уступки произведутъ въ его войскахъ душевное настроеніе, которое можетъ тягостно отозваться на подготовляющемся наступленіи.

На это письмо Великій Князь отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, затронутый Королевичемъ Александромъ вопросъ объ общей политической обстановкѣ находится внѣ его, Великаго Князя, компетенціи. «Въ одномъ ты можешь быть увѣренъ, добавлялъ Августѣйшій авторъ письма, — все, что будетъ въ моихъ силахъ и возможности, будетъ сдѣлано. Я твердо вѣрю, что съ помощьей Божьей, все, въ концѣ концовъ, устроится въ желательномъ смыслѣ».

Поѣздка Верховнаго Главнокомандующаго въ Галичину, въ цѣляхъ сопровожденія Государя Императора, лишь подтвердила слухи о переброскѣ германцевъ на р. Дунаецъ и, сосредоточеніи тамъ значительныхъ непріятельскихъ силъ противъ русской 3-й арміи. Поэтому вернувшись въ Ставку, Великій Князь, находя необходимымъ ускорить рѣшеніе вопроса о выступленіи Италіи и заботясь о томъ, чтобы извѣстіе о присоединеніи Италіи оказало свое вліяніе на союзниковъ и враговъ, отправилъ 29-го апрѣля на имя С. Д. Сазонова телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ крайне необходимо получить отвѣты: 1) когда будетъ обнародовано подписанное въ Лондонѣ соглашеніе съ Италіей; 2) извѣстно ли Австріи и Германіи, что соглашеніе подписано; 3) состоялась ли въ Италіи предварительная секретная мобилизація и въ какомъ размѣрѣ; 4) когда фактически произойдетъ въ Италіи общая мобилизація; 5) когда Италія будетъ готова и начнетъ военныя дѣйствія; 6) когда послѣдуетъ объявленіе войны Италіей — Австріи, Германіи и Турціи. Генералъ-Адъютантъ Николай».

Увы! Отвѣтъ, пришедшій черезъ нѣсколько дней, получился далеко неутѣшительный: соглашеніе было подписано 26-го апрѣля, но самое выступленіе Италіи, по заявленію итальянскаго правительства, можетъ начаться только черезъ мѣсяцъ, то есть 26-го мая.

Эта задержка въ фактическомъ выступленіи Италіи была принята въ Ставкѣ, какъ крайне неблагопріятный факторъ. Въ самомъ

дѣлѣ, мы въ правѣ были расчитывать,что своевременное появленіе на юго-западныхъ границахъ Австро-Венгріи до 40 итальянскихъ мобилизованныхъ дивизій должно бы, казалось, кореннымъ образомъ измѣнить обстановку въ предстоявшій наиболѣе рѣшительный для Россіи періодъ борьбы съ соединенными силами Австро-Германцевъ въ Галиціи.

Второй вопросъ, который чрезвычайно безпокоилъ Верховнаго Главнокомандующаго и «Ставку», это вопросъ о направленіи главныхъ силъ Италіи: будутъ ли онѣ частично перевезены, въ видѣ подкрѣпленій, на французскій фронтъ, или всѣ ихъ силы получатъ назначеніе противъ Австріи.

Въ виду очевидной важности этого вопроса для Россіи, Великій Князь Николай Николаевичъ выразилъ категорическое желаніе, чтобы взаимныя дѣйствія Русской и Итальянской армій были обсуждены въ Ставкѣ съ полковникомъ Ропполо, итальянскимъ военнымъ агентомъ въ Петроградѣ. Это пожеланіе не встрѣтило со стороны Западныхъ Державъ возраженій по существу, но оно было однако, дополнено соображеніемъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, о необходимости одновременнаго обсужденія также вопроса о взаимодѣйствіи, какъ морскихъ силъ въ Адріатикѣ, такъ и сухопутныхъ силъ Франціи, Англіи и Италіи на остальныхъ театрахъ войны. Это обсужденіе признавалось болѣе удобнымъ произвести въ Парижѣ, конечно, въ присутствіи русскихъ военнаго и морского агентовъ.

Такъ какъ одновременно Верховному Главнокомандующему было сообщено, что общій планъ итальянскаго Генеральнаго Штаба, насколько извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы, выставивъ заслонъ къ сторонѣ Трентино, идти главными силами на Лайбахъ и Клагенфуртъ, по направленію къ Вѣнѣ, и такъ какъ этотъ общій планъ не противорѣчилъ соображеніямъ Русской Ставки, то Великій Князь съ изложенными выше соображеніями о перенесеніи часть переговоровъ въ Парижъ согласился, указавъ лишь, что наши представители въ Парижскомъ совѣщаніи не могутъ быть облечены правомъ голоса.

Періодъ установленія соглашенія съ Италіей не прошелъ для Ставки безъ тревоги. Шведскій посолъ въ Римѣ намекнулъ итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ, что присоединеніе Италіи къ Державамъ Тройственнаго согласія можетъ побудить Швецію примкнуть къ Германіи, съ цѣлью помѣшать пораженію послѣдней, такъ какъ Швеція видитъ въ сохраненіи равновѣсія въ Европѣ лучшее обезпеченіе своей независимости. Надо было поэтому намъ обдумать на всякій случай соотвѣтственныя мѣры противодѣйствія.

Через нѣсколько дней послѣ подписанія Италіей соглашенія съ Державами Согласія въ Ставку прибылъ полковникъ Роппело, совмѣстно съ которымъ я долженъ былъ выработать проектъ соотвѣтствующей военной конвенціи. Я зналъ полковника Роппело еще по Петербургу, но нашелъ въ немъ большую перемѣну. Онъ выглядѣлъ нездоровымъ, былъ чрезвычайно нервенъ, и единственной заботой его было обезпечить Италіи возможно благопріятное вступленіе въ борьбу. «Вы понимаете важность и деликатность этого акта», говорилъ онъ мнѣ, не убѣждаясь моими доводами, что вся австрійская армія противъ насъ и что, въ силу этого, итальянская граница почти оголена отъ войскъ. Для меня же, по указанію Великаго Князя, главнымъ вопросомъ было обезпечить необходимое единство дѣйствій противъ общаго противника.

Въ конечномъ результатѣ нашихъ довольно продолжительныхъ бесѣдъ былъ выработанъ проектъ соглашенія, въ которомъ общей цѣлью дѣйствій всѣхъ союзныхъ армій (русской, итальянской, сербской и черногорской) ставилось пораженіе непріятельскихъ силъ, находившихся на общемъ австро-венгерскомъ театрѣ дѣйствій. Союзныя арміи, для достиженія поставленной цѣли, обязывались, дѣйствуя другъ съ другомъ вполнѣ согласованно, собрать на австро-венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій максимумъ своихъ силъ, оставляя на другихъ фронтахъ лишь строго необходимое количество войскъ, чтобы удерживать тамъ стратегически необходимое положеніе. Наступленіе для Италіи устанавливалось въ направленіи на Любляны (Лайбахъ), откуда открывались пути на Вѣну или Буда-Пештъ, смотря по обстановкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предусматривалось, что, въ случаѣ «коренной» перегруппировки австро-венгерскихъ и германскихъ силъ, выработанный операціонный планъ можетъ подлежать переработкѣ, но имѣя въ виду прежде всего общую задачу. Весь проектъ военнаго соглашенія съ Италіей, по одобреніи его Верховнымъ Главнокомандующимъ, былъ 8-го мая препровожденъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову.

Въ серединѣ мая французскимъ военнымъ представителемъ въ Ставкѣ Генераломъ Маркизомъ де Лагишъ было получено однако тревожное извѣстіе о неожиданномъ выходѣ въ Римѣ въ отставку кабинета Саландры, сочувствовавшаго присоединенію Италіи къ Державамъ Согласія. Это извѣстіе произвело всеобщее безпокойство, такъ какъ было извѣстно, что дѣятельность Саландры встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ политическихъ партій, не желавшихъ войны, и что 20-го мая по вопросу о мобилизаціи арміи предстояло въ Парламентѣ голосованіе депутатовъ. Въ виду та-

кого сложнаго положенія, послы Державъ Согласія выражали мнѣніе о необходимости посовѣтовать итальянскому кабинету поставить депутатовъ и страну еще до голосованія въ извѣстность о состоявшемся уже фактѣ подписанія Италіей соглашенія съ Державами Согласія. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ 15-го мая А. П. Извольскому въ Парижъ:

«Не могу допустить мысли, чтобы возраженія Джіолити или вообще какой либо политической партіи, и даже паденіе министерства могли освободить Италію отъ принятыхъ ею на себя обязательствъ, тѣмъ болѣе, что, заключая съ нами соглашеніе, Итальянское Правительство не сдѣлало никакихъ оговорокъ относительно утвержденія его Парламентомъ. Отказываюсь повѣрить, чтобы Италія рѣшилась покрыть себя вѣчнымъ позоромъ, уклонившись отъ исполненія подписаннаго договора. Что касается срока итальянскаго выступленія, то когда бы ни была объявлена мобилизація, означенный срокъ назначенъ на 26 мая новаго стиля»...

Дѣло, однако, обошлось благополучно. Кабинетъ Саландры остался у власти и еще 18-го мая русскому послу въ Римѣ М. Н. Гирсу было передано, что уже накаиунѣ полковнику Ропполо послано разрѣшеніе подписать военную конвенцію, за исключеніемъ статьи, говорившей о содѣйствіи Сербіи боевыми припасами, каковое содѣйствіе оказывалось для Италіи неосуществимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ передавшій это свѣдѣніе Директоръ Римскаго Кабинета сообщалъ, что война Австріи будетъ объявлена 26-го мая, а мобилизація 24-го мая. «Впрочемъ, добавлялъ названный Директоръ, эти сроки являются крайними и весьма возможно, что обстоятельства побудятъ Италію выступить раньше».

Военная конвенція въ желаемой Итальянскимъ Правительствомъ редакціи была подписана 21-го мая, а давно ожидавшееся объявленіе Италіей войны Австро-Венгріи состоялось наконецъ 24-го мая.

День этотъ совпалъ со днемъ прорыва германцами нашей оборонительной линіи по р. Сану, но выступленіе Италіи создавало надежду еще отстоять эту линію, при соотвѣтствующемъ, конечно, успѣхѣ итальянской арміи.

Надежды эти оказались, однако, иллюзорными. Итальянцы, несмотря на общее огромное превосходство въ силахъ, успѣли выдвинуться только до р. Изонцо, и оказались вполнѣ неспособными не только раздавить австрійцевъ, но даже оттянуть отъ русскихъ армій сколько-нибудь значительныя ихъ силы. Предоставленныя самимъ себѣ, арміи генерала Иванова принуждены были продолжать свое отступленіе. 22-го іюня они отдали обратно непріятелю

Львовъ и съ этого момента всякая кооперація между итальянскими и русскими войсками стала невозможной, впрочемъ, вплоть до лѣта 1916-го года, когда извѣстнымъ наступленіемъ генерала Брусилова итальянскія арміи были выведены изъ катастрофическаго положенія, создавшагося наступленіемъ австрійцевъ изъ Трентино.

По нашимъ даннымъ, австрійцы сняли съ русскаго фронта первоначально всего двѣ дивизіи; затѣмъ въ теченіе всего лѣтняго періода кампаніи еще до 10 австрійскихъ дивизій. Соотношеніе же силъ на итальянскомъ фронтѣ, по даннымъ одной сербской записки, хранящейся въ архивахъ французскаго военнаго министерства было слѣдующимъ:

а) Въ періодъ *перваго* сраженія на р. Изонцо:

Пѣхота: 4½ австр. дивизіи, противъ 11 дивизій итальянскихъ.

Артиллерія: 177 полевыхъ и 36 тяжелыхъ орудій у австрійцевъ противъ 400 полевыхъ и 70 тяжелыхъ орудій у итальянцевъ.

б) Въ періодъ *второго* сраженія на той же рѣкѣ:

Пѣхота: 9 австр. дивизій, противъ 19½ итальянскихъ дивизій.

Артиллерія: 330 полевыхъ и 66 тяжелыхъ орудій у австрійцевъ, противъ: 640 полевыхъ и 135 тяжелыхъ орудій у итальянцевъ.

Тѣмъ не менѣе ни первое, ни второе сраженіе не привели итальянцевъ къ побѣдѣ.

6. Содѣйствіе Японіи и отношенія Россіи съ Китаемъ.

19-го августа 1914-го года японскій представитель въ Берлинѣ, по порученію своего правительства, рѣшившаго присоединиться къ Державамъ Согласія, вручилъ германскому правительству ультимативную ноту, въ которой сообщалось, что токійское правительство требуетъ удаленія или разоруженія германскихъ судовъ, находившихся въ японскихъ и китайскихъ водахъ, и предоставленія японскимъ властямъ территоріи Кіао-Чоу. Требованія эти сопровождались ссылкою на англо-японскій союзъ и на необходимость принять предупредительныя мѣры къ обезпеченію мира на Дальнемъ Востокѣ. — Срокъ ультиматума былъ опредѣленъ въ четверо сутокъ. Такъ какъ въ теченіе этого времени отвѣта со стороны Германіи не послѣдовало, то Японія фактически оказалась въ войнѣ съ Германіей.

Присоединеніе Японіи къ Державамъ Согласія являлось для Россіи весьма благопріятнымъ факторомъ въ томъ смыслѣ, что оно

давало возможность Россіи снять со своего дальне-восточнаго фронта всѣ русскія войска и постепенно перевести ихъ на западныя границы для участія ихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. По требованію Великаго Князя Николая Николаевича, перевозкѣ этой подвергся не только 4-й Сибирскій корпусъ, составлявшій гарнизонъ Владивостокской крѣпости и занимавшій рядъ важныхъ прибрежныхъ пунктовъ, но и «пограничныя войска», составлявшія охрану Восточно-Китайской жел. дороги и полосы отчужденія. Какъ извѣстно, войска эти были переформированы въ особый корпусъ.

Равнымъ образомъ изъ портовъ Дальняго Востока были двинуты въ раіонъ Средиземнаго моря и главнѣйшія боевыя суда нашей Дальневосточной военно-морской флотиліи. Читатель уже знаетъ, что русскій крейсеръ 1-го ранга «Аскольдъ» принялъ участіе въ дѣйствіяхъ англо-французскаго флота подъ Дарданеллами.

На непосредственное содѣйствіе японскихъ войскъ въ операціяхъ на Западномъ фронтѣ Россія никогда не расчитывала. Взглядъ русскаго военнаго министерства на этотъ вопросъ отчетливо выразился въ телеграммѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, посланной имъ 5-го сентября 1914-го года русскому послу въ Лондонѣ, по поводу выраженнаго французскимъ правительствомъ желанія привлечь японскія войска на территорію Франціи. Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Э. Грей возражалъ противъ такого проекта и предпочиталъ видѣть японскія арміи на русскомъ фронтѣ. Но С. Д. Сазоновъ категорически отвѣтилъ, что мы не испытываемъ нужды въ помощи японскихъ войскъ. «Россія, — говорилось въ соотвѣтствующемъ отвѣтѣ, — не считаетъ, однако, себя въ правѣ противиться стремленію своей союзницы — Франціи привлечь японскія войска къ участію въ защитѣ французской территоріи противъ нѣмецкаго нашествія».

Тѣмъ не менѣе въ началѣ сентября изъ Японіи поступило предложеніе объ организаціи, для участія на нашемъ западномъ фронтѣ, вспомогательнаго отряда изъ японскихъ добровольцевъ, и объ уступкѣ Россіи части японской тяжелой артиллеріи. — Въ этомъ предложеніи, повидимому, надо было видѣть стремленіе Японіи сблизиться съ Россіей и сгладить окончательно былыя недоразумѣнія. Поэтому Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ нужнымъ посовѣтовать нашему министру иностранныхъ дѣлъ выразить Японіи благодарность за сдѣланныя предложенія. При этомъ въ отношеніи добровольческаго отряда имъ было высказано, что «возможность перевозки этого отряда будетъ находиться въ зависимости отъ успѣшности перевозки изъ Сибири нашихъ войскъ», иначе

говоря перевозка эта откладывалась на долгій срокъ. Что же касается до тяжелой артиллеріи, то, хотя матеріальная ея часть не былъ въ полномъ смыслѣ совершенной, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе крайне печальнаго положенія вопроса о снабженіи нашихъ войскъ тяжелыми орудіями, предложеніе это было принято съ особою благодарностью. — Вслѣдствіе этого, японскія орудія, съ небольшимъ количествомъ японскихъ инструкторовъ, прибыли въ Россію и были использованы въ первый же періодъ войны.

Замѣчательна та тщательность и обдуманность, съ какою японцами была произведена упаковка и отправка этой артиллеріи въ Россію. Всѣ ящики были соотвѣтственно перенумерованы и на каждомъ изъ нихъ были необходимыя надписи, причемъ каждое орудіе прибывало одновременно со всѣми относящимися къ нему частями и предметами, необходимыми для его немедленнаго использованія. Вслѣдствіе этого, послѣдовательная постановка каждаго орудія на позицію требовала минимальнаго времени. — Эта система выгодно отличалась по сравненію съ другими пріемами отправки, при которыхъ въ каждой партіи прибывали сплошь только однѣ части, затѣмъ другія, до полученія которыхъ всѣ ранѣе прибывшія части оставались мертвымъ грузомъ.

Японія была полезна Россіи и запасами своихъ ружей.

Вообще во весь періодъ нашей войны, японскіе государственные люди не разъ давали Россіи доказательства своего желанія самаго тѣснаго сближенія съ Россіей. — Извѣстно, напримѣръ, что въ августѣ 1915-го года бывшій японскій посолъ въ Парижѣ баронъ Иши, вызванный въ Токіо для занятія поста министра иностранныхъ дѣлъ, высказывался въ этомъ смыслѣ, передъ Делькассэ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же поставилъ передъ своимъ собесѣдникомъ вопросъ, думаетъ ли Делькассэ, что въ Россіи окончательно отказались отъ агрессивной противо-японской политики, представителемъ которой онъ считалъ графа Витте. На это Делькассэ, якобы, отвѣтилъ, что, если политика графа Витте дѣйствительно была такова, то ее несомнѣнно погребли вмѣстѣ съ нимъ, и что наилучшимъ средствомъ для Японія помѣшать ей когда либо воскреснуть — оказать содѣйствіе побѣдѣ Россіи и ея союзниковъ надъ Германіей.

Что касается, наконецъ, отношеній Великаго Князя къ вопросу о Китаѣ, то надо отмѣтить, что Верховнаго Главнокомандующаго весьма безпокоило положеніе Восточно-Китайской жел. дороги, связывавшей Россію съ почти единственнымъ свободнымъ отъ вліянія непріятеля портомъ ея — Владивостокомъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ

организація порчи этой дороги весьма облегчалась для германскихъ и австрійскихъ агентовъ, послѣ снятія съ дороги частей нашей пограничной стражи, и отправки таковыхъ, въ видѣ войсковыхъ частей, на западную границу. Но такъ какъ разрывъ Китая съ Германіей и Австріей и изгнаніе изъ предѣловъ перваго дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ Центральныхъ Державъ, по словамъ китайскаго посланника въ Парижѣ, могли быть разрѣшены лишь послѣ того, какъ Державы Согласія признаютъ за правившимъ Китаемъ, въ то время, Юангъ-Ши-Каемъ императорскій титулъ, то вопросъ этотъ получилъ затяжной характеръ и не получилъ соотвѣтственнаго разрѣшенія въ періодъ пребыванія Великаго Князя во главѣ русской Дѣйствующей Арміи.

Изложенными данными характеризуется степень вліянія Великаго Князя Николая Николаевича, перваго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, на важнѣйшіе военно-политическіе вопросы, возникавшіе въ первый періодъ міровой войны.

Во всѣхъ заявленіяхъ и поступкахъ Великаго Князя можно отчетливо видѣть тѣ основныя положенія, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Кромѣ пользы Россіи, строгой лойяльности по отношенію къ союзникамъ и яснаго пониманія обстановки, Великій Князь неизмѣнно стремился къ поддержанію достоинства Россіи , къ проявленію возможнаго великодушія по отношенію къ угнетеннымъ народностямъ, которыхъ онъ призывалъ въ самомъ началѣ войны къ сотрудничеству въ дѣлѣ собственнаго освобожденія и по отношенію къ которымъ онъ считалъ необходимымъ стремиться привлечь ихъ на нашу сторону справедливымъ отношеніемъ къ ихъ внутренней жизни и потребностямъ. — Онъ ясно понималъ, что, взамѣнъ принципа «завоеваніе», необходимо въ борьбу съ Германіей и Австро-Венгріей вложить болѣе глубокую идею «освобожденія» малыхъ народовъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ послѣднемъ вопросѣ онъ встрѣтилъ негласную оппозицію въ лицѣ русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и даже своего ближайшаго сотрудника начальника штаба Верховнаго, вліяніе котораго базировалось на особомъ расположеніи къ нему царствовавшаго Императора Всероссійскаго Николая II-го.

Эти учрежденія и сочувствовавшія проводимой ими политикѣ лица не могли отрѣшиться отъ старыхъ и праздныхъ попытокъ насильственной «руссификаціи» и насажденія «православія», ведшихъ только къ обостренію «націоналистическихъ чувствъ» и «религіознаго фанатизма».

ГЛАВА XI-я.

ОСТАВЛЕНІЕ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ПОСТА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗѢ.

1. Зарожденіе мысли о смѣнѣ перваго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго.

Читатель вѣроятно помнитъ, что къ концу августа 1915-го года обстановка на фронтѣ сложилась такимъ образомъ, что главная масса войскъ, именно 8 армій изъ 11-ти, оказались въ распоряженіи Главнокомандующаго С.-Западнымъ фронтомъ, генерала Алексѣева; послѣдній такимъ образомъ оказался почти полнымъ хозяиномъ положенія на путяхъ къ сѣверу отъ Польши. Даже выдѣленіе изъ числа войскъ, ему подчиненныхъ, особой группы корпусовъ для образованія Сѣвернаго фронта могло быть выполнено не тогда, когда въ этомъ почувствовалась необходимость по оцѣнкѣ Ставки (конецъ іюля), но лишь мѣсяцемь позже, то есть, тогда, когда обходъ нѣмцами русскихъ армій, отступавшихъ по московскимъ путямъ, направленный черезъ Риго-Шавельскій раіонъ на Свѣнцяны, сталъ уже вполнѣ очевиднымъ фактомъ. Столь рѣшительное вліяніе личности главнокомандующаго С.-Западнымъ фронтомъ и то непротивленіе, которое ему оказывалось Великимъ Княземъ, несмотря на настойчивые доклады Ставки о необходимости проявленія его собственной воли, ясно указывали, что дни первой Ставки сочтены и что въ будущемъ генералу Алексѣеву суждено стать руководителемъ операцій русскихъ армій.

Но въ какой роли?

Вотъ что въ это время происходило въ Петроградѣ, по записи тогдашняго военнаго министра генерала Поливанова:

«Во вторникъ, 4-го августа, послѣ обычнаго доклада, имѣвшаго мѣсто въ Царскосельскомъ дворцѣ, Государь обратился ко мнѣ и высказалъ, что онъ намѣревается вступить въ Верховное командованіе арміями».

«На мое возраженіе, что онъ, такимъ образомъ, беретъ на себя задачу, превосходящую силы человѣка, ибо положеніе страны требуетъ нынѣ большого къ себѣ вниманія и непрерывнаго общенія съ правительствомъ, я получилъ отвѣтъ, что министры будутъ ѣздить въ Ставку и онъ самъ отъ времени до времени будетъ пріѣзжать въ Царское Село, и что вообще данное рѣшеніе принято имъ твердо»... .

Затѣмъ, Императоръ Николай II-й, по разсказу автора воспоминаній, вынулъ изъ стола исписанный листокъ бумаги, оказавшійся проектомъ его письма къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Проектъ этотъ начинался съ указанія на тяжелое положеніе армій, которое не позволяетъ Государю болѣе оставаться вдали отъ нихъ; въ силу этого Императоръ Николай и рѣшилъ исполнить свое первоначальное намѣреніе стать самому во главѣ Дѣйствующей Арміи. Начальникомъ Штаба къ себѣ Государь избралъ генерала Алексѣева. Далѣе въ проектѣ письма высказывалось нѣсколько словъ благодарности Великому Князю за понесенные имъ труды и просьба принять на себя главное командованіе войсками на Кавказскомъ фронтѣ, со званіемъ Намѣстника, взамѣнъ графа Воронцова, увольнявшагося по болѣзни.

Не теряя надежды хотя бы отдалить смѣну Великаго Князя, пользовавшагося всеобщимъ довѣріемъ общества и учитывая всю опасность могущую произойти отъ этого шага, генералъ Поливановъ пытался представить Государю рядъ военныхъ соображеній, по которымъ перемѣна верховнаго командованія являлась нежелательной въ періодъ незакончившагося еще отхода армій на новые рубежи въ тылу, когда тылъ переполненъ бѣженцами и эвакуируемымъ имуществомъ, и когда не сегодня — завтра положеніе еще болѣе можетъ ухудшиться.

Но Императоръ Николай II-й не сдавался ни на какіе доводы. Рѣшеніе его осталось непреклоннымъ и онъ поручилъ генералу Поливанову возможно скорѣе отвезти въ Ставку письмо, которое обѣщалъ изготовить къ отправленію не позднѣе слѣдующаго дня.

Мысль о личномъ предводительствованіи всей Дѣйствующей Арміей преслѣдовала Государя съ самаго начала войны. Читатель знаетъ, что только горячіе совѣты министровъ помѣшали тогда осущест-

вленію этой мечты. Но при врученіи главнокомандованія арміями Великому Князю Николаю Николаевичу, въ соотвѣтственномъ актѣ была сдѣлана оговорка: «доколѣ Государь самъ не приметъ на себя это командованіе». Теперь, когда «отечество оказалось въ опасности», Государю естественно было думать, что насталъ часъ осуществить прерогативу Самодержавнаго Царя и стать самому во главѣ войска. Въ этомъ рѣшеніи Императоръ былъ укрѣпляемъ не только совѣтами Императрицы, но также многихъ придворныхъ, уже давно втайнѣ интриговавшихъ противъ Великаго Князя Николая Николаевича, подозрѣвая его въ желаніи мятежнымъ путемъ захватить Царскій Престолъ для себя. — Во всей этой грубой интригѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ прославленный «старецъ» Григорій Распутинъ, для котораго, во времена пребыванія Николая Николаевича въ Ставкѣ, были закрыты всѣ пути вліянія на ходъ войны.

Выполняя волю Государя, генералъ Поливановъ въ одинъ изъ дней, почти наканунѣ перемѣщенія Ставки изъ Барановичей въ Могилевъ, прислалъ телеграмму на имя Верховнаго Главнокомандующаго съ вопросомъ, когда Великій Князь можетъ его принять. Этотъ предварительный запросъ былъ, конечно, знаменателенъ, ибо военный министръ всегда имѣлъ доступъ въ Ставку, а для информированія, не въ отъѣздѣ ли Верховный Главнокомандующій достаточно было бы и простого сношенія по прямому проводу какихъ либо второстепенныхъ агентовъ. — Свиданію, такимъ образомъ, умышленно придавался, въ нѣкоторомъ родѣ, официальный характеръ. — Такъ какъ всѣ эти сношенія происходили почти наканунѣ переѣзда въ Могилевъ, то Великій Князь приказалъ отвѣтить, что приметъ генерала Поливанова уже въ новомъ мѣстѣ расположенія Ставки.

20-го августа Верховный Главнокомандующій и оперативная часть штаба выѣхали въ Могилевъ, гдѣ Великій Князь былъ торжественно привѣтствованъ мѣстными властями и обществомъ. Съ вокзала всѣ прибывшіе проѣхали въ городской Соборъ. Тамъ духовенствомъ, въ присутствіи многочисленной толпы народа, былъ совершенъ торжественный молебенъ. Всѣ горячо молились о дарованіи русскимъ арміямъ побѣды. По окончаніи молебна Великій Князь изъ Собора отбылъ въ мѣсто расположенія Ставки.

Верховный Главнокомандующій, начальникъ штаба и лица ближайшей свиты, размѣстились въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома. — Домъ этотъ стоялъ на правомъ высокомъ и крутомъ берегу р. Днѣпра; съ одной стороны къ нему примыкалъ неболь-

шой, но тѣнистый садъ, а изъ оконъ второго этажа дома открывался просторный видъ на луга и лѣса заднѣпровья. Верхній этажъ дома оставался не занятымъ, на случай пріѣздовъ въ новую Ставку Государя. — Этажъ этотъ состоялъ изъ большого зала, въ нѣсколько оконъ, такой же столовой, «красной» гостиной, съ мебелью изъ золоченаго дерева, и еще нѣсколькихъ заднихъ комнатъ. Офиціально весь этотъ этажъ числился оставленнымъ для Государя, но, въ виду общаго недостатка помѣщеній, ближайшія къ Верховному лица, столовавшіяся вмѣстѣ съ нимъ, временно пользовались тамъ находившейся столовой. — Управленіе генералъ-квартирмейстера съ оперативнымъ телеграфомъ помѣстилось въ освобожденномъ домѣ губернскаго правленія, находившемся рядомъ съ домомъ губернатора. Въ этомъ же домѣ оказалось помѣщеніе и лично для меня. — Передъ зданіемъ губернскаго правленія находился небольшой запущенный скверъ и посрединѣ его солнечные часы, сохранившіеся со временъ царствованія Императора Александра I-го и расположенія въ Могилевѣ штаба I-й арміи.

Немедленно, по прибытіи въ новое мѣсто расположенія Ставки моего управленія, застучали Юзы и дѣятельность штаба приняла свои обычныя формы.

На слѣдующій день вечеромъ въ Могилевъ прибылъ военный министръ генералъ Поливановъ. — На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ однимъ изъ адъютантовъ Великаго Князя, съ которымъ пріѣхавшій и отправился въ губернаторскій домъ. — Великій Князь принялъ военнаго министра въ «красной» гостиной второго этажа и здѣсь прочелъ адресованное ему письмо Государя.

«Я почувствовалъ, — вспоминаетъ А. А. Поливановъ, — свою задачу облегченной, когда, послѣ моихъ словъ о томъ, что, въ виду труднаго положенія нашихъ армій, Государь не считаетъ себя въ правѣ оставаться вдали отъ нея и рѣшилъ принять верховное главнокомандованіе, Николай Николаевичъ широкимъ жестомъ перекрестился»...

Только послѣ возвращенія въ Петроградъ, Государь Императоръ разрѣшилъ генералу Поливанову освѣдомить Совѣтъ Министровъ о принятомъ имъ рѣшеніи, до этого же дня лишь одинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, старикъ Горемыкинъ, не умѣвшій или не желавшій перечить Государю, былъ освѣдомленъ о принявыхъ Императоромъ Николаемъ шагахъ.

Государь очень благодарилъ военнаго министра за хорошо имъ исполненное «трудное», какъ онъ выразился, порученіе. По-

жалуй, покажется страннымъ, въ чемъ именно заключалась его трудность? Но Дворъ жилъ не реальной жизнью, а въ мірѣ «воображеній»!..

Недовѣріе къ лойяльности Великаго Князя было настолько сильно, что, какъ это видно изъ одного письма Императрицы, волненія не оставляли ее, пока Великій Князь Николай Николаевичъ, котораго въ семьѣ звали попросту «Николаша», не уѣхалъ совсѣмъ изъ Ставки.

Въ Совѣтѣ Министровъ только одинъ старецъ Горемыкинъ отнесся безпрекословно къ желанію Государя стать во главѣ Дѣйствующей Арміи. По воспоминаніямъ А. А. Поливанова, Горемыкинъ неизмѣнно повторялъ: «что же дѣлать, такъ Государю угодно!»... Большинство же министровъ, и въ особенности А. В. Кривошеинъ, главноуправляющій земледѣліемъ, и С. Д. Сазоновъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, ясно отдавали себѣ отчетъ въ возможныхъ послѣдствіяхъ намѣчавшагося шага, который считали крайне неосторожнымъ. Они просили Императора Николая II-го выслушать ихъ соображенія о затруднительности выполненія тѣхъ измѣненій въ высшемъ управленіи войсками, которыя были предположены.

Въ первыхъ числахъ сентября желаніе министровъ было удовлетворено и Совѣтъ Министровъ собрался у Государя въ Царскомъ Селѣ. Императоръ Николай II-й прибылъ на совѣщаніе и занявъ мѣсто посрединѣ стола открылъ засѣданіе. Онъ спокойно выслушалъ отъ И. Л. Горемыкина нѣсколько нейтрально произнесенныхъ имъ словъ, изъ которыхъ долженъ былъ освѣдомиться, что Совѣтъ Министровъ, узнавъ о скоромъ отъѣздѣ Царя въ армію, выражаетъ желаніе получить непосредственно отъ Его Величества указанія по ряду основныхъ вопросовъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали говорить министры, настаивавшіе на личной встрѣчѣ съ Государемъ; они выражали свои опасенія по поводу того труднаго положенія, въ которомъ окажется страна, лишенная непосредственнаго пребыванія главы государства въ столицѣ. — Дѣлались также указанія на то, что Великій Князь Николай Николаевичъ, хотя и терпѣлъ военныя неудачи, но послѣднія не могутъ быть приписаны ему, а общей обстановкѣ, и потому смѣна его не будетъ понята обществомъ. — Однако, все это, повидимому, высказывалось въ столь осторожной формѣ, что слова говорившихъ министровъ не остановили Государя въ принятомъ имъ рѣшеніи, о чемъ онъ и объявилъ вполнѣ твердо собравшимся.

Министры разъѣхались въ очень подавленномъ настроеніи.

Среди невысказанныхъ причинъ, дѣлавшихъ опаснымъ посто-

янное пребываніе Императора Николая при Дѣйствующей Арміи, была одна, которая безпокоила очень многихъ министровъ: это вѣроятное укрѣпленіе вліянія на государственныя дѣла Императрицы Александры Феодоровны. Извѣстно было, что она считала себя какъ бы естественной замѣстительницей Императора въ столицѣ и нетрудно было предвидѣть, что, съ отъѣздомъ Государя въ Ставку, Горемыкинъ, а за нимъ и другіе менѣе самостоятельные министры станутъ ѣздить къ ней съ докладами и подчиняться ея распоряженіямъ. Такъ это и случилось на самомъ дѣлѣ. — А между тѣмъ, отметая всякое подозрѣніе въ ея дѣйствительной преданности Россіи, все же необходимо сказать, что Императрица Александра Феодоровна была центромъ всѣхъ безотвѣтственныхъ вліяній, которыя въ корнѣ подтачивали царскую власть въ Россіи.

Огорченные всѣмъ происшедшимъ министры, наиболѣе чутко относившіеся къ предстоящему событію, собрались на слѣдующій день у С. Д. Сазонова и, обсудивъ положеніе еще разъ, рѣшили обратиться къ Императору Николаю съ особымъ письмомъ:

«Всемилостивѣйшій Государь!» — писали они.

«Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. — Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданническій долгъ, любовь къ Родинѣ и тревожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій».

«Вчера въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ отстраненъ отъ участія въ Верховномъ Командованіи арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на просьбу нашу и, смѣемъ думать, всей вѣрной Вамъ Россіи».

«Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями».

«На томъ же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій правительства».

«Такое положеніе, во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно».

«Находясь въ такихъ условіяхъ мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ».

Письмо было подписано восемью министрами и передано по принадлежности. Оно осталось, однако, безъ отвѣта и всякаго положительнаго результата.

На слѣдующій день, 4-го сентября, въ одной изъ парадныхъ залъ Зимняго Дворца, подъ предсѣдательствомъ Государя, состоялось торжественное засѣданіе Особаго Совѣщанія по оборонѣ въ присутствіи членовъ этого Совѣщанія отъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а вечеромъ того же дня Императоръ Николай II-й отбылъ въ Ставку.

Царь выполнилъ свое намѣреніе вопреки даннымъ совѣтамъ. Министры же, подписавшіе приведенное выше письмо, были впослѣдствіи постепенно уволены отъ занимаемыхъ ими должностей. — Царь не простилъ имъ ихъ откровенности.

2. Впечатлѣніе въ Ставкѣ, въ обществѣ и заграницей отъ происшедшей перемѣны.

Великій Князь Николай Николаевичъ, послѣ письма отъ Государя, которое предрѣшало его уходъ изъ Ставки, держалъ себя съ полнымъ самообладаніемъ и спокойствіемъ. Какъ было уже отмѣчено, содержаніе этого письма едва ли могло быть для него неожиданностью; постъ же Намѣстника на Кавказѣ, предоставлявшійся ему, всегда считался въ Россіи однимъ изъ самыхъ почетныхъ, тѣмъ болѣе сопряженный со званіемъ Главнокомандующаго Кавказской отдѣльной арміей.

Находившійся съ 1905-го года на Кавказѣ графъ Воронцовъ-Дашковъ до своего назначенія туда былъ, во все время царствованія Императора Александра III-го, министромъ Императорскаго Двора и считался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ этому Императору, сановниковъ. — Со своего поста онъ былъ теперь снятъ лишь съ цѣлью освобожденія занимавшейся имъ высокой должности для Великаго Князя Николая Николаевича. — Императоръ Николай II-й, желая смягчить ударъ, написалъ Воронцову собственноручное письмо и наградилъ его высокимъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени: «за искусное руководительство доблестною Кавказскою арміей, геройскими подвигами которой достигнуты блестящіе боевые успѣхи въ дѣлахъ противъ турокъ».

Въ письмѣ, помѣченномъ 23-мъ августа, Императоръ писалъ: «Считаю нужнымъ предупредить Васъ, что я рѣшилъ взять руководство дѣйствіями нашихъ армій на себя. — Поэтому Великій

Князь Николай Николаевичъ будетъ освобожденъ отъ командованія арміями, съ назначеніемъ на Ваше мѣсто. — Увѣренъ, что Вы поймете серьезность причинъ, которыя заставляютъ меня прибѣгнуть къ столь важной перемѣнѣ»...

Старый испытанный другъ Царской семьи принялъ ударъ и отвѣчалъ съ полной откровенностью, но и придворною осторожностью: «Ваше Величество желаете стать во главѣ армій. При этомъ, для дальнѣйшихъ событій по управленію обширнымъ Россійскимъ государствомъ необходимо, что-бы армія, подъ Вашимъ начальствомъ, была бы побѣдоносной. Неуспѣхъ отразился бы пагубно на дальнѣйшемъ царствованіи Вашемъ. Я лично убѣжденъ въ окончательномъ успѣхѣ, но не увѣренъ въ скоромъ поворотѣ къ лучшему»...

Посѣщеніе военнымъ министромъ Ставки, на слѣдующій же день по прибытіи ея въ Могилевъ, прошло для большинства незамѣченнымъ. — Генералъ Поливановъ прибылъ поздно вечеромъ и въ тотъ же день изъ нея уѣхалъ. Правда, направленіе его на Волковыскъ, гдѣ располагался штабъ главнокомандующаго С.-З. фронтомъ генерала Алексѣева — будущаго начальника штаба Верховнаго, могло вызвать кое-какія подозрѣнія, но объ этомъ знали только нѣкоторые чины желѣзнодорожнаго управленія. Лично мнѣ показалось страннымъ, что генералъ Поливановъ не зашелъ ко мнѣ, что онъ обычно дѣлалъ, но, отвлеченный работой, я объ этомъ фактѣ вскорѣ забылъ думать.

Лишь на слѣдующій день утромъ я былъ нѣсколько озадаченъ обращеніемъ ко мнѣ состоявшаго при Ставкѣ Великаго Князя Дмитрія Павловича:

— Воображаю, что передумали вы въ теченіе минувшей ночи, сказалъ онъ мнѣ.

Долженъ, впрочемъ, сознаться, что и въ этой фразѣ я не далъ себѣ должнаго отчета. Я приписалъ ее впечатлѣнію отъ случайно прочтеннаго молодымъ Великимъ Княземъ какого-либо печальнаго донесенія съ фронта который давно уже пересталъ радовать своими извѣстіями.

Лишь тогда, когда нѣсколько позднѣе, въ мой рабочій кабинетъ почти ворвался начальникъ штаба генералъ Янушкевичъ, который сообщилъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ о приглашеніи Великаго Князя зайти немедленно къ нему, я догадался о причинѣ его волненія.

— Его Высочество очень огорченъ, — сказалъ Н. Н. Янушке-

вичъ, — что о существѣ вчерашняго пріѣзда въ Ставку военнаго министра, вы узнали не лично отъ него.

— Я и до сихъ поръ нахожусь фактически въ невѣдѣніи о томъ, что произошло, отвѣтилъ я. — Лишь ваше волненіе и выраженіе вами огорченія Великаго Князя заставляютъ меня догадываться, что дѣло идетъ о предстоящихъ измѣненіяхъ въ составѣ Ставки. Я къ нимъ вполнѣ готовъ.

Съ такими словами мы оба отправились къ Верховному Главнокомандующему, избѣгая говорить о главномъ и дѣлясь, по дорогѣ впечатлѣніями о различныхъ вопросахъ второстепеннаго характера.

Великій Князь принялъ меня наверху, въ той же красной шелковой гостиной, въ которой наканунѣ онъ принималъ военнаго министра. — Данная обстановка пріема была для меня необычна, такъ какъ, по принятому съ самаго начала войны порядку, оперативные доклады происходили всегда въ моемъ кабинетѣ, куда приходилъ Великій Князь, и гдѣ находились всѣ необходимыя для справокъ карты и схемы. Я болѣе не сомнѣвался въ содержаніи предстоящей бесѣды. Быстро вставъ мнѣ навстрѣчу и держа въ рукахъ полученное письмо, Великій Князь поспѣшилъ усадить меня въ ближайшее къ нему кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ вслухъ читать полученное имъ наканунѣ отъ Государя Императора Николая II-го письмо. Я полагаю, что текстъ этого письма былъ или измѣненъ въ послѣднюю минуту Государемъ, или же мнѣ читалось оно съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, такъ какъ въ прочитанномъ текстѣ, не заключалось нѣкоторыхъ мѣстъ, о которыхъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Поливановъ. Именно, не было указаній ни о томъ, что Великій Князь можетъ взять съ собою на Кавказъ генерала Янушкевича, какъ равно ничего не говорилось о судьбѣ Государевой свиты генералъ-маіора Князя Владиміра Орлова, исполнявшаго при Императорѣ Николаѣ II-мъ обязанности начальника военно - походной канцеляріи.

Излагалось только, что Государь избираетъ себѣ начальникомъ штаба генерала Алексѣева; что же касается генерала Янушкевича и генерала Данилова, читалъ Великій Князь, то имъ выражалась отъ Высочайшаго имени благодарность за понесенные труды, и указывалось, что Государь оставляетъ на себѣ лично заботу по устройству ихъ дальнѣйшаго служебнаго положенія. О Князѣ Орловѣ въ письмѣ не упоминалось вовсе и фраза: «что касается

Влади Орлова*), то я тебѣ его дарю», которая впослѣдствіи охотно распространялась въ обществѣ, то она мнѣ лично кажется апокрифической, и во всякомъ случаѣ ея содержаніе совершенно не подходило къ тону всего письма, составленнаго во вполнѣ корректныхъ и серьезныхъ выраженіяхъ.

Князь Владиміръ Орловъ считался однимъ изъ самыхъ преданныхъ и близкихъ людей къ Императору Николаю II-му. Свою преданность онъ, по ходившимъ разсказамъ, полностью проявилъ въ революціонный 1905-й годъ, когда неотлучно находился при особѣ Императора, выполняя добровольно даже обязанности шоффера царскаго автомобиля. — Съ появленіемъ при Дворѣ Распутина, Князь Орловъ вступилъ въ упорную борьбу съ «темными вліяніями», которыя охватили Дворъ, и эта борьба сблизила его въ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ періодъ пребыванія послѣдняго въ Ставкѣ. — Теперь онъ палъ жертвою интригъ вмѣстѣ съ Велякимъ Княземъ.

Прочитавъ письмо Государя, Великій Князь Николай Николаевичъ поднялся съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и, подойдя вплотную ко мнѣ, выразилъ сожалѣніе, что содержаніе Государева письма стало въ Ставкѣ извѣстно ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ о немъ сообщить мнѣ. — Затѣмъ въ теплыхъ выраженіяхъ просилъ меня принять его душевную благодарность за совмѣстную годовую работу. Верховный Главнокомандующій при этомъ высказалъ, что не было случая, когда бы онъ былъ мною недоволенъ. — «Я особенно цѣнилъ, — добавилъ онъ, — ваши откровенныя мнѣнія, которыя вы не стѣснялись высказывать во всѣхъ случаяхъ».

Поблагодаривъ Великаго Князя за деликатное вниманіе и лестную оцѣнку моей дѣятельности въ Ставкѣ, я обратился къ нему съ просьбой исходатайствовать мнѣ строевое назначеніе, которое отвѣчало бы моему давнишнему желанію — ознакомиться съ современными условіями войны, находясь въ командной должности.

— Очень совѣтую вамъ, — возразилъ Великій Князь, — положиться въ этомъ отношеніи на слова Государя, выраженныя имъ въ его рескриптѣ на мое имя.

И въ этихъ словахъ, какъ нельзя отчетливѣе выразилась та корректность, которую Великій Князь всегда проявлялъ по отношенію къ Царской волѣ.

---

*) Такъ называли Князя Владиміра Орлова въ придворныхъ сферахъ.

Тѣмъ не менѣе, по прибытіи въ Ставку Государя, мнѣ было предложено черезъ генерала Алексѣева занять постъ командира XXV-го корпуса, который я съ радостью и принялъ.

«Въ пятницу, 20-го августа, — записываетъ въ своемъ дневникѣ, въ день своего отъѣзда въ Ставку, А. А. Поливановъ, — я былъ у предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина и изложилъ ему мой разговоръ съ Государемъ, не скрывая волнующей меня трудности порученія, слѣдствіемъ коего несомнѣнно будетъ затаенная обида Великаго Князя и что еще важнѣе, смущеніе въ обществѣ, не перестающемъ взирать на Николая Николаевича съ чувствомъ довѣрія, и потому способнымъ признать его смѣну и несправедливой и нежелательной»...

Мнѣ приходилось слышать уже здѣсь заграницей, въ эмиграціи, что молодые офицеры Ставки мечтали уже тогда о какой то перемѣнѣ, базируясь на твердомъ убѣжденіи Великаго Князя Николая Николаевича въ необходимости довести войну до побѣднаго конца и, якобы, колебаніяхъ въ этомъ отношеніи, приписывавшихся Императору Николаю II-му.

«Великій Князь, очень популяренъ не только въ арміи, но и въ странѣ», — пишетъ 4-го сентября 15-го года директоръ дипломатической канцеляріи при Ставкѣ Князь Кудашевъ своему министру С. Д. Сазонову. — «Его немилость будетъ несомнѣнно широко и успѣшно использована для поколебанія престижа Государя и всего монархическаго начала. Уже теперь, среди офицеровъ слышно такое сужденіе: Великій Князь стоялъ за войну à outrance. Свергла его нѣмецкая партія и, чтобы ни говорили, а партія эта желаетъ мира, который и будетъ заключенъ въ октябрѣ. Если даже это не такъ, то важна возможность такого толкованія у офицеровъ. При этомъ, подъ офицерами я отнюдь не подразумѣваю приближенныхъ къ Великому Князю, а среднюю сѣрую массу офицерства»....

Изъ всего выдержаннаго поведенія Великаго Князя, было, однако, ясно видно, что лично онъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній въ смыслѣ поощренія подобныхъ слуховъ. Въ интересахъ справедливости, надо, впрочемъ сказать, что, хотя авторитетъ Великаго Князя, съ наступленіемъ неудачъ на фронтѣ, нисколько не пострадалъ, все же обаяніе царскаго имени въ русской арміи было въ то время еще столь велико, особенно среди младшаго строевого команднаго состава, что какое либо покушеніе на умаленіе этого имени было едва ли и возможно.

Болѣе серьезные и уравновѣшенные люди мечтали о другомъ: у нихъ, не знавшихъ цѣликомъ содержанія вышеприведеннаго письма Государя, все еще оставалась надежда, что перемѣны въ Ставкѣ не коснутся Великаго Князя, и что онъ останется или на своемъ посту Верховнаго Главнокомандующаго, или въ должности начальника Государева штаба. При этомъ вспоминали старое положеніе о полевомъ управленіи, согласно котораго, въ случаѣ пріѣзда Государя къ Дѣйствующій Арміи, Главнокомандующій принималъ на себя обязанности его начальника штаба.

«До пріѣзда Государя сюда, — писалъ изъ Ставки 5-го сентября уже извѣстный читателю князь Кудашевъ, — мы всѣ надѣялись, что вопросъ будетъ перерѣшенъ въ смыслѣ оставленія Великаго Князя во главѣ арміи и что, въ случаѣ принятія Государемъ Верховнаго командованія, Великій Князь сдѣлается начальникомъ штаба. Къ сожалѣнію, это не вышло и Великій Князь завтра ѣдетъ на Кавказъ съ остановкою на нѣсколько дней въ своемъ имѣніи. Онъ безусловно считаетъ себя уже смѣщеннымъ и не желаетъ подавать вида, что желалъ бы сохранить Верховное командованіе»...

Сдержанное, чтобы не сказать больше, отношеніе къ рѣшенію Императора Николая II-го стать во главѣ войскъ проявило также общество, а равно члены Императорской фамиліи, изъ числа которыхъ многіе дѣлали Государю осторожныя предупрежденія. Ходили даже слухи, что одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Царской Семьѣ молодыхъ Великихъ Князей выѣзжалъ спѣшно изъ арміи въ Петроградъ, расчитывая повліять на измѣненіе принятаго рѣшенія.

На чрезвычайномъ собраніи Московской городской думы, къ мнѣнію которой прислушивались всѣ городскія управленія Россіи, было вполнѣ громко высказано очень много протестовъ противъ Царскаго рѣшенія.

Но особенно горячо отнеслась къ этому вопросу Государственная Дума, предсѣдатель которой М. В. Родзянко въ особомъ письмѣ «умолялъ» Государя отказаться отъ своего рѣшенія и не рисковать Царскимъ авторитетомъ.

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Императоръ Николай II-й не обладалъ ни необходимыми знаніями, ни опытомъ, ни волею, и что весь его внутренній обликъ мало соотвѣтствовалъ грандіозному масштабу войны. При такихъ условіяхъ нахожденіе при Государѣ даже столь надежнаго начальника штаба, какъ генералъ Алексѣевъ, страдавшаго, впрочемъ, также недостаткомъ волевыхъ качествъ и организаторскихъ способностей, что заставляло его ча-

сто размѣниваться на мелочи, — не обѣщало обезпечить достиженія необходимыхъ результатовъ.

Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго вызвалъ большую тревогу во Франціи. — Французскій посолъ въ Петроградѣ М. Палеологъ писалъ: «Отнынѣ я готовъ ко всему». Вся заграничная печать съ большимъ пессимизмомъ отнеслась къ совершившимся перемѣнамъ и уже одно вниманіе удѣленное данному событію доказывало всю значительность происшедшихъ перемѣнъ. — Одни органы печати видѣли въ этомъ уходѣ желаніе Царя стать ближе къ своему народу, другіе указывали, что Великій Князь палъ жертвою своей огромной популярности. — При этомъ въ нѣкоторой части заграничной печати Великій Князь оцѣнивался, какъ вождь Россіи, передъ которымъ совершенно стушевалась личность царствующаго Императора. Рѣшительно всѣ признавали военныя способности ушедшаго и считали Великаго Князя Николая Николаевича искуснымъ стратегомъ, которому почти всегда удавалось со своими арміями появляться именно тамъ, гдѣ это требовалось общей обстановкой. — Неудачи лѣта 1915-го года большинство газетъ не ставило въ вину Великому Князю, приписывая таковыя или общимъ причинамъ, или недостатку вооруженія и боевыхъ припасовъ. — «Мы не можемъ не признать, — писала одна очень распространенная газета въ Германіи, — что нашъ бывшій противникъ былъ храбрымъ и честнымъ врагомъ»... — Отмѣчалось, что войнѣ была посвящена вся жизнь Великаго Князя, что онъ, будучи ярымъ противникомъ нѣмцевъ, оказалъ величайшія незабываемыя услуги союзникамъ, и что его наступленіе на Карпаты, явившееся началомъ его конца, диктовалось его убѣжденнымъ панславизмомъ. — «Можетъ быть, — восклицаетъ одна изъ видныхъ нѣмецкихъ газетъ («Berliner Local Anzeiger»), — въ глубинѣ его души таится надежда вернуться когда-нибудь въ роли спасителя отечества отъ внутренняго врага!»

«Едва ли перемѣна въ Верховномъ Главнокомандованіи измѣнитъ исходъ войны, — писала «Fossische Zeitung». — Выступленіе русскаго Самодержца въ роли Верховнаго Главнокомандующаго скорѣе является доказательствомъ предстоящаго развала арміи и государства. — Во всякомъ случаѣ паденіе Великаго Князя вызывается скорѣе причинами политическими, чѣмъ военными соображеніями»...

Интересно отмѣтить, что генералъ Брусиловъ, перешедшій впослѣдствіи на службу большевиковъ, а ранѣе бывшій сотрудникомъ Великаго Князя, хорошо его знавшій, такъ отзывается въ

своихъ воспоминаніяхъ о Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ:

«По моему мнѣнію, въ это время лучшаго Верховнаго Главнокомандующаго нельзя было найти. Это человѣкъ, несомнѣнно всецѣло преданный военному дѣлу, и теоретически и практически знавшій и любившій военное ремесло. По натурѣ своей онъ былъ страшно горячъ и нетерпѣливъ, но съ годами успокоился и уравновѣсился. Назначеніе его Верховнымъ Главнокомандующимъ вызвало глубокое удовлетвореніе въ арміи. Войска вѣрили въ него и боялись его. Всѣ знали, что отданное имъ приказаніе должно быть исполнено, что отмѣнѣ оно не подлежитъ и никакихъ колебаній не будетъ»...

Но еще любопытнѣе то, что большевистская власть въ Россіи нашла возможнымъ оставить этотъ отзывъ въ своемъ изданіи, признавъ, такимъ образомъ, это сужденіе справедливымъ....

3. Царь въ Ставкѣ.

За нѣсколько дней до пріѣзда въ Могилевъ Императора Николая II-го, въ Ставку прибылъ его будущій начальникъ штаба генералъ Алексѣевъ.

«Въ тотъ же день, — доноситъ объ этомъ фактѣ С. Д. Сазонову Кудашевъ, — генералъ Янушкевичъ сдалъ ему должность и поселился въ вагонѣ. Великій Князь держитъ себя безупречно и съ полнымъ самообладаніемъ»...

Меня М. В. Алексѣевъ просилъ остаться еще нѣсколько дней въ должности для установленія болѣе полной преемственности. — Я поставилъ естественнымъ условіемъ быть освобожденнымъ отъ обязанностей генералъ-квартирмейстера до пріѣзда Государя въ въ Ставку.

Государь прибылъ въ Могилевъ утромъ въ воскресенье, 5-го сентября. — Отбывъ обычныя офиціальныя встрѣчи, онъ въ тотъ же день принялъ на себя предводительствованіе дѣйствующими войсками.

Однако, Императоръ не сразу занялъ губернаторскій домъ и продолжалъ жить въ своемъ поѣздѣ, въ которомъ пріѣхалъ изъ столицы. Для установки этого поѣзда была подготовлена особая вѣтка, отводившая царскіе вагоны отъ вокзала въ глубь какого то частнаго сада. Расположеніе царскаго поѣзда оказалось очень удаленнымъ отъ мѣста пребыванія штаба и, чтобы достичь его, приходилось пересѣкать едва ли не весь городъ. — Обстоятельство это

весьма затрудняло личныя сношенія съ Императоромъ, который лишь однажды въ день, по утрамъ, пріѣзжалъ для выслушиванія доклада въ управленіе генералъ-квартирмейстера.

Было вполнѣ очевидно, что пребываніемъ Государя въ поѣздѣ, несмотря на оставленіе незанятымъ всего верхняго этажа губернаторскаго дома, дѣлался ясный намекъ на желательность возможно спѣшнаго отъѣзда Великаго Князя изъ Ставки. Ему было указано ѣхать на Кавказъ, не заѣзжая въ Петроградъ, и, только во вниманіе къ его просьбѣ, онъ получилъ разрѣшеніе заѣхать по дорогѣ на нѣсколько дней въ его собственное имѣніе Першино, находившееся въ Тульской губерніи.

Какимъ то пророчествомъ вѣяло отъ его словъ, какъ-то мимоходомъ мнѣ сказанныхъ, что Петрограда ему больше не видать... Я удивился, зная что онъ очень любилъ нашу сѣверную столицу и что совсѣмъ недавно передъ войной, онъ выстроилъ себѣ тамъ прекрасный Дворецъ на правомъ берегу Невы.

Съ Императоромъ Николаемъ въ Ставку прибыла обычно сопровождающая его въ поѣздкахъ на фронтъ свита. Во главѣ ея находился министръ двора — старый и весьма почтенный графъ Фредериксъ и его зять — дворцовый комендантъ — генералъ Воейковъ, лицо не пользовавшееся уваженіемъ даже среди тѣснаго круга лицъ свиты. — Князя Орлова, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить, въ свитѣ, однако, не было и его отсутствіе рѣзко бросалось въ глаза, не только въ виду его замѣтной полной фигуры, но и потому, что всѣ знали о причинѣ его опалы, заключавшейся во враждѣ къ Распутину и вредному вліянію послѣдняго на всю Царскую Семью.

«Вчера, 7-го сентября, — записываетъ въ своихъ письмахъ князь Кудашевъ, — былъ день прощаній. — Утромъ меня принялъ Великій Князь и я съ нимъ простился. Въ 2 часа онъ собиралъ для прощанія весь штабъ. — Прощаясь съ уходившими генералами, — продолжаетъ цитируемый авторъ, — мнѣ пріятно было услышать отъ генерала Данилова, что мы все же сумѣемъ одолѣть Германію: лишь бы не падать духомъ, а миръ заключать было бы громаднѣйшей ошибкой!»...

— Только бы у насъ не было революціи, — добавлялъ я постоянно, о чемъ впрочемъ свидѣтельствуетъ и кн. Кудашевъ въ другомъ мѣстѣ своей переписки съ Сазоновымъ. Мы не должны забывать минувшую Японскую войну и 1905-й годъ, — говорилъ я нашему министру иностранныхъ дѣлъ въ 1914-мъ году, еще въ первые дни войны, передъ своимъ отъѣздомъ въ Ставку.

Въ этотъ же день 7-го сентября, я былъ приглашенъ къ обѣду въ царскій поѣздъ. Въ бытность Великаго Князя Верховнымъ Главнокомандующимъ вошло въ обычай, что, во время пребыванія Государя въ Ставкѣ, — Великій Князь, начальникъ штаба, я и дежурный штабъ-офицеръ генеральнаго штаба, были всегда приглашаемы черезъ особаго гофъ-фурьера отъ имени Государя къ завтраку и обѣду. — И только послѣдній пріѣздъ Государя въ Ставку, то есть со времени вступленія его въ Верховное Главнокомандованіе, этотъ порядокъ былъ прекращенъ въ отношеніи уже сдавшихъ свои должности генерала Янушкевича и меня. — Фактъ этотъ, конечно, по желанію, можно было считать либо естественнымъ, вытекавшимъ изъ нашего измѣнившагося служебнаго положенія, или же признакомъ нѣкоторой опалы при Дворѣ. — Мы перешли на довольствіе въ общую столовую штаба, гдѣ предсѣдательствовалъ М. В. Алексѣевъ.

Такимъ образомъ мое приглашеніе къ обѣду пріобрѣтало характеръ нѣкотораго прощанія. Я явился поэтому въ орденахъ и при оружіи, которые никогда не надѣвались нами раньше при посѣщеніи въ Ставкѣ царскаго поѣзда.

Къ обѣду на автомобилѣ подъѣхалъ также Великій Князь Николай Николаевичъ. — Генералъ Янушкевичъ въ этотъ день приглашенъ не былъ.

Внѣшне все было по старому. Тотъ же вагонъ-столовая, раздѣленный на двое. — Въ передней половинѣ зеленый шелковый салонъ, въ которомъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ я присутствовалъ при тяжелой сценѣ подписанія Императоромъ Николаемъ II-мъ акта отреченія; теперь на небольшомъ столѣ у окна была накрыта обычная «водка и закуска». Въ этомъ салонѣ въ ожиданіи Государя всегда собирались приглашенные. Въ задней части вагона — обѣденный столъ, покрытый бѣлой скатертью и уставленный, «походнымъ» какъ его называли, то есть небьющимся серебрянымъ сервизомъ.

Войдя черезъ нѣкоторое время въ зеленый салонъ и оглядѣвъ всѣхъ незамѣтнымъ пытливымъ взоромъ, Государь общимъ поклономъ привѣтствовалъ приглашенныхъ, затѣмъ подошелъ къ закусочному столу, выпилъ съ Великимъ Княземъ рюмку имъ любимой водки «сливовицы», и, разсѣянно закусивъ, отошелъ въ сторону, съ кѣмъ то разговаривая, чтобы дать возможность остальнымъ послѣдовать его примѣру.

По своему обыкновенію, онъ былъ въ простой суконной рубахѣ, цвѣта «хакки», съ мягкимъ воротникомъ и полковничьими по-

гонами съ вензелевымъ на нихъ изображеніемъ имени его покойнаго отца Императора Алексадра III-го, въ высокихъ шагреневыхъ сапогахъ и подпоясанъ обыкновеннымъ форменнымъ ремнемъ.

Я сразу почувствовалъ происшедшую ко мнѣ перемѣну и рѣшилъ замкнуться въ самомъ себѣ; къ закусочному столу я не подошелъ, что въ прежнее время вызвало бы протесты гофъ-маршала и болѣе близко со мною державшихся лицъ свиты.

Затѣмъ всѣ перешли въ столовую, гдѣ за обѣденнымъ столомъ мнѣ было указано не прежнее обычное мѣсто наискось отъ Государя, а другое, обыкновенно занимавшееся пріѣзжавшими въ Ставку гостями, которые, по своему служебному положенію, отвѣчали моему новому рангу рядового корпуснаго командира.

Государь говорилъ со мною мало, лишь столько, сколько требовалось по этикету, и я благодарилъ свое внутреннее чувство, что оно подсказало мнѣ явиться къ обѣду, принявъ болѣе офиціальный видъ.

Послѣ довольно простого и короткаго, какъ всегда, обѣда, запивавшагося обыкновеннымъ столовымъ виномъ или яблочнымъ квасомъ, начался безконечно мучительный для некурящихъ или курившихъ только сигары періодъ куренія папиросъ. Государь сигаръ не переносилъ и при немъ ихъ не курили, это было правиломъ даже для старика Фредерикса, имѣвшаго особое пристрастіе только къ сигарамъ. Затѣмъ Государь, выкуривъ свои двѣ или три папиросы, медленно поднялся со своего мѣста и далъ возможность пройти всѣмъ своимъ гостямъ въ уже упомянутый зеленый салонъ. Тамъ всѣ приглашенные устанавливались по указанію гофъ-маршала въ ожиданіи обхода ихъ Государемъ.

Я невольно и не безъ сожалѣнія вспомнилъ о ранѣе имѣвшемся у меня разрѣшеніи, для сбереженія моего времени, уходить къ себѣ сейчасъ же по окончаніи завтрака или обѣда, не ожидая окончанія утомительной и скучной церемоніи прощальнаго обхода всѣхъ царскихъ гостей.

Теперь я долженъ былъ ожидать своей очереди, чтобы проститься съ Государемъ. — Императоръ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ, спросилъ когда я уѣзжаю, и узнавъ, что мнѣ разрѣшенъ 3-недѣльный отпускъ, выразилъ радость по поводу возможности мнѣ отдохнуть и сожалѣніе, что онъ лишенъ возможности передать войскамъ корпуса теперь же свой привѣтъ.

Наскоро простившись съ лицами свиты, я вышелъ изъ вагона и почувствовалъ какъ то особенно сильно, пріобрѣтенную сво-

боду отъ давившихъ меня въ теченіе болѣе года обязанностей и отвѣтственности.

Я уѣзжалъ на слѣдующій день на нѣсколько дней въ Петроградъ, чтобы временно отдохнуть въ кругу своей семьи, среди которой не былъ со времени начала войны.

Мой поѣздъ отходилъ въ 3 часа дня. Такъ какъ въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера уѣзжалъ въ Першино Великій Князь, то я простился съ нимъ заранѣе.

Въ Першинѣ Великій Князь пробылъ около 3 недѣль и это продолжительное пребываніе очень тревожило подозрительную Императрицу. Послѣдняя дважды писала Императору о необходимости скорѣйшаго водворенія Великаго Князя Николая Николаевича въ Тифлисъ.

«Прикажи ему скорѣе ѣхать на югъ. — Всякаго рода дурные элементы собираются вокругъ него и хотятъ использовать его, какъ знамя.... Было бы безопаснѣе, если бы онъ скорѣе уѣхалъ на Кавказъ...» — Таковы выдержди изъ писемъ Императрицы Александры Феодоровны къ Царю.

4. Великій Князь на Кавказѣ.

Великій Князь Николай Николаевичъ, пріѣхавъ въ Тифлисъ въ концѣ сентября 15-го года, поселился тамъ во Дворцѣ Намѣстника. — Ко времени его прибытія бывшій Намѣстникъ на Кавказѣ графъ Воронцовъ-Дашковъ уже выѣхалъ изъ Тифлиса и они свидѣлись въ пути, на станціи Баладжары. Великій Князь прибылъ въ Тифлисъ въ извѣстномъ ореолѣ «опальнаго» лица, пострадавшаго какъ бы, въ результатѣ существовавшаго режима. Съ нимъ вмѣстѣ прибыла многочисленная свита, среди которой были лица, находившіяся въ такомъ же, какъ онъ, положеніи. Это состояніе было тогда уже моднымъ и потому въ извѣстной мѣрѣ примиряло съ нимъ революціонно-настроенный Кавказъ, среди населенія котораго кипѣли разнообразныя націоналистическія и революціонныя теченія. — Среди лицъ, прибывшихъ одновременно съ Великимъ Княземъ на Кавказъ, находились лица, занимавшія ранѣе высокое служебное положеніе, хотя и не знавшихъ вовсе Кавказа (генералъ Янушкевичъ, Палицынъ и др.). Опасеніе, что они займутъ выдающееся положеніе въ администраціи Кавказа, конечно, не могло не вызывать извѣстной тревоги, но Великій Князь сразу же усвоилъ мудрую внутреннюю политику графа Воронцова-Дашкова, котораго очень любили и цѣнили народы Кавказа. Положеніе Ве-

ликаго Князя стало, вслѣдствіе этого, достаточно прочнымъ въ чуждомъ ему краѣ, отличавшемся крайней сложностью и своеобразіемъ. Достаточно отмѣтить, что на этой окраинѣ Россіи проживаетъ до полусотни разнаго рода племенъ, говорящихъ на безконечно различныхъ языкахъ, исповѣдывающихъ разнообразныя религіи и нерѣдко кровно между собою враждующихъ. Все своеобразіе края можно охватить лишь въ томъ случаѣ, если представить себѣ исторію многочисленныхъ народныхъ движеній изъ Азіи въ Европу, и обратно, при которыхъ каждый народъ, пересѣкая трудный Кавказскій хребетъ, оставлялъ на склонахъ его частицу самого себя. Въ краѣ всегда отличавшемся трудностью сообщеній, эти осѣвшія зерна проходившихъ мимо многочисленныхъ племенъ и народовъ продолжали жить вполнѣ изолированно, не смѣшиваясь другъ съ другомъ и свято храня свои старинные обычаи и нравы. Еще до сихъ поръ, напримѣръ, среди племени «хевсуровъ» встрѣчаются высокіе бѣлокурые люди, съ длинными бородами, появляющіеся въ праздничныхъ случаяхъ въ кольчугахъ, со щитами, копьями и крестомъ на груди. Это потомки «крестоносцевъ». Странно видѣть этихъ неподходящихъ подъ общій ландшафтъ людей, въ ихъ средневѣковыхъ доспѣхахъ, пріѣзжающихъ верхомъ изъ своихъ горныхъ гнѣздъ на мѣстные базары и ярмарки для продажи приторoченныхъ къ сѣдлу куръ или выполненія другихъ хозяйственныхъ надобностей!

Нужно было большое знаніе края, и огромный тактъ, чтобы блюсти въ этомъ краѣ необходимую справедливость и высоко держать знамя русскаго имени!

Впрочемъ въ самой природѣ Великаго Князя было много такого, что должно было приковывать къ нему сердца восточныхъ народовъ. — Это великодушіе и прирожденное благородство. Великій Князь сумѣлъ подойти къ народамъ Кавказа именно со стороны этихъ его свойствъ. Онъ отличался большой доступностью и его Дворецъ на Головинскомъ проспектѣ свободно посѣщался людьми различныхъ національностей и политическихъ оттѣнковъ. Вслѣдствіе этого, недовѣрчивое отношеніе къ нему весьма быстро сгладилось и Великій Князь, по мѣрѣ знакомства съ краемъ и привычки къ мѣстнымъ традиціямъ сталъ на Кавказѣ пріобрѣтать авторитетъ и популярность среди многоразличныхъ его народовъ.

«Назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича Намѣстникомъ на Кавказѣ, — писалъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, десять лѣтъ пробывшій во главѣ управленія краемъ и хорошо его знавшій, — я считаю весьма желательнымъ. Великому Князю легче управлять

Кавказомъ, чѣмъ простому смертному, таково уже свойство Востока!»...

Въ періодъ пребыванія Великаго Князя на Кавказѣ, онъ, въ лицѣ своемъ, соединялъ гражданское управленіе краемъ, по званію Намѣстника, и главное руководство военными операціями въ Турціи и Персіи, по должности Главнокомандующаго отдѣльною Кавказскою арміей.

Военная сторона его дѣятельности поглощала большую часть его времени, тѣмъ болѣе, что война оставляла, конечно, весьма мало времени и простора для внутреннихъ реформъ.

Тѣмъ не менѣе Великій Князь, при первомъ же знакомствѣ съ жизнью этого чуждаго ему края, обратилъ вниманіе на важный въ его жизни вопросъ о введеніи въ Закавказьи въ той или иной формѣ земства.

Вопросъ этотъ возбуждался уже давно, едва ли не съ 1905-го года, но затѣмъ, въ виду неспокойнаго настроенія въ краѣ, работы по выработкѣ земской реформы были пріостановлены.

Великій Князь Николай Николаевичъ призналъ необходимымъ дать движеніе заглохшему проекту. Весною 1916-го года въ Тифлисѣ было созвано «Краевое совѣщаніе», на которомъ, подъ предсѣдательствомъ самого Намѣстника, былъ произведенъ подробный обмѣнъ мнѣніями, причемъ каждое изъ нихъ выслушано съ особымъ вниманіемъ, дабы всѣ заявленія могли бы быть приняты къ учету при дальнѣйшемъ составленіи Совѣтомъ Намѣстника общаго земскаго законопроекта.

Затѣмъ Великій Князь обратилъ особое вниманіе на назрѣвшую реорганизацію тыла Кавказской арміи и добился подчиненія мѣстнымъ органамъ Владикавказской желѣзной дороги, составлявшей единственную связь Кавказа съ остальной Россіей.

Такъ какъ гражданское управленіе краемъ требовало постояннаго пребыванія Великаго Князя въ Тифлисѣ, то непосредственное командованіе собственно войсками было ввѣрено генералу Юденичу, со званіемъ командующаго арміей. Соотвѣтственно этому, полевой штабъ Кавказской арміи дѣлился, для экономіи личнаго состава, на двое: одна половина, преимущественно организаціонно-тыловая, съ начальникомъ штаба генераломъ Болховитинымъ во главѣ, оставалась въ Тифлисѣ при Главнокомандующемъ; часть же генералъ-квартирмейстера арміи и отдѣльные представители организаціонно-хозяйственныхъ отдѣловъ штаба находились при командующемъ арміей, перемѣщаясь, вмѣстѣ съ нимъ, изъ Карса въ Сарыкамышъ и впослѣдствіи въ Эрзерумъ.

Такой порядокъ установился еще при предшественникѣ Великаго Князя графѣ Воронцовѣ-Дашковѣ; онъ продолжалъ существовать и при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Ко времени прiѣзда Великаго Князя въ Тифлисъ, на Кавказскомъ фронтѣ складывалась слѣдующая военно-политическая обстановка:

Русскiя войска состояли, кромѣ различныхъ мелкихъ отрядовъ, изъ I-го и VI-го Кавказскихъ и II-го Туркестанскаго корпусовъ. Корпуса были очень слабаго состава и состояли премущественно изъ второочередныхъ и льготныхъ казачьихъ частей.

Турки, послѣ наступательной операцiи, произведенной ими въ концѣ 1914-го года въ Закавказьѣ, которая закончилась для нихъ полнымъ разгромомъ подъ Сарыкамышемъ и Ардаганомъ, держали себя на Кавказско-Турецкомъ фронтѣ выжидательно. Небольшiя операцiи происходили только въ Месопотамiи и на территорiи Сѣверной Персiи, остававшейся нейтральной.

Однако, Германiя задалась въ этотъ перiодъ времени уже широкой цѣлью, при помощи Турцiи, вовлечь въ войну не только Персiю, но и Афганистанъ. — Въ дальнѣйшемъ ей рисовалось образованiе союза изъ магометанскихъ государствъ и объявленiе ими «священной войны» подъ руководствомъ Берлина, принявшаго на себя роль покровителя ислама.

Утвержденiе нѣмецкаго влiянiя въ Персiи и Афганистанѣ представляло для Россiи огромную опасность, въ виду слабости тѣхъ силъ, которыя Россiя могла удѣлить для востока. Но не меньшiя опасности заключались въ этомъ стремленiи и для Англiи. Ударъ со стороны Афганистана или Персiи, по Индiи, являлся вполнѣ возможнымъ и это обстоятельство не только въ высокой степени осложняло положенiе Англiи, но и затрудняло переброску индусскихъ контингентовъ въ Европу, или привлеченiе ихъ къ оборонѣ Египта, по территорiи котораго пролегалъ важный для благополучiя не только Англiи, но и Францiи, Суэцкiй каналъ.

Сверхъ того, успѣвъ проникнуть черезъ Афганистанъ на территорiю Китая, германскiе агенты получили бы возможность организацiи всякаго рода безпорядковъ въ глубокихъ тылахъ, какъ Россiи, такъ и Англiи.

Наиболѣе цѣлесообразное противодѣйствiе германскимъ замысламъ заключалось бы въ изолированiи турецкихъ войскъ, поддерживаемыхъ германской агитацiей, и въ постепенномъ сжатiи ихъ гдѣ-либо въ сѣверо-западной части Малой Азiи. Но для этого требовались совмѣстныя дѣйствiя союзниковъ и, главное — значитель-

ное усиленіе войскъ на турецко-персидскомъ фронтѣ. Исходя изъ этой мысли русское Верховное Главнокомандованіе предлагало въ началѣ 1916-го года англичанамъ, пользуясь ихъ превосходствомъ на морѣ, направить для высадки въ Александретту нѣсколько дивизій изъ Египта. — Эти дивизіи, въ связи съ наступленіемъ англійскаго корпуса, продвигавшагося къ сѣверу, долиною р. Тигра, къ Багдаду, и со взятіемъ русскими войсками Эрзерума, могли бы расчитывать на выполненіе задуманной операціи по окруженію, но англичане рѣшительно отказались отъ предлагавшагося имъ совмѣстнаго плана и дѣйствій, опасаясь непосредственнаго ослабленія своихъ войскъ въ Египтѣ. Къ тому же, ихъ корпусъ, наступавшій долиною Тигра, подвергся приблизительно въ это время со стороны германскаго генерала фонъ-деръ-Гольцъ-паши серьезному пораженію. Ему пришлось отойти къ Кутъ-Эль-Амару, гдѣ онъ былъ осажденъ турецкими войсками.

Русскимъ войскамъ на Кавказѣ пришлось, такимъ образомъ, оперировать въ одиночку.

Проводникомъ русскаго военнаго вліянія въ сѣверной Персіи являлась «Персидская казачья бригада», издавна находившаяся подъ командой русскаго генерала, и имѣвшая въ своемъ составѣ нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ. Однако, значеніе ея чрезвычайно уменьшилось съ того времени, какъ, въ противовѣсъ ей, для охраны персидскихъ учрежденій были сформированы персидскія жандармскія команды, въ которыхъ инструкторами состояли шведскіе офицеры, симпатизировавшіе Германіи и способствовавшіе успѣху ея политики.

Уже въ январѣ 15-го года, въ соотвѣтствіи съ резолюціей Императора Николая II-го, министромъ иностранныхъ дѣлъ была послана намѣстнику на Кавказѣ, графу Воронцову-Дашкову, телеграмма о необходимости скорѣйшаго продвиженія впередъ особаго Азербейджанскаго отряда, для противодѣйствія туркамъ, вторгшимся въ предѣлы сѣверо-западной Персіи. По выполненіи этой задачи, отряду указывалась необходимость скорѣйшаго возвращенія въ Тавризъ, для предупрежденія въ такомъ же движеніи, имѣвшемъ вліяніе на возстановленіе въ Тавризѣ русскаго вліянія, жандармскихъ отрядовъ принца Валіагда.

Этотъ Азербейджанскій отрядъ былъ впослѣдствіи переформированъ въ VII Кавказскій корпусъ, который и велъ въ дальнѣйшемъ операціи въ сѣверо-западной части Персіи, въ такъ называемомъ Урмійскомъ районѣ.

Такимъ образомъ, Персіи, остававшейся офиціально нейтральной, суждено было стать яблокомъ раздора политическихъ страстей и театромъ военныхъ дѣйствій иноземныхъ вооруженныхъ силъ.

Къ осени того же года борьба вліяній въ Персіи была расширена къ востоку. Волненія перекинулись въ Тегеранъ и весь обычно спокойный Иранъ сталъ тлѣвшимъ костромъ, готовымъ въ любую минуту вспыхнуть. Въ столицѣ Германіи, въ Берлинѣ, какъ намъ доносили, былъ образованъ особый центральный комитетъ по персидскимъ дѣламъ, богато снабжавшійся правительствомъ личнымъ составомъ, деньгами, а при надобности — и предметами боевого снабженія. — Комитетъ этотъ снарядилъ нѣсколько богато обставленныхъ экспедицій, изъ которыхъ одна должна была проникнуть въ Афганистанъ и поднять тамъ движеніе противъ Россіи и Англіи. Остальныя экспедиціи должны были раскинуть свои сѣти по всей Персіи. Успѣху этихъ экспедицій въ значительной степени содѣйствовали дипломатическіе представители Центральныхъ Державъ въ Константинополѣ и на всемъ востокѣ, душою же всего задуманнаго плана сдѣлался военный уполномоченный Германіи въ Персіи, гр. Каницъ. Нѣмецкому дѣлу въ Персіи усердно помогали также, какъ я уже сказалъ, названные выше шведскіе офицеры, находившіеся на службѣ въ персидской жандармеріи. Отряды этой жандармеріи, вмѣстѣ съ главарями различныхъ воинствующихъ шаекъ и стали наиболѣе активными мѣстными элементами въ разыгравшейся борьбѣ. Такимъ образомъ, вторженіемъ турокъ и систематической планомѣрной работой германской агитаціи нашимъ военнымъ противникамъ удалось на крайнемъ правомъ флангѣ изъ обширнаго восточнаго театра создать новый фронтъ — «персидскій».

Положеніе на этомъ фронтѣ становилось настолько серьезнымъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ необходимымъ въ первой половинѣ ноября приказать приступить къ формированію въ Казвинѣ особаго Кавказскаго отдѣльнаго экспедиціоннаго корпуса, съ базой для него въ Энзели. Корпусъ этотъ, окончательный составъ котораго достигъ 8 бат., 39 эск. и сотенъ и 20 орудій, былъ ввѣренъ генералу Баратову — старому опытному кавказцу, который прибывъ въ Казвинъ, встѣчалъ тамъ подходившія къ нему части корпуса. Ко времени его пріѣзда названный пунктъ былъ уже переполненъ многочисленными русскими и англійскими подданными, принужденными оставить болѣе южные точки Персіи, подъ вліяніемъ враждебной имъ пропаганды. Изъ Исфагани, Кума, Керманшаха, Хамадана и другихъ мѣстъ были изгнаны русскіе и англійскіе консулы, а также служащіе различныхъ банковъ и торговыхъ предпрія-

тій, которые принуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступать силѣ оружія, перешедшей на сторону нѣмцевъ шведско-персидской жандармеріи.

Германцы, такимъ образомъ, стали хозяевами положенія. Ими намѣчалось даже перемѣщеніе изъ Тегерана въ священный городъ Кумъ для возбужденія религіознаго фанатизма шаха съ семьей и дворомъ, правительства и депутатовъ меджилиса. Тамъ въ этомъ городѣ находились святыни шіитовъ и фанатически настроенное населеніе. Въ противовѣсъ даннымъ о сосредоточеніи русскихъ въ Казвинѣ, распускались явно преувеличенные слухи о сосредоточеніи къ югу отъ Казвина большихъ турецко-персидскихъ силъ, которыя, якобы, были предназначены, чтобы раздавить русскихъ и отбросить ихъ къ границамъ.

Какъ всегда на Востокѣ, слухи эти оказались сильно преувеличенными. Русскій экспедиціонный корпусъ, начавъ наступленіе около 1-го декабря, въ самый короткій срокъ разметалъ всѣ непріятельскіе отряды и очистилъ отъ германскаго вліянія весь огромный Керманшахскій районъ. Но столицы Персіи — Тегерана, русскія войска не заняли, избѣгая дипломатическихъ осложненій.

Тѣмъ не менѣе, престижъ русскаго имени былъ возстановленъ въ полной мѣрѣ. Повсюду были вновь подняты русскіе и англійскіе флаги, а служащіе консульствъ, банковъ и разнаго рода торговыхъ конторъ, собравшіеся въ Казвинѣ, водворены въ свои прежнія мѣста, подъ защитой русскихъ войскъ. Вожди воинствующихъ племенъ и партій начали усиленно искать вновь русскаго покровительства, и жизнь мирнаго персидскаго населенія, нарушенная боевыми дѣйствіями, стала входить въ свою колею.

Угроза беззащитному Тегерану заставила германцевъ подумать объ оставленіи этого пункта. Новымъ центромъ, для продолженія изъ него своей агитаціонной дѣятельности, былъ избранъ германцами г. Исфагань. Германскій посланникъ, принцъ Генрихъ XXXI-й Рейсскій, употреблялъ всѣ усилія, чтобы настоять на переѣздѣ въ этотъ пунктъ шаха, дабы не потерять надъ нимъ своего вліянія. Шахъ колебался, учитывая значеніе русскихъ побѣдъ. — Чтобы склонить повелителя Персіи на сторону нѣмцевъ Императоръ Вильгельмъ особой телеграммой предлагалъ обезпечить шаху, при всякихъ условіяхъ, убѣжище и обезпеченныя средства къ жизни. Но телеграмма эта пришла уже тогда, когда нѣмцы фактически покинули городъ и ушли на югъ. Шахъ остался въ раіонѣ столицы. Такимъ образомъ, благодаря наступленію русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Баратова, авторитетъ германцевъ былъ

сильно поколебленъ. Руководители движенія это ясно сознавали и душа его, графъ Каницъ, въ припадкѣ отчаянія, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Если все же авторитетъ нѣмцевъ въ Персіи не погибъ совершенно, то только благодаря военнымъ дѣйствіямъ Гольцъ паши, который, какъ читатель уже знаетъ, незадолго передъ тѣмъ, успѣлъ одержать рѣшительную побѣду надъ англичанами въ Месопотаміи, близъ города Ктезифона, въ долинѣ р. Тигра. — Въ этомъ бою турецкія войска взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ англичанъ; остатки же англійскаго отряда, подъ командой генерала Таунсенда, отступили въ Кутъ-Эль-Амару, гдѣ они были осаждены турками. Продержавшись тамъ до конца апрѣля 1916-го, англичане принуждены были капитулировать.

Что касается дѣйствій русскихъ войскъ на кавказско-турецкомъ участкѣ фронта, то, дабы предупредить ожидавшееся тамъ наступленіе турокъ, русское Главнокомандованіе рѣшило примѣнить свой обычный пріемъ на востокѣ, заключавшійся въ захватѣ инціативы путемъ болѣе ранняго перехода въ наступленіе собственными, хотя бы и болѣе слабыми силами. Въ данномъ же случаѣ, силы русскихъ, по числу батальоновъ, были почти равны турецкимъ (126 бат. на всемъ фронтѣ противъ 122-хъ турецкихъ); въ кавалеріи же и артиллеріи мы имѣли даже нѣкоторое численное превосходство. Главный ударъ рѣшено было направить въ Эрзерумскомъ направленіи, что неизбѣжно приводило къ операціи противъ крѣпости — Эрзерумъ.

Названная крѣпость лежитъ въ узлѣ многихъ дорогъ, почему съ захватомъ ея, облегчалась дальнѣйшая задача разбитія по частямъ турецкихъ войскъ, по мѣрѣ подхода ихъ изъ внутреннихъ раіоновъ Турціи.

Изъ другихъ болѣе важныхъ пунктовъ даннаго раіона, слѣдуетъ еще назвать Трапезондъ — являвшійся базой для турецкаго флота въ Черномъ морѣ, и Битлисъ — удобный исходный пунктъ для наступательный операцій турокъ въ Азербейджанѣ. Оба эти пункта также привлекали вниманіе Главнокомандующаго Кавказской арміей. — Надо замѣтить, что къ веснѣ 16-го года можно было ожидать прибытія къ туркамъ новыхъ подкрѣпленій изъ подъ Дарданеллъ и Месопотаміи, почему зимнее время являлось наиболѣе выгоднымъ для начала русскихъ операцій.

Наступленіе русскихъ войскъ противъ Турціи началось въ первой половинѣ январѣ 1916-го года. Оно вылилось въ рядъ удачныхъ тактическихъ дѣйствій изъ-за обладанія горными перевалами, ко-

торыя выполнялись при сильныхъ зимнихъ стужахъ, доходившихъ до 25 гр. ниже нуля, сопровождаемыхъ вѣтрами и сильными вьюгами. Русскимъ войскамъ, въ цѣляхъ обходовъ турецкихъ позицій, приходилось карабкаться по горнымъ кручамъ, на высотѣ нерѣдкой до 9—10 т. футовъ.

Оказывавшееся турками сопротивленіе было вначалѣ слабымъ, но затѣмъ постепенно крѣпло, въ виду частичнаго полученія ими подкрѣпленій. Тѣмъ не менѣе, движеніе впередъ русскихъ продолжалось и уже къ началу февраля русскія колонны стали подходить къ Эрзеруму.

Великій Князь Николай Николаевичъ, вспоминая неудачу штурма Перемышля и оцѣнивая слабыя силы и средства Кавказской арміи, не являлся сторонникомъ штурма Эрзерума, базируя свое мнѣніе на докладахъ генерала Палицына, но генералъ Юденичъ, командовавшій, собственно, Кавказской арміей, не видѣлъ другого исхода и принялъ на себя отвѣтственность за успѣхъ дѣла. Le vin est tiré, il faut le boire. Пятидневнымъ исключительно доблестнымъ штурмомъ русскихъ войскъ, съ 11-го по 15-е февраля, крѣпость была взята, чѣмъ Кавказская армія упрочила свою старую неувядаемую славу.

Взятіе Эрзерума, въ самомъ дѣлѣ, произвело повсюду весьма сильное впечатлѣніе, и турки со всѣхъ сторонъ стали подтягивать на эрзерумское направленіе свои подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого, въ извѣстной мѣрѣ, облегчилось положеніе, напримѣръ, союзныхъ войскъ на Салоникскомъ фронтѣ. Равнымъ образомъ, была задержана операція турокъ къ Суэцкому каналу и въ Египетъ, какъ равно облегчилось также положеніе англо-индійскихъ войскъ въ месопотамской долинѣ.

Послѣ взятія Эрзерума, русскими войсками былъ захваченъ также Битлисъ, и отряды наши выдвинулись далеко къ сторонѣ Трапезонда, Байбурта и Муша, настолько впередъ, насколько имъ удалось разрѣшить трудный вопросъ подвоза продовольствія и фуража.

Въ Персіи, послѣ закрѣпленія корпусомъ генерала Баратова Керманшахскаго раіона, центръ германской агитаціи, какъ уже сказано, былъ перенесенъ въ Исфагань; съ занятіемъ же русскими въ мартѣ 16-го года этой древней столицы, нѣмецкое вліяніе постепенно и вовсе заглохло. Германская опасность въ Персіи перестала существовать.

Въ этотъ періодъ времени Главнокомандующаго Кавказской

арміей Великаго Князя Николая Николаевича стала занимать мысль объ установленіи на этой далекой окраинѣ болѣе тѣсной связи, не только политической, но и военной, Россіи съ Ан ліей. — Въ первую очередь представлялось желательнымъ оказаніе помощи тому отряду англичанъ, который былъ окруженъ, какъ читатель помнитъ, численно превосходными силами турокъ подъ Кутъ-Эль-Амаромъ.

Вслѣдствіе этого, генералъ Баратовъ получилъ приказаніе приступить къ подготовкѣ новой наступательной операціи, на сей разъ въ Багдадскомъ направленіи. Имѣлось въ виду занятіемъ Ханекина отвлечь турецкія силы отъ долины Тигра. — Такъ какъ Ханекинъ отстоялъ отъ русской базы въ Эн ели почти на 1000 верстъ, то выполненіе предстоявшаго похода требовало предварительной тщательной подготовки, въ особенности въ отношеніи транспортныхъ средствъ. Однако, выяснилось, что никакихъ средствъ въ распоряженіи Главнокомандующаго не имѣется, и что существуетъ лишь необходимость возможно быстрѣе дви аться впередъ, такъ какъ положеніе подъ Кутомъ становилось критическимъ.

Въ этомъ походѣ выявилась исключительная выносливость русскаго солдата, воодушевленнаго идеей помощи своему союзнику. — Въ половинѣ апрѣля, отрядъ генерала кн. Бѣлосельскаго, силою въ 7 т. человѣкъ, выступилъ изъ Керманшаха и, послѣ ряда трудныхъ переходовъ и боевъ, достигъ Ханекина, оказавшись, такимъ образомъ, всего лишь въ 5-ти переходахъ отъ Багдада.

Однако, ко времени прибытія Керманшахскаго отряда въ Ханекинъ, судьба англичанъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Таунсенда, была рѣшена.

Ослабленному боями и болѣзнями Керманшахскому отряду, удостовѣрившемуся въ гибели названнаго англійскаго отряда, не оставалось ничего другого, какъ отойти къ своимъ. Этотъ отходъ сталъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что освободившіяся изъ подъ Кута турецкія войска стали быстро сосредоточиваться въ направленіи къ Ханекину. Короткимъ и рѣшительнымъ ударомъ по этой группѣ турецкихъ войскъ, русскіе ошеломили непріятеля, что и дало имъ возможность спокойно начать задуманный отходъ.

Къ концу августа русскій отрядъ стоялъ уже за Хамаданомъ, значительно сблизившись со своей базой.

Описывая тяжелый походъ русскихъ войскъ къ Ханекину, нельзя не вспомнить о доблестномъ рейдѣ сотни 1-го Уманскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ сотника Гамалія. — Эта сотня на пути изъ Керманшаха къ Ханекину была выслана наперерѣзъ

грозной пустыни, для выхода въ долину р. Тигра, съ цѣлью розыска мѣста расположенія штаба передового англійскаго отряда и установленія съ нимъ живой связи.

Послѣ изумительнаго, по своей смѣлости и рѣшительности, десятидневнаго перехода, сотникъ Гамалій нашелъ этотъ штабъ, и такимъ образомъ, выполнилъ возложенную на него миссію. — Оставивъ временно свою сотню при англійскомъ штабѣ для отдыха, сотникъ Гамалій съ двумя казаками, по приглашенію командующаго англійскими войсками, спустился на пароходѣ по Тигру до Бассоры — мѣста расположенія главной квартиры англійской Месопотамской арміи, гдѣ былъ торжественно принятъ и чествуемъ англичанами.

Поднявшись затѣмъ обратно по рѣкѣ къ своимъ станичникамъ, сотникъ Гамалій въ началѣ іюня вернулся съ ними въ русское расположеніе, потерявъ въ теченіе всего похода лишь нѣсколько лошадей.

Великій Князь Главнокомандующій Кавказской арміей удостоилъ эту сотню поголовнымъ награжденіемъ георгіевскими крестами, послѣ чего сотня Гамалія стала именоваться въ полку Георгіевскою сотнею.

Въ теченіи лѣта 1916-го года наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ продолжались, равнымъ образомъ, и на Кавказско-Турецкомъ участкѣ фронта.

Уже 14-го апрѣля, при дѣятельной помощи судовъ Черноморскаго флота, части Кавказской арміи овладѣли Трапезондомъ, что значительно облегчило дальнѣйшее снабженіе русской арміи продовольствіемъ, при помощи морского подвоза.

Затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ были заняты Байбуртъ и Эрзинджанъ, откуда линія русскаго фронта протянулась на востокъ черезъ Мушъ и Битлисъ къ Хамадану, входившему уже въ раіонъ Кавказскаго экспедиціоннаго корпуса генерала Баратова.

Великій Князь лично посѣтилъ Эрзерумъ, Трапезондъ и Байбуртъ, причемъ привѣтствовался побѣдоносными русскими войсками съ большимъ и ему привычнымъ энтузіазмомъ.

Такъ, побѣждая живую силу, тяжелый климатъ и огромныя разстоянія, Кавказская отдѣльная армія, подъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, сумѣла выполнить данную ей задачу удаленія турокъ отъ русскихъ границъ и возстановленія русскаго вліянія въ сопредѣльной Персіи. — Была также сдѣлана

серьезная попытка сомкнуться дѣйствіями съ англійскими войсками, наступавшими со стороны Персидскаго залива къ Моссулу.

Великій Князь Николай Николаевичъ, будучи на Кавказѣ, весьма внимательно слѣдилъ за событіями на Западномъ фронтѣ, и, когда въ іюлѣ 16-го года онъ освѣдомился о первыхъ успѣхахъ генерала Брусилова на Ю.-З. фронтѣ, то немедленно же отправилъ своему бывшему сослуживцу телеграмму, составленную въ обычно повышенныхъ тонахъ: «Я поздравляю васъ, обнимаю и благословляю. Пошли вамъ Богъ всякихъ успѣховъ!»

Въ періодъ пребыванія своего въ должности Главнокомандующаго Кавказской отдѣльной арміей, Великій Князь въ ноябрѣ 1916-го года былъ вызванъ въ Императорскую Ставку, продолжавшую оставаться въ Могилевѣ.

Судя по телеграммамъ французскаго посла въ Петроградѣ М. Палеолога, вызовъ этотъ былъ связанъ, якобы, съ недовольствомъ Государя генераломъ Алексѣевымъ и желаніемъ разстаться съ нимъ. Генералу Алексѣеву, по донесеніямъ французскаго посла въ Петроградѣ, будто-бы вмѣнялась въ вину потеря на Румынскомъ фронтѣ Констанцы и Добруджи. Посолъ М. Палеологъ передавалъ также въ Парижъ о наличіи фантастическаго, повидимому, проекта раздѣленія компетенціи начальника штаба на двѣ части: отъ Балтійскаго моря до Карпатъ и южнѣе отъ Карпатъ до Персіи включительно. Нелѣпость такого проекта заставляетъ, однако, предполагать, что вызовъ Великаго Князя былъ связанъ съ внутренними затрудненіями въ Россіи и съ открытой враждебностью генерала Алексѣева по отношенію къ предсѣдателю Совѣта Министровъ Штюрмеру.

Правильность этого послѣдняго предположенія подтверждается записью Великаго Князя Андрея Владиміровича. Послѣдній въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ въ бесѣдѣ съ Царемъ, происходившей въ Ставкѣ 6-го ноября, говорилъ ему въ частномъ разговорѣ:

«Неужели ты не видишь, что теряешь корону! Опомнись, пока не поздно. Дай отвѣтственное министерство! Еще въ іюнѣ сего года (вѣроятно 15-го года; очевидный намекъ на достопамятный день 14/27 іюня 15-го года въ Ставкѣ), я тебѣ говорилъ объ этомъ. — Смотри, чтобы не было поздно. — Пока еще время есть, потомъ будетъ поздно!...»

Увы! Передъ глазами Императора Николая II стоялъ неподвижно образъ Императрицы Александры Феодоровны, неустанно повторявшій: «Помни больше всего, что ты Самодержецъ!... Россія, слава Богу, не коституціонное государство.!..»

ГЛАВА XII-я.

КРИЗИСЪ ВЛАСТИ И ОТРЕЧЕНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, ОТЪ ПРЕСТОЛА. ВТОРИЧНОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ВЕЛ. КНЯЗЯ НА ПОСТЪ ВЕРХОВНАГО.

Въ то время, какъ Великій Князь Николай Николаевичъ находился на Кавказѣ, обстановка въ Россіи складывалась все грознѣе и чувствовалось неизбѣжное приближеніе жестокаго кризиса власти.

1. Характеристика русской арміи во вторую половину кампаніи.

Осень 1915-го года. — Я принялъ въ командованіе корпусъ, который считался однимъ изъ болѣе сохранившихся. — Въ немъ, однако, я засталъ только 8.000 штыковъ, вмѣсто положенныхъ 28.000. Некомплектъ офицеровъ былъ относительно еще болѣе значителенъ. — Пулеметы и орудія состояли неполностью. — Боевые припасы находились въ огромномъ некомплектѣ. Всякій выстрѣлъ былъ на счету.

Люди корпуса выглядѣли усталыми. Одежда и снаряженіе на нихъ поизносились. Особенно плоха была обувь; у многихъ на ногахъ были лишь жалкіе ея остатки.

Техническое снабженіе войсковыхъ частей оказалось нищенскимъ. Обрывки телефонной проволоки служили для связи. — Никакихъ приспособленій для рѣзки проволоки, даже простыхъ ручныхъ ножницъ; полное отсутствіе газовыхъ масокъ.

И такъ во всѣхъ корпусахъ русской арміи...

Послѣ тяжелаго и длительнаго отступленія изъ Галичины и русской Польши, занявшаго все лѣто и часть осени 15-го года русской арміи удалось, наконецъ, остановиться на новой линіи отъ Рижскаго залива до румынской границы. Общее протяженіе фронта

около 1000 верстъ; на немъ и размѣстились русскія войска, въ числѣ до 1800 батальоновъ. Занятая линія являлась довольно случайной и не представляла удобствъ для длительной обороны. Хуже всего было то, что русскія войска, остановившись на ней, лишались возможности пользоваться для переброски своихъ войскъ вдоль фронта удобными рельсовыми путями. Линія отъ Риги до Двинска находилась подъ обстрѣломъ германской артиллеріи, а желѣзнодорожные узлы Вильна и Барановичи оказались окончательно въ рукахъ непріятеля. Наши сообщенія въ тылу фронта были, такимъ образомъ, и затруднительными и кружными.

Дѣлать, однако, было нечего. Истомленныя, ослабленныя въ числѣ рядовъ и лишенныя боевыхъ припасовъ русскія войска не были способны исправить соотвѣтствующими контръ-ударами отмѣченные недостатки; приходилось поэтому къ нимъ приспосабливаться. Постепенно, съ большими усиліями и крайнимъ напряженіемъ, мѣстность, опредѣляемая упомянутымъ выше фронтомъ, была превращена въ сплошную укрѣпленную позицію. Впереди фронта протянулась непрерывная полоса колючей проволоки, перепутанной между нѣсколькими рядами деревянныхъ кольевъ, сзади же, въ складкахъ мѣстности и на обратныхъ склонахъ возвышенностей, размѣстилась немногочисленная и слабая по калибрамъ русская артиллерія.

Вслѣдъ за нами къ той же линіи подтянулись войска нашихъ противниковъ: на сѣверѣ — почти до Барановичей — германцы, южнѣе — австрійцы. Непріятель былъ также измученъ непрерывными передвиженіями, почему, въ виду наступленія осени, онъ въ свою очередь остановился и сталъ закрѣпляться на уступленной ему мѣстности.

Противникъ, къ тому же ослабленный перевозками въ ту пору на сербскій фронтъ, уступалъ намъ въ числѣ, но за нимъ имѣлось длинное побѣдоносное наступленіе, поднимавшее его духъ, и технически онъ былъ гораздо богаче нашего снабженъ и оборудованъ.

Такъ образовались къ началу 16-го года другъ передъ другомъ два сплошныхъ фронта. Чтобы выйти на маневренный просторъ, одна изъ сторонъ должна была предварительно прорвать стѣну непріятельскихъ укрѣпленій и затѣмъ расширить выполненный прорывъ до возможности проложить впередъ путь маневренной группѣ войскъ. Задача весьма трудная при силѣ современнаго огня и наличіи у противной стороны резервовъ, или возможности ихъ подвезти съ другихъ фронтовъ.

Если бросить только бѣглый взглядъ на событія, происходившія на русскомъ фронтѣ съ конца 1915-го года и въ теченіе всего 16-го года, безъ особаго углубленія въ ихъ существо, то можетъ получиться впечатлѣніе, что годъ этотъ протекъ для русской арміи въ томительномъ сидѣніи въ окопахъ, изрѣдка прерывавшемся, хотя и очень кровавыми, но довольно безплапными наступленіями, съ цѣлью вырваться изъ удручающей обстановки позиціонной войны.

На самомъ дѣлѣ это было вовсе не такъ, и всякая наступательная операція русскихъ армій на протяженіи указаннаго времени, хотя и не диктовалась прямыми интересами собственнаго фронта, но имѣла всегда своею цѣлью оказаніе помощи то Сербіи, то Франціи, то Италіи, то, наконецъ, Румыніи. Такой способъ дѣйствій вызывался условіями коалиціонной войны.

Эта мало-показная роль вынуждала между тѣмъ русскія войска вести рядъ очень трудныхъ операцій тактическаго характера, выполняемыхъ въ условіяхъ крайней торопливости и недостаточной подготовленности, что въ свою очередь вело къ излишнимъ кровавымъ потерямъ.

Хотя въ теченіе 1916-го года и произошли нѣкоторыя улучшенія въ дѣлѣ снабженія нашей арміи вооруженіемъ, огнестрѣльными припасами и техническимъ снабженіемъ, но улучшенія эти очень мало коснулись вопроса снабженія русскихъ войскъ тяжелой артиллеріей и авіаціей. А между тѣмъ, для наступательныхъ дѣйствій въ сферѣ укрѣпленныхъ позицій, необходимо именно наличіе большого количества могущественной артиллеріи, богато снабженной снарядами и хорошо корректируемой при стрѣльбѣ. Изъ-за бѣдности наступательныхъ средствъ также гибли десятки и сотни тысячъ русскихъ людей, гибли въ ихъ стремленіи облегчить положеніе союзниковъ!

Но внутренняя связь операцій на русскомъ фронтѣ съ общей обстановкой была ясно ощущаема только на верхахъ арміи. — Для армейской массы эта связь не была ясной. Внизу, въ ея толщѣ, ощущалось лишь раздражающее количество жертвъ и почти полное отсутствіе «видимыхъ» результатовъ...

— Мы, «пушечное» мясо!... Насъ не жалѣютъ и день за днемъ ведутъ на бойню!.. Войну ведутъ человѣческими тѣлами!.. шевелилось въ душѣ солдата.

И дѣйствительно, уже въ маѣ 16-го года военное министерство предупреждало Ставку:

«Число призванныхъ перевалило за 10% всего населенія, несущаго воинскую повинность. Новобранцы 18-го года — это послѣдній до осени источникъ молодыхъ укомплектованій!...»

2. Разложеніе арміи.

Съ наступленіемъ, въ свою очередь, для Германіи болѣе труднаго въ военномъ отношеніи времени, правительство Императора Вильгельма озаботилось созданіемъ въ различныхъ пунктахъ страны особыхъ отдѣленій для пропаганды идей, способныхъ облегчить германскому народу продолженіе войны.

Пропаганда должна была распространяться всевозможными путями, но особое значеніе придавалось словесной передачѣ обработанныхъ въ извѣстномъ смыслѣ свѣдѣній.

— Мысль существуетъ, — говоритъ по этому поводу ген. Людендорфъ, — а откуда она взялась, неизвѣстно!...

Очевидно пропаганда велась не только внутри собственной страны; она широкой волной направлялась также въ государства, находившіяся съ Германіей въ войнѣ. Шла она въ эти страны двумя потоками — съ фронта и черезъ тылъ, но имѣла одну задачу: угасить въ войскахъ и населеніи этихъ государствъ духъ войны и подорвать въ нихъ внутреннюю дисциплину.

Для Россіи, съ непрочной государственностью, темной и неудовлетворенной массой населенія и съ правительствомъ, все болѣе и болѣе терявшимъ общее довѣріе, пропаганда эта оказалась смертельнымъ ядомъ.

— Пора бы прикончить войну, — ходило среди солдатъ. Стрѣляемъ другъ въ друга вотъ уже третій годъ!

Казалось, что и противникъ проникся тѣми же взглядами, — по крайней мѣрѣ его солдаты и офицеры все чаще и настойчивѣе стали появляться передъ русскими окопами съ бѣлыми флагами и мирными зазываніями.

Такъ началось на фронтѣ между противными сторонами то, что стало поздѣе называться «братаньемъ».

Прививкѣ и распространенію этого яда не мало содѣйствовали тѣ идеи «пораженчества», которыя сравнительно съ давнихъ поръ укрѣпились въ нѣкоторыхъ нашихъ партійно-революціонныхъ кругахъ.

На конференціи, напримѣръ, соціалистовъ «тройственнаго согласія» въ Лондонѣ, происходившей въ серединѣ февраля 15-го года, замѣнявшій отсутствовавшаго Ленина большевикъ Литви-

новъ (Мееръ Валлохъ), по поступившимъ въ парижское посольство свѣдѣніямъ, протестовалъ вообще противъ «соціалъ-патріотической» конференціи. — Другой же членъ одной изъ русскихъ соціалистическихъ партій формулировалъ свои взгляды на войну приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Побѣда Франціи, Англіи и Бельгіи принесетъ побѣду и Россіи. Возможно ли думать, что Россія, какъ страна, управляемая царизмомъ и оказавшись побѣдительницей, будетъ принимать участіе въ необходимыхъ реформахъ, и не правдоподобнѣе ли, что она еще больше закрѣпитъ не только свою страну, но и вновь пріобрѣтенныя земли, до этого относительно свободныя?»

Къ сожалѣнію, въ концѣ 16-го года въ Ставкѣ была задумана крайне несвоевременная реорганизація нашей арміи, имѣвшая цѣлью осуществить переходъ отъ четырехъ-батальонныхъ къ трехъ-батальоннымъ полкамъ въ пѣхотѣ, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа полковъ и дивизій.

Съ точки зрѣнія боевого использованія войскъ, потребность въ такой реорганизаціи ощущалась уже давно, и въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго, еще при мнѣ въ 15-мъ году, обдумывались способы осуществленія этой серьезной реформы. Однако, приведенію ея въ исполненіе препятствовали уже тогда многія обстоятельства и прежде всего крайне ослабленный кадровый составъ офицеровъ въ войсковыхъ частяхъ. При этомъ условіи должно было явиться опасеніе, что хотя намѣчавшейся реформой и достигалось увеличеніе числа полковъ и дивизій почти на 25%, но качественный составъ всѣхъ этихъ войскъ долженъ былъ отъ этого реформированія значительно пострадать, тѣмъ болѣе, что формированіе артиллерійскихъ и инженерныхъ частей затруднялось отсутствіемъ матеріальной части.

Такъ это случилось и въ дѣйствительности. Русская армія, въ результатѣ задуманной реформы, вышла изъ нея внутренне ослабленной, и ея сопротивляемость разнаго рода разлагающимъ началамъ, конечно, значительно уменьшилась.

Указанная реорганизація, въ связи съ необходимостью довести армію до полнаго состава, потребовала осуществленія новыхъ усиленныхъ призывовъ, которые легли, въ значительной мѣрѣ, на лицъ, до сего пользовавшихся разнаго рода льготами.

Самый фактъ ихъ призыва былъ непопуляренъ въ населеніи, нуждавшемся въ рабочихъ силахъ, почему уже самъ по себѣ могъ

создать почву для злонамѣренной агитаціи и возбужденія внутренняго недовольства. Но недовольство это значительно усилилось, вслѣдствіе нераспорядительности военнаго министерства, забившаго людьми запасныя части сверхъ всякой мѣры и не имѣвшаго въ то же время возможности обезпечить эти части соотвѣтствующимъ числомъ учителей, винтовокъ и учебныхъ пособій. Имѣлись, напримѣръ, запасные батальоны, числившіе въ своемъ составѣ свыше пятнадцати и до двадцати тысячъ обучаемыхъ! Праздная толпа, тѣсно размѣщенная въ казармахъ и не видѣвшая оправданія своему призыву, естественно представляла собой крайне благопріятную среду для пораженческой пропаганды.

Съ другой стороны, подъ впечатлѣніемъ этой пропаганды и усталости войной въ войскахъ развилось въ тревожныхъ размѣрахъ дезертирство, причемъ дезертиры являлись въ деревнѣ лучшими проводниками идей пораженчества, такъ какъ надо же имъ было дома прикрыть свое преступленіе какими либо идейными мотивами!

Становилось, такимъ образомъ, ясно, что русскую армію сталъ точить извнутри червь разложенія.

3. Оскудѣніе русской земли.

Усиленные призывы и въ самомъ дѣлѣ обездолили рабочею силою, какъ деревню, такъ и промышленныя предпріятія, изготовлявшія предметы боевого снабженія.

Къ тому же, затянувшаяся война и затрудненность морскихъ сообщеній постепенно придали ей особый характеръ: войны на «истощеніе». — Кому же, какъ не Россіи, богатой только хлѣбомъ, но крайне немощной въ промышленномъ и транспортномъ отношеніяхъ, пришлось испытать на себѣ въ первую очередь эту новую тягость борьбы!

Въ началѣ войны въ Россіи никому не приходила въ голову мысль о необходимости бережливаго расходованія ея сельско-хозяйственныхъ богатствъ. Мѣры по введенію въ Германіи надзора за расходованіемъ продовольственныхъ припасовъ, вызывали въ Россіи лишь ироническія замѣчанія о быстромъ приближеніи времени, когда миръ для нѣмецкаго народа станетъ необходимостью.

Только въ 1915-мъ году, съ отступленіемъ русской арміи изъ западно-пограничной полосы, въ которой погибли весь урожай и масса скота, только тогда началъ въ арміи чувствоваться недостатокъ продовольственныхъ припасовъ и продуктовъ. Недостатокъ

Видъ на городъ Могилевъ со стороны Днѣпра.

Площадь въ Могилевѣ передъ соборомъ, въ которомъ была совершена послѣдняя обѣдня передъ отбытіемъ Государя Императора изъ Ставки.

этотъ быстро увеличивался вслѣдствіе плохой обработки полей, въ результатѣ обезлюденія деревни и усиленныхъ призывовъ.

Особенной массы людей требовали тыловыя работы; для удовлетворенія этой потребности уже весною 16-го года возникъ вопросъ о привлеченіи къ нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, къ рубкѣ лѣсовъ для заготовки дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ китайцевъ и корейцевъ. Мѣра эта, впослѣдствіи осуществленная, не спасла, однако, деревню отъ обезлюденія.

Обстоятельство это не сразу было учтено и на него не было обращено должнаго вниманія даже послѣ извѣстной записки 28 членовъ Государственнаго Совѣта и Думы, поданной на имя Императора Николая II-го, въ ноябрѣ 1916 года. Въ запискѣ этой опредѣленно указывалось на то, что Россія отдала арміи все, что могла и что она уже подходитъ къ изсяканію людского запаса.

Запасъ людей могъ быть увеличенъ только двумя способами: призывомъ въ войска инородцевъ, не несшихъ военной службы, и новымъ привлеченіемъ изъ населенія военныхъ контингентовъ, но уже въ возрастѣ старше 43-хъ лѣтъ.

Первый источникъ едва ли могъ считаться обильнымъ, какъ по относительной малочисленности вообще инородцевъ, не отбывавшихъ воинскую повинность (около 11%), такъ и по невозможности сразу взять изъ ихъ среды весь пригодный для арміи людской матеріалъ. Что же касается людей старшихъ возрастовъ, то ихъ призывъ въ войска, по мнѣнію авторовъ записки, едва ли былъ допустимъ въ условіяхъ экономической жизни въ Россіи.

«Въ странѣ, указывали члены законодательныхъ палатъ, и безъ того огромный недостатокъ рабочихъ рукъ во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ народнаго труда, въ томъ числѣ и въ производствахъ, работающихъ на оборону».—«Положеніе въ Россіи,—говорилось далѣе въ той же запискѣ, — не можетъ быть сравниваемо съ западными государствами. Огромныя пространства, рѣдкое населеніе, недостаточно развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ, непроѣздность грунтовыхъ дорогъ, отдаленность мѣсторожденій металловъ и горючаго отъ очень многихъ металлургическихъ заводовъ, наконецъ, наши климатическія условія, требующія много труда по охраненію отъ зимней стужи, а также по борьбѣ со снѣжными заносами. Сюда же слѣдуетъ присоединить еще и сравнительную ничтожность числа механическихъ двигателей и меньшую производительность русскаго рабочаго. Все это создаетъ исключительныя условія, при наличіи которыхъ отвлеченіе у насъ 10% мужского населенія тяжелѣе, нежели во Франціи 16-ти%».

Въ частности указывалось, что включеніе въ ряды войскъ многихъ квалифицированныхъ рабочихъ, общее число коихъ у насъ вообще было не велико, съ неизбѣжной замѣной ихъ на заводахъ новичками, къ сложнымъ или спеціальнымъ работамъ непривычными, повлекло за собою увеличеніе общаго числа заводскихъ рабочихъ, безъ соотвѣтственнаго увеличенія производительности самихъ заводовъ. Очевидно, что польза, приносимая опытнымъ слесаремъ въ заводской работѣ на оборону страны, безмѣрно больше, нежели польза, которую можно извлечь изъ него въ окопахъ.

Всѣ эти соображенія должны были, конечно, служить предостерегающими доводами противъ дальнѣйшаго развитія арміи. Но Императорская Ставка поступила иначе и взялась за неосторожное проведеніе въ армію такихъ реформъ, которыя вели не только къ ея дальнѣйшему численному увеличенію, но и въ ущербъ ея внутренней стойкости.

Разумѣется продовольственная разруха появилась въ результатѣ не только «оскудѣнія» собственно земли, но въ значительной мѣрѣ и развала транспорта. — По поводу этого послѣдняго явленія, группа членовъ Государственнаго Совѣта, специализировавшаяся на данномъ вопросѣ, еще въ 15-мъ году указывала Совѣту Министровъ на необходимость принятія цѣлаго ряда мѣръ для поддержанія на должной высотѣ работы желѣзныхъ дорогъ. Но ихъ также не послушали.

Продовольственныя затрудненія коснулись не только арміи; они больно ударили, также по населенію, особенно городскому. Жизнь безумно вздорожала и къ концу 16-го года передъ хлѣбными и съѣстными лавками стали постепенно образовываться «хвосты» людей, безнадежно простаивавшихъ часами въ ожиданіи возможности купить необходимые имъ продукты.

Желѣзнодорожный развалъ велъ за собою нарушеніе правильнаго подвоза матеріаловъ и угля къ заводамъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые прекратили вовсе свою дѣятельность. Если принять во вниманіе общую слабость русской отечественной промышленности того времени, то станетъ понятнымъ, что это обстоятельство самымъ дѣйствительнымъ образомъ ухудшило работу заводовъ на оборону, не говоря уже объ удовлетвореніи общихъ потребностей населенія.

Словомъ, не только дальнѣйшее выкачиваніе изъ Россіи силъ и средствъ для веденія войны стало дѣломъ чрезвычайно труднымъ, но въ жизни всей страны наступало очень тяжелое экономическое

положеніе, близкое къ параличу. Россія несомнѣнно потеряла значительную долю своихъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ, почему для возможности продолженія войны, съ вѣрою въ успѣхъ, нужны были какіе то новые импульсы, способные возродить въ ослабленномъ организмѣ ея жизнь и энергію.

Не всѣ, стремившіеся довести Россію до благополучнаго окончанія войны, сходились въ оцѣнкѣ тѣхъ путей, кои должны были привести къ указанной цѣли, но, повидимому, всѣ чувствовали, что къ разрѣшенію именно этого вопроса Россія подошла вплотную наканунѣ 1917-го года.

4. Общее недовольство въ странѣ.

Всѣ эти условія лишь увеличивали общее недовольство существовашею властью, которое гнѣздилось въ Россіи уже давно. Выясненіе корней его, конечно, не можетъ входить въ задачу настоящей книги. Здѣсь достаточно будетъ отмѣтить, что это недовольство было двухъ родовъ: политическое и соціальное, причемъ его можно охарактеризовать стремленіемъ народа къ «землѣ и волѣ». Крайнее обостреніе этого недовольства произошло подъ впечатлѣніемъ даннаго въ 1905-мъ году Манифеста 17-го октября, въ оцѣнкѣ котораго правительство и общественные слои населенія, впослѣдствіи, коренньімъ образомъ разошлись. — Либеральные и прогрессивные круги видѣли въ этомъ актѣ хотя и несовершенный, но вполнѣ опредѣленный шагъ по пути къ установленію въ странѣ конституціонализма; напротивъ, правительственные и вообще правые круги отрицали за этимъ актомъ значеніе конституціонное и не прочь были самымъ рѣшительнымъ образомъ способствовать нарушенію уже данныхъ обѣщаній, которыя, по ихъ мнѣнію, были не обязательны, какъ данныя «въ лихорадкѣ». Различное отношеніе къ акту «17-го октября» особенно сказалось при обсужденіи насущныхъ земельныхъ вопросовъ, требовавшихъ въ силу разныхъ причинъ извѣстной уступчивости со стороны состоятельныхъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ къ правящимъ слоямъ населенія, въ пользу неимущихъ, каковыми являлось большинство крестьянъ. Уступки эти сдѣланы не были, что возбудило крестьянство противъ власти и правящаго сословія, обостривъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, классовую рознь.

Верховная власть крѣпко держалась за принципъ самодержавія. Въ немъ она видѣла одинъ изъ основныхъ устоевъ крѣпкой Россіи. Въ общественныхъ и народныхъ домогательствахъ она ус-

матривала лишь однѣ «безсмысленныя мечтанія». Будучи все же принуждена народными волненіями, разыгравшимися въ 1905-мъ году, къ уступкамъ, она впослѣдствіи тяготилась ими, стремясь, по мѣрѣ возможности, ослабить свою отъ нихъ зависимость. Война, казалось ей, давала для этого рядъ удобныхъ случаевъ.

Въ этомъ убѣжденіи была, конечно, роковая ошибка власти. Существовавшая политическая и соціальная рознь не дала сформироваться здоровому патріотическому чувству безъ котораго немыслимо никакое серьезное напряженіе государства. Правительство, не пользовавшееся довѣріемъ страны, не сумѣло сплотить вокругъ себя общественныя силы и вскорѣ оказалось въ совершенномъ одиночествѣ. Государственные финансы ослабѣли, плохо развитая отечественная промышленность расползлась, земля оскудѣла, транспортъ сдалъ. — Къ тому же при Дворѣ утвердилось вліяніе «темныхъ безотвѣтственныхъ силъ», смущавшее даже монархически настроенныхъ людей и роковымъ образомъ толкавшее верховную власть къ пропасти. — Всѣ предупрежденія, благоразумные совѣты, даже убійство Распутина, считавшагося «злымъ геніемъ Россіи», убійство, въ которомъ приняли активное участіе родственники Царя, — не остановило эту власть на пути къ паденію.

Роковымъ образомъ Императоръ Николай II-й подошелъ къ необходимости отреченія.

Случилось такъ, что извѣстіе объ убійствѣ Распутина пришло въ Ставку въ день, назначенный для совѣщанія спеціально вызванныхъ въ Могилевъ главнокомандующихъ фронтами и ихъ начальниковъ штабовъ. — Предметомъ совѣщанія долженъ былъ быть планъ военныхъ дѣйствій на 1917-й годъ. — Несмотря на исключительную важность совѣщанія, естественный предсѣдатель его Государь, добровольно принявшій на себя тяжесть предводительствованія Дѣйствующей Арміей, оставилъ послѣднюю и, неожиданно прервавъ совѣщаніе, уѣхалъ въ Царское Село. — Этотъ неосторожный поступокъ тяжелымъ камнемъ легъ на души всѣхъ насъ, вызванныхъ на совѣщаніе. — Невольно у каждаго явилась мысль, что для доведенія страны до побѣднаго конца нужна другая власть и можетъ быть — другой Вождь.

5. Начало грозныхъ событій.

Такимъ образомъ къ концу 1916-го года страна и армія очутились передъ сознаніемъ неизбѣжности измѣненія власти.

Возможенъ былъ двоякій путь — дворцоваго или революціоннаго переворота. Первый выходъ казался менѣе болѣзненнымъ и менѣе кровавымъ, чѣмъ путь революціонный. Къ тому же, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, сочувствовавшихъ дворцовому заговору, имъ обезпечивалась возможность сохраненія монархическаго принципа.

Но организація такого переворота требовала времени, котораго надвигавшіяся событія, повидимому, не дали. — Россія шла болѣе быстрыми шагами къ революціи.

Уже въ началѣ марта недовольство въ столицѣ стало выливаться въ уличныя волненія. Поводомъ къ нимъ послужила дороговизна пищевыхъ продуктовъ и недостатокъ хлѣба. Населеніе, непріученное къ лишеніямъ военнаго времени и напуганное слухами о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, бросилось къ хлѣбнымъ и продовольственнымъ лавкамъ въ цѣляхъ сдѣлать для себя запасы. Весьма быстро опустошивъ эти лавки, оно лишь подчеркнуло этимъ недостаточность запасовъ въ столицѣ и необычайно взвинтило цѣны на продукты первой необходимости.

Въ слѣдующіе дни, уже подъ вліяніемъ агитаціи, волненія широко охватили заводы и на улицѣ появились толпы рабочихъ. Слышались выкрики: «долой самодержавіе, долой войну», которые говорили о политическомъ характерѣ этихъ выступленій. Начались столкновенія съ войсками и полиціей.

Затѣмъ волненія перебросились въ войска. Гарнизонъ столицы состоялъ къ тому времени исключительно изъ запасныхъ частей, переполненныхъ, какъ читатель уже знаетъ, сверхъ всякой мѣры призванными, проводившими время по большей части въ праздности. — Это былъ прекрасный матеріалъ для всякаго рода агитаціи, причемъ возстановленіе такими войсками порядка въ столицѣ было, конечно, невозможно. Революціонными агитаторами былъ обѣщанъ этимъ войскамъ невыводъ изъ столицы на фронтъ.

Толпа рабочихъ, руководимая агитаторами, разгромила столичный арсеналъ и овладѣла хранившимся тамъ оружіемъ. Пользуясь этимъ оружіемъ, рабочіе стали вооружаться и формировать изъ себя части «Красной гвардіи»; изъ тюремъ были выпущены всѣ задержанные, которые еще болѣе способствовали наростанію безпорядковъ.

Наконецъ, къ 13-му марта въ стѣнахъ Государственной Думы сформировался и утвердился явочнымъ порядкомъ «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», выдѣлившій изъ себя исполнительный комитетъ;

послѣдній и сталъ руководителемъ революціоннаго движенія въ столицѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ открылись засѣданія названнаго совѣта, причемъ членъ Государственной Думы соціалъ-демократъ Чхеидзе впервые произнесъ зловѣщія слова: «Да здравствуетъ революція!»

Параллельно съ работой соціалистическихъ партій, сгруппировавшихся вокругъ названнаго совѣта, болѣе умѣренные члены Государственной Думы, во главѣ съ ея предсѣдателемъ М. В. Родзянко, стремились удержать начавшуюся революцію на извѣстной грани. — Эта работа имъ удалась лишь отчасти сформированіемъ 14-го марта Временнаго Правительства, во главѣ котораго сталъ въ качествѣ предсѣдателя этого правительства князь Е. Г. Львовъ. Составленная, за исключеніемъ одного А. Ф. Керенскаго, изъ буржуазныхъ элементовъ, новая власть оказалась въ очень трудномъ, почти безпомощномъ положеніи, принужденная во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ считаться съ мнѣніемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ и его исполнительнаго органа, вліяніе которыхъ съ каждымъ днемъ, вѣрнѣе часомъ, все росло и крѣпло въ странѣ.

6. Какъ реагировала на событія Императорская Ставка?

Находившійся со времени убійства Распутина въ Царскомъ Селѣ Императоръ Николай II-й едва ли не въ день возникновенія въ столицѣ безпорядковъ возвратился въ Могилевъ.

О размѣрахъ и теченіи возникшихъ волненій онъ вначалѣ получалъ отъ военнаго министра того періода времени, генерала Бѣляева, рядъ успокоительныхъ телеграммъ, почему происшедшія волненія и не внесли въ жизнь Ставки на первое время какой либо особой тревоги. За послѣднее время безпорядки и забастовки были довольно обычны.

«Повелѣваю завтра же прекратить безпорядки въ столицѣ», — телеграфировалъ Царь изъ Ставки въ Петроградъ 10-го марта.

Однако, уже на слѣдующій день Великій Князь Михаилъ Александровичъ, случайно оказавшійся въ Петроградѣ, сообщалъ своему брату Императору Николаю II-му о томъ, что положеніе въ столицѣ становится грознымъ и что М. В. Родзянко и другія лица уговариваютъ его принять на себя регентство въ столицѣ.

Наконецъ, еще черезъ день въ Могилевъ посыпались изъ Петрограда очень тревожныя вѣсти отъ князя Голицына — новаго предсѣдателя Совѣта Министровъ, и М. В. Родзянко, о томъ, что

опасность угрожаетъ не только столицѣ, но также странѣ и династіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалось о присылкѣ въ Петроградъ подкрѣпленій изъ Ставки и особаго лица, надѣленнаго широкими полномочіями.

Застигнутый, такимъ образомъ, неожиданностью, Императоръ Николай II-й рѣшаетъ для возстановленія въ столицѣ порядка командировать въ нее съ диктаторскими правами генералъ-адъютанта Иванова, бывшаго главнокомандующаго войсками Юго-Западнаго фронта, а въ то время состоявшаго въ Ставкѣ при особѣ Государя. Одновременно съ симъ, было объявлено въ Ставкѣ объ отъѣздѣ Государя наступающей ночью въ Царское Село.

Вмѣстѣ съ генераломъ Ивановымъ рѣшено было отправить въ столицу находившійся при Ставкѣ Георгіевскій батальонъ. — Батальонъ этотъ былъ сформированъ для охраны царской резиденціи въ Могилевѣ исключительно изъ заслуженныхъ георгіевскихъ кавалеровъ. Вслѣдствіе тщательнаго отбора офицеровъ и солдатъ, онъ считался безукоризненно твердымъ, и, въ качествѣ таковаго, подлежалъ отправленію въ столицу.

Независимо отъ того, Ставка сдѣлала, съ своей стороны, распоряженіе о томъ, чтобы въ составъ войскъ генерала Иванова были немедленно же командированы отъ каждаго фронта (исключая Румынскаго), особые отряды изъ наиболѣе прочныхъ частей войскъ.

Однако, дѣйствія генерала Иванова вылились въ чрезвычайно нерѣшительныя формы: его поѣздъ не былъ пропущенъ въ столицу, а слѣдовавшіе къ нему отряды войскъ къ моменту развязки частью запоздали, частью же не дошли до своего назначенія, будучи распропагандированы въ пути.

7. Наканунѣ отреченія Императора Николая II отъ Всероссійскаго Престола.

Ко времени изложенныхъ событій я, откомандовавъ около года корпусомъ, былъ назначенъ начальникомъ штаба армій Сѣвернаго фронта. — Главнокомандующимъ войсками этого фронта былъ генералъ-адъютантъ Н. В. Рузскій.

— Николай Владиміровичъ Рузскій, — сказалъ мнѣ при личномъ свиданіи въ г. Могилевѣ генералъ Алексѣевъ, — по состоянію своего здоровья нуждается въ опытномъ начальникѣ штаба, и Государь считаетъ васъ очень полезнымъ на этомъ посту. — Этими соображеніями должна быть для васъ исключена возмож-

ность отказа. — Впрочемъ Вы тѣ же слова услышите лично отъ Государя на завтракѣ, — добавилъ онъ, слѣдуя вмѣстѣ со мною въ губернаторскій домъ, гдѣ проживалъ Императоръ...

Въ своей новой должности я находился съ середины августа 16-го года во Псковѣ — мѣстѣ расположенія штаба названнаго фронта, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Петроградомъ. Мнѣ пришлось провести очень безпокойную осень 16-го года, и тамъ же меня застали тревожные мартовскіе дни.

14-го марта, послѣ полудня, я, вполнѣ неожиданно, получилъ телеграмму отъ дворцоваго коменданта генерала Воейкова о томъ, что черезъ станцію Дно во Псковъ слѣдуетъ Государь Императоръ. — Телеграмма была подана въ Старой Руссѣ и въ ней не было никакихъ отмѣтокъ ни о цѣли поѣздки, ни о времени прибытія Императорскаго поѣзда.

Эта телеграмма, какъ я уже сказалъ, была для командованія Сѣвернымъ фронтомъ полной неожиданностью, такъ какъ еще наканунѣ мы получили сообщеніе генерала Алексѣева о предстоящей поѣздкѣ Императора Николая II-го въ Царское Село.

Но почему потребовалось измѣненіе направленія Императорскаго поѣзда? Для насъ это оставалось загадкой.

Выяснивъ спѣшно время прибытія Императорскаго поѣзда во Псковъ, генералъ Рузскій и я выѣхали на вокзалъ встрѣтить Царя. Только около 8-ми часовъ вечера, уже въ полной темнотѣ, ожидаемый поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру.

Мы тотчасъ же были приняты Государемъ въ хорошо мнѣ извѣстномъ зеленомъ салонѣ, составлявшемъ переднюю часть вагона-столовой. Государь былъ въ темно-сѣромъ бешметѣ, перепоясанный узкимъ чернымъ ремнемъ съ серебряными украшеніями. — Встрѣтивъ насъ съ обычной любезностью, онъ спокойнымъ голосомъ объяснилъ, что, по пути въ Царское, его поѣздъ былъ задержанъ извѣстіемъ о томъ, что ст. Любань занята вооруженнымъ отрядомъ революціонеровъ, почему онъ и рѣшилъ свернуть на Псковъ, въ надеждѣ проѣхать въ Царское Село по С.-Западной линіи черезъ Лугу.

Послѣ обѣда, къ которому мы оба были приглашены Государемъ и который, въ обстановкѣ прибытія поѣзда, показался намъ крайне тягостнымъ, я поспѣшилъ уѣхать въ городъ въ штабъ; генералъ же Рузскій остался у Царя для болѣе подробной бесѣды о сложившейся обстановкѣ. — Въ теченіе надвигающагося вечера я дважды заѣзжалъ на вокзалъ: одинъ разъ съ телеграммой генера-

ла Алексѣева на имя Государя, въ которой излагалась просьба о дарованіи странѣ отвѣтственнаго министерства, съ М. В. Родзянко во главѣ, и другой разъ, съ извѣщеніемъ, что ст. Луга — въ рукахъ возставшихъ, что дѣлало уже невозможнымъ безпрепятственное направленіе Императорскаго и свитскаго поѣздовъ на сѣверъ.

Поздно вечеромъ вышелъ отъ Царя главнокомандующій. — Онъ казался очень утомленнымъ и кратко сообщилъ мнѣ о согласіи Государя на министерство Родзянко, отвѣтственное передъ законодательными учрежденіями. Неразрѣшеннымъ оставался лишь вопросъ о порядкѣ назначенія министровъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского, которыхъ Государь желалъ оставить не связанными съ остальнымъ кабинетомъ.

— Я надѣюсь, что это удовлетворитъ возставшихъ, — добавилъ въ концѣ своей бесѣды Н. В. Рузскій.

Однако, изъ ночной бесѣды послѣдняго по прямому проводу съ М. В. Родзянко выяснилось, что къ тому времени революціонныя требованія въ столицѣ стали гораздо обширнѣе. «Грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при регентствѣ Михаила Александровича, передавалъ предсѣдатель Государственной Думы, становятся вполнѣ опредѣленными»...

Въ 10 часовъ утра 15-го марта главнокомандующій вторично посѣтилъ Государя и передалъ ему содержаніе своей ночной бесѣды съ Родзянко. — Во время этой бесѣды генералу Рузскому была передана присланная ему циркулярная телеграмма изъ Ставки отъ генерала Алексѣева ко всѣмъ главнокомандующимъ, не исключая и Великаго Князя Николая Николаевича, въ которой начальникъ штаба Государя высказывался, подобно Родзянко, въ пользу отреченія. Генералъ Алексѣевъ просилъ главнокомандующихъ, въ случаѣ ихъ согласія съ его мнѣніемъ, телеграфировать ихъ ходатайства объ отреченіи непосредственно Его Величеству.

Въ виду содержанія этой телеграммы, Царь согласился съ мнѣніемъ Н. В. Рузскаго объ отсрочкѣ окончательнаго рѣшенія до полученія соотвѣтственныхъ отвѣтовъ.

Вскорѣ отъ генерала Алексѣева поступила новая телеграмма на Высочайшее имя, въ которой дословно передавались отвѣты отъ главнокомандующихъ Кавказскаго, Юго-Западнаго и Западнаго фронтовъ, являвшіеся, въ сущности, ходатайствами объ отреченіи.

Великій Князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣнопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ нему.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, передайте ему — Ваше наслѣдіе.

Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ. Генералъ-адъютантъ Николай».

Нѣсколько позднѣе были получены телеграммы отъ главнокомандующаго Румынскимъ фронтомъ и командующаго Балтійскимъ флотомъ вице-адмирала Непенина.

Адмиралъ Непенинъ писалъ: «Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя мнѣ войска... Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ же часовъ, то это повлечетъ за собою катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей Родины».

Здѣсь важно отмѣтить, что и Временнымъ Комитетомъ Членовъ Государственной Думы, Ставкой и главнокомандующими фронтами вопросъ объ отреченіи Императора Николая II-го, трактовался во имя сохраненія Россіи и доведенія ею войны до конца, не въ качествѣ насильственнаго акта, или какого либо революціоннаго «дѣйства», а съ точки зрѣнія вполнѣ лойяльнаго совѣта или ходатайства, окончательное рѣшеніе по которому должно было исходить отъ самого Императора. Такимъ образомъ, нельзя упрекать этихъ лицъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые партійные дѣятели, въ какой либо измѣнѣ или предательствѣ. Они только честно и откровенно выразили свое мнѣніе, что актомъ добровольнаго отреченія Императора Николая II-го отъ престола могло быть, по ихъ мнѣнію, обезпечено достиженіе военнаго успѣха и дальнѣйшее развитіе русской государственности.

Если они ошиблись, то въ этомъ едва ли ихъ вина.

Генералъ Рузскій, собираясь съ этими телеграммами къ Царю и намѣреваясь присоединиться къ ихъ содержанію, просилъ также своихъ ближайшихъ сотрудниковъ — меня, какъ начальника штаба, и генерала Саввича — главнаго начальника снабженій армій и тыла фронта, не видѣвшихъ также иного исхода для успокоенія страны и возможности доведенія войны до конца, присутствовать при докладѣ, для подкрѣпленія нашимъ мнѣніемъ его доводовъ. — «Государь уже освѣдомленъ о томъ, что я пріѣду съ Вами...» — сказалъ Н. В. Рузскій

8. Историческія минуты отреченія. Назначеніе Великаго Князя Н. Н. вновь Верховнымъ Главнокомандующимъ Русской Арміей.

Императоръ Николай встрѣтилъ насъ въ томъ же зеленомъ салонѣ своего вагона-столовой. Онъ казался спокойнымъ, но былъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго: видно было, что онъ провелъ большую часть ночи безъ сна. Одѣтъ онъ былъ въ той же темно-сѣрой черкескѣ, съ кинжаломъ въ серебряныхъ ножнахъ на поясѣ.

Усѣвшись у небольшого четыреугольнаго стола, Государь сталъ внимательно слушать Н. В. Рузскаго. Послѣдній, сидя противъ Императора, медленнымъ голосомъ сталъ докладывать о всемъ происшедшемъ за истекшіе часы и дойдя до телеграммы генерала Алексѣева съ отвѣтными ходатайствами старшихъ войсковыхъ начальниковъ просилъ Государя лично ознакомиться съ ихъ содержаніемъ.

Затѣмъ Н. В. Рузскій, отчеканивая каждое слово, сталъ излагать свое собственное мнѣніе, клонившееся къ выводу о невозможности для Государя принять какое либо иное рѣшеніе, кромѣ того, которое подсказывалось совѣтами запрошенныхъ лицъ. — Въ концѣ своего доклада главнокомандующій просилъ выслушать и наше мнѣніе.

Мы съ генераломъ Саввичемъ, остававшіеся во все время этой сцены стоя, подтвердили въ общемъ мнѣніе, намѣченное председателемъ Государственной Думы и поддержанное старшими начальниками Дѣйствующей Арміи.

Наступило гробовое молчаніе.

Государь видимо волновался. Нѣсколько разъ онъ безсознательно взглядывалъ въ плотно завѣшанное окно вагона. Затѣмъ вставъ и быстро повернувшись въ нашу сторону, перекрестился

широкимъ крестомъ и произнесъ: «Я рѣшился... Я рѣшилъ отказаться отъ Престола въ пользу своего сына Алексѣя!...

— Благодарю васъ всѣхъ за доблестную и вѣрную службу. Надѣюсь, что она будетъ продолжаться и при моемъ сынѣ...»

Точно камень, давившій насъ, свалился съ плечъ. — Минута была глубоко торжественная. Поведеніе отрекшагося Императора было достойно всякаго преклоненія.

— «Нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія Россіи, — такими словами начиналась его телеграмма объ отреченіи, написанная Государемъ тутъ же на имя предсѣдателя Государственной Думы.

Столь же выразительными словами, полными высокаго чувства къ Родинѣ, онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи начальнику штаба генералу Алексѣеву.

Этой трогательной сценой, однако, не закончились событія даннаго историческаго дня. — Манифесту, соотвѣтствующему принятому рѣшенію Государя, не суждено было быть распубликованнымъ, съ одной стороны — вслѣдствіе дополнительно состоявшагося перерѣшенія Императора Николая II-го, продиктованнаго, повидимому, неизлѣчимымъ характеромъ болѣзни сына, объ отказѣ его отъ престола не въ пользу Цесаревича Алексѣя, а въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича, а съ другой стороны — вслѣдствіе телеграммы изъ Петрограда о прибытіи вечеромъ того же дня въ Ставку двухъ членовъ Государственной Думы (А. И. Гучкова и В. В. Шульгина)

Необходимо было первоначально выяснить, чѣмъ собственно былъ вызванъ ихъ пріѣздъ.

Въ 10 часовъ вечера названные депутаты прибыли во Псковъ. На станціи они были встрѣчены дежурнымъ флигель-адъютантомъ и, минуя главнокомандующаго, который, вмѣстѣ со мною, поджидалъ ихъ, сидя у себя въ вагонѣ, были непосредственно приглашены къ Царю. Черезъ нѣкоторое время изъ Царскаго поѣзда Государь прислалъ и за нами.

Мы подошли къ концу разговора Государя съ членами Думы. Кончалъ говорить Гучковъ. — Императоръ Николай II-й въ отвѣтъ на его рѣчь, содержаніе которой, повидимому, клонилось къ убѣжденію Царя въ неизбѣжности отреченія, коротко отвѣчалъ, что имъ уже принято соотвѣтствующее рѣшеніе.

— Вначалѣ я полагалъ, — сказалъ Царь, — передать Престолъ моему сыну, но затѣмъ, обдумавъ положеніе, перемѣнилъ

свое рѣшеніе и нынѣ отрекаюсь за себя и за сына, въ пользу моего брата — Михаила....

Слова эти были для генерала Рузскаго и меня полною неожиданностью и я ожидалъ возраженія на нихъ со стороны присланныхъ делегатовъ. — Но они молчали.

Государь всталъ и прошелъ въ свой вагонъ, чтобы принести текстъ измѣненнаго манифеста. — На мое сомнѣніе, высказанное депутатамъ въ правильности намѣчавшагося измѣненія порядка престолонаслѣдія, съ точки зрѣнія закона, я получилъ ихъ успокоительныя завѣренія. Считая свою роль этимъ замѣчаніемъ законченной, я отошелъ въ сторону...

Вошелъ вновь Императоръ съ текстомъ манифеста. — Исполнивъ просьбу депутатовъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ и набросавъ дополнительно текстъ двухъ указовъ Правительствующему Сенату — о бытіи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великому Князю Николаю Николаевичу и другой указъ — о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князя Г. Е. Львова, Государь приказалъ изготовить эти документы для подписи. Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, отрекшійся Императоръ, распростился со всѣми и удалился къ себѣ въ вагонъ..

Я больше не видѣлъ отрекшагося Императора...

Вопросъ о передачѣ Верховнаго Главнокомандованія Великому Князю Николаю Николаевичу, насколько помнится, былъ подсказанъ Н. В. Рузскимъ, но онъ казался, повидимому, всѣмъ безспорнымъ; назначеніе же князя Г. Е. Львова было сдѣлано въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ присутствовавшихъ при этомъ депутатовъ.

9. Послѣдніе дни пребыванія отрекшагося Императора въ Ставкѣ.

Въ ночь на 16-ое марта отрекшійся отъ Престола Императоръ Николай отбылъ изъ Двинска черезъ Витебскъ въ Ставку.

Обыкновенно во время Императорскихъ путешествій одинъ за другимъ слѣдовали два поѣзда: лит. А. и лит. Б., по внѣшнему своему виду не отличавшіеся другъ отъ друга. — Въ первомъ поѣздѣ помѣщался Государь со всей своей ближайшей свитой; во второмъ — ѣхала охрана и низшіе служащіе. — Поѣзда въ пути мѣнялись: впереди шелъ то поѣздъ лит. А., то лит. Б. — Дѣлалось это для большей безопасности отъ всякаго рода покушеній на царскій поѣздъ.

Въ данномъ случаѣ впереди шелъ поѣздъ лит. А., увозившій въ Могилевъ отрекшагося Царя. — Переѣздъ былъ выполненъ безпрепятственно, безъ всякихъ задержекъ. — На станціяхъ почти не было публики, и никакихъ выраженій чувствъ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ къ бывшему Царю проявлено не было.

Государь во время переѣзда держалъ себя сдержанно, но наружно спокойно. Онъ оставался въ формѣ своихъ кавказскихъ пластуновъ и, при остановкахъ поѣзда, изрѣдка выходилъ изъ вагона подышать свѣжимъ воздухомъ.

Днемъ имъ была отправлена съ пути Великому Князю Михаилу Александровичу телеграмма, въ которой онъ выражалъ свои пожеланія счастливаго ему царствованія и объяснялъ мотивы, по которымъ считалъ необходимымъ престолъ передать ему, а не законному Наслѣднику. — Такимъ образомъ, въ царскомъ поѣздѣ тогда еще было неизвѣстно то рѣшеніе, которое на самомъ дѣлѣ было принято братомъ Государя.

Поѣздъ съ отрекшимся Императоромъ подошелъ къ Могилеву уже совсѣмъ вечеромъ 16-го марта. — На дебаркадерѣ для встрѣчи Царя находился его бывшій начальникъ штаба генералъ Алексѣевъ и выстроились въ рядъ офицеры Ставки.

Отрекшійся Императоръ вышелъ изъ вагона въ сопровожденіи своего министра Двора графа Фредерикса. Обнявъ генерала Алексѣева, онъ, въ сопровожденіи названныхъ лицъ, подошелъ къ выстроившимся офицерамъ и, обходя ихъ, каждому жалъ руку. У многихъ на глазахъ выступали слезы. Вслѣдъ затѣмъ Императоръ Николай сѣлъ, вмѣстѣ съ министромъ Двора, въ автомобиль и проѣхалъ прямо въ губернаторскій домъ — свою обычную резиденцію. — Въ тихомъ и провинціальномъ Могилевѣ, населеніе котораго не было предувѣдомлено о пріѣздѣ Царя, на улицахъ было пустынно. — Мерцали только рѣдкіе уличные фонари. Все въ предѣлахъ губернаторскаго дома — было такъ же наружно по старому.

На слѣдующій день утромъ, въ обычное время, въ помѣщеніи генералъ-квартирмейстерской части состоялся оперативный докладъ, затѣмъ завтракъ и въ 3 часа дня — сталъ ожидаться пріѣздъ изъ Кіева Императрицы-Матери Маріи Феодоровны.

Въ этотъ день городъ Могилевъ уже успѣлъ измѣниться. На городской думѣ висѣли красные саженные флаги, а впереди проходившихъ по улицамъ частей войскъ нестройно гремѣли звуки марсельезы.

Въ теченіе самаго короткаго времени, не стѣсняясь присутствіемъ бывшаго Монарха, произошелъ сдвигъ «отъ Двуглаваго орла къ къ красному знамени»*).

Всѣ встрѣчавшіе старую Царицу были поражены той выдержкой, которую проявили при встрѣчѣ, какъ Императрица-Мать. такъ и бывшій Государь.

Императрица Марія Феодоровна, по прибытіи поѣзда, со спокойнымъ видомъ вышла изъ вагона, крѣпко обняла своего сына, обошла всѣхъ прибывшихъ ее встрѣчать, и для каждаго у нея, по обыкновенію, нашлось или — подходящее слово, или ласковая улыбка. — Затѣмъ она, вмѣстѣ съ Государемъ, удалилась въ сторону и довольно долго бесѣдовала съ нимъ съ глазу на глазъ. — Послѣ этого, сѣла въ одинъ съ нимъ автомобиль и прослѣдовала въ тотъ же губернаторскій домъ, въ которомъ проживалъ Государь. — Вернулась она къ себѣ обратно въ поѣздъ, въ сопровожденіи сына, причемъ отрекшійся Императоръ оставилъ ее одну лишь къ полуночи.

Въ этотъ же день изъ Ставки уѣхали, по настойчивому требованію солдатъ могилевскаго гарнизона, уже впитавшихъ въ себя революціонныя настроенія, два приближенныхъ Царя — его министръ Двора графъ Фредериксъ и дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ. — Послѣдняго очень не любили въ Ставкѣ: что же касается графа Фредерикса, весьма почтеннаго и заслуженнаго старика, то его, за иностранную фамилію, объявили въ подозрѣніи и обвинили, неправильно, конечно, въ организаціи нѣмецкой придворной партіи и въ покровительствѣ нѣмцамъ вообще.

Императора Николая II-го озабочивала весьма сильно собственная судьба его и судьба его семьи, почему онъ поручилъ генералу Алексѣеву выяснить ее путемъ сношенія съ Временнымъ Правительствомъ. — Сношеніями этими требовались: 1) безпрепятственный проѣздъ съ лицами свиты въ Царское Село; 2) безопасное пребываніе въ Царскомъ Селѣ до выздоровленія дѣтей, заболѣвшихъ какъ разъ въ этотъ періодъ времени корью; 3) безпрепятственный проѣздъ въ Романовъ на Мурманѣ (съ вѣроятнымъ намѣреніемъ временно уѣхать въ Англію) и 4) разрѣшеніе, по окончаніи войны, пріѣзда въ Россію, для постояннаго проживанія въ Крыму въ Ливадіи.

О четвертомъ вопросѣ генералъ Алексѣевъ повидимому счелъ

---

*) Заглавіе извѣстнаго романа г. Краснова.

несвоевременнымъ ходатайствовать. — Первые же три вопроса были представлены Временному Правительству и ими разрѣшены въ утвердительномъ смыслѣ, о чемъ въ Ставкѣ и была получена соотвѣтственная телеграмма кн. Львова на имя генерала Алексѣева. Какъ оказалось, однако, впослѣдствіи выполнить эти свои постановленія для Временнаго Правительства, терявшаго, въ виду оппозиціи лѣвыхъ круговъ, съ каждымъ днемъ и часомъ свой авторитетъ, было не по силамъ.

Слѣдующій день 18-е марта приходился на воскресенье. — День отличался отъ предыдущаго только церковной службой въ штабной церкви, на которой присутствовалъ Государь со своею Матерью, Императрицей Маріей Феодоровной. — Служба прошла въ особо сдержанномъ настроеніи; она была послѣдней, на которой въ Ставкѣ присутствовалъ Государь.

Затѣмъ въ слѣдующіе дни Императоръ Николай II-й прощался со всѣми военными агентами и своимъ штабомъ, причемъ 21-го марта отдалъ прощальный приказъ; наиболѣе знаменательными словами въ немъ были слѣдующія:

«Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды. Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его, тотъ измѣнникъ отечества, его предатель».

«Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу»....

Насколько знаю, приказъ этотъ не былъ объявленъ и армія узнала о его существованіи и содержаніи лишь по ходившимъ рукописнымъ спискамъ.

Весьма трогательно было прощаніе Императора Николая съ чинами Ставки.

Всѣ офицеры были собраны во одномъ изъ большихъ залъ дома, въ которомъ помѣщалось дежурство. — Сзади офицеровъ и на лѣстницѣ стояли солдаты и писаря. — Государь, проходя мимо, поздоровался съ ними попрежнему обычаю, и они стройно отвѣтили ему: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество».

Затѣмъ отрекшійся Императоръ вошелъ въ середину четыреугольника, образованнаго офицерами Ставки, и, обратившись къ нимъ, произнесъ по адресу собравшихся нѣсколько благодарственныхъ словъ — Всѣ были необыкновенно взволнованы... Въ разныхъ мѣстахъ зала начались всхлипыванія... Кто-то упалъ въ об-

морокъ... Государя также душили слезы. Онъ началъ было прощаться, пожимая поочередно офицерамъ руки, но на срединѣ внезапно оборвалъ эту формальность и скорыми шагами сталъ спускаться по лѣстницѣ... Никакіе нервы не могли выдержать...

Вмѣстѣ съ Царемъ уходила прежняя Россія.

Въ полдень отрекшійся Царь въ закрытомъ автомобилѣ выѣхалъ на вокзалъ, гдѣ стоялъ поѣздъ Императрицы-Матери.

Въ тотъ же день, 21-го марта, въ Могилевъ прибылъ поѣздъ съ членомъ Государственной Думы Бубликовымъ во главѣ для сопровожденія Императора Николая II-го въ Петербургъ. Началась суматоха, въ которой устанавливался порядокъ отъѣзда отрекшагося Царя изъ Ставки. Находившійся къ тому времени въ поѣздѣ своей Матери Императоръ Николай II-й долженъ былъ перейти къ себѣ въ вагонъ, къ которому сзади былъ прицѣпленъ другой вагонъ съ лицами, прибывшими изъ столицы для сопровожденія Государя. Императору Николаю II-му при этомъ было объявлено, что онъ долженъ себя считать арестованнымъ. Въ такомъ видѣ бывшій Глава Россійскаго государства былъ плѣнникомъ увезенъ изъ Ставки въ Царское Село...

ГЛАВА XIII-я.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА НА КАВКАЗѢ ВЪ ПЕРІОДЪ РЕВОЛЮЦІИ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ТИФЛИСА И ПРИБЫТІЕ ВЪ СТАВКУ.

1. Обращеніе къ Великому Князю отъ имени Земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Еще осенью 1916-го года стали ползти все настойчивѣе слухи о зарожденіи какого то заговора, имѣвшаго цѣлью, во имя спасенія Россіи, выполненіе дворцоваго переворота.

По секрету передавались даже имена лицъ, якобы участвовавшихъ въ этомъ заговорѣ. — Это были все очень солидные люди. — Ходили слухи — не знаю, насколько въ нихъ было правды. — что о существованіи заговора были освѣдомлены генералы Алексѣевъ, Брусиловъ и нѣкоторые другіе.

Версіи были различныя. — Въ общемъ складывалось впечатлѣніе, что Императоръ Николай II-й долженъ быть устраненъ отъ власти. По общему убѣжденію, это вызывалось необходимостью доведенія войны до побѣднаго конца и потребностями страны, нетерпѣливо ожидавшей проведенія насущныхъ реформъ. Малолѣтній Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй долженъ былъ замѣстить на русскомъ престолѣ своего отца. До его совершеннолѣтія намѣчалось установленіе регентства. въ лицѣ Великаго Князя Михаила Александровича, — брата Императора Николая II-го. — Эта комбинація считалась наиболѣе цѣлесообразной, съ точки зрѣнія закрѣпленія въ Россіи конституціоной монархіи.

Но были и другія предположенія. — Извѣстно было, что Цесаревичъ Алексѣй былъ неизлѣчимо боленъ чрезвычайно рѣдкою болѣзнью, которая въ медицинѣ называется: «гемофиліей». Она ка-

рактеризуется крайнею непрочностью кровеносныхъ сосудовъ и отсутствіемъ у крови больного свойства свертыванія. — Вслѣдствіе этого, даже ничтожный ушибъ способенъ былъ вызвать у Наслѣдника обильное кровоизліяніе, въ результатѣ котораго могъ имѣть мѣсто смертельный исходъ.

Начало этой болѣзни — характера наслѣдственнаго, причемъ ея отличительное свойство заключается въ томъ, что она передается по матери только мужскому поколѣнію. Такимъ образомъ ни мать Цесаревича Алексѣя, ни его сестры этой болѣзнью не страдали.

Было также всѣмъ извѣстно, что братъ Императора Николая Второго, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, при многихъ своихъ симпатичныхъ и благородныхъ качествахъ, обладалъ почти полнымъ отсутствіемъ воли; это могло также угрожать Россіи въ будущемъ многими неудобствами.

— Вы знаете Мишу, — говорила про него своимъ приближеннымъ Мать, Императрица Марія Феодоровна, — повѣрьте, что онъ имѣетъ еще меньше воли и характера, чѣмъ его братъ, Императоръ Николай II-й.

При такихъ условіяхъ данная комбинація: Цесаревичъ Алексѣй при регентѣ Михаилѣ Александровичѣ, многимъ не внушала большого довѣрія. Въ средѣ, напримѣръ, земскихъ и городскихъ дѣятелей, игравшихъ въ исторіи русскаго общественнаго движенія большую роль, произносилось не разъ имя Великаго Князя Николая Николаевича, въ качествѣ лица, наиболѣе соотвѣтствующаго для занятія Всероссійскаго Престола, съ предоставленіемъ странѣ отвѣтственнаго министерства, главой котораго намѣчали князя Г. Е. Львова.

Князь Георгій Евгеньевичъ Львовъ былъ очень уважаемый общественный и земскій дѣятель. Онъ уже давно выдвигался общественными кругами въ качествѣ кандидата на отвѣтственную должность предсѣдателя прогрессивнаго кабинета, если бы таковой сконструировался. — Во время войны Г. Е. Львовъ стоялъ во главѣ Всероссійскаго Земскаго Союза, много и плодотворно работавшаго на фронтѣ и въ тылу по санитарно-медицинской и бытовой части арміи.

Что касается царствовавшихъ особъ, то дальнѣйшая судьба ихъ, по осуществленіи заговора, точно опредѣлена не была. По мнѣнію однихъ, Императрица Александра Феодоровна, которой приписывалось чрезвычайно дурное вліяніе на царствовавшаго Монарха, должна была удалиться въ монастырь, но большинство держалось

того мнѣнія, что царственную чету лучше всего вывезти изъ Россіи въ Англію.

Арестъ Государя предполагалось произвести или въ Ставкѣ, или во время одного изъ переѣздовъ его изъ Могилева въ Петербургъ, или обратно.

Мнѣ неизвѣстно насколько осуществленіе этого заговора было близко къ выполненію, но повидимому въ концѣ 1916-го года онъ находился еще только въ періодѣ образованія.

Въ декабрѣ 1916-го дода въ Москвѣ долженъ былъ состояться въ особнякѣ князя П. Д. Долгорукова, недавно убитаго большевиками, а въ то время бывшаго однимъ изъ очень видныхъ представителей либеральнаго движенія — съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей для обсужденія общаго положенія въ государствѣ. — Однако явившаяся полиція, не допустила этого съѣзда.

Тогда предсѣдатель этого съѣзда князь Г. Е. Львовъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ того же дня на секретное совѣщаніе по тому же вопросу нѣсколькихъ наиболѣе видныхъ дѣятелей, и въ числѣ ихъ А. И. Хатисова, состоявшаго тифлисскимъ городскимъ головой и предсѣдателемъ Кавказскаго отдѣла всероссійскаго земскаго союза городовъ*). Обрисовавъ передъ собравшимися трагическое положеніе, создавшееся въ Россіи, и указавъ, что всѣ попытки приблизить дѣятельность власти къ требованіямъ народа не привели къ положительнымъ результатамъ, Г. Е. Львовъ закончилъ свою рѣчь заключеніемъ, что только выполненіе дворцоваго переворота способно измѣнить положеніе. Приэтомъ хозяинъ дома указалъ, что престолъ Всероссійскій долженъ былъ бы перейти къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Въ доказательство того сочувствія, которое встрѣтило бы такое рѣшеніе въ земскихъ и городскихъ кругахъ, при условіи если стало бы возможнымъ, образованіе кабинета имъ возглавляемаго, Г. Е. Львовъ привелъ въ видѣ справки, что у него имѣется соотвѣтственное письменное заключеніе. за подписью многихъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и городскихъ головъ, указывающихъ на необходимость образованія такого отвѣтственнаго передъ страной министерства.

Приглашенныя къ Г. Е. Львову лица, обсудивъ проектъ, изложенный имъ, отнеслись къ его осуществленію съ сочувствіемъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, А. И. Хатисову было пору-

---

*) Послѣдующій разсказъ впервые сталъ извѣстнымъ въ обществѣ по статьѣ въ газетѣ «Посл. Нов.». Прежде включенія его въ мою книгу, я тщательно провѣрилъ сообщенные въ немъ факты путемъ разспроса лицъ, причастныхъ къ нему и заслуживающихъ полнаго довѣрія.

чено, по возвращеніи въ Тифлисъ, ознакомить съ сущностью этого проекта Великаго Князя Николая Николаевича и выяснить поскольку можно расчитывать на его, въ этомъ смыслѣ, сочувствіе.

Послѣдующая поѣздка А. И. Хатисова въ Петроградъ и бесѣды его съ нѣкоторыми лицами, которыя онъ велъ, еще болѣе убѣдили А. И. Хатисова въ неизбѣжности принятія самыхъ настойчивыхъ мѣръ къ измѣненію существующаго положенія; поэтому указанное лицо, по возвращеніи въ Тифлисъ, рѣшилось твердо на выполненіе принятаго имъ на себя порученія.

Чтобы понять самую возможность выполненія А. И. Хатисовымъ этого порученія, необходимо отмѣтить, что у этого лица установились весьма близкія отношенія съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ за время весьма долгаго пребыванія послѣдняго въ должности Намѣстника. Оставляя Тифлисъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ сообщилъ А. И. Хатисову, что, имѣя въ виду встрѣтить Великаго Князя въ пути на Кавказъ, онъ будетъ радъ засвидѣтельствовать передъ нимъ о тѣхъ чувствахъ довѣрія, которыя онъ питаетъ къ Хатисову. При этомъ графъ Воронцовъ выразилъ мысль, что по его мнѣнію Хатисовъ, именно тотъ человѣкъ, съ которымъ Великій Князь можетъ говорить вполнѣ откровенно, причемъ бесѣда эта будетъ для Великаго Князя чрезвычайно полезна, ввиду большого знанія края и вліянія его собесѣдника, пріобрѣтеннаго имъ въ прогрессивныхъ кругахъ общественности. — Такимъ образомъ черезъ посредство А. И. Хатисова для Великаго Князя открывалась возможность сношеній не только съ тифлисской общественностью вообще, но и съ лѣвопартійными кругами Кавказа въ частности.

И дѣйствительно, о такомъ мнѣніи бывшаго Намѣстника, Великій Князь на первомъ же пріемѣ съ полною откровенностью сообщилъ Хатисову, причемъ послѣдній высказалъ, что былъ бы радъ заслужить такое же довѣріе и со стороны Великаго Князя.

Великій Князь охотно пошелъ навстрѣчу частнымъ бесѣдамъ съ нимъ А. И. Хатисова и такимъ образомъ, между обоими названными лицами, съ теченіемъ времени установились также вполнѣ довѣрчивыя отношенія.

Вернувшись послѣ своей поѣздки въ Москву и Петроградъ обратно въ Тифлисъ, А. И. Хатисовъ, принося Великому Князю Николаю Николаевичу свои новогоднія поздравленія по случаю начала 1916-го года, не преминулъ испросить разрѣшеніе на особо-секретную бесѣду по чрезвычайно важному и довѣрительному дѣлу. Получивъ таковое разрѣшеніе, Хатисовъ изложилъ Великому

Князю картину внутренняго состоянія Россіи и проектъ, обсуждавшійся въ Москвѣ у князя Львова. Внимательно выслушавъ этотъ проектъ и ознакомившись съ характеромъ той роли, которая отводилась въ проектѣ ему самому, Великій Князь заявилъ, что будучи застигнутъ врасплохъ онъ лишенъ, въ данную минуту, возможности дать окончательный отвѣтъ, почему и откладываетъ свое рѣшеніе на нѣкоторое время.

Черезъ нѣсколько дней, пригласивъ къ себѣ вновь А. И. Хатисова, Великій Князь отклонилъ отъ себя сдѣланное ему предложеніе, указавъ, что будучи прежде всего военнымъ дѣятелемъ онъ пришелъ къ заключенію, что солдаты, отражающіе русскій народъ, не поймутъ сложныхъ комбинацій, заставляющихъ пожертвовать Царемъ и едва ли будутъ на сторонѣ заговорщиковъ, при задуманномъ низверженіи съ престола Царя.

Тѣмъ не менѣе бесѣда съ А. И. Хатисовымъ заставила Великаго Князя еще глубже вникнуть въ политическія событія, надвигавшіяся на Россію. Приблизительно въ это же время въ Тифлисъ совершенно инкогнито прибыло одно высокопоставленное лицо, высланное изъ Петербурга, которое видимо ознакомило Великаго Князя Николая Николаевича съ сужденіями, имѣвшими мѣсто въ средѣ царской фамиліи по поводу той рискованной политики, которая велась царствующимъ Императоромъ и которая грозила гибелью всей династіи.

Но еще ранѣе Великій Князь имѣлъ возможность быть освѣдомленнымъ о грозныхъ событіяхъ въ Петроградѣ изъ факта высылки въ Персію Великаго Князя Дмитрія Павловича, за его участіе въ убійствѣ Распутина.

Есть данныя предполагать, что въ періодъ времени между бесѣдой Великаго Князя Николая Николаевича съ А. И. Хатисовымъ и мартовскими событіями, сущность этой бесѣды стала извѣстна при Дворѣ и что въ результатѣ ея имѣлось даже ввиду удалить Великаго Князя Николая Николаевича на Дальній Востокъ, назначивъ его Намѣстникомъ этой окраины. Однако, быстро надвинувшіяся событія видимо помѣшали осуществленію этого предположенія.

Нѣкоторые свидѣтели, очень близкіе къ событіямъ этихъ дней говорятъ, что Великій Князь, получивъ свѣдѣнія о начавшемся въ Петроградѣ революціонномъ движеніи и образованіи Временнаго правительства, вновь пригласилъ къ себѣ А. И. Хатисова и поручилъ

ему, въ сопровожденіи одного изъ близкихъ къ Великому Князю генераловъ, объѣхать казармы, оповѣстивъ Тифлисскій гарнизонъ о своемъ сочувствіи народному движенію, въ интересахъ побѣдоноснаго окончанія войны. — О таковомъ же своемъ настроеніи онъ, якобы, объявилъ на пріемѣ у себя и лидерамъ революціонныхъ партій, которые, въ свою очередь, завѣрили его о своемъ къ нему довѣріи.

Эти дѣйствія Великаго Князя, открыто ставшаго въ первые же дни на сторону Временнаго Правительства, обезпечили ему не только безопасность, но и возможность торжественнаго отбытія изъ Тифлиса въ Ставку, послѣ вторичнаго назначенія его на постъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ Тифлисѣ въ эти дни полнаго безвластія сталъ Комитетъ изъ трехъ лицъ: самого А. И. Хатисова, г-на Ж. и поручика П., символизировавшихъ, своимъ общественнымъ положеніемъ и происхожденіемъ, участіе въ управленіи: буржуазіи, соціалъ-демократіи и арміи, а по національности: Россіи, Арменіи и Грузіи. — Этотъ комитетъ и принялъ на себя заботу по безопасности Великаго Князя и его семьи въ предѣлахъ Кавказа.

Великій Князь Андрей Владиміровичъ, выѣхавшій въ Тифлисъ повидать «дядю Николашу», рисуетъ въ своемъ дневникѣ отъѣздъ Великаго Князя изъ Тифлиса въ слѣдующемъ видѣ:

На вокзалѣ я узналъ, — пишетъ авторъ дневника, — что дядя Николаша уѣзжаетъ изъ Тифлиса 7 (20) марта въ 10 час. утра, ввиду чего я остался въ вагонѣ ночевать. Въ 8 час. утра мнѣ передали, чтобы я перешелъ въ вагонъ дяди, а мой вагонъ отправляется впередъ. — Много раньше 10-ти часовъ собрались на вокзалѣ всѣ власти и много народа. Ровно въ 10 час. дядя вошелъ въ вагонъ и со ступеньки еще разъ благодарилъ всѣхъ за горячія проводы и высказанное ему довѣріе въ побѣдоносное окончаніе войны. Почти на всѣхъ стаціяхъ его встрѣчалъ народъ, рабочіе и всѣ говорили ему патріотическія рѣчи. — Его простые, но сильные отвѣты вызывали громкое несмолкаемое «ура». Скоро послѣ отхода поѣзда, онъ позвалъ меня къ себѣ и вотъ что сказалъ:

«Что дѣлается въ Петроградѣ, я не знаю, но по всѣмъ даннымъ все мѣняется и очень быстро. Утромъ, днемъ и вечеромъ все разное и все хуже. Никакихъ свѣдѣній отъ Временнаго Правительства я не получаю, даже нѣтъ утвержденія меня въ должности. Послѣдніе акты, подписанные Государемъ были: назначеніе мое и князя Львова — предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Такимъ образомъ, я назначенъ Государемъ, но указъ Сенату не опублико-

ванъ. — Единственное, что можетъ служить намекомъ, что новое правительство меня признаетъ, это телеграмма князя Львова, гдѣ онъ спрашиваетъ, когда можетъ пріѣхать въ Ставку переговорить. — Больше я ничего не знаю. Не знаю даже пропустятъ ли мой поѣздъ, но надо полагать, что я доѣду»...

«О событіяхъ, случившихся въ Петроградѣ я узналъ 1 (14) марта въ Батумѣ. Туда ѣздилъ переговорить съ адмираломъ Колчакомъ. Получивъ первыя свѣдѣнія, выѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ получилъ телеграмму отъ Алексѣева, что, по мнѣнію всѣхъ командующихъ, Государь долженъ отречься отъ престола. Онъ просилъ меня лично телеграфировать объ этомъ Государю, что мнѣ и пришлось сдѣлать. Я написалъ приблизительно такъ: Впервые дерзаю, какъ вѣрноподанный колѣнопреклоненно умолять Ваше Императорское Величество, для пользы (и т. д.)... отречься отъ престола».

«Отвѣта, конечно, не получилъ, получилъ лишь текстъ Манифеста».

2. Отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича.

Въ дальнѣйшемъ событія текли въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ко времени обратнаго возвращенія въ Петроградъ депутатовъ изъ Пскова отъ отрекшагося отъ престола Императора Николая II-го, настроеніе въ столицѣ значительно измѣнилось въ худшую сторону. Переданный по телеграфу текстъ Манифеста объ отреченіи въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, былъ встрѣченъ революціонными кругами и запасными войсками, составлявшими столичный гарнизонъ, враждебно. По существу судьба династіи Романовыхъ являлась уже обреченной и только искали повода къ признанію Манифеста недѣйствительнымъ. Таковымъ поводомъ оказалось то обстоятельство, что Манифестъ ни словомъ не говорилъ о созывѣ Учредительнаго Собранія.

При изложенныхъ условіяхъ становилось яснымъ, что лицу, которому передавалась Манифестомъ Верховная власть, необходимо было пройти для достиженія трона черезъ трудную и опасную борьбу.

Въ исходѣ ея несомнѣнно могли быть сомнѣнія. — Наслѣднику падающаго трона, во всякомъ случаѣ, необходима была личная смѣлость и рѣшительность, чтобы поддержать престижъ своей власти и заставить себѣ повиноваться.

Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ не такого склада человѣкомъ. — При всемъ благородствѣ его характера, чита-

тель уже знаетъ изъ мнѣнія о немъ Императрицы-Матери, что онъ не обладалъ ни характеромъ, ни волей.

16-го марта, на совѣщаніи съ членами Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Государственной Думы, происходившемъ на частной квартирѣ одного изъ приближенныхъ къ Великому Князю офицеровъ, только два лица изъ состава совѣщанія: члены Государственной Думы А. И. Гучковъ и П. Н. Милюковъ высказались опредѣленно за сохраненіе Великимъ Княземъ Михаиломъ престола, но послѣдній не послѣдовалъ ихъ совѣту. — Выслушавъ собравшихся, Великій Князь Михаилъ Александровичъ послѣ нѣкотораго размышленія наединѣ, вышелъ къ собравшимся и громогласно заявилъ: «При создавшихся условіяхъ я не могу принять престола»... Монархія Романовыхъ, такимъ образомъ, закончила свой кругъ. Государство Россійское стало на путь анархіи.

3. Верховное командованіе арміями въ первые дни революціи.

Около 3-хъ часовъ утра на 16-ое марта, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ передалъ по телеграфу въ Тифлисъ Великому Князю Николаю Николаевичу мое сообщеніе о томъ, что Императоръ Николай II-й, передъ отреченіемъ отъ престола съ передачею таковою Великому Князю Михаилу Александровичу, подписалъ указы Правительствующему Сенату о бытіи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князю Г. Е. Львову и Верховнымъ Главнокомандующимъ — Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

Передавая телеграмму, генералъ Алексѣевъ испрашивалъ указаній, когда можно ожидать прибытія Великаго Князя въ Ставку и уполномачиваетъ ли онъ его, какъ начальника штаба, временно, впредь до пріѣзда, вступить, согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, въ исправленіе обязанностей Верховнаго. — Затѣмъ особо возбуждался еще вопросъ о томъ, кому будетъ передано управленіе Кавказомъ и войсками Кавказскаго фронта.

Въ 7 часовъ утра того же дня на эту телеграмму былъ полученъ отвѣтъ, согласно котораго генералу Алексѣеву, впредь до прибытія въ Ставку Великаго Князя, поручалось общее веденіе военныхъ операцій и утвержденіе хозяйственныхъ распоряженій. — Время своего прибытія въ Ставку новый Верховный Главнокомандующій затруднялся точно опредѣлить; что же касается замѣсти-

тельства на Кавказѣ, то Великій Князь признавалъ желательнымъ оставить должность Намѣстника временно за собою; командованіе же войсками поручить, на правахъ командующаго отдѣльной арміей, генералу Юденичу.

Больше всего новаго Верховнаго Главнокомандующаго волновала задержка съ объявленіемъ манифеста объ отреченіи, который, по закону, долженъ былъ быть опубликованъ черезъ Сенатъ. По этому поводу Великій Князь 16-го же марта телеграфировалъ князю Львову, прося его о скорѣйшемъ выполненіи этой проформы и добавлялъ, что онъ при этомъ имѣетъ ввиду «необходимость принесенія въ ближайшее же время торжественной присяги новымъ Императоромъ конституціонному образу правленія»...

— Совершеніе этого акта, добавлялъ Великій Князь въ своей телеграммѣ, несомнѣнно будетъ содѣйствовать общему успокоенію умовъ, какъ полагающее конецъ колебаніямъ по вопросу о государственномъ строѣ Россіи.

«При этомъ, телеграфировалъ онъ князю Львову, я опасаюсь, что отреченіе въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, какъ Императора, съ устраненіемъ отъ Престола Наслѣдника Цесаревича, неизбѣжно усилитъ смуту въ умахъ народа. — Опасеніе это усугубляется у меня неясной редакціей манифеста и отсутствіемъ указанія въ немъ, кто является Наслѣдникомъ Престола»...

Дѣйствительность показала, что Великій Князь Николай Николаевичъ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ за продолженія смуты, но только мотивы возгорѣвшихся вновь безпорядковъ были иные. — Мною уже было указано, что въ то уже время, по существу вся династія Романовыхъ признавалась революціонными кругами обреченной на паденіе, и что искали только повода для признанія манифеста бывшаго Царя недѣйствительнымъ.

Раннимъ утромъ 16-го марта, то есть, какъ разъ въ тотъ періодъ, когда происходили описанные переговоры, предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко вызвалъ къ аппарату сначала Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генерала Рузскаго, а затѣмъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Алексѣева, которыхъ онъ настойчиво просилъ не пускать въ обращеніе манифестъ, наканунѣ подписанный отрекшимся Императоромъ, или задержать его обнародованіе. Причина такого настоянія, по заявленію М. В. Родзянко, заключалось въ томъ, что неожиданно, уже послѣ отъѣзда въ Ставку депутатовъ Шульгина и Гучкова, въ Петроградѣ, по оцѣнкѣ доносившаго, вспыхнулъ новый

солдатскій бунтъ. По словамъ М. В. Родзянко, къ солдатамъ присоединились рабочіе, и анархія, по выраженію говорившаго, дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось придти къ нѣкоторому соглашенію, въ результатѣ котораго намѣчался созывъ Учредительнаго Собранія, для опредѣленія формы правленія; до того же времени власть должна была быть сосредоточена въ рукахъ Временнаго Комитета Государственной Думы и отвѣтственнаго министерства, уже сформировавшагося къ тому времени. Отсюда М. В. Родзянко дѣлалъ довольно туманный переходъ къ мысли, что «съ регентствомъ Великаго Князя Михаила Александровича и воцареніемъ Наслѣдника Престола, быть можетъ, помирились бы, но кандидатура Великаго Князя, какъ Императора, ни для кого не пріемлема и на этой почвѣ вѣроятна гражданская война».

Надо сказать, что предсѣдатель Государственной Думы ставилъ командованіе арміями въ невозможное положеніе. — Какъ остановить распространеніе манифеста, со времени подписанія котораго прошла цѣлая ночь и при условіи, что вся телеграфная сѣть находилась въ рукахъ малонадежныхъ агентовъ? Имѣлись достовѣрныя свѣдѣнія, что этотъ актъ уже получилъ извѣстность и мѣстами распубликованъ. — При томъ же войска и особенно командный составъ съ трепетнымъ напряженіемъ ждали извѣстій о томъ, что дѣлается наверху, не наступитъ ли, наконецъ, нѣкоторая опредѣленность, которая всѣхъ могла бы хоть нѣсколько успокоить.

Въ недоумѣніи что дѣлать, прошло много томительныхъ часовъ, прежде чѣмъ сталъ извѣстнымъ новый отказъ отъ престола Великаго Князя Михаила Александровича! Хотя это рѣшеніе еще болѣе осложнило общее положеніе Россіи, ведшей небывалую войну, но все же имъ достаточно опредѣленно распутывалось затрудненіе даннаго момента.

Утромъ 17-го марта изъ Ставки отъ генерала Алексѣева было разослано распоряженіе штабамъ объ одновременномъ объявленіи обоихъ манифестовъ: перваго — объ отреченіи отъ престола Государя Императора Николая II-го и второго — объ отказѣ отъ того же Россійскаго Престола Великаго Князя Михаила Александровича. Вмѣстѣ съ тѣмъ было получено приказаніе новаго Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича о томъ, чтобы была разъяснена всѣмъ чинамъ арміи отъ старшихъ до младшихъ необходимость, оставаясь въ повиновеніи законныхъ начальниковъ, спокойно ожидать изъявленія воли русскаго народа, которому, согласно манифеста Великаго Князя Михаила Александ-

ровиča отъ 16-го марта, надлежало «всенароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго»...

Черезъ нѣсколько дней предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Львовъ получилъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича телеграмму, предупреждавшую о предположенномъ прибытіи его въ Ставку 23-го марта. — Князь Львовъ еще раньше обѣщалъ Великому Князю пріѣхать въ Ставку, чтобы переговорить лично о важнѣйшихъ вопросахъ. Однако, уже въ это время обстановка стала складываться такимъ образомъ, что можно было ясно предугадывать невозможность для Великаго Князя оставаться въ должности Верховнаго. Въ бесѣдѣ по прямому проводу, происходившей еще 19-го марта между предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и генераломъ Алексѣевымъ, князь Львовъ говорилъ, что событія несутъ ихъ, министровъ, а не они событіями управляютъ и, что вопросъ главнокомандованія становится столье же острымъ, какъ въ свое время было положеніе Михаила Александровича.

«Остановились на общемъ желаніи, добавлялъ Г. Е. Львовъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ, въ виду грознаго положенія, учелъ создавшееся отношеніе къ дому Романовыхъ и самъ отказался отъ Верховнаго Главнокомандованія».

«Подозрительность по этому вопросу къ новому правительству, продолжалъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, столь велика, что никакія завѣренія не пріемлются. — Во имя общаго положенія страны, считаю такой исходъ неизбѣжнымъ, но Великому Князю я объ этомъ не сообщалъ. До сего дня велъ съ нимъ сношенія какъ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ».

Конечно, на рѣшеніе Временнаго Правительства не могли подѣйствовать соображенія, выставленныя въ пользу оставленія Великаго Князя Николая Николаевича на посту Верховнаго начальникомъ штаба Дѣйствующей Арміи генераломъ Алексѣевымъ, но мысли послѣдняго настолько характерны для обрисовки личности Великаго Князя, что я не рѣшаюсь пройти мимо нихъ:

«Характеръ Великаго Князя, — говорилъ М. В. Алексѣевъ князю Львову, — таковъ, что если онъ разъ сказалъ: признаю, становлюсь на сторону новаго порядка, то въ этомъ отношеніи онъ ни на шагъ не отступитъ въ сторону и исполнитъ принятое на себя. Безусловно думаю, что для Временнаго Правительства онъ явится желаннымъ начальникомъ и авторитетнымъ въ арміи, которая уже знаетъ объ его назначеніи, получаетъ приказы и обращенія. — Въ

общемъ онъ пользовался большимъ расположенiемъ и довѣрiемъ въ различныхъ слояхъ армiи, въ него вѣрили. Полученныя донесенiя свидѣтельствуютъ о томъ, что назначенiе Великаго Князя Николая Николаевича принимается съ большой радостью и вѣрою въ успѣхъ. Во многихъ частяхъ даже восторженно! Проникаетъ сознанiе, что Великiй Князь дастъ сильную, твердую власть — залогъ возстановленiя порядка. Благопрiятное впечатлѣнiе произвело назначенiе не только въ Черноморскомъ флотѣ, но даже въ Балтiйскомъ. До настоящей минуты получены на имя Верховнаго Главнокомандующаго привѣтствiя отъ 14-ти городовъ; въ числѣ ихъ Одесса, Кiевъ, Минскъ сообщили выраженiе удовольствiя по поводу возвращенiя Великаго Князя на свой прежнiй постъ и увѣренность въ побѣдѣ. Я могу еще разъ только повторить, что для новаго правительства онъ будетъ помощникомъ, но не помѣхою!».

Но вполнѣ очевидно, что здѣсь дѣло было не въ довѣрiи и не въ недовѣрiи къ Великому Князю Николаю Николаевичу, а въ революцiонномъ настроенiи тыла, который въ данный перiодъ времени рѣшалъ участь не только войны, но и бытiя самой Россiи. Самъ генералъ Алексѣевъ прекрасно зналъ, что на армiю ведется сильный натискъ съ тыла и что, если что и можетъ сохранить въ армiи порядокъ, то это только авторитетъ имени ея Главнокомандующаго.

Въ концѣ концовъ было рѣшено, что генералъ Алексѣевъ долженъ переговорить съ Великимъ Княземъ по прибытiи его въ Ставку и показать ему соотвѣтственныя ленты Юза. Кромѣ того, было условлено, что князь Львовъ пошлетъ Великому Князю навстрѣчу письмо, а затѣмъ между Львовымъ и Великимъ Княземъ долженъ былъ еще произойти окончательный разговоръ по аппарату.

Протесты противъ назначенiя Великихъ Князей на отвѣтственныя должности слышались, впрочемъ, еще за много лѣтъ до отреченiя Императора Николая II-го. — Напомню о рѣчахъ по этому вопросу, раздававшихся неоднократно въ стѣнахъ Государственной Думы, начиная едва ли не съ 1905-го года! — Теперь, послѣ революцiи эти настроенiя повторились съ новою силой и уже 19-го марта противъ такихъ назначенiй категорически высказался Комитетъ московскихъ общественныхъ организацiй.

20-го марта, въ день отъѣзда Великаго Князя Николая Николаевича изъ Тифлиса, прибылъ въ Москву А. Ф. Керенскiй. — При посѣщенiи имъ московскаго общества присяжныхъ повѣренныхъ онъ заявилъ уже вполнѣ опредѣленно, что назначенiе Великаго Князя Николая Николаевича сдѣлано старою властью и потому не можетъ считаться дѣйствительнымъ, и что Временнымъ Правитель-

ствомъ уже приняты мѣры къ назначенію новаго Главнокомандующаго. Незадолго же передъ этимъ Петроградскимъ Исполкомомъ было вынесено даже рѣшеніе о вызовѣ Великаго Князя въ Петроградъ, о тщательномъ наблюденіи за нимъ въ пути и объ арестѣ его по прибытіи въ столицу. — Конечно, это постановленіе для другихъ исполкомовъ, которыми была покрыта вся Россія, не было обязательно, но все же оно являлось характернымъ въ смыслѣ отношенія революціонныхъ партій къ возглавленію арміи кѣмъ либо изъ дома Романовыхъ.

23-го марта состоявшій въ Ставкѣ англійскій генералъ Вильямсъ получилъ, отъ своего посла въ Петербургѣ Бьюкенена информаціонную телеграмму, въ которой сообщалось, что, по сообщенію русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, сохраненіе за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Верховнаго Командованія арміей является невозможнымъ, ввиду сильной опозиціи революціонныхъ элементовъ; что правительство дало телеграфное распоряженіе въ Ростовъ остановить поѣздку Великаго Князя въ Ставку, причемъ надѣется склонить его къ добровольному отказу, и что отказъ со стороны Великаго Князя принять рѣшеніе правительства явился бы сильнымъ ударомъ престижу послѣдняго и могъ бы имѣть гибельныя послѣдствія.

Въ дѣйствительности принятыя мѣры для предупрежденія Великаго Князя въ пути о желательности его отказа отъ званія Верховнаго Главнокомандующаго запоздали и Великій Князь, не знавшій о происходившихъ втайнѣ отъ него переговорахъ, прибылъ въ Ставку 24-го марта.

4. Прибытіе Великаго Князя въ Ставку.

Великій Князь Николай Николаевичъ прибылъ въ Могилевъ въ сопровожденіи своего брата Петра Николаевича и его сына Романа Петровича. Съ ними прибылъ также генералъ Крупенскій и нѣсколько адъютантовъ.

По разсказамъ сопровождавшихъ его лицъ, на всемъ пути отъ Тифлиса поѣздъ Великаго Князя встрѣчался населеніемъ съ большимъ энтузіазмомъ. — Всѣ рады были возвращенію Великаго Князя къ командованію русскими войсками.

Въ Харьковѣ, — разсказываетъ генералъ Дубенскій*) въ своихъ воспоминаніяхъ, — мѣстный совѣтъ рабочихъ депутатовъ под-

---

*) Лицо, находившееся въ то время въ Ставкѣ и имѣвшее возможность непосредственнаго сбора этихъ свѣдѣній.

несъ хлѣбъ-соль, а рабочіе-депутаты убѣждали Великаго Князя не ѣхать въ Могилевъ, гдѣ ему едва ли дадутъ вступить въ командованіе русской арміей, а направиться прямо на фронтъ, поближе къ войскамъ. Но Великій Князь, изъ чувства лойяльности, не послѣдовалъ этому совѣту, ведшему къ новому возбужденію народныхъ страстей и можетъ быть даже пролитію крови; онъ прослѣдовалъ непосредственно въ Ставку.

По прибытіи въ Могилевъ, Великій Князь Николай Николаевичъ со свитой остался въ поѣздѣ, въ которомъ прибылъ, такъ какъ въ домѣ, гдѣ проживалъ Государь, шла спѣшная укладка оставшихся вещей и потому царила полная разруха.

Великій Князь Николай Николаевичъ успѣлъ вступить въ Верховное Главнокомандованіе русскими арміями и послать объ этомъ сообщеніе въ Петроградъ. Но вслѣдъ за симъ онъ получилъ догнавшее его уже въ Могилевѣ письмо предсѣдателя Временнаго Правительства, съ просьбой о сложеніи съ себя званія Верховнаго Главнокомандующаго.

По случаю пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича въ Ставку, между княземъ Львовымъ и генераломъ Алексѣевымъ состоялся, по прямому проводу, весьма интересный разговоръ, который я и передаю полностью*):

Князь Львовъ: Я только что получилъ телеграмму отъ Великаго Князя Николая Николаевича, что онъ прибылъ въ Ставку и вступилъ въ отправленіе должности Верховнаго Главнокомандующаго. Между тѣмъ послѣ переговоровъ съ вами по этому поводу, Временное Правительство имѣло возможность неоднократно обсуждать этотъ вопросъ передъ лицомъ быстро идущихъ событій и пришло къ окончательному выводу о невозможности Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховнымъ Главнокомандующимъ. Получивъ отъ него изъ Ростова телеграмму, что онъ будетъ въ Ставкѣ 11-го (24-го) числа, я послалъ навстрѣчу офицера съ письмомъ, съ указаніемъ на невозможность его Верховнаго Главнокомандованія и съ выраженіемъ надежды, что онъ, во имя любви къ родинѣ, самъ сложитъ съ себя это высокое званіе. Очевидно, посланный не успѣлъ встрѣтить Великаго Князя въ пути и полученная, благодаря этому, телеграмма Великаго Князя о его вступленіи въ должность стала извѣстна Петрограду и вызвала большое смущеніе. Достигнутое великими трудами успокоеніе умовъ грозитъ быть нарушеннымъ. — Временное Правительство обязано немедленно объявить населенію, что Великій Князь не состоитъ

*) «Красный Архивъ», т. XXII.

Верховнымъ Главнокомандующимъ. Прошу помочь нашему общему дѣлу и васъ и Великаго Князя. Рѣшеніе Временнаго Правительства не можетъ быть отмѣнено по существу, весь вопросъ въ формѣ его осуществленія: мы хотѣли бы, чтобы онъ самъ сложилъ съ себя званіе Верховнаго Главнокомандующаго, но, къ сожалѣнію, по случайному разъѣзду нашего посланнаго съ Великимъ Княземъ это не удалось».

Генералъ Алексѣевъ: «Вопросъ можно считать благополучно исчерпаннымъ. Ваше письмо получено Великимъ Княземъ сегодня утромъ. Сегодня же послано двѣ телеграммы: одна вамъ, что Великій Князь, подчиняясь выраженному пожеланію Временнаго Правительства, слагаетъ съ себя званіе и передаетъ временное исполненіе своей должности, примѣнительно статьи 47 полевого положенія, начальнику штаба, впредь до назначенія Временнымъ Правительствомъ ему преемника. Вторая телеграмма — военному министру съ просьбой уволить Великаго Князя въ отставку. — Полагаю нѣтъ препятствій объявить это во всеобщее свѣдѣніе и положить предѣлъ смущенію умовъ. — Независимо отъ этого, Великій Князь поручилъ мнѣ просить васъ гарантировать ему и семейству безпрепятственный проѣздъ въ Крымъ и свободное тамъ проживаніе. На время проѣзда онъ проситъ командировать вашего комиссара или члена Государственной Думы. Чѣмъ скорѣе будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ, , чѣмъ скорѣе состоится отъѣздъ Великаго Князя изъ Могилева, тѣмъ конечно будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Объ этомъ я убѣдительно прошу васъ, прибавляя, что семья Великаго Князя находится въ Кіевѣ.

Въ тотъ же день, 24-го марта Временное Правительство объявило о состоявшемся отстраненіи отъ должности Главнокомандующаго русскими арміями Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ заключеніе настоящей главы привожу выдержку изъ письма князя Львова, посланнаго навстрѣчу Великому Князю Николаю Николаевичу*):

«Создавшееся положеніе дѣлаетъ неизбѣжнымъ оставленіе Вами этого поста. Народное мнѣніе рѣшительно и настойчиво высказывается противъ занятія членами дома Романовыхъ какой ли-

*) «Очерки Русской Смуты», генерала Деникина.

бо государственной должности. Временное Правительство убѣждено, что Вы, во имя блага Родины, пойдете навстрѣчу требованіямъ положенія и сложите съ себя еще до пріѣзда Вашего въ Ставку званіе Верховнаго Главнокомандующаго».

Весьма характерно и отчетливо рисуетъ всю внутреннюю сущность Великаго Князя посланный имъ по телеграфу отвѣтъ:

«Радъ вновь доказать мою любовь къ Родинѣ, въ чемъ Россія до сихъ поръ не сомнѣвалась».

И онъ, Великій Князь, глубоко уязвленный, отошелъ въ сторону.

ГЛАВА XIV-я.

ЖИЗНЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЪ КРЫМУ И ЗА РУБЕЖЕМЪ.

1. Дюльберъ и переѣздъ за-границу.

О жизни Великаго Князя Николая Николаевича въ Крыму сохранилось немного воспоминаній. Для составленія настоящаго очерка пришлось обратиться къ сбору ихъ у цѣлаго ряда лицъ.

Прибывъ въ Крымъ, Великій Князь Николай Николаевичъ поселился въ имѣніи «Дюльберъ», принадлежавшемъ его младшему брату Великому Князю Петру Николаевичу, который, какъ читатель уже знаетъ, не покидалъ своего брата въ теченіе всей міровой войны. Усадьба «Дюльберъ» находилась между Ялтой и Алупкой, въ 13-ти верстахъ отъ первой и въ 4-хъ верстахъ отъ послѣдней. Само имѣніе представляло собою большой бѣлый двухъэтажный домъ, въ восточномъ стилѣ, окруженный паркомъ. Одной стороной имѣніе примыкало къ морю, другой — прямо противоположной къ нижне-алупкинскому шоссе; боковыми сторонами — оно граничило: къ сторонѣ Ялты — съ имѣніемъ Чаиръ, доктора Крамаржа, а съ другой стороны — съ Мисхоромъ.

Изъ лицъ Императорской фамиліи въ Крыму поселились также пріѣхавшія изъ Кіева Императрица Марія Феодоровна и сестры Императора Николая II-го Великія Княгини Ксенія и Ольга Александровны, съ семьями. Императрица-Мать, вмѣстѣ съ Великой Княгиней Ольгой Александровной, поселилась въ Хараксѣ, а семья Великой Княгини Ксеніи Александровны заняла имѣніе Ай-Тодоръ, принадлежавшее ея мужу Великому Князю Александру Михаиловичу.

Члены Императорской семьи прибыли въ Крымъ въ сравнительно спокойное время. Это спокойствіе объясняется не только смягченіемъ революціоннаго задора, по мѣрѣ увеличенія разстояніи

отъ столицы—центра возстанія, но еще и особыми настроеніями, царившими въ Черноморскомъ флотѣ и среди севастопольскихъ рабочихъ. Среди всѣхъ этихъ элементовъ, большинство принадлежало или симпатизировало политической партіи соціалъ-революціонеровъ (эс-эровъ), которые, хотя и стремились къ измѣненію государственнаго и соціальнаго строя Россіи, но никакъ не во имя безпорядковъ и разрушенія Россіи, а въ цѣляхъ ея обновленія и укрѣпленія, согласно ихъ лозунговъ. — Партія эта тяготѣла все же къ государственности и, достигнувъ освобожденія Россіи отъ самодержавнаго строя, поставила себѣ въ дальнѣйшемъ цѣлью укрѣпленіе власти Временнаго Правительства, въ которомъ у нея находился, въ качествѣ заложника, одинъ изъ видныхъ лидеровъ ея А. Ф Керенскій.

На низахъ, въ средѣ матросовъ и севастопольскихъ рабочихъ, это направленіе эсъ-эровъ вылилось въ стремленіе поддерживать порядокъ и даже внутреннюю дисциплину.

Въ одномъ изъ описаній того времени я нашелъ характерный разсказъ о томъ, какъ на одного разнузданнаго солдатишку, неуважительно отнесшагося къ старому почтенному отставному генералу, налетѣлъ въ вагонѣ трамвая аккуратно одѣтый и дисциплинированный матросъ эсъ-эровскаго толка.

— Какъ ты смѣешь, негодяй, оскорблять стараго заслуженнаго человѣка! Вонъ изъ вагона!..

И нахальный солдатъ долженъ былъ подчиниться этому приказанію, увидавъ, что общее сочувствіе не на его сторонѣ.

Къ тому же мѣстныя революціонныя власти не могли не считаться и съ популярностью въ населеніи Великаго Князя Николая Николаевича, который еще въ Тифлисѣ заявилъ о своей лойяльности по отношенію къ Временному Правительству, причемъ его заявленіе было встрѣчено съ довѣріемъ мѣстными лѣвыми кругами.

Надо еще принять во вниманіе, что во главѣ Черноморскаго флота стоялъ, въ то время, чрезвычайно популярный адмиралъ Колчакъ. Его всѣ уважали и слову его во флотѣ всецѣло вѣрили. — Еще въ маѣ 17-го года тамъ шла настойчивая работа по подготовкѣ къ «походу на Константинополь», хотя всякому маломальски свѣдующему и наблюдательному лицу было ясно, что преодолѣніе Босфора было совсѣмъ не подъ силу нашей Черноморской эскадрѣ, и что сухопутныя войска, которыя при этомъ должны были составить соотвѣтственный дессантъ, были не болѣе какъ призракъ, готовый распасться при первомъ къ нему прикосновеніи.

Тѣмъ не менѣе манящая идея захвата загадочной столицы Византіи гипнотизировала флотъ и каждый выходъ адмиральскаго

судна въ открытое море съ приказомъ «слѣдовать за мной», будилъ въ матросахъ какое-то трепетное чувство, заставлявшее «всѣхъ и вся» забывать о печальныхъ внутреннихъ событіяхъ и сплачиваться въ одно крѣпкое русское цѣлое.

Духъ Черноморскаго флота, благодаря вдохновлявшей его идеѣ, былъ настолько проченъ, что, по предложенію адмирала Колчака, изъ состава этого флота была выдѣлена даже особая «черноморская делегація» въ нѣсколько сотъ человѣкъ, во главѣ съ пріобрѣвшимъ огромную извѣстность своимъ вліяніемъ на массы матросомъ Баткинымъ, для пропагандированія на сухопутномъ фронтѣ идей патріотизма и вѣры въ себя и въ свои силы.

Но постепенно составъ Черноморскаго флота привыкалъ къ воодушевлявшему его наркотическому средству и оно въ концѣ концовъ перестало оказывать свое оздоровляющее дѣйствіе. Рядовые члены партіи соціалъ-революціонеровъ жаждали проявленія болѣе рѣшительныхъ доказательствъ ихъ революціонности и неудержимо катились внизъ, къ большевизму. Къ тому же въ составѣ упомянутой выше «делегаціи», отправились въ армію и многіе вліятельные вожаки, прежде сдерживавшіе звѣриные инстинкты толпы. На мѣсто ихъ въ Крымъ прибыли изъ столицы большевизанствовавшіе матросы «кронштадтцы», которые привезли съ собою вредную сѣверную заразу. Престижъ адмирала Колчака постепенно сталъ падать, и однажды къ нему явилась толпа матросовъ, потребовавшихъ его оружія. — Взбѣшенный адмиралъ предпочелъ выбросить свой «георгіевскій» кортикъ въ море. И хотя матросы, одумавшись спустили въ воду водолаза и вернули Колчаку его оружіе, но съ этого дня разложеніе во флотѣ пошло впередъ быстрыми шагами. Адмиралъ Колчакъ вскорѣ вынужденъ былъ оставить командованіе флотомъ и его замѣнила «тройка», составленная изъ выборныхъ матросовъ.

Въ серединѣ декабря 17-го года въ Севастополѣ произошла уже первая организованная рѣзня морскихъ офицеровъ, а въ февралѣ 18-го года —трудно вообразимая, по своей жестокости и кровожадности, расправа съ сухопутными офицерами. Разсказываютъ, напримѣръ, о случаѣ, когда одного офицера бросили связаннаго въ топку транспорта «Румынія»! Всего погибло въ эти двѣ ночи, по справедливости названныя Варфоломеевскими, до 1000 офицеровъ!...

Трупы убитыхъ свозили спеціальные грузовые автомобили на пристань и хотя они были прикрыты сверху брезентами, но изъ подъ нихъ видны были безжизненно болтавшіяся руки, ноги, головы... Убитыхъ вывозили въ море, гдѣ топили.

Но рядомъ съ очагомъ такого революціоннаго усердія, каковымъ былъ Севастополь по преимуществу, въ Крыму еще долго оставались нетронутыми пропагандой болѣе тихіе уголки, въ которыхъ мирная жизнь почти не нарушалась. — Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялась, напримѣръ, Керчь.

Въ общемъ власть большевиковъ, послѣ октябрьскаго возстанія, прочно утвердившихся въ Петроградѣ, лишь медленно распространялась къ югу, встрѣчая особо задерживающее препятствіе въ Украинѣ. Послѣдняя пыталась отстоять себя отъ большевиковъ, выставивъ лозунгомъ свою политическую независимость и національную обособленность. — Равнымъ образомъ и въ Крыму, приблизительно въ январѣ 1918-го года, успѣло образоваться правительство, опиравшееся на «Курултай», или татарское учредительное собраніе, и поддерживавшееся отчасти нѣкоторыми русскими общественными дѣятелями.

Но всѣ эти задерживавшія препятствія имѣли для распространенія большевизма только временный характеръ. — Буйствовавшій Севастополь въ концѣ концовъ, побѣдилъ, а направленные оттуда миноносцы съ большевизированными черноморскими матросами, учинивъ рядъ разстрѣловъ и самосудовъ въ разныхъ городахъ южнаго побережья Крыма, подчинили ихъ своей власти.

Къ февралю 18-го года большевизмъ въ Крыму уже успѣлъ вполнѣ упрочиться. — Особенностью его было, однако, то, что люди, захватившіе власть, были поставлены не центральной большевистской верхушкой, а выдвинуты мѣстной толпой и всего больше черноморскими матросами.

Эта особенность большевистскаго режима въ Крыму спасла членовъ Императорской фамиліи, находившихся на южномъ берегу, отъ смертельной опасности, которая въ другомъ случаѣ имъ несомнѣнно бы угрожала.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ, когда только большевистскія звѣрства стали вспыхивать то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, въ Ялтинскомъ районѣ выдѣлился, своимъ вліяніемъ на массы и умѣніемъ умѣрять ихъ кровожадные инстинкты, солдатъ одного изъ запасныхъ пѣх. полковъ, по фамиліи Батюкъ. Въ прошломъ — сельскій учитель, изъ полуинтеллигентовъ, несомнѣнно революціонно-настроенный, онъ, однако, не былъ сторонникомъ безразсуднаго преслѣдованія буржуазіи и офицеровъ, почему, насколько оказывалось возможнымъ, противодѣйствовалъ дурнымъ инстинктамъ тол-

пы. Говорятъ, что въ этомъ отношенiи на него оказывала благотворное влiянiе его жена, происходившая изъ вполнѣ интеллигентной среды и горячо къ нему привязавшаяся еще до революцiи. — Будучи сама настроена также революцiонно, она тѣмъ не менѣе умѣла отдѣлять революцiонно-идейное отъ просто уголовнаго и оказывала на своего мужа благодѣтельное сдерживающее влiянiе. Повидимому и самъ Батюкъ былъ человѣкомъ идейной складки и вѣроятнѣе всего являлся не большевикомъ, а членомъ лѣваго крыла партiи с.-р. (эсъ-эровъ), которая, какъ я уже сказалъ, въ Крыму имѣла чрезвычайно сильное влiянiе. Тѣмъ не менѣе его положенiе было чрезвычайно труднымъ, и такъ какъ большевистски настроенныя массы требовали, въ что бы то ни стало крови, то, чтобы въ одномъ выиграть и поставить на своемъ, ему естественно приходилось въ другихъ случаяхъ дѣлать уступки, которыя впослѣдствiи и были ему поставлены въ вину.

Однако, въ дѣлѣ охраны жизни членовъ бывшей Императорской семьи, названный Батюкъ не сдалъ, найдя себѣ поддержку въ «Союзѣ увѣчныхъ воиновъ», въ которомъ имя Великаго Князя Николая Николаевича пользовалось извѣстнымъ уваженiемъ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, сумѣлъ поставить себя достаточно прочно въ лѣвыхъ кругахъ. Въ названномъ союзѣ Батюкъ былъ однимъ изъ видныхъ членовъ таковаго, едва ли даже не состоялъ въ Правленiи союза. — Но еще болѣе надежную опору онъ нашелъ въ «Дружинѣ рабочихъ», составленной, въ большинствѣ, изъ членовъ партiи эсъ-эровъ и находившейся въ постоянной борьбѣ съ севастопольскими матросами и элементами, примкнувшими къ нимъ, которые проявляли наибольшую кровожадность и ненасытность.

Еще до окончательнаго водворенiя большевизма въ Крыму названный Батюкъ, занявъ должность алупкинскаго комиссара и члена ялтинскаго совдепа, подъ предлогомъ болѣе надежной охраны Императорской фамилiи и во избѣжанiе побѣговъ, сосредоточилъ всѣхъ членовъ ея въ Дюльберѣ и подвергъ ихъ охранѣ, которую онъ сумѣлъ сорганизовать преимущественно изъ членовъ рабочей дружины, людей болѣе или менѣе умѣренныхъ и уравновѣшанныхъ. — Во главѣ этой стражи сталъ матросъ Заболотный, человѣкъ вполнѣ преданный мыслямъ Батюка, выполнившiй ихъ общую задачу съ полнымъ самоотверженiемъ и самообладанiемъ. — Не разъ поведенiе Батюка и Заболотнаго вызывало сомнѣнiя у большевиковъ, не разъ умышленно распространялись преждевременные слухи объ убiйствѣ царской семьи и необходимости прикончить такимъ же путемъ съ тѣми изъ членовъ этой семьи, которые

остались въ Крыму, но каждый разъ тѣмъ или инымъ способомъ Батюку удавалось отвести вниманіе жаждавшихъ царской крови и успокаивать расходившихся.

Особенно острые моменты настали во второй половинѣ апрѣля, когда стали ходить упорные слухи о предстоящемъ приходѣ въ Крымъ украинцевъ, а за ними и нѣмцевъ. — Большевики, чувствуя, что дни ихъ сочтены, озвѣрѣли и повсюду организовали послѣднія убійства и насилія, стремясь передъ уходомъ, по выраженію Л. Троцкаго, посильнѣе «хлопнуть дверьми». Естественно, что ихъ вниманіе привлекалъ и запретный «Дюльберъ», въ которомъ, кромѣ живущихъ въ немъ людей, ихъ могло притягивать еще наличіе кое-какого неразграбленнаго имущества. — Требовалось большое дипломатическое искусство со стороны алупкинскаго комиссара, чтобы отвести грозу.

Наконецъ, за 2-3 дня до предполагавшагося прихода украинцевъ наступила полная дезорганизація. — Начались налеты. — Въ Хараксѣ — гдѣ раньше проживала Императрица Марія Федоровна, арестовали управляющаго и, въ послѣднюю минуту убили его. — Подошла грозная банда и къ Дюльберу, требуя провѣрки содержанія членовъ Императорской фамиліи. Не даютъ ли чего лишняго? Конечно, это было только предлогомъ для входа въ Дюльберъ! Но Заболотный тутъ какъ тутъ. — Весь его вооруженный до зубовъ отрядъ, съ пулеметами, встрѣчаетъ прибывшихъ у воротъ и преградилъ имъ дорогу. — Заболотный разрѣшаетъ только отдѣльнымъ делегатамъ, и притомъ безъ оружія, проникнуть за ограду. Осмотръ, при такихъ условіяхъ, кончается, очевидно, благополучно и отрядъ большевиковъ, тревожимый необходимостью поскорѣе возвратиться въ Ялту, до которой 13 верстъ, дабы не опоздать на отходящіе съ эвакуировываемыми большевиками транспорты, торопится уйти... Члены Императорской фамиліи, и среди нихъ первый Русскій Верховный Главнокомандующій, спасены...

Съ уходомъ большевиковъ, настало время распылиться и охранявшему Дюльберъ отряду, который все же не чувствовалъ себя безопаснымъ, въ виду прихода нѣмцевъ. Батюкъ и Заболотный, за которыми числились преступленія, хотя, можетъ быть, не ими лично совершенныя, но по ихъ невольному попустительству, при исполненіи обязанностей членовъ ялтинскаго совѣта депутатовъ, — должны были скрыться. — Положеніе осложнилось, однако, тѣмъ, что въ послѣднюю минуту, уходившіе большевики, все время заподазривавшіе Батюка въ измѣнѣ и предательствѣ, произвели на не-

го покушеніе, бросивъ въ его помѣщеніе бомбу и серьезно его ранивъ. Батюкъ не могъ поэтому уѣхать и временно нашелъ убѣжище тутъ же въ Ялтѣ, какъ говорятъ, у одного изъ членовъ союза увѣчныхъ воиновъ. — Члены этого союза неофиціально взяли на себя также заботу по охранѣ Дюльбера, въ результатѣ чего опасный промежутокъ времени между уходомъ большевиковъ и приходомъ новой власти прошелъ сравнительно спокойно.

Новая власть не заставила себя долго ждать. Вслѣдъ за эвакуаціей большевиковъ, въ Крымъ вступили нѣмецкія войска, которыя сразу и повсюду установили порядокъ и правосудіе.

Разсказываютъ, что старшій нѣмецкій генералъ К., вошедшій въ Ялту, явился въ Дюльберъ освѣдомиться о желаніяхъ членовъ Императорской фамиліи. Бывшій Верховный Главнокомандующій русскими войсками не призналъ, однако, возможнымъ его принять. — Очевидцы свидѣтельствуютъ, что за все время пребыванія германцевъ въ Крыму, Великій Князь Николай Николаевичъ ни разу не выѣзжалъ за ограду усадьбы Дюльбера. Что касается германцевъ, то они, надо сказать, также проявляли уваженіе къ возложенной на себя Великимъ Княземъ изолированности и ограничили свои встрѣчи съ чинами свиты предѣлами крайней необходимо-сти.
сти.

Изъ опасенія возможности всякихъ случайностей, всегда возможныхъ въ переживавшееся смутное время, нѣмцы выставили, однако, особый караулъ для внѣшней охраны усадьбы Дюльберъ.

Прибытіе нѣмцевъ въ Севастополь произвело въ порту чрезвычайную панику. Въ бухтѣ находился весь русскій флотъ, который могъ, такимъ образомъ, стать добычей Германіи. Въ виду такого положенія, на время образумившіеся матросы бросились къ офицерамъ съ просьбой, вывести флотъ въ море и направить его на Новороссійскъ. Послѣ нѣкотораго колебанія вызывавшагося недовѣріемъ къ распропагандированнымъ матросамъ часть офицеровъ, съ адмираломъ Саблинымъ во главѣ, согласились принять командованіе судами эскадры. — Несмотря на то, что нѣмцы выставили на сѣверной сторонѣ батарею, которая, какъ только флотъ сталъ разводить пары, открыла огонь, главная часть флота вышла въ море и взяла курсъ на Новороссійскъ; остальныя, оставшіяся въ бухтѣ суда, подняли «жовто-блакитные» украинскіе флаги, въ надеждѣ, что этотъ камуфляжъ обезпечитъ имъ право нейтралитета.

Съ прибытіемъ въ Крымъ нѣмцевъ, настала пора германской оккупаціи. Повсюду установился весьма быстро порядокъ и жизнь стала входить въ норму.—Насилія исчезли, и лицъ на которыхъ указывало мѣстное населеніе, какъ на совершившихъ преступленія, сталъ судить нѣмецкій судъ. — Для спокойствія въ краѣ, приказано было населенію, подъ страхомъ смертной казни, сдать оружіе.

Офицеры, въ благодарность за бережное отношеніе къ ихъ Верховному Главнокомандующему и другимъ членамъ Императорской фамиліи, проживавшимъ въ Крыму, а также за заступничество въ нѣкоторыхъ случаяхъ за ихъ сотоварищей, пытались легализировать положеніе раненаго Батюка. — Въ мѣстную нѣмецкую комендатуру была снаряжена даже по этому поводу особая делегація. Однако, делегатамъ было объявлено, что Батюкъ, по званію бывшаго алупкинскаго комиссара и члена ялтинскаго совдепа, подлежитъ отвѣтственности по суду, и что законъ, само собою разумѣется, измѣненъ быть не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ делегаціи было дано понять, что только побѣгъ Батюка можетъ спасти его отъ преданія суду. Черезъ нѣсколько дней Батюкъ, дѣйствительно, исчезъ. Его отъѣзду изъ Крыма, говорятъ, содѣйствовали офицеры, благодарные ему за оказанныя имъ въ свое время услуги. Дальнѣйшая судьба Батюка сложилась, повидимому, неблагопріятно. Черезъ нѣкоторое время въ Крымъ пришло извѣстіе, что Батюкъ былъ опознанъ нѣмцами въ Харьковѣ и понесъ по суду очень серьезное наказаніе, едва ли не разстрѣлъ.

Охрана Дюльбера особымъ карауломъ производилась нѣмцами безъ перерыва вплоть до ихъ ухода. Незадолго, однако, до таковаго, когда стали ходить слухи о возможномъ военномъ ихъ пораженіи на западномъ фронтѣ и, въ связи съ этимъ, о вѣроятномъ оставленіи Крыма на произволъ судьбы, среди близкихъ къ Верховному Главнокомандующему лицъ явилась вновь тревога за его судьбу. Напрашивался вопросъ — каково будетъ, въ этомъ случаѣ, отношеніе къ Великому Князю? Нѣтъ ли опасности объявленія его нѣмцами военноплѣннымъ и увоза въ Германію?

Эти вопросы, въ связи съ нахожденіемъ вокругъ Дюльбера германскихъ часовыхъ, нервировали русскихъ людей, опасавшихся неожиданнаго захвата бывшаго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго.—Вслѣдствіе этого въ спѣшномъ порядкѣ сформировался особый отрядъ изъ 6 офицеровъ и 20-ти всадниковъ - татаръ (въ большинствѣ служившихъ ранѣе въ Крымскомъ конномъ полку), который, съ цѣлью скрыть истинное назначеніе отряда, принялъ наименованіе «Конной стражи Ялтинскаго уѣзда». Отрядъ этотъ,

одѣтый въ русскую форму, устроился въ частныхъ домахъ, окружавшихъ Дюльберъ, и поставилъ себѣ цѣлью увозъ Великаго Князя Николая Николаевича, въ случаѣ попытки нѣмцевъ его задержать. Для возможности выполненія этого предположенія въ распоряженіи отряда имѣлись даже два автомобиля. Но официальною цѣлью сформированія отряда выставлялась передъ нѣмцами задача розыска и задержанія, для передачи въ руки правосудія, большевиковъ, находившихся въ раіонѣ Ялтинскаго уѣзда. Съ теченіемъ времени дѣйствительная служба отряда, однако, сосредоточилась исключительно на наблюденіи за безопасностью Великаго Князя.

Нѣмцы, не имѣвшіе въ отношеніи бывшаго Верховнаго безпокоившихъ русскихъ офицеровъ намѣреній, не протестовали противъ существованія названнаго отряда и понемногу члены его получили даже доступъ во внутреннія помѣщенія дворца въ Дюльберѣ. Затѣмъ, въ виду численной слабости этого отряда, въ мѣстномъ русскомъ штабѣ Добровольческой арміи было рѣшено, ко времени оставленія Крыма нѣмцами, сформированіе цѣлаго «отряда особаго назначенія», со спеціальною цѣлью принятія на себя охраны лицъ Императорской фамиліи находившихся въ Крыму.

«Въ темную осеннюю ночь, не вдалекѣ отъ Дюльбера, — разсказываетъ одинъ изъ офицеровъ этого отряда, — состоялась встрѣча 6-ти офицеровъ старой охраны съ 16-ю вновь прибывшими, подъ начальствомъ полковника Ф. — Эти послѣдніе уже въ теченіе нѣсколькихъ дней прятались въ окрестностяхъ Ялты, чтобы не возбуждать подозрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть готовыми ко всякимъ случайностямъ»...

Описанная предусмотрительность имѣла своимъ результатомъ то, что когда нѣмцамъ, по общей обстановкѣ, пришлось оставить Крымъ, то къ этому времени сила названнаго отряда была доведена уже до 80 штыковъ. — Офицеры и юнкера рвались охранять безопасность своего стараго Главнокомандующаго и въ составъ отряда вошли представители многихъ частей сухопутной арміи и флота. При отрядѣ находились три пулеметныхъ отдѣленія, автомобильно-мотоциклетная часть и служба связи. — Все необходимое оружіе было прислано съ Дона отъ бывшаго тогда атаманомъ генерала Краснова.

Такимъ образомъ къ началу ноября, то есть ко времени ухода нѣмцевъ изъ Крыма, «Отрядъ особаго назначенія», былъ вполнѣ готовъ взять на себя охрану жизни и имущества Высочайшихъ особъ. — Нѣмцы, повидимому знавшіе обо всѣхъ этихъ приготов-

леніяхъ, не только не препятствовали имъ, но уходя, оставили отряду свое оружіе и сдали ему свои внѣшніе посты. —

Такъ какъ съ уходомъ нѣмцевъ изъ Крыма, Императрица Марія Феодоровна и семья Великаго Князя Александра Михаиловича вновь переселилась въ Хараксъ и Ай-Тодоръ, то отрядъ своимъ основнымъ ядромъ размѣстился въ центральномъ мѣстѣ и выдѣлилъ изъ себя три караула, для каждаго изъ дворцовъ въ отдѣльности.

Бывшій Верховный Главнокомандующій чрезвычайно сердечно встрѣтилъ появленіе членовъ особаго отряда. Караулъ былъ введенъ внутрь ограды, онъ занялъ особую постройку, помѣщавшуюся у воротъ усадьбы и всему отряду предложено было перейти на довольствіе къ Великому Князю. Однако, опасеніе стѣснить Великаго Князя явилось мотивомъ отказа отъ этой новой заботы, и во Дворцѣ столовался лишь очередной караулъ. Завтракъ и обѣдъ для этого караула накрывался въ той же столовой, которой пользовался Великій Князь съ семьей, но ввиду, тѣсноты и нежеланія стѣснять столовавшихся, очередные офицеры получали пищу нѣсколько ранѣе времени назначеннаго для завтрака и обѣда Высочайшихъ особъ. Столъ былъ хотя простой, но вкусный и вполнѣ сытный. — Такимъ образомъ, хотя Великій Князь былъ уже тогда ограниченъ въ средствахъ, но это обстоятельство не отражалось на его хлѣбосольствѣ, которымъ всегда гордился его домъ.

Глубоко трогательна была первая встрѣча Великаго Князя съ частями русскаго охраннаго отряда. Великій Князь принялъ всѣхъ чрезвычайно сердечно и для каждаго офицера у него нашлось доброе, ласковое слово.

— Я радъ васъ видѣть, господа, — сказалъ бывшій Верховный Главнокомандующій офицерамъ, прибывшимъ для его охраны. — Выше присутствіе снова даетъ мнѣ возможность надѣть русскій военный мундиръ. — И съ этого дня Великій Князь перемѣнилъ свой штатскій костюмъ на черкесску, украшенную тремя георгіевскими крестами...

Еще въ оккупаціонный періодъ нѣмцы, воспользовавшись присутствіемъ въ Крыму генерала Сулькевича, по рожденію литовскаго татарина, предложили ему образованіе Крымской власти съ нѣкіимъ Сейдаметовымъ въ роли министра иностранныхъ дѣлъ. Въ составъ образованнаго кабинета были, кромѣ того, приглашены трое русскихъ, въ числѣ ихъ графъ Татищевъ въ роли министра финансовъ. — Власть эта, благодаря своему разношерстному со-

ставу, не сумѣла установить какой либо самостоятельной линіи. Въ соотвѣтствіи съ тяготѣніями лица, занимавшаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ, ея симпатіи были обращены въ сторону Турціи и сформированное правительство держалось только поддержкою нѣмцевъ.

Съ уходомъ послѣднихъ, правительство генерала Сулькевича, въ серединѣ ноября 1918-го года пало и было замѣнено кадетскимъ*) министерствомъ С. С. Крыма. Новое правительство не сумѣло также создать ни твердой власти, ни опереться на вооруженныя силы Добровольческой арміи; отношенія съ послѣднею у власти не только не наладились, но стали натянутыми.

Было болѣе чѣмъ очевидно, что Крымъ, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть спасенъ отъ ужасовъ второго нашествія большевиковъ. Населеніе поэтому съ нетерпѣніемъ стало ожидать союзниковъ, безъ помощи которыхъ спокойствіе въ Крыму не могло быть установлено.

Въ этотъ тревожный періодъ времени часовые, охранявшіе членовъ Императорской фамиліи, неоднократно подвергались обстрѣлу изъ окружавшихъ Дворцы лѣсныхъ пространствъ и овраговъ, почему отряду, въ виду самыхъ тревожныхъ слуховъ о готовящихся на него покушеніяхъ, приходилось принимать мѣры особой бдительности и готовности. Со дня на день можно было ожидать вспышекъ мѣстнаго большевизма.

Одновременно съ этимъ, какъ разсказываетъ авторъ книги «Въ секретной командировкѣ у союзниковъ»*), англійскій адмиралъ Кольторпъ, по приказу англійскаго Короля и Королевы, безпокоившихся о судьбѣ Императрицы Маріи Феодоровны, выслалъ въ Крымъ два англійскихъ миноносца. Съ ними были отправлены англійскіе офицеры, въ сопровожденіи русскаго, лица, хорошо знавшаго южно-крымское побережье, которымъ предлагалось увидѣть Императрицу и, въ случаѣ ея согласія, доставить въ Константинополь. Если же Императрица не пожелаетъ оставить Россію, то, получить отъ нея соотвѣтственное письмо къ англійской Королевской четѣ.

Послѣ полудня 19-го ноября миноносцы вышли изъ «Золотого Рога». Это были первые военныя суда союзниковъ, входившія въ Черное море. Какъ извѣстно южный берегъ Крыма близъ Ялты спускается въ море отвѣсными скалами. Послѣ первой неудачной

*) То есть образованнымъ изъ состава членовъ политической партіи «Народной свободы».

*) И. Стеблинъ-Каменскій.

попытки найти удобное мѣсто для высадки съ подошедшей къ берегу шлюпки, посланные высадились лишь на слѣдующую только ночь на 21-е ноября, воспользовавшись для этого Ливадійскимъ пляжемъ.

Преодолѣвъ рядъ мѣстныхъ препятствій и счастливо избѣгнувъ нескромныхъ разспросовъ, офицеры достигли имѣнія Хараксъ, гдѣ были приняты Императрицею-Матерью.

Обласкавъ прибывшихъ съ обычной своей привѣтливостью и пригласивъ къ себѣ на завтракъ, Императрица Марія Феодоровна, однако, рѣшительно отказалась отплыть на англійскомъ миноносцѣ въ Константинополь. О причинахъ своего отказа она обѣщала объяснить въ письмѣ своемъ къ англійской Королевской четѣ.

Въ ожиданіи этого письма офицеры были приглашены на чай къ Великой Княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ, которая жила со своей семьей въ крошечномъ флигелькѣ той же дачи «Хараксъ».

Уже подъ вечеръ прибывшіе покинули гостепріимныхъ хозяевъ и, получивъ изготовленную корреспонденцію, отправились въ обратный путь.

Выдержавъ по пути штормъ, оба посланные миноносца вернулись въ Константинополь, гдѣ адмиралу Кольторпу былъ сдѣланъ соотвѣтствующій докладъ и вручены привезенныя письма.

Союзная англо-французская эскадра прибыла въ Севастополь только черезъ нѣкоторое время; присутствіе ея въ черноморскихъ водахъ, однако, не обезпечило Крыму спокойствія.

Большевики, побѣдоносно прошедшіе черезъ всю Украйну, подошли къ Перекопу и прорвались черезъ него, причемъ, орды Махно и Дыбенки ворвались въ Крымъ. — Численно слабыя добровольческія части отступили на Керчь, по направленію Кубани, и Крымъ былъ затопленъ большевиками. Срочная эвакуація членовъ Императорскаго Дома являлась неизбѣжной.

Въ концѣ марта къ Дюльберу подошелъ англійскій дредноутъ «Мальборо» и сталъ на якорь близъ берега. — Англійскій король прислалъ на сей разъ корабль, чтобы вывезти изъ надвигавшагося ада членовъ Россійскаго Императорскаго Дома.

По разсказу офицера, входившаго въ составъ отряда особаго назначенія, Императорская Фамилія переправилась на дредноутъ на катерахъ съ такъ называвшейся «Юсуповской пристани». — Багажъ ея былъ перевезенъ на англійскій корабль черезъ Ялту.

Посадку съ берега обезпечивала англійская морская пѣхота, занимавшая лѣвый флангъ, а отрядъ особаго назначенія прикрылъ правый флангъ посадки.

Три дня англійскій морской гигантъ простоялъ затѣмъ на ялтинскомъ рейдѣ, несмотря на близившійся подходъ къ Ялтѣ большевиковъ. Задержка эта явилась результатомъ настойчиваго желанія Императрицы Маріи Феодоровны дать возможность спастись всѣмъ тѣмъ, кто не могъ расчитывать уйти иначе отъ кровожадной мести большевиковъ. Эвакуацію все это время продолжалъ прикрывать особый отрядъ, который, рѣшивъ остаться въ Россіи для продолженія борьбы съ большевиками, до конца выполнилъ лежавшій на немъ долгъ. Въ соотвѣтствіи съ такимъ рѣшеніемъ, отрядъ былъ погруженъ въ послѣднюю очередь на англійскій транспортъ, который медленно обойдя въ послѣдній разъ англійскій дредноутъ, взялъ направленіе на Севастополь. — При прощальномъ обходѣ транспортомъ «Мальборо» на кормѣ броненосца стоялъ неподвижно Великій Князь Николай Николаевичъ, бывшій Верховный Главнокомандующій Русской арміей, и отчетливо вырисовывалась небольшая фигура Императрицы Маріи Феодоровны, заливавшейся слезами. — Это была послѣдняя встрѣча въ предѣлахъ Россіи названныхъ лицъ съ офицерами русской арміи! — Черезъ нѣсколько дней отрядъ изъ Севастополя былъ переброшенъ на иностранныхъ же судахъ въ Ѳеодосію, а оттуда на Кавказъ, въ Адлеръ, гдѣ онъ вошелъ въ составъ войскъ грузинскаго фронта.

Англійскій дредноутъ «Мальборо» увозилъ бывшаго русскаго Верховнаго Главнокомандующаго черезъ Константинополь въ изгнаніе, изъ котораго Великому Князю Николаю Николаевичу не суждено было уже вернуться!

2. Великій Князя Николай Николаевичъ во Франціи, Его кончина.

По оставленіи Крыма, Великій Князь Николай Николаевичъ съ семьей поселился сначала въ Италіи, а затѣмъ съ 1922-го года на югѣ Франціи въ Антибѣ. Въ іюлѣ 1923-го года, онъ переѣхалъ въ имѣніе Шуаньи, поближе къ Парижу.

Въ Антибѣ Великій Князь поселился въ нанятой имъ дачѣ «Thenard», вблизи небольшой виллы, составляющей собственность его брата, Великаго Князя Петра Николаевича.

Нанятая Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ дача представляла собою трехъэтажный домъ, нижній этажъ котораго занимала великокняжеская чета, а наверху жили лица, составлявшія личную свиту Великаго Князя. — Внизу находились гостиная, столовая и внутреннія комнаты Великокняжеской четы. — Гостиная, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и кабинетомъ Великаго Князя, представляла собою большую комнату, съ открытымъ видомъ на море, на которомъ нерѣдко маневрировали суда французскаго флота. Столовая была также достаточныхъ размѣровъ, вмѣщала всѣхъ жителей дома, которые въ числѣ 10-12-ти человѣкъ собирались въ ней ежедневно къ завтраку и обѣду.

Великій Князь жилъ въ Антибѣ вполнѣ уединенно, подъ скромной фамиліей «Борисова», которую онъ принялъ въ воспоминаніе о названіи своего главнаго имѣнія въ Россіи — «Борисова». — Онъ принималъ у себя только самыхъ близкихъ людей и всячески избѣгалъ встрѣчи съ лицами, носившими на себѣ политическій отпечатокъ. Въ глубинѣ души онъ, видимо, рѣшилъ отойти отъ всякаго участія въ активныхъ дѣлахъ эмиграціи, будучи того мнѣнія, что Россію исцѣлитъ и спасетъ только время.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, я, будучи въ Сербіи, задумалъ писать свои воспоминанія, вылившіяся затѣмъ въ книгу «Россія въ міровой войнѣ». Уважая принятую Великимъ Княземъ на себя отчужденность отъ внѣшняго міра, я обратился не лично къ Великому Князю, а черезъ одного изъ приближенныхъ къ нему лицъ его домашней свиты, съ просьбой передать мое ходатайство о временномъ предоставленіи мнѣ матеріаловъ по войнѣ, если бы таковые у Великаго Князя сохранились. Черезъ нѣсколько времени я получилъ отвѣтъ изъ Рима, въ которомъ мнѣ сообщалось, что «личныхъ записей это лицо (Великій Князь) не вело. Документовъ, освѣщающихъ и имѣющихъ значеніе для оперативныхъ вопросовъ тоже не имѣло. Такимъ образомъ дать вамъ что либо, могущее служить помощью въ предполагаемомъ вами трудѣ, оно не можетъ»...

Затѣмъ въ мартѣ 1923-го года, уже будучи въ Парижѣ, я послалъ въ Антибъ для ознакомленія Великому Князю рукопись моей статьи: «Основныя идеи стратегическаго развертыванія и первыхъ операцій русской арміи въ 1914-мъ году. «Статья эта мною была составлена для французскаго военнаго журнала — «Revue militaire française», въ которомъ она и была помѣщена, въ майскомъ и іюньскомъ номерахъ того же года.

«Съ большимъ интересомъ, сообщалъ мнѣ мой корреспондентъ,

статья прочитана Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, которому я имѣлъ честь ее представить»...

Наконецъ, осенью того же, кажется, года я былъ по своимъ личнымъ дѣламъ въ Ниццѣ. Опасаясь нарушить все ту же усвоенную Великимъ Княземъ позицію полнаго изолированія себя отъ теченій современной жизни, — позицію, которую я не могъ не признавать правильной, я ограничился сообщеніемъ на виллу Thenard о своемъ случайномъ проѣздѣ черезъ Ниццу. Основываясь на совмѣстномъ переживаніи съ Великимъ Княземъ многихъ тяжелыхъ и радостныхъ дней, выпавшихъ на нашу долю въ 1914-1915 г. г., я просилъ засвидѣтельствовать ему мои чувства неизмѣннаго уваженія. На это письмо, ко мнѣ прибылъ въ гостиницу довѣренный Великаго Князя, который, не заставъ меня дома, просилъ принять его вторично. Наше свиданіе состоялось; мы обмѣнялись нѣсколькими любезными словами и мелкими впечатлѣніями о прошлыхъ дняхъ войны.

Этими небольшими знаками вниманія закончились наши личныя отношенія съ Великимъ Княземъ, которыя я справедливо счелъ несложившимися. Великаго Князя окружили впослѣдствіи новые люди, которые вовлекли его въ современную жизнь и выдвинули его имя, далеко не безъ внутренняго сопротивленія и личнаго его колебанія, на позицію руководителя политической дѣятельностю части русской эмигрантской общественности. — Изъ этой попытки, какъ я и предвидѣлъ, вышло очень немного. Хотя Великій Князь сразу выставилъ лозунгъ: «непредрѣшенства» будущаго устройства русской земли, тѣмъ не менѣе русская лѣвая общественность, которая окончательно смѣнила вѣхи монархическія на республиканскія, отказалась признать его авторитетъ. Возможно, что и заграничные политическіе дѣятели, всегда сдержанно относившіеся къ русскому самодержавію, видѣли въ Великомъ Князѣ также лицо, прежде всего, «царскаго» корня, почему неохотно отзывались на совмѣстную съ нимъ политическую работу, подозрѣвая въ немъ стремленіе къ возстановленію въ той или другой формѣ прежнихъ порядковъ. — Да и обстановка на территоріи нашей родины оставалась для какихъ либо прямыхъ «дѣйствій» мало благопріятной. «Завоевать» Россію, то-есть навязать ей чужую волю, послѣ всего пережитаго, едва ли кому удастся! Время же для освобожденія, видимо, еще не настало, ибо будущая Россія едва ли сама знаетъ, чего именно она хочетъ и въ какую форму выльется ея государственность. Къ тому же процессъ освобожденія, для прочности выздоровленія, долженъ начать-

ся несомнѣнно изнутри, то-есть зародиться въ толщѣ самого народа, которому одному дано будетъ почувствовать въ себѣ біеніе новой жизни. Роль эмиграціи въ этомъ процессѣ едва ли поэтому можетъ быть первенствующей. Пока лишь ея работа лежитъ въ области сохраненія и развитія для будущей Россіи тѣхъ культурныхъ силъ и традицій, которыя унаслѣдованы ею отъ прежней до-военной Россіи. Въ этомъ отношеніи традиціи ея доблестной арміи несомнѣнно унаслѣдованы и усвоены тѣми военными контингентами, которые оказались за рубежомъ. Поэтому работа Великаго Князя въ области сохраненія этихъ контингентовъ и развитія ихъ традицій, какъ болѣе реальная, и не могла не быть болѣе плодотворной. Для военныхъ контингентовъ имя перваго русскаго Верховнаго Главнокомандующаго въ періодъ небывалой міровой войны навсегда останется окруженнымъ извѣстнымъ ореоломъ и сохранится какъ лозунгъ доблести, присущей всему русскому національному воинству.

Послѣднія пять съ половиной лѣтъ Великій Князь Николай Николаевичъ прожилъ въ имѣніи Шуаньи, расположенномъ въ 25-ти километрахъ отъ Парижа и въ 1½ километрахъ отъ желѣзнодорожной станціи Сантени — въ департаментѣ Сены и Уазы.

Здѣсь съ іюля 1923-го года, въ еще болѣе скромной дачѣ, по сравненію съ виллой Thenard, поселился тотъ, въ чьихъ рукахъ когда то находилось руководство милліонной русской арміей.

Къ его дому вела старая аллея парамидальныхъ тополей, прегражденная воротами съ желѣзной рѣшеткой. Черезъ эти ворота совершался подъѣздъ къ его дому. Тополя, составлявшіе аллею, представляли особую прелесть, напоминая далекій Кіевъ. Къ сожалѣнію сильнымъ ураганомъ, пронесшимся года два тому назадъ, часть ихъ была свалена. Самый домъ, въ которомъ жилъ Великій Князь, небольшой, выстроенъ изъ сѣраго камня и имѣетъ по сторонамъ рядъ пристроекъ. Къ подъѣзду дома примыкало небольшое крыльцо, съ каменными старинными вазами по бокамъ, составлявшими единственное его украшеніе.

Пройдя стеклянную дверь, вы входите въ небольшую переднюю, затѣмъ поднимаетесь на два марша по широкой лѣстницѣ, и вступаете въ кабинетъ хозяина, гдѣ васъ встрѣчаетъ кудластый, кофейнаго цвѣта песъ Великаго Князя, по имени «Максъ».

Кабинетъ — большая комната въ два окна, выходящихъ на открытую зеленую площадку, поросшую отдѣльными деревьями. — Главное мѣсто въ комнатѣ занимали столы. Ихъ было три. Одинъ большой — совершенно простой, даже некрашенный, который вы-

полнялъ роль рабочаго стола. Вѣроятно, онъ напоминалъ Великому Князю тотъ, также некрашенный и огромный по величинѣ столъ, который стоялъ въ Ставкѣ въ Барановичахъ въ моемъ кабинетѣ и за которымъ Великому Князю производились ежедневные доклады о дѣйствіяхъ ему ввѣренной русской арміи! Затѣмъ, небольшой круглый столъ съ лампой посерединѣ и двумя креслами вокругъ, — очевидно любимый. Принимая кого-нибудь, Великій Князь опускался въ одно кресло и предлагалъ другое своему собесѣднику. На этомъ столѣ были разбросаны мелкія вещи хозяина: блокнотъ, карандашъ, пенснэ, папиросница и т. д. Наконецъ, въ глубинѣ комнаты — третій столъ съ двумя ящиками, куда складывалось все подлежавшее впослѣдствіи болѣе внимательному прочтенію. — На полу во всю комнату стелился старенькій коверъ, около двери — книжный шкафъ, а на стѣнахъ — прежняя Россія въ портретахъ, гравюрахъ и литографіяхъ.

«Все просто и не ново. Какъ на русской дачѣ, или въ старомъ имѣніи подъ Москвой», говоритъ П. Красновъ, недавно дѣлившійся въ печати своими впечатлѣніями объ условіяхъ жизни Великаго Князя въ Шуаньи.

Здѣсь въ этомъ кабинетѣ Великій Князь принималъ всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ думать, или думалъ, что спасеніе Россіи придетъ извнѣ и что зарубежной эмиграціи придется въ этомъ движеніи сыграть едва ли не главную активную роль. Но неизмѣнно пылкаго собесѣдника встрѣчали осторожныя слова хозяина, что прежде чѣмъ думать о спасеніи, необходимо найти почву для возможнаго объединенія всѣхъ силъ.

Великій Князь обладалъ въ эмиграціонный періодъ его жизни крайне ограниченными средствами. Но отказывая себѣ во всемъ, даже въ одеждѣ, онъ неизмѣнно соблюдалъ у себя дома привычное гостепріимство и всякаго, котораго въ его домѣ захватывало время завтрака или обѣда, онъ не отпускалъ не накормивши.

Столовая помѣщалась внизу и здѣсь, по словамъ бывавшихъ въ ней, особенно бросалась въ глаза старая широкая жизнь и скромная современность. Простой столъ, покрытый клеенчатой скатертью, говоритъ генералъ Красновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старый, случайно вывезенный фарфоръ съ великолѣпными царскими коронами. — Вѣрный старый дворецкій, торжественно провозглашавшій «Ваше Императорское Высочество, кушать подано», и простой обѣдъ, чаще изъ двухъ блюдъ, безъ сладкаго, съ обыкновеннымъ столовымъ виномъ! — Каждый десятокъ франковъ вѣдь надо было экономить!...

Въ чемъ только не могъ себѣ отказать Великій Князь, — это въ удовлетвореніи своей религіозной жажды. Въ одной изъ пристроекъ къ дому была устроена домашними средствами небольшая православная церковка. Иконостасъ былъ сдѣланъ простыми плотниками изъ темнаго дуба. — Иконы простыя; столь же просты были церковная утварь и облаченіе. Постояннаго священника, конечно, не было — временами пріѣзжалъ священникъ изъ Парижа и служилъ безъ діакона. Пѣлъ просто дьячекъ, и только иногда — въ торжественныхъ случаяхъ — импровизированный хоръ изъ казаковъ, служившихъ, въ качествѣ прислуги, при домѣ Великаго Князя. Впрочемъ, изрѣдка, въ особо торжественныхъ случаяхъ, въ Шуаньи пріѣзжали русскіе хоры изъ военныхъ контингентовъ и тогда маленькая церковь не вмѣщала всѣхъ желавшихъ присутствовать на богослуженіи. Чаще всего это было въ Пасхальную заутреню, которую Великій Князь особенно любилъ.

Нѣсколько выше я сказалъ, что для зарубежныхъ воинскихъ контингентовъ имя Великаго Князя всегда останется дорогимъ знаменемъ прежней доблести русской арміи. — Въ соотвѣтствіи съ этими настроеніями, Великій Князь Николай Николаевичъ, послѣ цѣлаго ряда настойчивыхъ просьбъ, шедшихъ изъ толщи этихъ контингентовъ, принялъ на себя съ декабря 1924-го года высшее руководство жизнью всѣхъ русскихъ военныхъ зарубежныхъ организацій, которыя къ тому времени были объединены въ Русскій Общевоинскій союзъ. Сначала это руководство шло черезъ генерала Врангеля — основателя этихъ организацій, а послѣ преждевременной кончины послѣдняго — непосредственно.

Исторія образованія этого союза генераломъ Врангелемъ вкратцѣ такова:

Послѣ вторичнаго захвата большевиками осенью 1920-го года Крыма, прибыли, на всякаго рода судахъ, на чужбину, въ константинопольскія воды 150 тысячъ русскихъ людей, не пожелавшихъ подчиниться нависшему надъ Россіей игу, и въ числѣ ихъ до 100 тысячъ русскихъ воиновъ разныхъ категорій. — Эти послѣдніе были сведены ихъ Главнокомандующимъ въ Крыму, генераломъ Врангелемъ, въ три корпуса — 1-й армейскій, Донской и Кубанскій, которые и были устроены въ лагеряхъ Галлиполи, Чаталджи и Лемноса. Приэтомъ, большое число бывшихъ войсковыхъ начальниковъ, вслѣдствіе порѣдѣнія рядовъ, естественно осталось за штатомъ и вынуждено было временно оставить ряды арміи. — Временно были разлучены съ нею и многочисленные чины тыловыхъ учрежденій.

Наконецъ, оказались оторванными отъ родныхъ частей раненые и больные, размѣщенные въ госпиталяхъ Константинополя, Пирея, Бизерты и т. д.

Дѣля долгіе годы съ родной имъ арміей, они, временно отъ нея оторванные, просили числить себя въ ея рядахъ.

Помимо этихъ воиновъ, за рубежомъ Россіи находились уже многіе десятки тысячъ русскихъ эмигрировавшіе раньше и разсѣянные по всѣмъ странамъ Стараго и Новаго Свѣта. Большинство изъ нихъ боролись за идею освобожденія родины отъ интернаціональной власти на всѣхъ концахъ русской земли — одни въ Сибири, другіе на Сѣверѣ, третьи въ Прибалтикѣ, четвертые въ Польшѣ. Нищіе и беззащитные, они несли въ одиночку всѣ тяжести эмигрантской жизни.

Поставивъ себѣ задачей сохранить на чужбинѣ всѣ остатки великой Русской Арміи, сплотить ихъ вокругъ родныхъ знаменъ и, по мѣрѣ силъ, придти имъ на помощь въ дѣлѣ подысканія имъ занятій, которыя могли бы обезпечить ихъ существованіе, генераломъ Врангелемъ въ 1921-мъ году было приступлено къ осуществленію идеи образованія изъ всѣхъ этихъ контингентовъ военныхъ обществъ.

Приэтомъ были установлены два нерушимыхъ принципа: запись въ союзъ допускалась только *добровольная* и всѣ члены воинскихъ союзовъ должны были *отказатъся* отъ участія въ какихъ либо политическихъ организаціяхъ, имѣя въ виду только одну идею — службу Россіи.

Счастливая идея генерала Врангеля — одного изъ достойнѣйшихъ и талантливѣйшихъ генераловъ, выдвинутыхъ не только бѣлой борьбой, но и міровой войной, нашла горячій откликъ въ сердцахъ всѣхъ бывшихъ русскихъ военныхъ.

Вслѣдствіе этого, военные союзы стали расти во множествѣ и въ настоящее время ими, безъ преувеличенія, покрыта вся наша планета.

Считая желательнымъ всѣ эти отдѣльные союзы, образовавшіеся вначалѣ по признакамъ частей войскъ, родовъ оружія, учебныхъ заведеній, мѣстамъ проживанія, участія въ одномъ общемъ походѣ, или преслѣдуемымъ цѣлямъ (не политическаго характера), — слить въ одинъ организмъ, — генералъ Врангель осенью 1924-го года предложилъ имъ всѣмъ объединиться въ одинъ «Русскій Обще-воинскій Союзъ», для котораго было выработано особое «Временное Положеніе», дѣйствующее и по сей день.

Кромѣ общаго руководства Русскимъ Общевоинскимъ Союзомъ, задачи котораго заключаются въ поддержанiи среди членовъ его воинскаго рыцарскаго духа, укрѣпленiи началъ воинской дисциплины и военной этики, и въ содѣйствiи по оказанiю членамъ общества матерiальной, трудовой и моральной помощи, Великiй Князь принялъ на себя также званiе почетнаго предсѣдателя «Зарубежнаго союза русскихъ военныхъ инвалидовъ»...

Союзъ этотъ, какъ организацiя гуманитарная и не имѣющая чисто военнаго характера, не вошелъ въ составъ Русскаго Общевоинскаго Союза и живетъ своей отдѣльной жизнью. Онъ былъ окончательно сконструированъ лишь къ апрѣлю 1927-го года и въ настоящее время является учрежденiемъ общепризнаннымъ.

По даннымъ къ 1-му февраля сего года въ составъ опекаемыхъ этимъ союзомъ вошло 6082 русскихъ инвалида, 1288 женщинъ и 1089 дѣтей. Начавъ дѣло помощи безъ всякихъ денежныхъ средствъ, союзъ этотъ въ настоящее время, хотя и не обладаетъ запасными средствами, но все же оказываетъ русскимъ инвалидамъ посильную помощь, собравъ, напримѣръ, въ минувшемъ году до 5-ти миллiоновъ франковъ. Къ сожалѣнiю, это составило въ среднемъ на каждаго инвалида въ отдѣльности всего только нѣсколько десятковъ франковъ въ мѣсяцъ. Нужда же въ средствахъ столь велика, что годовой недостатокъ средствъ противъ составленной смѣты выразился въ томъ же году почти въ 14,5 мил. франковъ!

Не имѣя возможности придти на помощь русскимъ инвалидамъ сколько-нибудь существенно въ матерiальномъ отношенiи, Великiй Князь, тѣмъ не менѣе, горячо принималъ къ сердцу ихъ интересы.

«Наши инвалиды — это святые страдальцы, передъ которыми я прямо благоговѣю», сказалъ Великiй Князь, выслушавъ первый докладъ объ ихъ положенiи и узнавъ, что въ союзъ принимаютъ лишь потерявшихъ не менѣе 50 процентовъ своей трудоспособности, и что, среди 6 тысячъ такихъ инвалидовъ, около 2,5 тысячъ считается утратившихъ трудоспособность свыше 70 процентовъ! Среди послѣднихъ есть люди безъ 2 рукъ и ногъ, слѣпые, парализованные, психически больные, навсегда прикованные къ постели и другiе страдальцы, принужденные влачить жалкую жизнь въ эмиграцiи!

Великiй Князь горячо радовался каждому болѣе или менѣе значительному пожертвованiю, которое удавалось получить или непосредственно Союзомъ, или при его личномъ содѣйствiи. Онъ всегда охотно исполнялъ просьбы правленiя и радовался случаю выразить

благодарность жертвователю отъ его имени. Всѣ радости и горести русскихъ инвалидовъ воспринимались такимъ образомъ Великимъ Княземъ, какъ свои личныя.

Съ весны 1928-го года здоровье Великаго Князя стало сдавать. Уже пасхальную заутреню, столь имъ любимую, Великій Князь долженъ былъ въ названномъ году выслушать лежа больнымъ въ постели, поставленной въ сосѣдней съ его домашней церковью комнатѣ. Первое время, однако, здоровый организмъ успѣшно боролся съ болѣзнью. Лишь преклонный возрастъ больного, страшилъ его приближенныхъ, которые съ наступленіемъ зимы настойчиво совѣтовали ему переѣхать на югъ. Переѣздъ этотъ совершился. — Въ концѣ октября того же года Великій Князь, съ семьей, прибылъ вновь въ Антибъ и поселился на той же дачѣ Thenard, оказавшейся свободной. Это было его послѣднее путешествіе. — Въ Антибѣ, въ десятыхъ числахъ декабря, онъ вновь заболѣлъ воспалительнымъ процессомъ въ легкихъ. Болѣзнь протекала нормально, но ослабленное тяжелыми переживаніями жизни и болѣзнью сердце сдало. — 5-го января 1929-го года, наканунѣ русскаго сочельника (24 декабря ст. стиля), вслѣдствіе внезапнаго ослабленія дѣятельности сердца, наступила смерть почти внезапно. — Великій Князь скончался, окруженный родными, въ 9 часовъ 30 минутъ вечера, сохранивъ сознаніе до послѣдней минуты. — Въ теченіе всего послѣдняго дня онъ чувствовалъ себя хорошо и въ 5 часовъ подписалъ поздравительную съ праздникомъ телеграмму чинамъ русской арміи, находящимся за рубежомъ. — Въ ней онъ, какъ всегда, призывалъ къ единенію и заканчивалъ свой призывъ словами: «Памятуйте о Россіи!».

Уже въ 11 часовъ вечера у праха бывшаго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго была отслужена первая литія. Тѣло Великаго Князя лежало на смертномъ одрѣ, одѣтымъ въ форму кавказскихъ казачьихъ войскъ и украшеннымъ на груди георгіевскими крестами покойнаго трехъ степеней. Кругомъ стояли лавровыя деревья, а почетный караулъ у праха великаго русскаго воина составляли бывшіе чины русской арміи. Впослѣдствіи тѣло Великаго Князя было положено въ гробъ и покрыто боевымъ Андреевскимъ флагомъ съ «Меркурія». Флагъ этотъ былъ въ свое время спасенъ черноморскими моряками и хранился въ Парижѣ.

Отъ президента французской республики и его правительства чувства соболѣзнованія были принесены семьѣ почившаго префектомъ департамента des Alpes Maritimes. — Префектъ былъ также уполномоченъ извѣстить близкихъ усопшаго, что правительствомъ по-

ручено маршалу Петэну присутствовать отъ лица Франціи на похоронахъ бывшаго русскаго Верховнаго Главнокомандующаго. Кромѣ того, торжественную панихиду въ Парижѣ, въ память усопшаго, посѣтили французскій военный министръ Пенлевэ, бывшій президентъ французской республики Мильеранъ и многіе другіе представители союзныхъ странъ. — Въ Италіи королевскій домъ, которой находился въ близкомъ родствѣ съ Великимъ Княземъ (Король Италіи женатъ на сестрѣ жены Великаго Князя), при Дворѣ былъ наложенъ трауръ на 30 дней. — Въ Бѣлградѣ на торжественномъ богослуженіи присутствовалъ сербскій король Александръ, при Дворѣ котораго былъ также наложенъ трауръ.

8-го января гробъ почившаго былъ перевезенъ на автомобилѣ въ г. Каннъ, гдѣ временно помѣщенъ въ имѣющемся при церкви склепѣ.

Въ той же церкви было рѣшено устроить для болѣе постояннаго пребыванія гроба почившаго усыпальницу и надъ нею маленькую часовню. Для украшенія усыпальницы чинами русскаго Общевоинскаго Зарубежнаго Союза къ полугодовому дню кончины Великаго Князя была сооружена большая доска изъ зеленаго мрамора. — На лѣвой сторонѣ ея, между двумя серебряными вѣтвями—лавровой и дубовой, серебряными же буквами начертана надпись: «Верховному Главнокомандующему Русской Арміи, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу», а ниже: — «Отъ россійскаго зарубежнаго воинства». По угламъ доски — серебряные государственные россійскіе гербы. Подъ надписью помѣщенъ большой бѣлый крестъ св. Георгія съ черно-желтыми лентами, на которыхъ имѣются даты рожденія и смерти Великаго Князя.

Чрезвычайно интересно отмѣтить, что доска съ надписями, гербами, орденомъ и лентами, исполненная крайне художественно, сработана собственноручно бывшими офицерами, нынѣ принужденными обезпечивать свою жизнь тяжелымъ трудомъ, въ качествѣ простыхъ рабочихъ. — Преданность къ почившему была столь велика, что каждый охотно несъ на сооруженіе упомянутой памятной доски свой трудъ и рабочія деньги.

При гробѣ Великаго Князя сооружена неугасимая лампада и находится особая книга для записи лицъ, посѣщающихъ гробницу.

Несомнѣнно, что гробница эта станетъ мѣстомъ паломничества многихъ и многихъ русскихъ людей!

ГЛАВА XV-я.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Подведемъ итоги всему сказанному выше.

Я думаю, что читателю прежде всего бросились въ глаза необыкновенная, скажу — исключительная любовь Великаго Князя Николая Николаевича къ Россіи и желаніе, не ослабѣвавшее на протяженіи всей его относительно долгой и разносторонней жизни, служить ей беззавѣтно. — Великій Князь былъ горячимъ патріотомъ, для котораго благо Россіи было стимуломъ всей его жизни.

«Молю Бога, да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ торжество Вѣры и царство мира, любви и правды.

Памятуйте о Россіи и здѣсь въ изгнаніи. — Ей отдавайте всѣ Ваши помыслы, не числя трудовъ, силъ и средствъ на дѣло Ея спасенія, ибо безмѣрно тяжко испытаніе и наступаютъ рѣшительные сроки.

Народъ Русскій! Собери Твои силы и съ крестомъ выйди вновь на путь Тебѣ даннаго великаго и сильнаго бытія!»

Съ такими словами, написанными всего за нѣсколько часовъ до смерти, Великій Князь кончалъ свою земную жизнь. Эти слова составляютъ его политическое завѣщаніе, ибо никакого другого завѣщанія онъ не оставилъ и никакихъ записей въ теченіе жизни не дѣлалъ.

Даже въ гробу онъ лежитъ, крѣпко сжавъ въ безжизненныхъ пальцахъ, кромѣ обычнаго для вѣрующаго человѣка Распятія, еще горсть русской земли и камень съ горъ Кавказа! Это все, что имѣло для него наибольшую цѣнность въ его жизни.

Любовь къ Родинѣ руководила всѣми его поступками, и многое изъ очень дорогого въ его міропониманіи, онъ принесъ въ жертву этой любви.

По рожденію, воспитанію и цѣльности своего характера, Великій Князь принадлежалъ къ кругу людей, проникнутыхъ чувствомъ глубокаго лоялизма. Между тѣмъ сколько разъ жизнь ставила передъ нимъ сложнѣйшія искушенія, манившія его въ сторону отъ этого честнаго и прямого пути! Если, вслѣдствіе его благороднаго и истинно-рыцарскаго характера, ему относительно легко удавалось обходить тѣ искушенія, которыя вели къ достиженію *личныхъ* цѣлей, путемъ авантюры, то много сложнѣе было выбирать правильную линію поведенія въ той обстановкѣ, гдѣ сплетались интересы болѣе высшаго порядка, именно счастья Родины. — Тутъ легко было взять невѣрный курсъ и потому его невольныя ошибки, если таковыя были, не должны ему ставиться въ вину. Давно уже извѣстно что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

Авантюризмъ вообще не былъ сродни натурѣ Великаго Князя и его природное качество лояльности было главной причиной, почему онъ никогда не могъ бы стать Бонапартомъ, несмотря на то, что жизнь неоднократно толкала его взять на себя эту роль. — Его всегда прельщала законность и преклоненіе передъ установленнымъ порядкомъ, который заставлялъ его, несмотря на свой крутой нравъ, молчаливо склонять свою гордую голову.

— Я родился вскорѣ послѣ смерти Императора Николая Павловича, часто говаривалъ онъ, и все воспитаніе мое прошло въ традиціяхъ того времени, въ числѣ которыхъ одной изъ главныхъ и едва ли не наиболѣе существенной, являлось повиновеніе.

Но тѣмъ сильнѣе онъ ощущалъ — и право и обязанность — борьбы законной за лучшее будущее своего народа и своей Родины! Въ сущности, вся жизнь его была посвящена этой борьбѣ, которую, хотя и въ разныхъ смыслахъ но можно обобщить въ понятіи о борьбѣ «освободительной».

Уже съ раннихъ лѣтъ онъ долженъ былъ вступиться за права своей матери, угнетавшейся ненормальнымъ положеніемъ ея въ семьѣ отца.

Затѣмъ его служба въ войскахъ. — Польза дѣла требовала пробитія той закоснѣлой брони, въ которую была закована доблесть русской арміи. — Побольше для нея свободы и свѣжаго воздуха! Что нужды въ томъ, что въ надѣтыхъ на русскую армію при Николаѣ I оковахъ, имѣются звенья, выкованныя трудами его отца! — Долой неправду, долой оковы, но... лишь съ предварительнаго благословенія тогдашняго хозяина русской земли — Императора Александра III-го!

Получивъ это разрѣшеніе, онъ съ горячностью молодости, ки-

дается на своего врага — рутину. — Сь блестящими глазами, въ лихорадочномъ неистовствѣ, ничего и никого не видя, кромѣ злого чудища, уже смертельно вцѣпившагося въ русскаго витязя Родины, онъ безстаршно берется за дѣло. — Смѣлость для этого нужна огромная, ибо нѣтъ достаточнаго опыта, а навстрѣчу глядятъ тысячи недоброжелательныхъ глазъ и образуются тысячи препятствій. Удивительно-ли, что въ дѣловомъ забвеніи летятъ направо и налѣво неосторожныя слова, судорожно сжимаются руки, мнется и кидается съ головы на землю, плохо сидящая на воспаленной головѣ фуражка! Порывъ буйной молодости, за которымъ слѣдуетъ трогательное раскаяніе, извиненія передъ обиженными и всезабываемое примиреніе! Кто можетъ — проститъ, кто не пойметъ дѣловой несдержанности — уходитъ озлобленный, негодующій.

Но что дѣлать?! «Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!». По счастью, уходитъ далеко не всегда самое лучшее!

Но вотъ наступаютъ тяжелые дни испытаній 1905-го года. — Для Великаго Князя тяжесть этихъ дней заключалась въ коллизіи между справедливымъ стремленіемъ русскаго народа обезпечить себѣ право распоряженія собственной судьбой и самодержавными принципами, исповѣдывавшимися изстари русскими царями и, естественно, усвоенными лично имъ, Великимъ Княземъ, со дня рожденія. Родина и Царь оказались въ непримиримомъ противорѣчіи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ и большинство привилегированныхъ людей его времени, былъ, конечно, воспитанъ въ строго религіозномъ духѣ, скажу больше — въ религіозно-мистическомъ экстазѣ. Религія при этомъ была у него накрѣпко связана съ понятіемъ о божественномъ происхожденіи на Руси царской власти и съ внутреннимъ убѣжденіемъ о томъ, что черезъ муропомазаніе, русскій Царь получаетъ какую то особо-таинственную силу, ставящую его, въ отношеніи государственнаго разума, въ какое то недосягаемое для другихъ положеніе. Всѣ эти идеи глубоко культивировались въ средѣ, къ которой принадлежалъ по рожденію Великій Князь; онѣ составляли главную сущность тогдашняго воспитанія общества того времени. Жизнь, однако, говорила о другомъ. — Она постоянно указывала на недостатки самодержавнаго строя, особенно сказывавшіяся въ періодъ царствованія, лично очень симпатичнаго, но безвольнаго, упрямаго, и дѣйствующаго наперекоръ жизни Императора Николая II-го, который къ тому же подпалъ подъ несчастное вліяніе больной и истеричной Императрицы и оказлся окружен-

нымъ плотною стѣною малопрозорливыхъ, а иногда и просто недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. — Самодержавіе, въ концѣ концовъ, стало для небольшого класса людей, оберегавшихъ свои прерогативы, орудіемъ полицейской сдержки народа!

Великій Князь принадлежалъ по рожденію привычкамъ и даже внутреннимъ чертамъ своего характера, именно къ этому классу людей, но тѣ же внутреннія чувства справедливости, великодушія, а можетъ быть и извѣстной государственной дальнозоркости тянули его въ направленіи прямо обратномъ: онъ ощупалъ необходимость пойти навстрѣчу народнымъ стремленіямъ. — Въ возникшемъ спорѣ на одной чашкѣ вѣсовъ стоялъ прогрессъ Россіи указывавшій ей путь всѣхъ культурныхъ государствъ, на другую былъ положенъ вѣковой предразсудокъ, согласно котораго Россія должна была идти какимъ то своимъ особымъ путемъ, на основѣ принципа самодержавія Царя. — Внутренняя борьба должна была быть для человѣка той складки къ которой принадлежалъ Великій Князь жестокой, но сознательная любовь къ Россіи превысила безсознательное тяготѣніе къ тому, что съ юныхъ лѣтъ являлось воплощеніемъ все того же величія Родины, облеченнаго только въ дѣтскую формулу божественнаго единенія Царя съ народомъ. — Разумъ одержалъ побѣду надъ сердцемъ. Россія стала выше Царя и Великій Князь Николай Николаевичъ открыто перешелъ на сторону защитниковъ тѣхъ реформъ, которыхъ требовалъ народъ и которыя неизбѣжно вели Россію на путь конституціонализма.

«Я поддерживалъ его (графа Витте), говорилъ Великій Князь Николай Николаевичъ своимъ ближайшимъ друзьямъ, стремясь впослѣдствіи отдѣлить лично себя отъ иниціатора манифеста 17-го октября, котораго онъ вообще не любилъ, — лишь потому, что считаю его единственнымъ человѣкомъ который способенъ былъ провести реформы. Въ ту минуту положеніе было таково, что, кромѣ него, никого подходящаго не было, *а реформы были нужны*» (курсивъ автора).

Но и тутъ Великій Князь избралъ строго лояльный путь, стремясь «повліять» на Императора, отъ котораго зависѣло окончательно — дать или не дать ожидавшіяся реформы. — Говорятъ, однако, что только благодаря рѣшительному вліянію Великаго Князя, проектъ реформъ графа Витте былъ принятъ.

Съ изданіемъ акта 17-го октября народныя волненія, однако, не прекратились. — Революціонныя страсти разгорѣлись и требовали все дальнѣйшихъ уступокъ. — Тутъ Великій Князь, въ своей

роли Главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, явился твердымъ и непреклоннымъ охранителемъ даннаго порядка. Онъ не только водворилъ строгими мѣрами порядокъ въ столицѣ, но ему подчиненныя и имъ воспитанныя войска сумѣли остановить развитіе безпорядковъ въ Москвѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ. — Кромѣ того, мысль о посылкѣ карательныхъ поѣздовъ барона Меллеръ-Закомельскаго въ Сибирь и Ренненкампфа изъ Харбина также принадлежала, какъ кажется, Великому Князю Николаю Николаевичу. — Конечно, всѣ эти строгія мѣры были очень тяжелы для исполнителей, но онѣ были необходимы для пресѣченія анархіи, разбоевъ и убійствъ, обыкновенно слѣдующихъ съ революціей.

Кто знаетъ не удержалась ли бы революція 1917-го года на гребнѣ, если бы во Временномъ Правительствѣ нашлись сильные люди, которые своевременными и рѣшительными мѣрами не дали бы возможности разойтись революціоннымъ страстямъ!

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ послѣ событій 1905-го года, и особенно въ періодъ міровой войны, Великій Князь былъ всегда на сторонѣ необходимости уступокъ ожиданіямъ народа. Онъ былъ сторонникомъ земельныхъ реформъ П. А. Столыпина и горячо привѣтствовалъ мысль А. В. Кривошеина о надѣленіи солдатскихъ семей дополнительной землею послѣ войны, увѣренный, что этимъ онъ можетъ возбудить тотъ «пафосъ», котораго недоставало въ средѣ нашихъ военнопризывныхъ. Онъ не только не препятствовалъ, но оказывалъ всяческое содѣйствіе развитію гуманитарной дѣятельности на войнѣ общественныхъ организацій, зная насколько бѣдны наши войсковыя лечебныя средства и какъ необходимо установленіе тѣсной связи между правительствомъ и обществомъ въ теченіе той суровой войны, которая велась. Онъ принялъ также дѣятельное участіе въ подготовкѣ успѣха состоявшагося рѣшенія Государя объ удаленіи изъ Совѣта Министровъ трехъ наиболѣе реакціонно настроенныхъ министровъ юстиціи — Щегловитова, внутреннихъ дѣлъ — Н. А. Маклакова и оберъ-прокурова Св. Синода — Саблера, съ замѣною ихъ болѣе прогрессивными дѣятелями: А. А. Хвостовымъ, княземъ Н. Б. Щербатовымъ (едва ли не имъ рекомендованнымъ) и А. Д. Самаринымъ,а также о замѣнѣ бездѣятельнаго и юношески легкомысленнаго военнаго министра В. А. Сухомлинова умнымъ и опытнымъ администраторомъ генераломъ А. А. Поливановымъ. Наконецъ все поведеніе Великаго Князя въ знаменательный день 27-го іюля въ Ставкѣ, когда онъ смѣло и открыто поднялъ голосъ въ пользу примиренія правительства съ общественными силами и необходимости для власти доби-

ваться довѣрія страны, ясно показывало, что въ борьбѣ власти съ народомъ онъ на сторонѣ послѣдняго.

Что касается позиціи Великаго Князя на Кавказѣ, въ періодъ, предшествовавшій революціи, то и въ этомъ случаѣ онъ какъ мы уже знаемъ, сперва отклоняетъ отъ себя предложенное участіе въ возникшемъ движеніи, являвшемся во-первыхъ, нелояльнымъ по отношенію къ царствовавшему Императору, но всего болѣе по причинѣ возникшихъ у него сомнѣній въ томъ, поймутъ ли мотивы этого движенія солдаты, отражающіе мнѣніе «русскаго народа», хотя и жаждущаго извѣстныхъ реформъ, но могущаго не признать насильственнаго сверженія съ престола своего законнаго Монарха.

Конечно, Бонапартъ говорилъ бы не такимъ языкомъ, но Великій Князь какъ я уже сказалъ, никгда не чувствовалъ въ себѣ склонности къ диктаторству и всегда долженъ былъ помнить о своемъ происхожденіи мѣшавшемъ ему стать таковымъ.

— Я не имѣю желанія провозглашать себя диктаторомъ, говорилъ онъ одному изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, князю Гр. Трубецкому. — Мнѣ это претитъ. — Это не русское слово и не русское понятіе.

Только когда образовалось Временное Правительство и когда Царь и Великій Князь Михаилъ Александровичъ отреклись отъ Престола, только тогда. Великій Князь Николай Николаевичъ въ полномъ согласіи съ совѣтомъ, отрекшагося Императора, выраженнымъ въ его прощальномъ приказѣ признал Временное Правительство и съ той минуты отдался съ обычной своей страстностью желанію служить Россіи при новомъ реживѣ.

— Я солдатъ, который привыкъ повиноваться, говорилъ онъ по этому случаю.

Въ своемъ мѣстѣ я уже приводилъ слова бывшаго начальника штаба дѣйствующей арміи генерала Алексѣева о томъ, что характеръ Великаго Князя не допускалъ подозрѣній въ двуличіи и что, признавъ новый порядокъ, онъ ни на шагъ отъ этого признанія болѣе не отступитъ.

Блестящее тому доказательство, Великій Князь и явилъ, удалившись безропотно въ отставку, какъ только онъ получилъ извѣщеніе отъ главы Временнаго Правительства о томъ, что нахожденіе его въ должности Верховнаго можетъ осложнить необходимое для русскаго народа успокоеніе и повредить дѣлу продолженія войны.

Вотъ казалось удобный былъ моментъ для захвата власти узурпаторомъ! Но Великій Князь, оцѣнивъ настроеніе не только въ ар-

міи, которая все же за нимъ вѣроятно бы пошла, но всего народа, предпочелъ удалиться въ Крымъ, унося въ своемъ сердцѣ несомнѣнно очень глубокую рану. Пролитіе крови, о которомъ говорилъ князь Львовъ, было избѣгнуто и Временному Правительству очищено было поле для развертыванія собственныхъ силъ.

Къ сожалѣнію для Россіи, онѣ оказались ничтожными!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ утвердился большевизмъ, покрывшій интернаціональнымъ налетомъ ослабѣвшее тѣло Россіи.

Началась гражданская война. Возглавлявшій Добровольческую армію генералъ Алексѣевъ, въ періодъ этой войны, довелъ до свѣдѣнія Великаго Князя о томъ, что армія мечтаетъ видѣть его въ извѣстный моментъ у себя во главѣ. Великій Князь отвѣтилъ, что борьбу противъ большевиковъ, какъ интернаціоналистовъ, онъ принципіально считаетъ допустимой, но что на предложеніе генерала Алексѣева стать во главѣ войскъ онъ можетъ отвѣтить утвердительно лишь въ томъ случаѣ, если это предложеніе будетъ отвѣчать желаніямъ широкаго національнаго объединенія, а не какой либо отдѣльной партіи.

— Если меня призоветъ Добровольческая армія, — поручилъ онъ передать посланцу генерала Алексѣева, — но противъ меня будетъ Сибирская армія, то на братоубійственную борьбу изъ-за своей личности я не пойду.

Какъ читателю уже извѣстно, Великій Князь Николай Николаевичъ, будучи вынужденъ къ эмиграціи, вначалѣ сторонился отъ всякой дѣятельности и если принялъ въ ней нѣкоторое участіе, то почти противъ своей воли.

— Я лично для себя ничего не ищу, — сказалъ онъ при свиданіи уже помянутому князю Гр. Трубецкому*). Но ко мнѣ постоянно обращаются съ разныхъ сторонъ. Если я могу оказаться полезенъ для цѣлей объединенія, то моя совѣсть требуетъ, чтобы я выполнилъ свой долгъ. Но я не могу связывать этого дѣла съ какой либо партіей, классовыми или личными интересами. Я могу служить Россіи, только въ ея цѣломъ.

Конечно, Великій Князь, по своему внутреннему облику, былъ монархистомъ. Но не къ монархіи призывалъ онъ, не въ ея пользу онъ взывалъ къ объединенію. Его лозунгомъ былъ Россія, его паролемъ — «*непредрѣшенство*» государственнаго устройства.

— Пройдетъ время — Россія сама свободно выскажется о

---

*) Газета «Россія и Славянство», за 1928-й годъ.

томъ, какую форму правленія на будущее время она предпочитаетъ, — говорилъ онъ.

Другой, всѣмъ извѣстный русскій общественный дѣятель и ученый П. Б. Струве*) приблизительно такъ охарактеризовалъ позицію Великаго Князя въ зарубежномъ разсѣяніи:

«Великаго Князя выдвинули какъ объединяющую силу, какъ центръ національныхъ упованій, какъ выразителя русскихъ чувствъ и русской идеи. Въ этомъ не было никакой политической доктрины, никакой партійности. Однимъ Великій Князь внушалъ уваженіе, какъ членъ царствующаго дома, подъ водительствомъ котораго укрѣпилась Россія съ ея великой культурой. Другимъ онъ былъ дорогъ, какъ вождь доблестной и самоотверженной Россійской арміи, наконецъ — третьимъ — какъ лицо, вознесенное надъ всѣми мелкими и жалкими счетами самолюбій и лично чуждое какихъ либо домогательствъ».

Я уже отмѣтилъ въ особой главѣ насколько несправедливо и предвзято считать Великаго Князя Николая Николаевича активнымъ дѣятелемъ въ вопросѣ объ установленіи недовѣрчивыхъ взаимныхъ отношеній между Россіей и Германіей и о, якобы, слѣпой ненависти его къ нѣмецкой національности. Исповѣдывать это — значитъ умышленно упрощать сложную проблему европейскихъ довоенныхъ международныхъ отношеній до предѣла, скажу, наивнаго пониманія, что величайшую міровую катаклизму могли вызвать личныя симпатіи или антипатіи отдѣльныхъ людей. На самомъ дѣлѣ причины, приведшія въ концѣ концовъ къ вооруженному столкновенію народовъ, много сложнѣе. На одной сторонѣ уже много лѣтъ тому назадъ зародившагося спора стоялъ — 70-ти милліонный нѣмецкій народъ, сильный избыткомъ населенія, крѣпкій духомъ, общей культурой и народнымъ трудомъ. Народъ этотъ почувствовалъ себя сдавленнымъ собственными границами, и вооруженный до зубовъ, выразилъ настойчивую волю къ выходу на міровую политическую арену. Это былъ его новый курсъ.

На другой сторонѣ — три ближайшія сосѣдки Германіи — Англія, Россія и Франція, имѣвшія существенные интересы внѣ европейскаго материка*). Новая нѣмецкая Weltpolitik несомнѣнно грозила каждой изъ названныхъ странъ опасными послѣдствіями, которыя естественно и вынуждали ихъ защищать свои политическія

*) Газета «Россія и Славянство», за 1928-й годъ.

и экономическія позиціи. Всякій, вѣроятно, былъ правъ по своему. При отсутствіи возможности примиряющихъ соглашеній, вооруженное столкновеніе являлось въ существовавшихъ условіяхъ неизбѣжнымъ.

Въ частности ,проведеніе германцами желѣзнодорожной линіи Берлинъ-Багдадъ, являвшейся однимъ изъ звеньевъ новой міровой политики Германіи, включало въ себѣ зародышъ неизбѣжнаго столкновенія съ Россіей, вслѣдствіе соединеннаго съ этимъ шагомъ стремленія къ подчиненію, черезъ Австрію, нѣмецкому вліянію западныхъ и балканскихъ славянъ и къ непосредственному установленію политическаго вліянія Германіи въ районѣ Константинополя и проливовъ. Я уже не говорю объ экономическомъ внѣдреніи Германіи въ Персію, гдѣ Россія была принуждена сдѣлать Германіи серьезныя уступки!

Россія, уже принесшая огромныя жертвы во имя освобожденія родственныхъ ей по крови западныхъ и южныхъ славянъ, не могла конечно, по своимъ историческимъ и политическимъ традиціямъ, молчаливо присутствовать при постепенномъ поглощеніи этихъ славянъ лоскутной Имперіей Габсбурговъ, которая въ своей славянской политикѣ, опиралась на слишкомъ очевидную поддержку Германіи. Грубые и дерзкіе пріемы вѣнскихъ дипломатовъ лишь вызывали ускореніе конфликта. Въ русской исторіи дипломатическихъ отношеній съ Австро-Венгріей никогда не забудется некорректное поведеніе Эренталя по отношенію къ Россіи и бывшему у насъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ А. П. Извольскому, въ дѣлѣ присоединенія Босніи и Герцоговины. Въ этомъ инцидентѣ, несмотря на тяжесть полученной раны, Россія принуждена была къ молчанію, ибо то были годы ея военной безпомощности, явившейся результатомъ неудачной русско-японской войны и послѣдовавшихъ за ней безпорядковъ. Но этотъ же инцидентъ ясно показалъ Россіи, что въ ея недоразумѣніяхъ съ Австріей, германская вооруженная сила всегда будетъ на сторонѣ послѣдней. Безоговорочно поощряемая Германіей, Австро-Венгрія уже мало задумывалась надъ своими шагами, зная, что ея политическую агонію можетъ продлить лишь успѣхъ внѣшней политики, или побѣдоносно законченная война.

Что касается затѣмъ утвержденія германскаго вліянія въ Константинополѣ, то оно грозило такими серьезными измѣненіями въ режимѣ проливовъ, которыя не могли не вывести Россію изъ ея миролюбивыхъ настреній. Начало этой печальной политики для взаимоотношеній двухъ сосѣднихъ государствъ было положено извѣстнымъ посѣщеніемъ Германскаго Императора Вильгельма II-го ту-

рецкой столицы. Послѣ таковаго, собственно, и началось быстрое осуществленіе идеи «Берлинскаго Халифата», во главѣ котораго пожелалъ стать молодой Германскій Императоръ, объявившій себя покровителемъ Ислама. Затѣмъ въ 1913-мъ году была осуществлена посылка на новыхъ основаніяхъ нѣмецкой миссіи генерала Лиманъ-фонъ-Сандерса, который долженъ былъ стать во главѣ 1-го (Константинопольскаго) турецкаго корпуса. Это отдавало окончательно Турцію и особо интересовавшіе насъ по историческимъ и экономическимъ причинамъ проливы въ руки нѣмцевъ. Лишь по особому настоянію русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, генералъ Лиманъ получилъ назначеніе не командира столичнаго корпуса, а верховнаго инструктора турецкихъ войскъ, что, впрочемъ, мало мѣняло положеніе Германіи въ Турціи.

Традиціонная дружба между Германіей и Россіей, при такихъ крупныхъ расхожденіяхъ, могла поддерживаться лишь искусственно: родствомъ царствовавшихъ Домовъ и общностью ихъ династическихъ интересовъ. Политико-экономическіе пути этихъ государствъ съ каждымъ годомъ расходились все болѣе. Вотъ почему, несмотря на рѣзкое различіе между государственнымъ устройствомъ Россіи и Франціи, союзъ былъ естественъ и соотвѣтственно упрочивался изъ года въ годъ. Что касается Англіи, то ея недружелюбное отношеніе къ Россіи было обосновано всего болѣе на историческихъ недоразумѣніяхъ и непріязни, искусственно разжигавшихся въ личныхъ интересахъ Германіи Гогенцоллернами. Со времени заключенія Персидскаго соглашенія ледъ между Англіей и Россіей сталъ растаивать, и кто знаетъ, до какихъ предѣловъ дошло бы дальнѣйшее сближеніе двухъ народовъ, по существу не имѣвшихъ серьезныхъ точекъ соприкосновенія для взаимной вражды.

Всѣ изложенныя выше обстоятельства, заставляли Россію, постепенно оправлявшуюся отъ разстройства, внесеннаго въ ея армію неудачной японской войной, выступить на защиту Сербіи, когда въ 1914-мъ году ей былъ предъявленъ Австро-Венгеріей унизительный для самостоятельнаго государства ультиматумъ. Глубоко неправильно думать, что въ Россіи въ этотъ періодъ времени существовалъ какой-то воинственный задоръ. Ея армія была доведена лишь до предѣла необходимой обороноспособности, и всѣ, даже наши противники, сходятся на томъ, что оттяжка войны была бы Россіи только выгодной.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ русская дипломатія употребляла всѣ усилія, чтобы закончить мирнымъ путемъ возникшій конфликтъ. И

еще 31-го іюля надежда эта не была потеряна, ибо австро-венгерскій посолъ въ Петроградѣ графъ Сапари въ этотъ день сдѣлалъ С. Д. Сазонову важное заявленіе, что его правительство согласно возвратиться къ обсужденію вопроса по существу предъявленныхъ къ Сербіи требованій. Россія потребовала лишь пріостановки уже начавшихся военныхъ дѣйствій Австріи на Сербской территоріи, послѣ чего переговоры могли бы быть продолжены. Однако, въ полночь на 1-ое августа германскій посолъ въ Петроградѣ графъ Пурталесъ предъявилъ свой ультиматумъ о полной демобилизаціи, очевидно долженствовавшій привести къ войнѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, существуетъ мнѣніе о томъ, что Россія существенно обострила конфликтъ, объявивъ въ ночь на 31-ое іюля, взамѣнъ частной, общую мобилизацію всей своей арміи. Въ своей книгѣ:—«Россія въ міровой войнѣ», я уже подробно излагалъ неизбѣжные мотивы такого рѣшенія и потому повторю ихъ здѣсь только вкратцѣ.

Вопросъ о частной мобилизаціи былъ рѣшенъ на извѣстномъ совѣщаніи 25-го іюля, безъ участія компетентныхъ военныхъ лицъ, лишь подъ вліяніемъ стремленія возможно полнѣе ограничить конфликтъ. Между тѣмъ, технически производство частной мобилизаціи было въ Россіи невозможно, безъ полнаго нарушенія расчетовъ общей мобилизаціи. И потому, если вслѣдъ за частной потребовалось бы проведеніе общей мобилизаціи, то Россія оказалась бы передъ неразрѣшимой катастрофой. При этомъ, нельзя было не сознавать, что за Австро-Венгріей стоитъ Германія, которая не приминетъ вступить въ вооруженный конфликтъ. Независимо того и сама Австро-Венгрія ко времени разрыва представляла собою столь могущественную военную державу, для успѣшной борьбы съ которой было недостаточно мобилизовать всего 4 округа, дававшіе всего только 13 корпусовъ, приведенныхъ на военное положеніе. Читатель уже знаетъ, что первая же наступательная операція въ Галичину потребовала со стороны Россіи участія 16-ти корпусовъ!

Совершенно, очевидно, что каждое государство содержитъ свою армію, въ ея цѣломъ, для борьбы съ тѣмъ изъ своихъ сосѣдей, который ему *въ данное время* угрожаетъ. По имѣвшимся въ Россіи свѣдѣніямъ, приказъ объ общей мобилизаціи Австро-Венгерской арміи былъ подписанъ 28-го іюля и поэтому мобилизацію русскихъ войскъ, стоявшихъ на германской границѣ никакъ нельзя было, безъ извѣстной натяжки, разсматривать какъ мѣру, направленную

противъ Германіи, тѣмъ болѣе, что въ день приступа къ этой мобилизаціи Императоромъ Николаемъ II была послана специальная телеграмма Германскому Императору Вильгельму II, выражавшая обязательство не предпринимать никакихъ вызывающихъ шаговъ, пока будутъ продолжаться переговоры съ Австро-Венгріей.

Основательность этой точки зрѣнія въ отношеніи мобилизаціи признавалась и въ Германіи, если судить по тому, что объявивъ Россіи войну, она приступила къ мобилизаціи *всей* своей арміи, а не только ея части, которая примыкала къ Россіи, *хотя въ то время Германія еще не была въ войнѣ съ Франціей*. Очевидно на берегахъ Шпрее сознавали, что, вслѣдъ за конфликтомъ съ Россіей, неизбѣженъ для Германіи конфликтъ съ Франціей, какъ не могла не сознавать и Россія, что ей предстоитъ неизбѣжно имѣть дѣло, если не съ тремя западными своими сосѣдями, считая Румынію,, то во всякомъ случаѣ съ Австріей и Германіей, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности требовала, для успѣшности борьбы, *полной мобилизаціи* всѣхъ русскихъ вооруженныхъ силъ.

Наконецъ, мобилизація арміи не есть еще война и потому, если бы германское правительство пожелало проявить побольше хладнокровія, то оно могло бы отвѣтить на нашу общую мобилизацію не войной, а объявленіемъ у себя только общей же мобилизаціи. При такой обстановкѣ, скрестившіеся мечи могли бы еще опуститься...

Не вина, конечно, Россіи, если въ Германскомъ Генеральномъ Штабѣ не смогли отдѣлить акта войны отъ акта мобилизаціи. Подобное совмѣщеніе двухъ, казалось бы, совершенно отдѣльныхъ мѣропріятій, искусственно сокращавшихъ число мѣръ дипломатическаго воздѣйствія, было принято и въ Россіи, но года за два или три до войны мнѣ удалось убѣдить начальника Генеральнаго Штаба и Военнаго Министра въ несоотвѣтствіи такого совмѣщенія, такъ какъ мобилизація, являясь преддверіемъ войны, въ то же время можетъ имѣть самостоятельное значеніе, въ качествѣ послѣдняго передъ войной средства въ рукахъ дипломатіи, свидѣтельствующаго о готовности довести дѣло до войны, въ случаѣ упорства противной стороны.

Въ послѣднее время, въ Германіи, къ сожалѣнію, нѣкоторыми авторами вновь поднятъ злополучный и, на мой взглядъ, ненужный, вопросъ объ отвѣтственности за минувшую войну. Эти авторы, своими талантами, а иногда и писательскимъ мастерствомъ, рисуя событія іюльской недѣли 14-го года, овладѣваютъ читателемъ, рисуя ему картины, хотя исторически и не всегда вѣрныя, но отвѣчающія

его настроеніямъ и потому глубоко его волнующія. Общеизвѣстно, вѣдь, что «der Wunsch ist Vater des Gedanken».

По отношенію къ Россіи въ этихъ трудахъ, посвященныхъ затрагиваемому вопросу, неизмѣнно склоняется имя Великаго Князя Николая Николаевича, какъ горячаго и якобы активнаго сторонника доведенія іюльскаго конфликта 1914-го года до войны. Это явленіе обязываетъ меня твердо заявить, что приписываемое Великому Князю Николаю Николаевичу вліяніе на ходъ событій, приведшихъ къ войнѣ, положительно не вѣрно. Я уже не говорю о томъ, что никакой военной партіи, ни вообще, ни якобы возглавлявшейся Великимъ Княземъ въ Россіи не существовало. Вполнѣ возможно, и даже вѣроятно, что среди военныхъ сознавалась неизбѣжность въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ кроваваго столкновенія на западѣ изъ-за неразрѣшимыхъ, повидимому, мирнымъ путемъ проблемъ; еще вѣроятнѣе, что много горячихъ головъ въ арміи мечтали о подвигахъ и жертвенности, которую они проявятъ въ случаѣ войны, но совершенно категорически утверждаю, что всѣ эти лица не были объединены никакой партіей и не имѣли никакого вліянія на ходъ русской политики и развитіе германо-русскаго конфликта. Въ частности, по отношенію къ Великому Князю Николаю Николаевичу, мною уже были приведены (въ главѣ V-й) тѣ условія, которыя совершенно исключали для него возможность проявленія своего вліянія на внѣшнюю политику Россіи, вплоть до того дня, когда состоялось его назначеніе на постъ Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго. Перебирая вновь и вновь въ своей памяти минувшія событія, я могу добавить слѣдующія соображенія. Въ силу традицій самодержавнаго строя, веденіе внѣшней политики въ русскомъ государствѣ составляло одну изъ неотъемлемыхъ прерогативъ Царя. Положеніе это настолько глубоко внѣдрилось въ сознаніе Верховной власти, что въ 1917-мъ году, въ дни обсужденія вопроса объ отвѣтственномъ министерствѣ, Государь соглашался на дарованіе такого министерства, отвѣтственнаго передъ Думой, но лишь съ условіемъ непосредственнаго подчиненія себѣ Министровъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго и Морского, иначе говоря — оставляя такимъ образомъ попрежнему за собою руководство внѣшними дѣлами, равно какъ и вопросами войны и мира.

Я уже приводилъ фразу Императора Николая II-го, доказывающую до какой степени Русскій Государь дорожилъ этой прерогативой руководства внѣшними дѣлами, вмѣшательство въ которыя не могло бы остаться безъ рѣшительнаго отпора съ его стороны или въ лучшемъ случаѣ — отвѣтнаго молчанія. Къ тому же, мы знаемъ,

что Великій Князь Николай Николаевичъ, въ періодъ предшествующій войнѣ, значительно подорвалъ довѣріе къ себѣ со стороны Двора рѣшительной поддержкой проектовъ графа Витте, и это недовѣріе было тѣмъ сильнѣе, что его стали заподозривать въ стремленіи занять императорскій престолъ.

По описанію В. А. Сухомлинова, одного изъ личныхъ недруговъ Вел. Кн. Николая Николаевича, послѣдній, будучи приглашенъ участвовать въ извѣстномъ засѣданіи 25-го іюля, молчалъ и усиленно нервно курилъ. Нервность въ движеніяхъ была всегдашней спутницей Великаго Князя, но и самый вопросъ, подлежавшій обсужденію, естественно, долженъ былъ вызывать у всѣхъ возбужденное настроеніе. Что же касается дополнительнаго соображенія генерала Сухомлинова о томъ, что Великій Князь «настроилъ Государя уже заранѣе, безъ свидѣтелей», то оно, составляя лишь догадку писавшаго, вполнѣ голословно и не подкрѣплено никакими фактическими данными. При извѣстной враждебности генерала Сухомлинова къ Великому Князю Николаю Николаевичу, едва ли возможно придавать словамъ его много значенія. — В. А. Сухомлиновъ, не перестававшій сводить съ Великимъ Княземъ личные счеты и, въ силу своей извѣстной неискренности, едва ли затруднявшійся дискредитировать своего врага, тѣмъ не менѣе не могъ иначе изобразить поведеніе Великаго Князя, какъ словомъ: «Молчалъ!». Да, молчалъ! — Ибо Великій Князь на этомъ совѣщаніи, по своей должности Главнокомандующаго столичнымъ округомъ, являлся только въ качествѣ представителя русской арміи. *Послѣдняя же, какъ таковая, никогда въ Россіи не вмѣшивалась въ политику!* «Великая молчальница». «La grande muette!». — Она только дѣйствуетъ, но не разсуждаетъ! Такова была ея позиція въ старой Россіи. Даже самъ военный министръ генералъ Сухомлиновъ, членъ Совѣта Министровъ, разсуждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ: «Какъ военный министръ, противъ такого рѣшенія (частной мобилизаціи), бывшаго ходомъ на шахматной доскѣ большой политики, *я не имѣлъ права протестовать*, хотя бы этотъ шагъ и угрожалъ войной, *ибо политика меня не касалась*. Постолько же не моимъ дѣломъ, Военнаго Министра, было удерживать Государя отъ войны. Я былъ солдатъ и долженъ былъ повиноваться, разъ армія призывается для обороны отечества, а не вдаваться въ разсужденія»*).

---

*) Стр. 285, «Воспоминаній», В. Сухомлинова, (русское изданіе).

Такимъ образомъ, даже на уста военнаго министра была наложена, въ политическомъ смыслѣ, печать молчанія.

Великому Князю Николаю Николаевичу суждено было сыграть весьма крупную роль во внутреннихъ событіяхъ страны и во внѣшнихъ, во время войны. Что касается внѣшней политики до войны, то я уже отмѣчалъ, что Великій Князь никогда не былъ въ мирное время предназначаемъ на постъ Верховнаго Главнокомандующаго и потому онъ не имѣлъ- ни основаній, ни возможности вмѣшиваться въ политическія событія, руководство которыми очень ревниво оберегалось Государемъ Императоромъ. Лишь будучи, послѣ объявленія России Германіей войны, назначеннымъ на постъ Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, Великій Князь получилъ не только право, но и обязанность принимать участіе въ обсужденіи разнаго рода дипломатическихъ вопросовъ. Съ этой минуты и началось его вліяніе на дипломатію. Но только это случилось уже *послѣ* объявленія войны, когда въ его лицѣ, какъ Верховнаго Главнокомандующаго, были сосредоточены нѣкоторыя функціи, въ мирное время присущія только Верховной власти. — Такова истина.

Въ этой истинѣ вѣрно еще и то, что Великій Князь Николай Николаевичъ былъ большимъ сторонникомъ союза съ Франціей и въ глубинѣ души испытывалъ, подобно другимъ русскимъ людямъ, большую скорбь по поводу тѣхъ униженій, которыя должна была выносить его Родина, вслѣдствіе безцеремонной политики Австріи, широко пользовавшейся безсиліемъ Россіи со временъ русско-японской войны.

Если маршалу Фошу приписываются слова, когда то, якобы, имъ сказанныя о томъ, что во время войны интересы англійской арміи были ему столь же близки, какъ интересы родной французской арміи, то о Великомъ Князѣ будетъ еще справедливѣе сказать, что военные интересы Франціи и вообще союзниковъ Россіи, онъ трактовалъ столь же горячо, какъ и интересы ему ввѣренной Русской арміи. И это вполнѣ послѣдовательно, если принять во вниманіе, что Россія вела коалиціонную войну, въ которой главную цѣнность имѣетъ «общій» успѣхъ, а не успѣхъ отдѣльныхъ членовъ коалиціи.

— Утѣшеніемъ въ нашей тяжкой скорби по неудачѣ въ Восточной Пруссіи служитъ мысль о той пользѣ, которую наше наступленіе принесло вамъ, — сказалъ Великій Князь французскому представителю при Ставкѣ, генералу Лагишу, при выраженіи пос-

лѣднимъ соболѣзнованія французской арміи, по поводу понесенныхъ нами потерь.

Читатель, познакомившійся съ содержаніемъ главъ VII и VIII настоящей книги, самъ можетъ оцѣнить степень усилій русской стратегіи и жертвенности русскаго солдата на пользу общаго дѣла союзныхъ Державъ Согласія. Въ этой жертвенности, можетъ быть, таилась даже одна изъ причинъ преждевременнаго износа русской арміи.

Чтобы дать и здѣсь хотя бы общее представленіе о томъ напряженіи, которое выдерживала Россія въ первый періодъ войны, достаточно отмѣтить, что въ то время, какъ вначалѣ войны противъ Россіи, было выставлено нашими противниками — 50 пѣх. и 13 кав. дивизій, къ сентябрю 1915-го года силы эти возросли до 137 пѣх. и 24 кав. дивизій.

Таковы безспорныя цифры...

Съ вымышленной дѣятельностью Великаго Князя Николая Николаевича въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, нѣкоторые авторы связываютъ также имя бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Н. А. Маклакова*). Ему приписываютъ горячія рѣчи ультра-патріотическаго содержанія, которыми онъ 25-го іюля старался склонить членовъ уже названнаго совѣщанія на сторону войны, какъ единственнаго средства спасти страну отъ угрожающей революціи. Мнѣ никогда не приходилось слышать о подобномъ настроеніи русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, для котораго не могъ не быть убѣдительнымъ опытъ русско-японской войны и послѣдовавшая затѣмъ революція 1905-го года. Правда, война эта была неудачной, но кто могъ бы на себя взять смѣлость предвидѣть конечный результатъ столкновенія Россіи съ Германіей и Австро-Венгріей!

Но зато мнѣ хорошо извѣстенъ разсказъ генерала Добровольскаго, бывшаго начальника мобилизаціоннаго отдѣла Генеральнаго Штаба, о томъ настроеніи, въ которомъ онъ нашелъ Н. А. Маклакова, представляя ему, какъ полагалось по закону, на подпись проектъ телеграммы о мобилизаціи русской арміи.

Этотъ разсказъ былъ впослѣдствіи записанъ генераломъ До-

*) Въ книгѣ Emil Ludwig «Juli 14», Николай Алексѣевичъ Маклаковъ, повидимому смѣшанъ авторомъ съ его братомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Маклаковымъ, бывшимъ посломъ Временнаго Правительства въ Парижѣ и дѣятельнымъ членомъ партіи народной свободы, въ то время, какъ его братъ Н. А. Маклаковъ примыкалъ всегда къ правымъ группировкамъ.

броръльскимъ и напечатанъ въ одномъ изъ русскихъ военныхъ журналовъ*). Вотъ онъ:

«На Елагиномъ островѣ**) у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Маклакова въ кабинетѣ царила молитвенная обстановка. Какъ разъ противъ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ министръ, у противоположнаго простѣнка, на узкомъ столѣ, покрытомъ бѣлою пеленою, находилось нѣсколько большихъ образомъ, передъ которыми теплилась лампада и горѣло нѣсколько восковыхъ церковныхъ свѣчей. Онъ сейчасъ же говорилъ о революціонерахъ, которые, по его компетентнымъ свѣдѣніямъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ войны, чтобы докончить дѣло, начатое въ минувшую Японскую войну». — «Война у насъ, въ народныхъ глубинахъ, — сказалъ Н. А. Маклаковъ, — не можетъ быть популярной и идеи революціи народу понятнѣе, нежели побѣда надъ нѣмцемъ. Но отъ рока не уйти... и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, министръ подписалъ телеграмму»...

Похоже ли это настроеніе бывшаго русскаго Министра Внутреннихъ дѣлъ на то, которымъ долженъ бы быть полонъ сторонникъ войны, искавшій въ ней выходъ для страны изъ тяжелаго внутренняго положенія?!

— Какъ вы думаете, — обратился ко мнѣ въ первый же день объявленія намъ войны, нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, С. Д. Сазоновъ, — что сулитъ намъ надвигающаяся война?

— Борьба предстоитъ упорная, — отвѣчалъ я. — Результатъ же этой войны будетъ въ прямой зависимости отъ того, какова будетъ внутренняя обстановка въ странѣ. *Мы не должны забывать Японскую войну и 1905-й годъ!...*

Призракъ возможной революціи стоялъ передъ всѣми болѣе или менѣе отвѣтственными русскими людьми. Никто изъ насъ, сознательно глядѣвшихъ въ будущее своей Родины, *не могъ желать войны,* ибо Россіи нужны были для укрѣпленія своего разстроеннаго внутренняго положенія продолжительные годы мира и только мира!

Мнѣ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько дополнительныхъ словъ о Великомъ Князѣ какъ о вождѣ-воинѣ, которымъ онъ по существу и былъ до мозга костей. — Полученное имъ воспитаніе по

---

*) «Военный Сборникъ», 1921-го года.
**) Лѣтняя резиденція министра.

суровой школѣ Императора Николая I-го, научило его не только повиноваться, но и «повелѣвать»... Великій Князь умѣлъ создавать вокругъ себя атмосфеу «обаянія». Въ мирное время войска его боялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любили. Имъ импонировалъ его властный голосъ, его энергичная манера, его знанія и, наконецъ, живописная фигура. Съ острымъ орлинымъ взглядомъ въ глазахъ, сидя на шестивершковомъ огромномъ конѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ производилъ неописуемое впечатлѣніе какого-то таинственнаго изваянія. Чувствовалось, что по знаку его высоко поднятой шашки все, находившееся подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, слѣдившее за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ, готово было ринуться безъ оглядки въ огонь и въ воду. Уже тогда ходили про него различныя легенды и то, что могъ потребовать отъ войскъ лично онъ, было недоступно для другихъ. Вожди-воины вѣдь обладаютъ исключительной силой массоваго гипноза!

Въ военное время войска видѣли Великаго Князя мало: обязанности Верховнаго Главнокомандующаго не отпускали его надолго изъ Ставки. Но солдатское воображеніе требовало его присутствія среди войскъ. И вотъ создаются разсказы-легенды. Его рисуютъ народнымъ богатыремъ, всюду поспѣвавшимъ къ наиболѣе опаснымъ мѣстамъ на помощь, всюду пресѣкавшимъ зло и водворявшимъ порядокъ. — Одни его видѣли безстрашно обходившимъ окопы во время усиленнаго обстрѣливанія непріятельскимъ огнемъ, другіе видѣли его тонкую высокую фигуру, лично направляющимъ войсковыя цѣпи въ атаку и имъ дающимъ боевыя заданія; въ артиллеріи — ходили разсказы, какъ онъ самъ, въ своемъ поѣздѣ, доставлялъ на ближайшую станцію недостающіе боевые припасы; въ тылахъ — распространялись свѣдѣнія, какъ онъ строго выговаривалъ интенданту за недостатокъ столь желаннаго для русскаго солдатскаго желудка бѣлаго хлѣба; въ штабахъ — какъ онъ разносилъ начальниковъ за плохо составленную диспозицію; наконецъ, въ глубокомъ тылу — ходили разсказы, что на вопросъ Императора, наклонившагося надъ географической картой: «гдѣ противникъ?» онъ, якобы, отвѣчалъ:— «въ двухъ шагахъ позади», намекая своимъ отвѣтомъ на министра, стоявшаго за Императоромъ!... Чего-чего не разсказывалось только о Великомъ Князѣ! — Имя его было столь популярно, что даже въ дни революціи, когда онъ ѣхалъ изъ Тифлиса въ Ставку, надѣясь снова встать во главѣ русскихъ войскъ, его тріумфально чествовали едва ли не на каждой станціи. И, наконецъ, — въ дни изгнанія Великаго Князя — въ далекой, но родной Россіи, по словамъ совѣтскихъ газетъ, отъ времени до времени появлялись самозванцы, име-

новавшіе себя его именемъ и собиравшіе вокругъ себя толпы почитателей изъ его бывшихъ подчиненныхъ!

Его имя дорого каждому русскому воину, а таковыми въ памятные годы 1914-1917 г. г. была едва ли не вся Россія. Въ немъ эта Россія видитъ и почитаетъ великаго русскаго патріота и достойнаго носителя русской національной идеи!...

БИБЛІОГРАФІЯ.

Кромѣ личныхъ воспоминаній и сохранившихся письменныхъ документовъ, авторъ пользовался еще воспоминаніями другихъ лицъ, любезно подѣлившихся имѣвшимися у нихъ данными и документами, за что и приноситъ имъ глубокую благодарность.

Независимо того, необходимыя для составленія настоящей книги свѣдѣнія почерпнуты изъ слѣдующихъ печатныхъ источниковъ:

1) «Красный Архивъ», (Историческій журналъ), т.т. I.—XXXI.

2) А. А. Поливановъ: «Изъ дневниковъ», том. I. Москва, 1924.

3) В. Сухомлиновъ: «Воспоминанія», Берлинъ, 1924. Русск. Унив. Изд.

4) В. Сухомлиновъ: «Великій Князь Николай Николаевичъ».

5) Письма Императрицы.

6) А. Г. Емельяновъ: «Персидскій фронтъ», изд. «Гамаюнъ», Берлинъ, 1923.

7) Дневникъ А. Н. Куропаткина за 1902 и 1903 года.

8) «Константинополь и проливы», т.т. I и II, изд. Литизд. НКИД. Москва, 1925.

9) Графъ С. Ю. Витте: «Воспоминанія», Книгоизд. «Слово», Берлинъ, 1922.

10) Мих. Лемке: «250 дней въ Царской ставкѣ», Госизд., Петербургъ, 1920.

11) Mémoires du Général Broussilov (Libr. Hachette), Guerre 1914—1918, I.

12) М. Палеологъ. «Воспоминанія».

13) Дневникъ Великаго Князя Андрея Владимировича. Гос. Изд. Ленинградъ, 1925.

14) Николай II и Великіе Князья: (родственныя письма къ послѣднему царю), Гос. Изд. Ленинградъ, 1925.

15) С. Д. Сазоновъ: «Воспоминанія». Кн-во Г. Сіяльской, Парижъ, 1927.

16) Д. Н. Дубенскій: «Воспоминанія».

17) Разныя газетныя статьи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Вмѣсто предисловія . . . . 5.

Глава II. Молодость Великаго Князя Николая Николаевича 19.

1. Его семья. — 2. Великій Князь — участникъ войны 1877-78 г.г.

Глава III. Заслуги Великаго Князя въ дѣлѣ совершенствованія русской конницы . . . . 27.

1. Время службы Великаго Князя въ Л.-Гв. Гусарскомъ Его Величества полку. Командованіе полкомъ. — 2. Во главѣ 2-й Гвардейской кав. дивизіи. — 3. Новый Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи.

Глава IV. Великій Князь Николай Николаевичъ — Главнокомандующій войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. — Предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ Государственной Обороны . . 49.

1. Il faut aller au devant des événements et non les suivre (Napoléon). — 2. Предназначеніе Великаго Князя на случай войны съ Центральными Державами. — 3. Командованіе округомъ. — 4 Учрежденіе Совѣта Государственной Обороны. — 5. Командированіе Великаго Князя Николая Николаевича за границу. — 6. Частная жизнь Великаго Князя въ этотъ періодъ времени.

Глава V. Въ ожиданіи войны . . . . 78.

1. Степень вліянія Великаго Князя на внѣшнюю политику Россіи наканунѣ войны. — 2. Отношенія Россіи съ Франціей и Англіей. — 3. Была ли Россія готова къ войнѣ. — 4. Цѣли войны.

Рлава VI. Назначеніе Великаго Князя на постъ Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго . . . . . . 100.

1. Два кандидата. — 2. Мои до-военныя отношенія къ Великому Князю. — 3. Ставка и ея жизнь. — 4. Трудныя условія работы русской стратегіи.

Глава VII. Первые мѣсяцы . . . . 125.

1. Наступленіе въ Восточную Пруссію. Вліяніе этого наступленія на положеніе на западномъ фронтѣ. — 2. Подарокъ союзникамъ нашихъ моряковъ. — 3. Вторженіе русскихъ армій въ Галичину. — 4. Русская армія на Вислѣ въ октябрѣ 1914-го года. — 5. Ипръ и Лодзь.

Глава VIII. 1915-й годъ на фронтѣ . . . . 157.

1. Положеніе русскихъ армій на западномъ фронтѣ и выработка новаго плана ихъ дѣйствій. — 2. Миражи генерала Людендорфа. — 3. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Николаемъ II Галичины. — 4. Германскій контръманевръ. — 5. Черезъ Нѣманъ къ Вильнѣ и Свѣнцянамъ.

Глава IX. **Нѣкоторыя характерныя черты и событія изъ жизни фронта и тыла . . . . 196.**

1. Отношенія между Ставкой и Правительствомъ. — 2. Шпіономанія. — 3. 27 іюня 1915-го года въ Ставкѣ.

Глава X. **Отношенія Великаго Князя Николая Николаевича, какъ Верховнаго Главнокомандующаго, къ различнымъ вопросамъ военно-дипломатическаго характера . . . . 211.**

1. Польскій вопросъ и взглядъ Великаго Князя Николая Николаевича на управленіе завоеванной Галичиной. — 2. Турція и вопросъ о проливахъ. — 3. Взаимоотношенія Сербіи и Болгаріи. Черногорія. — 4. Вопросъ о привлеченіи Румыніи къ Державамъ Согласія. — 5. Военная конвенція съ Италіей. — 6. Содѣйствіе Японіи и отношенія Россіи съ Китаемъ.

Глава XI. **Оставленіе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ поста Верховнаго Главнокомандующаго и его дѣятельность на Кавказѣ . . . 262.**

1. Зарожденіе мысли о смѣнѣ перваго Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго. — 2. Впечатлѣніе въ Ставкѣ, въ обществѣ и заграницей отъ происшедшей перемѣны. — 3. Царь въ Ставкѣ. — 4. Великій Князь на Кавказѣ.

Глава XII **Кризисъ власти и отреченіе Императора Николая II-го отъ Престола. Вторичное назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича на постъ Верховнаго Главнокомандующаго . 291.**

1. Характеристика русской арміи во вторую половину кампаніи. — 2. Разложеніе арміи. — 3. Оскудѣніе русской земли. — 4. Общее недовольство въ странѣ. — 5. Начало грозныхъ событій. — 6. Распоряженія Императорской Ставки. — 7. Наканунѣ отреченія Императора Николая II-го отъ Престола. — 8 Историческія минуты отреченія. Назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича вновь Верховнымъ Главнокомандующимъ Русской Арміей. — 9. Послѣдніе дни пребыванія отрекшагося Императора въ Ставкѣ.

Глава XIII. **Пребываніе Великаго Князя Николая Николаевича на Кавказѣ въ періодъ революціи. Отъѣздъ изъ Тифлиса и прибытіе въ Ставку. 314.**

1. Обращеніе къ Великому Князю Николаю Николаевичу отъ имени земскихъ и городскихъ дѣятелей. — 2. Отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича. — 3. Верховное командованіе арміями въ первые дни революціи. — 4. Прибытіе Великаго Князя въ Ставку.

Глава XIV. **Жизнь Великаго Князя въ Крыму и пребываніе за рубежомъ 330**

1. Дюльберъ и переѣздъ за границу. — 2. Пребываніе Великаго Князя во Франціи и его кончина.

Глава XV. **Послѣсловіе . . . . 352.**

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный Магазинъ „ВОЗРОЖДЕНІЕ"

2, rue de Sèze, Paris